

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1 9 4 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · Ленинград

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора доцент М. Г. Левин,
член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов,
Н. А. Кисляков, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
Н. Н. Степанов

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, к. 326

Подписано к печати 14 V. 1949 г.	Печ. листов 15+2 вклейки	Заказ 2162.
А04094	Уч.-изд. л. 26,6	Тираж 2200 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

БЕССМЕРТНЫЙ ЭПОС КАРЕЛО-ФИНСКОГО НАРОДА

(К столетию «Калевалы»)

«О Сампо, о счастье веками мечтал карело-финский народ. Об этих мечтах немало сложено былин, песен, сказаний. Вдохновленные этими мечтами, наши предки сложили руны «Калевалы», которыми и поныне гордится карело-финский народ.

Не мало было протестов и восстаний, не мало лучших людей карело-финского народа сложило свои головы в борьбе за свободную, равноправную жизнь. Но все эти восстания и протесты жестоко подавлялись царским самодержавием. И только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела наш народ, как и все народы бывшей царской России, на путь свободного развития, на путь счастливой и радостной жизни».

Так писал карело-финский народ, обращаясь к товарищу Сталину и товарищу Молотову в связи с преобразованием Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику.

Карело-финский эпос «Калевала» — одно из лучших созданий народного творчества.

В 1949 г. исполнилось 100 лет со времени выхода в свет первого издания «Калевалы»¹, и вся советская общественность, отмечая эту дату, с благодарностью вспоминает имя Элиаса Леннрота (1802—1884), собравшего руны «Калевалы», составившего из них свод и издавшего эту подлинно народную эпическую поэму. Леннрот, родившийся в бедной деревенской семье, скромный сельский лекарь и в то же время выдающийся филолог, любил свой народ и ценил его творчество. Бродя по Карелии в 1828—1834 гг., Леннрот преимущественно в нынешнем районе Калевалы Карело-Финской ССР записал огромное число рун и песен, каждая из которых имела самостоятельный интерес, а все вместе представляли собой единое повествование о борьбе карело-финского народа с враждебными силами за свое счастье, богатство, благополучие.

«Калевала» — это народная повесть о людях труда, создающих величайшие ценности земли. Трудовому народу Калевалы противостоит царство Похьолы, где властвует ненавидящая калевальцев ведьма Лоухи, злоеющая ведьма, стремящаяся овладеть сокровищами мира. С ней борется герой Калевалы — Вяйнямейнен, мудрый, вещий руководитель калевальцев; игрой на кантеле, своими песнями и силой своего слова он подчинял природу, зверей, птиц, умирал даже силы, подвластные Лоухи. С ним дивный кузнец Ильмаринен, выковавший много чудесных предметов и самый замечательный из них — мельницу Сампо, от которой получают все материальные блага, ту Сампо, что

...с рассветом мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — на пирушки.

С ним — Леминкяйнен, молодой и красивый воин, искусно владеющий мечом, мастер охоты, иногда хвастливый, иногда легкомысленный и любвеобильный, но отважный, ненавидящий врага из страны Похьолы.

¹ Неполное издание эпоса, заключавшее 32 руны (12 078 стихов), вышло в 1835 г. В 1849 г. вышло новое издание, состоящее из 50 рун (22 795 стихов).

Калевальцы Вяйнямейнен, Ильмаринен, Леминкяйнен борются за счастье своего народа.

Мельница Сампо, выкованная Ильмариненом, во власти Лоухи. Ведьма спрятала ее в каменной пещере, таит ее от всех. Герои Калевалы должны добыть Сампо, вернуть ее своему народу. Вяйнямейнен, Ильмаринен, Леминкяйнен похищают Сампо и на корабле везут в свою страну. На море их настигает Лоухи; разгорается опасный бой. Во время боя Сампо падает из лодки в море и разбивается на куски. Гибнет чудесная мельница, которую вторично не может выковать даже Ильмаринен. Море выносит к берегам земли Калевалы часть кусков Сампо. Мудрый Вяйнямейнен подбирает их, так как знает, что даже части Сампо принесут благополучие народу. Лоухи в злобе и зависти посылает болезни в жилища калевальцев, но Вяйнямейнен исцеляет больных. Лоухи натравливает медведя на скот калевальцев, но Вяйнямейнен копьем, выкованным Ильмариненом, убивает медведя. Лоухи крадет солнце и месяц, погружая калевальцев во тьму и холод, но герои Калевалы добиваются их освобождения. И вновь солнце светит над страной Калевалы, победившей мрак Похьолы.

Борьба за Сампо — главная тема эпоса. Помимо нее, в «Калевале» рассказано об истории сватовства Вяйнямейнена и Ильмаринена. Значительный интерес представляют руны о женитьбе Леминкяйнена. Особую группу составляют руны, излагающие историю сына Калервы — Куллерво, раба, в сердце которого зажглась неугасимая ненависть к своему хозяину — Унтамо. Куллерво мстит ему за унижения и горькие обиды. Образ Куллерво — образ раба, справедливо мстящего своим бывшим хозяевам, но в силу своего одиночества остающегося вне общества.

Богатство идейного содержания «Калевалы» обусловило жизненность карело-финского эпоса, сохраненного и исполняемого и в наши дни народными певцами. Сказители Карело-Финской ССР, среди которых выделяются Т. Перттунен из славного рода Архипа Перттунена (от него записал Э. Леннрот 60 рун), Е. Хямляйнен, М. Михеева, А. Киброева, П. Иванова, слагают новые эпические песни, отражающие нашу советскую действительность, и наряду с ними поют традиционные руны «Калевалы». В образе Сампо выразилась мечта предков карельского народа о завоевании науки и техники, о будущем знании, принадлежащем трудовому народу. Сампо и создается и добывается для трудового народа и во имя его героями, воплотившими множество социально-полезных качеств, героями, чья жизнь проходит не в походах для хищнического захвата и разграбления чужих земель, как утверждали многие буржуазные ученые, а в созидательном труде.

Охота и рыболовство, скотоводство и земледелие подробно описаны «Калевалой». Все процессы труда раскрыты детально. С любовью певцы рун — сами рыболовы, охотники и земледельцы — рассказывали, как Вяйнямейнен берет удочку, осматривает леску, закидывает в воду крючок, как он вылавливает рыбу (см. руну V), как ловят калевальцы рыбу неводом (руна XLVIII), как Ляминкяйнен идет охотиться на лося и т. д. Это Вяйнямейнен обрабатывает землю и сеет ячмень; он — землепашец, охотник, рыболов, человек, создающий музыкальный инструмент — кантеле — из белобокой березы, чье счастье в службе человеку. Березе, выбранной для кантеле, Вяйнямейнен говорит:

Скоро будешь восторгаться
И от радости заплачешь.

Леминкяйнен трудится, как и Вяйнямейнен. Так, на острове дев он ищет места,

Где б леса я повалить мог,
Приготовить землю к пашне.

С Вайнямейненом об руку идет Ильмаринен — кузнец, кующий дивные предметы, а среди них — плуг.

У него сошник из золота,
Стержень плуга был из меди
И серебряная ручка.

Жизнь героев «Калевалы» — жизнь в труде, еще не совершенном, примитивном, но уже дающем радость. Радость урожая, возвращенного человеком, звучит в словах:

Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле.

«Калевала» — эпос, запечатлевший черты разных эпох истории человеческого общества. В нем сохранены пережитки даже матриархальных отношений, но наиболее ярко выступают те черты, которые определяют «Калевалу» в основном как эпос первобытно-общинного родового общества на позднем его этапе. Об этом свидетельствует описанная в «Калевале» плавка железной руды, темаковки металлов, которой так много места отведено в рунах, изображение сельскохозяйственного орудия с железным лемехом, описание подсечной системы земледелия и многое другое. Читая «Калевалу», невольно вспоминается указание Ф. Энгельса на то, что средняя ступень варварства характеризуется в числе прочих признаков изобретением ткацкого станка, плавкой металлических руд и обработкой металлов и, что особенно важно, началом разведения зерновых хлебов. «Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора... Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств»². Соответствует этому периоду и запечатленная «Калевалой» форма социального строя и характер моногамной семьи, возникающей из парной семьи между средней и высшей ступенью варварства, и самая система мировоззрения, так поэтически выраженного в древних рунах карело-финского эпоса. Это мировоззрение носит отпечаток стихийного материализма, присущего трудовому народу и обусловленного его реальной борьбой с окружающей действительностью, его созидательной деятельностью. Реальный мир, художественно изображенный в «Калевале», овеян не мистически религиозным состоянием мышления, как полагали Е. Кагаров и ряд других исследователей, утверждавших, что «Калевала» — поэзия заговоров и заклинаний, а тем взглядом в далекое будущее и мечтой о грядущем, которые характерны для подлинного народного творчества. На это свойство фольклора неоднократно указывал А. М. Горький. Так, например, в статье «О темах» он писал: «Безоружная фантазия древних людей предвидела возможность для человека летать в воздухе, жить под водой, безгранично усиливать движение на земле, превращать материю и т. п.». Встречающиеся в рунах «Калевалы» элементы религиозного осмысления и истолкования действительности не являются особенностями, определяющими ее характер. Несомненно был прав О. Куусинен, писавший: «Руны «Калевалы» нужно уметь читать так, как читаешь произведения древней поэзии, в которой соответствующие первобытному мышлению и фантазии поэтические образы зачастую лишь скрыто, косвенно выражают основную идею и дух поэмы. Когда, например, в 41-й руне рассказывается, что музыка Вайнямейнена очаровала даже лесных зверей и птиц, мы воспринимаем это как художественный образ, передающий прелесть и силу воздействия музыки».

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1947, стр. 183.

Вера первобытного человека в силу слова сама по себе не являлась каким-то религиозным суеверием. У древних карелов она проявлялась в первую очередь как вера в силу поэтического слова. Это создало благоприятную почву для богатого развития эпического песнопения»³.

Эпос карело-финского народа, сохранный преимущественно в Карелии (в западной Финляндии рун «Калевалы» не найдено), — свидетельство его творческих возможностей. Национальные черты делают «Калевалу» неповторимым созданием народа, рассказывающего о своей жизни и быте, о своих надеждах и стремлениях. И как нелепы, как реакционны попытки уничтожить национальную специфику «Калевалы» бессмысленными, бессмысленными сравнениями и сопоставлениями рун с античным и феодальным европейским эпосом! В погоне за «сюжетными схемами», за «бродячими мотивами и образами» исследователи вынимали из «Калевалы» живое сердце карело-финского народа и представляли героев, воспетых рунами, то двойниками, то перелицовками Зигфрида, Бальдера, Тора, Орфея и многих других — вплоть до древнеегипетского Осириса. Эпос лишали его родины, ставили вне конкретной истории народа. Фактически ученые-космополиты в своих теориях приходили к отрицанию возможностей творчества карело-финского народа. Эти космополитические теориейки в конечном счете сливались с антинаучными теориями финских националистов, также боровшихся с очевидным для всех здравомыслящих людей фактом создания «Калевалы» на территории Карело-Финской ССР. Реакционные концепции многих буржуазных ученых, вопреки фактам, указывали на западную Финляндию как на родину «Калевалы». Эти «ученые» искали корни имен героев «Калевалы» в скандинавских языках, блуждали по Швеции и Германии в поисках исторических обоснований событий, описанных карело-финским эпосом. Космополиты и националисты объединялись, искажая «Калевалу» и отрицая ее национальное своеобразие. Советская наука разоблачает клеветнические утверждения буржуазных ученых. Она глубоким анализом этого замечательного эпоса доказывает принадлежность его карело-финскому народу, его историческую обусловленность, его идейную значимость. Прошедшие в столице Республики — Петрозаводске — юбилейные торжества 1949 г. открыли новую страницу в истории изучения «Калевалы». Работами советских фольклористов, этнографов, лингвистов, историков, литературоведов раскрывается истинная сущность карело-финского эпоса, воспевающего труд и борьбу с многочисленными врагами и враждебными силами.

Советский народ отмечает столетний юбилей «Калевалы». Оптимистический, полный веры в прекрасное будущее эпос, созданный карело-финнами, дорог нам как одно из совершенных произведений нашего отечественного искусства, народного искусства, пышно расцветшего в Советском Союзе, где вековая мечта о Сампо стала реальной действительностью. О том, что это именно так, карело-финский народ говорит всему миру устами певцов своих рун. В новых эпических песнях новой, создаваемой о жизни СССР эпопеи народ поет:

Вышло солнце из-под тучи,
И из тьмы поднялся месяц,
Новая явилась Сампо..
Шли на юг об этом вести,
Донеслись они на север,
Что родилась снова Сампо,
Что пришло к народам счастье!

³ О. Куусинен, Бессмертный народный эпос, «Правда» от 20 февраля 1949 г., № 51 (11158), стр. 3.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. И. ПОТЕХИН

ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ЭТНОГРАФИИ

Идея космополитизма — отрицание роли национального момента в истории человеческого общества — не новая идея. Как и национализм, она возникла вместе с зарождением наций и национального самосознания. Как и национализм, она является идеей буржуазной. Для буржуазного мировоззрения характерны как противопоставление своей нации другим нациям, признание превосходства своей нации над другими нациями, так и готовность жертвовать своими национальными интересами ради интересов денежного мешка. Душа капиталиста там, где вложены его капиталы, где они приносят наибольшую прибыль. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали, что свободная конкуренция и мировая торговля породили «лицемерный буржуазный космополитизм».

Сейчас идея космополитизма превратилась в острое идеологическое оружие американского экспансионизма. Монополистический капитал США стремится к мировому господству. «Доктрина Трумэна» — это программа создания мировой американской империи, поглощающей не только колониальные страны, но и суверенные государства. Поэтому идеологи американского империализма занялись «теоретическими» изысканиями в области национального вопроса, имея целью доказать, что национальный суверенитет утратил в наше время свое бывшее значение, что борьба за национальную независимость является в наши дни вредным пережитком, что двадцатый век — это век космополитизма, не совместимого с существованием национальных, государственных границ. Космополитизм это — оружие «холодной» войны, призванное разрушить в народах чувство национального достоинства, облегчить американским агрессорам порабощение народов.

«Одним из направлений идеологической «кампании», соответствующей планам порабощения Европы, — говорил А. А. Жданов на информационном совещании некоторых компартий в сентябре 1947 г., — является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идеи «всемирного правительства».

Борьба против космополитизма приобрела сейчас поэтому большое политическое значение. Она охватывает все участки идеологического фронта и, в частности, этнографию. В реакционный идеологический поход против национального суверенитета включилась не только американская социология, но и американская этнография. Не будет преувеличением сказать, что идея космополитизма стала знаменем руководящих органов американской этнографии.

Космополитизм и этнографическая наука, пока она остается действительно наукой, не только не совместимы, но прямо и принципиально противоположны.

Объектом этнографического исследования является народ в историческом процессе его становления, развития. Задача этнографического исследования состоит в том, чтобы выяснить, установить, описать этническую, национальную специфику, то, что отличает одну нацию, этническую группу от другой, а также и то, что есть общего между ними, т. е. не только то, что их разъединяет, но и то, что их объединяет. «Советские люди считают,— говорил И. В. Сталин на приеме Финляндской правительственной делегации 7 апреля 1948 г.,— что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»¹. Вот эти качественные особенности каждой нации, их национальная специфика и являются объектом этнографической науки.

Национальная специфика имеет глубокие исторические корни. Процесс формирования нации представляет собою сложный процесс слияния, переработки культур разных племен и народов, отмирание одних, старых элементов и появление других, новых элементов; каждая национальная культура в процессе своего становления, развития испытывает посторонние влияния. История человечества — это, исключая все другие стороны процесса, история многочисленных, сложных трансформаций одних этнических общностей в другие, мелких и менее сложных — в более крупные и более сложные. Первобытное стадо, племя, народность и национальность — все это последовательные ступени развития, которые в период перехода от феодализма к капитализму завершаются формированием нации. Проследить историю становления современных наций, выяснить этнические элементы, из которых они складывались, — одна из важнейших задач этнографии. Чем дальше в глубь веков, тем шире задачи этнографии, так как многие исторические науки останавливаются на границе появления письменности. Первобытное общество входит в сферу интересов этнографии целиком, всеми своими сторонами. Но и здесь она изучает не общество вообще, не первобытную культуру вообще, а строго определенные этнические общности, племена или группы родственных племен и только на этом конкретном материале строит свои обобщения, формулирует закономерности, характерные для первобытного общества в целом.

Народ, его национальная или этническая специфика — альфа и омега этнографической науки, ее отправной момент и ее завершение. Космополитизм же означает отрицание национальной специфики, пренебрежение национальными особенностями народов. И несмотря на все это, реакционные идеи космополитизма получили широкое распространение в современной буржуазной этнографии, особенно в американской. Проникновение космополитизма в этнографию — не случайная ошибка той или иной школы, а результат, показатель перерождения буржуазной этнографической науки в абстрактную социологию. Это перерождение имеет совершенно определенные классовые и теоретические корни.

I

Этнография, как и всякая другая наука, была вызвана к жизни практическими нуждами развития человеческого общества. Одним из самых ранних источников этнографии являлась потребность в изучении

¹ «Правда» от 8 апреля 1948 г.

соседних и других народов, с которыми данный народ находился в сношениях. Экономические и политические связи, нужды обороны и агрессии требовали изучения других народов. Этнография как народоведение, как простое описание народов появилась очень давно; известны этнографические описания Геродота, Тацита и других исследователей древних веков. Эпоха великих географических открытий и начало колониальной политики капитализма дали мощный толчок собиранию этнографических материалов о народах, разбросанных по всему земному шару.

С тех пор, и особенно в эпоху империализма, этнография прямо и непосредственно служит интересам колониальной политики империализма. Этнографические учреждения работают в тесном контакте с министерствами колоний и по их заданиям. В аппарате английской колониальной администрации работают виднейшие этнографы (Мик, Тальбот, Рэтрей, Притчард, Кальвик и др.). Английские этнографы занимаются теоретической разработкой проблем колониального управления. В одном из номеров руководящего органа английской этнографии «*Man*» за 1944 г. была напечатана статья видного представителя английской колониальной политики лорда Хэйли под характерным заголовком: «Роль этнографии в колониальном управлении».

Показательно в этом отношении изменение сферы интересов американской этнографии. До второй мировой войны американская этнография занималась преимущественно народами американского континента. Во время, и особенно после второй мировой войны, когда американский империализм выступил с «доктриной Трумэна», американская этнография стала проявлять повышенный интерес не только к Микронезии, но к Индонезии, Индии и Африке. В 1941 г. было основано «Общество прикладной этнографии». В руководящем органе американской этнографии «*American Anthropologist*» (1946, № 2, стр. 195) было сделано замечательное признание: «многие этнографы оставили свои библиотеки, лаборатории и классные комнаты для правительственной службы». Международный конгресс антропологических и этнографических наук, состоявшийся в 1946 г. в Оксфорде, образовал специальный комитет для разработки практического «применения антропологических знаний в административных и общественных целях».

Другим источником этнографической науки являются исследования, связанные с формированием национального самосознания. «Изучение народа и народности с целью научным образом постичь характер и жизнь народа, как основу национальности и государства», — так определял задачи этнографии историк русской этнографии, идеалист по своему мировоззрению, А. Пыпин. Общественное сознание отстает от изменения общественного бытия. Так и национальное самосознание пришло значительно позже формирования основных наций Европы; оно выковывается в горниле национальных движений, которые появляются в Европе лишь с началом XIX в. и в которых национальный вопрос впервые в многовековой истории человечества стал знаменем борьбы широких народных масс.

К этому времени относятся и первые попытки создать учение о нации; в разработке этого учения принимают участие историки, философы, юристы и этнографы. Особое внимание привлекает к себе этногенез отдельных европейских народов: каждая нация, втиснутая решениями Венского конгресса в прокрустово ложе легитимизма, ищет историческое обоснование своих прав на создание своего независимого государства. Народы, которые оказались политически разобщенными, ищут теоретического обоснования своей борьбы за объединение, за создание целостных национальных государств. Вопрос об этнических, национальных особенностях народов оказывается в центре научной, теоретической мысли. В это время и рождается этнография как наука, а также фоль-

хлористика как ее особая, соподчиненная часть. Новые идеи и теории появляются тогда, когда общество в них нуждается.

Интерес к этнографическим исследованиям вызывался помимо всего прочего общим развитием науки об обществе. Этнография с ее специфическим методом исследования должна была распознать те «белые пятна» истории человечества, перед которыми останавливались в беспомощности историки, должна была дать социологии фактический материал, без которого нельзя было понять общие закономерности развития общества. Но именно указанные выше потребности развития общества, его практические интересы в первую очередь вызвали к жизни этнографическую науку и определили ее характер.

Разными путями развивалась этнографическая наука разных стран. В таких странах, как Англия или Франция, которые «не знали, вообще говоря, национального гнета»², но перед которыми очень рано встала задача изучения поработанных ими колониальных народов, этнографическое изучение своего народа никогда не стояло в центре внимания этнографии, главная масса сил и средств всегда отдавалась изучению колониальных народов. Германская этнография формировалась в период борьбы за национальное объединение германского народа; обосновать национальную общность, вскрыть глубокие исторические корни этой общности — такова была задача, вызвавшая к жизни германскую этнографию и, в частности, фольклористику с ее мифологической школой. Но, когда Германия вышла на путь колониальных захватов, вышла как крайне агрессивная империалистическая держава, интересы этнографического изучения родного народа отошли на второй план и широко развернулось изучение колониальных народов.

Русская этнография как наука сложилась в середине XIX в. Это был период крутого подъема русской общественной мысли, период деятельности великих революционных демократов, период идейной революции, когда формировались и развивались демократические революционные идеи, когда материализм и революционная диалектика вытесняли гегельянство и шеллингизм. Это был вместе с тем период формирования русского национального самосознания. Передовые представители русского народа, и прежде всего В. Белинский, подняли знамя борьбы против низкопоклонства перед Европой, против реакционного тезиса о вторичности русской культуры. Н. Надеждин, примыкавший тогда еще к прогрессивному лагерю и возглавлявший этнографическое отделение Русского географического общества, — основной в то время этнографический центр России, писал:

«Нам надо выучиться уважать себя, дорожить своей народной личностью... хотя не с таким смешным хвастовством, как француз, не с такой чванной спесью, как англичанин, не с таким глупым самодовольством, как немец. Обольстительная идея космополитизма не существует в нынешней Европе: там всякий народ хочет быть собою, живет своей самобытной жизнью... И никто из них не стыдится себя, не гнушается собою; напротив, все убеждены твердо и непоколебимо, что лучше чужие, выше их, умней и просвещенней нет на свете... Отчего же мы русские боимся быть русскими». В эти же годы В. Белинский громял «безродных космополитов» и призывал «перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское».

Этнография и фольклористика подчиняются задаче формирования русского национального самосознания. «Нам сказки важны всего более, как материал для характеристики народа», — писал Н. Добролюбов. Этнографическое изучение русского народа выдвигается на первый план. «Главным предметом внимания должно быть то, что именно делает Россию Россией; т. е. человек русский», — говорил Н. Надеждин

² И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 16.

в своем программном докладе «Об этнографическом изучении народности русской» (1848). Русская этнография не могла пройти мимо этнографического изучения и нерусских народов, населявших Российскую империю. Не отказывались русские этнографы от изучения и других народов, живших за пределами России; в частности, этнография славянских народов всегда пользовалась заслуженным вниманием русских этнографов. Но русский народ всегда стоял в центре внимания русской этнографической науки.

Разными путями шла этнографическая наука, но при всем этом разнообразии путей она всегда и всюду была связана с развитием национального вопроса. Эксплуататорские классы господствующих наций всегда использовали этнографические исследования и материалы для пропаганды великодержавного шовинизма, для обоснования своего господства над угнетенными народами или для обоснования своих претензий на чужие территории. Угнетенным нациям этнография дает материал для обоснования своих требований на выделение, образование независимого национального государства; эксплуататорские классы используют этнографию для пропаганды местного национализма и т. д. Этнография играет крупную роль во всех случаях межнациональных отношений; господствующие классы всегда ставят перед этнографией определенные задачи, связанные с национальным вопросом. Развитие этнографии находится поэтому в непосредственной связи с развитием национального вопроса.

В развитии буржуазного национализма, если иметь в виду господствующие нации Европы и Америки, можно наметить два периода. Весь XIX в. и первые десятилетия XX в. буржуазия господствующих наций открыто проповедывала свой воинствующий национализм, отстаивала идею суверенности своих государств. Но теперь, в наши дни, когда кризис колониальной системы потрясает стены империй, когда идея национальной независимости стала знаменем борьбы колониальных народов против империализма, буржуазия свертывает свои национальные знамена. Теперь, когда лагерю империализма противостоит антиимпериалистический и демократический лагерь, когда реакция старается объединить все свои силы, чтобы сохранить отживший свой век порядок, буржуазия прячет свой национализм и поднимает знамя фальшивого космополитизма. А. А. Жданов говорил, что теперь рабочий класс, его коммунистические партии «должны взять в свои руки знамя защиты национальной независимости и суверенитета своих стран».

Для буржуазии и ее ученых лакеев теперь модным стало противопоставлять XIX век как век национализма XX веку как веку «интернационализма». Появилась огромная литература, многочисленные толстые «научные труды», имеющие целью ниспровергнуть идею национального суверенитета и утвердить идею космополитизма.

Тридцать пять лет назад И. В. Сталин в своей классической работе «Марксизм и национальный вопрос» дал исчерпывающее, строго научное определение понятия «нация». «Нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры», — писал И. В. Сталин. Это определение вошло ценнейшим вкладом в науку об обществе, оно с честью выдержало суровую жизненную проверку. Исключительный по своему богатству опыт национального строительства в СССР, становление и расцвет новых наций, национальные движения в колониальных и зависимых странах, борьба за национальную независимость европейских народов в годы второй мировой войны, разрешение национального вопроса в странах народной демократии блестяще подтвердили истинность, строгую научность этого определения.

Но какое дело «теоретикам» империалистической буржуазии до

науки! Они продолжают сочинять свои определения, которые с наукой ничего общего не имеют, но зато отвечают классовым интересам империалистов. Датский лингвист Есперсон в вышедшей в 1946 г. в Лондоне книге «*Mankind, Nation and Individual*» продолжает утверждать, что «никогда еще не было установлено, что следует понимать под нацией». Чтобы подорвать идею национальной суверенности, он предлагает устранить из рассмотрения нации все политические, военные и эмоциональные стороны, вынуть из понятия нации ее живую душу, а затем отбросить ее как ненужную ветошь.

В 1945 г. в Нью-Йорке вышла объемистая книга Н. Кohn «*The idea of nationalism*». Кон стремится доказать, что нация — это «пережиток эпохи варварства и дикости»; вопреки историческим фактам он утверждает, что идея и форма национализма были развиты еще у древних евреев и греков. Он считает, что нация не имеет никаких постоянных, обязательных признаков, что это понятие не предполагает никаких объективных факторов. Нация — это чистая идея, а «национальность» формируется решением создать национальность». Люди вольны как создать нацию, так и распустить ее. «Если даже национальность возникла, она может снова исчезнуть, быть поглощенной более широкой или новой национальностью. Национальности являются продуктом живых сил истории, а потому они всегда непостоянны, текучи» (стр. 13).

Разделавшись таким образом с понятием нации, объявив нацию бессодержательной идеей, Кон объявляет ее дальше устаревшей идеей. «Индивидуальная свобода должна быть сегодня организована на сверхнациональной», т. е. космополитической основе. Он предлагает разорвать связь нации и государственности, «деполитизировать национальность» и рассматривать нацию как «личное, волнующее чувство» вне связи с какой-либо политической организацией. Борьбу за национальную независимость он называет не иначе, как «провинциальный тоталитаризм».

Коллеги Кона по служению американскому империализму дополняют его своими «изысканиями». Альфред Коббан в книге «*National selfdetermination*» (Лондон, 1945) предлагает отбросить национальный суверенитет, так как он оказывается «непримиримым с разрешением основных проблем современного мира», так как «экономические и военные условия диктуют создание широких политических группировок». Ему вторит профессор Чикагского университета Л. Вирт, утверждающий, что «широкий регионализм, континентализм и универсализм диктуют новую концепцию ограниченной национальной суверенности». Католический «теоретик» дон Луиджи Стурцо в книге «*Nationalism and Internationalism*» (Нью-Йорк, 1946) предлагает заменить национальное сознание космополитическим сознанием, что, по его мнению, является необходимой предпосылкой создания «сверхгосударства» с мировым парламентом и мировым правительством. Подтверждая народную пословицу — куда конь с копытом, туда и рак с клешней, — правые социалисты Европы, продавая и предавая национальные интересы своих народов, подпевают этому, космополитическому хору. Австромарксист Оскар Поллак заявляет, что «время малых национальных государств миновало». Бельгийский социалист Спаак объявляет национальный суверенитет старой, вышедшей из моды реакционной идеей.

Целая орава псевдоученых, торгующих наукой, людей без совести и чести, мутят воду, чтобы облегчить англосаксонским империалистам ловить в ней рыбу. Должна быть единая «мировая» нация, и этой «мировой» нацией должна быть американская нация, или она должна быть создана на основе, по образу и подобию американской нации. Американская нация объявляется «высшей», «образцовой» нацией и противопоставляется другим нациям как «низшим».

Тот же Кон пишет, что есть бесцветные народы, как и бесцветные

личности, тогда как «в других личностях и народах некоторые общечеловеческие черты получают особое развитие» и они «накладывают свой отпечаток на другие народы». Кон объявляет американскую нацию универсальной. «Американская нация,— пишет он,— не была обусловлена «естественными» факторами крови и почвы, а также общей памятью долгой истории. Она была сформирована универсальной идеей... и поскольку идея была универсальна, каждый может быть включен, а если он пожелает, то и ассимилирован...» Каждый может стать американцем и даже больше того — каждый должен стать американцем, так как будущее принадлежит «американскому духу», так как человек «американского типа» является прообразом будущего «высшего существа».

Сначала превращают нацию в бессодержательную идею и объявляют ее пережитком варварства, затем призывают к национальному нигилизму и отказу от национального суверенитета, а потом объявляют американскую нацию универсальной, образцовой и призывают всех стать американцами. Так под флагом космополитизма ученые лакеи Уолл-стрита и их европейские прихлебатели проповедуют англо-саксонский шовинизм.

В полном соответствии с изменением отношения буржуазии к национальной идее происходит поворот и в буржуазной этнографии. Если раньше официальная буржуазная этнография открыто развивала идеи национализма и расизма, то сейчас буржуазные этнографы, в первую очередь и главным образом американские этнографы, превращаются в разносчиков космополитизма, завуалированного «психо»-расизма. Таков классовый заказ буржуазии. Этот поворот к космополитизму имеет и свои теоретические корни; он был подготовлен всем предыдущим развитием методологических основ буржуазной этнографии.

Не имея возможности в рамках журнальной статьи проанализировать развитие методологических принципов буржуазной этнографии, последовательную смену одних школ другими, ограничимся общей характеристикой теоретических основ буржуазной этнографии с точки зрения нашей специальной задачи.

Одинокое стоит в истории буржуазной этнографии мощная фигура Льюиса Моргана. Отправляясь от изучения определенного, конкретного народа — ирокезов и сравнивая его с другими уже известными науке народами, он подошел близко к материалистическому пониманию истории и, говоря словами Энгельса, «стихийно заново открыл Марксову историческую теорию». Для метода Моргана характерно то, что он изучает не человеческое общество вообще, не культуру вообще, а определенные народы в определенную историческую эпоху. Для метода Моргана характерно также то, что он начинает свое исследование с анализа «изобретений и открытий», т. е. с развития производительных сил. Но буржуазная этнография не пошла по пути Моргана. Сначала «официальная школа замалчивала его», как писал Энгельс, а потом начались ожесточенные нападки, не прекращающиеся до сих пор. И уже совсем неприемлемым для буржуазной этнографии оказался путь Энгельса — путь исторического материализма.

Для буржуазной этнографии характерен разрыв между описательной и теоретической этнографией и сближение последней с абстрактной и бессодержательной буржуазной социологией, исследующей общество вообще. Произошло даже разделение этнографии на собственно-этнографию, описание конкретных народов, и этнологию, которую германский историк этнографии Ахелис называл «наукой обобщений *par excellence*». Противопоставляя этнографию истории, Ахелис писал: «Задача историка следить за развитием отдельных народов. Даже всеобщая, всемирная история никогда не поднимается до той степени универсальности, которая принадлежит этнологии, обнимающей все чело-

вечество во всем его этнографическом разнообразии. Этнология старается установить психологическое начало всякой культуры, первые шаги пробуждающегося сознания, притом опять-таки, не в том или другом отдельном племени, а для всего человечества. Хронология, разумеется, оказывается совершенно излишней при такой универсальности».

Для буржуазной этнографии характерны, далее, отрыв культуры, как объекта этнографического исследования, от ее конкретных носителей — народов и превращение ее в самостоятельную сущность, обитающую вне времени и пространства. Эта идеалистическая концепция характерна как для эволюционной, так и для культурно-исторической школы — двух наиболее значительных школ буржуазной этнографии; различны лишь формы проявления этой концепции.

Эволюционная школа рассматривала культуру как механический набор изолированных друг от друга явлений, каждое из которых ведет самостоятельное существование. Раскладывая явления культуры по отдельным ящикам, рассматривая их вне общей, органической связи, эволюционисты, естественно, не могли дать картину культуры того или иного народа, как что-то целое, органически связанное. В своих исследованиях они акцентировали внимание на явлениях, общих для всех народов, а различия пытались свести к какому-то общему корню и на этом шатком основании строили какую-то надмировую культуру, оторванную от ее конкретных носителей, не имеющую национальных форм.

Культурно-историческая школа Гребнера-Шмидта с ее теорией культурных кругов исключает творческую роль народов в развитии культуры. Все развитие культуры сводится к миграции раз и навсегда данных культурных явлений, к диффузии, заимствованиям, аккультурации и т. п. Народ не создает своей культуры, а лишь осваивает бродячие по всему свету явления культуры. Богораз-Тан, следуя теории культурных ареалов, американской разновидности теории культурных кругов, пришел к архинелепому выводу, согласно которому вся территория СССР и культуры населяющих его народов представляют собою лишь «перемычку» между эллинистическим и дальневосточным культурными кругами; народы СССР, согласно этой космополитической «теории», не создавали своих культур, они лишь воспринимали и осваивали культурные элементы, возникшие в эллинистическом и дальневосточном кругах.

Для эволюции буржуазной этнографии характерны все увеличивающийся теоретический разброд, вытеснение прогрессивных направлений реакционными, все большее подчинение своей исследовательской работы непосредственным нуждам своих буржуазных правительств. Господствующим направлением буржуазной этнографии на первом этапе ее направления было направление эволюционизма. При всех недостатках ее методологических основ эволюционная школа сыграла безусловно положительную роль в развитии науки. Пользуясь методом сравнения явлений культуры разных народов, эволюционистам удалось доказать культурное единство человечества, установить последовательность в развитии этих явлений, близко подойти к пониманию единства законов развития всего общества. Но именно поэтому эволюционная школа оказалась скоро неприемлемой для буржуазной этнографии. Когда капитализм вступил в свою империалистическую стадию и начался общий поворот буржуазии в сторону реакции, эволюционная школа была отвергнута официальной наукой.

Появление на рубеже XIX и XX вв. культурно-исторической школы означало поворот буржуазной этнографии в сторону реакции, начало кризиса буржуазной этнографической науки. Сторонники этой школы отбросили всякую попытку вскрыть закономерности развития общества и его культуры; они объявили невозможным ответить на вопрос: почему происходят те или иные явления? Они отбросили самую идею раз-

вития. Дальнейшее развитие буржуазной этнографической мысли уже ничего нового дать по существу не могло, начался период теоретического бесплодия. И чем дальше, тем больше отходит теоретическая мысль буржуазной этнографии от реальной действительности в сферу «чистого духа», мистики.

Американская этнография проделала головокружительное сальто-мортале от стихийно-материалистических позиций Моргана через школу Боаса до мистицизма Кробера и всей этнопсихологической школы. Темпы ее развития соответствовали темпам развития американского капитализма. Вместе с капиталом из Старого Света эмигрировали в Америку и буржуазные теории. Но как американский капитал обогнал в своем развитии старые буржуазные страны Европы, так и американская этнография в своем падении обогнала буржуазную этнографию Европы.

Философской основой современной американской этнографии является одна из наиболее реакционных философских школ — прагматизм, «инструментализм» Дьюи. Объективной истины нет, истинна та теория или гипотеза, которая практически полезна; мысли и убеждения, утверждает Дьюи, имеют силу до тех пор, пока они практически полезны, пока они являются удобными инструментами действия, подобно тому как банковые билеты имеют силу, пока им не отказывают в приеме. Поэтому задача науки состоит не в отыскании объективной истины, а в создании идей, которые могли бы быть инструментами практического действия. Для эксплуататорских классов, в частности для американских экспансионистов, это очень «удобная» философия: можно объявить «истиной» любую идею, отвечающую классовым интересам буржуазии, можно объявить «истиной» и сумасшедшую идею мирового господства Уолл-стрита. А когда такая идейка найдена, дело сводится к тому, чтобы привить ее людям, подготовить их психологически к восприятию этой идеи. Отсюда «психологическая социология» прагматизма, внимание педагогике, психологическому воздействию на сознание масс. Отсюда увлечение психологией и патопсихологией в американской буржуазной этнографии.

Современное состояние американской этнографии характеризуется таким же или даже большим теоретическим разбродом, который наблюдается и во всей буржуазной этнографии. Но при всем этом разброде доминирующее место занимают разного рода психологические направления и прежде всего этнопсихологическая школа. Объектом этнографического исследования объявляется индивидуум, его психология, его настроения и привычки; психология индивидуума определяет состояние общества, изменение психологии вызывает изменение общественного устройства. Этнопсихологическая школа является сосредоточением всего реакционного и отсталого, она показывает глубину падения буржуазной этнографии.

Характерный для всей буржуазной этнографии отрыв культуры от ее конкретных носителей доведен в американской этнографии до его логического конца. Так, Кробер, например, понимает культуру как мистическую сущность, которая существует вне общества ее индивидуальных носителей и которая приводится в движение своей собственной силой. Под влиянием критики он был вынужден признать, что «культура существует только в личностях», но в том смысле, что «она находится, имеет место только в них». Вместе с тем он продолжает настаивать, что «исследователю культуры безразлично, где культура находится, существует она автономно от человека или нет»³. Чтобы примирить Кробера с его критиками, Мардок предлагает различать обычное поведение людей от идеальной культуры и объявляет обычное

³ «American Anthropologist», 1948, № 3, стр. 405—415.

поведение людей (real cultural pattern), не имеющим никакого отношения к науке о культуре. Оплер⁴ делает отсюда вывод, что культура может изучаться отдельно от ее носителей.

Наш краткий очерк развития методологических основ буржуазной этнографии показывает, что буржуазная этнография всем ходом своего развития была подготовлена к выполнению космополитического заказа реакционной буржуазии. Идеалистическое истолкование культуры, отрыв культуры от ее конкретных носителей, склонность к бессодержательным социологическим обобщениям — таковы теоретические корни проникновения реакционных идей космополитизма в этнографию.

Рассмотрим теперь, как американская этнография выполняет классовый заказ своих хозяев.

II

Этнопсихологи утверждают, что у каждого народа есть своя «модель культуры» или своя «конфигурация», преобладающая черта (Рут Бенедикт), свой психологический профиль или психологический тип, «основная личность» (Кардинер). В переводе на общедоступный язык это означает, что у каждого народа есть свой национальный характер, свой национальный склад жизни. Только у этнопсихологов «культурная модель» превращена в самостоятельную субстанцию, она не определяется историей, а сама определяет историю. Рут Бенедикт писала, что культура имеет в себе или в своей основе «основную психологическую тенденцию» (fundamental psychological set). Позднее она заменила «психологическую тенденцию» новым термином — «доминирующая идея», или лейтмотив. Лейтмотив управляет развитием культуры, «культурная модель» является конечным продуктом лейтмотива. Чтобы изменить «культурную модель», т. е. образ жизни людей, надо изменить их лейтмотив, привить им новую «доминирующую идею».

Признав наличие различных «культурных моделей», т. е. различных национальных укладов жизни, этнопсихологи объявляют этот «разнобой» причиной всех зол современного общества. Страницы этнографических журналов пестрят заголовками статей о «культурном кризисе». Бидней пишет, что мы живем в «век мирового кризиса» и что «весь запас человеческих знаний и человеческой мудрости должен быть как можно полнее использован, чтобы установить основной диагноз и направление дальнейшего движения»⁵.

Этнопсихологи поставили диагноз: причина мирового кризиса в отсутствии единой мировой «культурной модели», единой мировой «доминирующей идеи». Рут Бенедикт пишет, что «симметричным обществом» (термин-то какой!) является такое общество, в котором все силы подчиняются одному лейтмотиву, что «здоровая культурная конфигурация (какие перлы учености!) достигается только там, где общество направляется единой идеей или лейтмотивом». Этой «ученой» даме и невдомек, что на земле существует такое общество, где все силы людей подчинены одной, единственной идее — построения коммунистического общества, только эта идея является не творением прагматической философии, а отражением реальных, коренных интересов общества, всей массы народа. Недалеко то время, когда эта идея овладеет всем трудящимся человечеством, когда весь мир будет работать над осуществлением этой идеи, но для этого требуется уничтожить империализм, которому служит так усердно Рут Бенедикт.

Соратники Рут Бенедикт объясняют отсутствие единой «культурной модели», как главную причину мирового кризиса, расовыми различия-

⁴ «South Western journal of anthropology», 1948, № 2, стр. 147.

⁵ «American Anthropologist», 1946. № 4, стр. 534.

ми народов. Кардинер, например, утверждает, что народы, имеющие разный психологический профиль, по-разному реагируют на одни и те же исторические события. Кробер его уточняет. Он пишет, что примитивные народы, а к ним он относит по меньшей мере все колониальные народы, воспринимают всякие изменения туго, медленно, так как у них нет организованных поисков технических усовершенствований и научных знаний; все это объявляется свойством народов западной культуры.

Таков диагноз. Теперь нетрудно прописать рецепт. Нужна мировая «культурная модель», мировая «доминирующая идея», нужно сдать в архив древностей разные «психологические профили», национальные «культурные модели». Кробер считает основной проблемой современности «создание идеи общечеловеческого культурного родства, могущего быть орудием преодоления культурных кризисов»⁶.

Нетрудно видеть, кому служат все эти упражнения в «социальной медицине». В. И. Ленин писал:

«Личные особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно тупых людей вроде Тугана. Но общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением» социализма»⁷.

В современном мире действительно нет мировой, космополитической «культурной модели». Человечество разделено на отдельные нации. Каждая нация имеет свою национальную культуру, свои нравы, обычаи, свой особый склад жизни. Каждая нация дорожит своей национальной спецификой, любит ее, гордится ею и не хочет менять ее на какую-нибудь космополитическую похлебку. Больше того, каждая национальная культура содержит в себе две культуры. «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»⁸. Мир расколот на два лагеря, и каждый лагерь руководствуется своим «лейтмотивом»: лагерь антиимпериалистический и демократический во главе с СССР борется за прочный мир, за народную демократию и социализм; лагерь империалистический и антидемократический во главе с США борется за укрепление империализма, за сохранение наемного рабства и колониального угнетения.

Этот «разнобой», это деление общества на самостоятельные нации и борющиеся классы не устраивает американских империалистов. Они хотели бы уничтожить демократическую и социалистическую культуру и заставить своих наемных рабов воспринять буржуазную «культурную модель». На помощь им спешат этнографы. Известный австрализовед профессор Чикагского университета Уорнер меняет круг своих интересов и начинает изучать «психологические основы» управления рабочими на предприятиях Западной электрической компании; его примеру последовали другие, и теперь этнографическое изучение отдельных групп американского общества вошло в моду. «Только тогда, когда наука о человеческих отношениях достигнет такого же полного развития, как старые естественные науки, можно будет надеяться устранить

⁶ «American Anthropologist», 1946, № 4.

⁷ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 243.

⁸ Там же, стр. 137.

источники взаимных столкновений индивидуумов, установить гармонические отношения между многими группами, составляющими нацию», — пишут Чэппл и Кун в «*Principles of Anthropology*» (1942).

Американские экспансионисты хотели бы уничтожить национальную независимость народов, уничтожить их национальные культуры и навязать всем свой «американский образ жизни». Им на помощь спешат этнографы и предлагают выработать космополитическую «модель культуры», в основу которой должна быть положена американская модель, так как «американский тип» объявлен прообразом будущего «высшего существа».

Американские этнографы идут дальше. Они делают еще одно «открытие». Оказывается, что народ не может сам изменить свой «психологический профиль». Кардинер, например, пишет: «Пытаться сделать это — все равно, что пытаться поднять себя за шнурки сапог». Нужна посторонняя помощь, и эта «помощь» может быть оказана, конечно, только Америкой. Типична в этом отношении работа Кора дю-Буа о туземцах острова Алор (Индонезия); туземцы примитивны, фрейдовские комплексы выражены у них чрезвычайно ярко, но их можно исправить, дав им надлежащее американское воспитание. Чтобы изменить свой «несовершенный», «психологический профиль», все народы должны включиться в план Маршалла, маршаллизироваться. Не зря платят американские тузы своим профессорам от этнографии!

Наиболее ретивые из них решили от слов перейти к делу. В «*American Anthropologist*» (№ 3 за 1948 г.) помещена любопытная публикация: «Подготовка граждан мира». Оказывается, что группа этнографов во главе с Г. Уорнер организовала в штате Аризона школу с определенной целью «подготовки студентов к обязанностям мирового гражданства». При приеме учащихся предпочтение отдается детям иностранцев, молодым людям, «сознание которых еще не обременено предрассудками». Этнографы взяли на себя практическую задачу подготовки безродных космополитов, «сверхграждан», из которых на самом деле будут подготовлены какие-нибудь сверхшпионы. Но американским этнографам уже не привыкать выполнять шпионские задачи!

Современный космополитизм — это идеологическое обоснование безудержной империалистической экспансии, рассчитанной на подчинение всего мира американскому или англо-американскому капиталу. Современный космополитизм — это рафинированный англо-саксонский национализм, расизм. Борьба с космополитизмом является священной обязанностью каждого сторонника мира, демократии и социализма. Почетная роль в этой борьбе принадлежит советской этнографии.

III

Советская этнография сложилась и развивается на прочном фундаменте пролетарского интернационализма. Ей абсолютно чужды идеи буржуазного национализма, национального нигилизма и космополитизма.

Идеология и политика национализма построены на преднамеренном искажении понятия нации, когда нация трактуется или как порождение неизменного, надисторического «национального духа» или как продукт биологических особенностей. Советская этнография исходит из ленинско-сталинского учения о нации, которое рассматривает нацию как категорию историческую и решительно отвергает участие биологических факторов в формировании нации.

Идеологи и политики национализма считают национальную вражду неизбежным результатом национального размежевания общества, считают ее непреодолимой и, искажая исторические факты, сводят всю историю к национальным отношениям. Советская этнография, верная

ленинско-сталинскому учению о национальном вопросе, исходит из того, что у трудящихся масс разных национальностей нет поводов для взаимной неприязни и вражды, что национальная вражда вызвана и искусственно разжигается эксплуататорскими, буржуазными классами, что эта вражда выгодна только эксплуататорам, что интересы трудящихся масс требуют, наоборот, братского объединения сил для совместной борьбы против эксплуататоров.

Национализм проповедует превосходство одних наций над другими, человеконенавистническую теорию «избранных наций», призванных господствовать над другими нациями, которые относятся в разряд «неполноценных». Национализм есть политика порабощения малых наций большими нациями, политика эксплуатации и угнетения народов колоний и зависимых стран. Советская этнография исходит из того, что «разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие»⁹.

Национальный нигилизм также чужд советской этнографии, как и национализм. Национальный нигилизм означает пренебрежение национальными особенностями своего народа, его национальными интересами. Пропаганда национального нигилизма по отношению к малым и угнетенным нациям выгодна лишь буржуазии господствующей нации; разносчики национального нигилизма являются вольными или невольными агентами великодержавного национализма. Трудящиеся массы любой нации не могут относиться безразлично к судьбам своей нации, своей национальной культуры, своей национальной независимости. Наоборот, они дорожат своим языком, своими национальными традициями и пр.; им совсем не чуждо чувство национальной гордости. «Каждый, в том числе и русские, — говорит М. И. Калинин, — гордится своей национальностью, да и не может не гордиться: ведь он же сын своего народа!»

Знаменем советской этнографии является пролетарский интернационализм, принципиально чуждый как буржуазному национализму, так и национальному нигилизму. Пролетарский интернационализм означает:

1) признание того, что все нации равноценны в их потенциальных возможностях развития, что каждая нация вносит свой вклад в мировую культуру, дополняет и обогащает ее;

2) признание того, что все нации суверенны, имеют равное право на независимое существование и что никакая нация не имеет права навязывать другой нации свою волю;

3) признание того, что трудящиеся массы всех наций имеют общего врага, общие цели и задачи борьбы, что в интересах этой борьбы трудящиеся всех наций и прежде всего пролетарии всех стран должны объединить свои силы в единый антиимпериалистический фронт.

Реакционные буржуазные социологи и этнографы выдают космополитизм за интернационализм. На самом деле пролетарский интернационализм также враждебен космополитизму, как и национализму. Космополитизм противопоставляет национальное интернациональному, является уточненной формой буржуазного национализма. Пролетарский интернационализм не противопоставляет национальное интернациональному. Угнетенные нации могут разрешить успешно свои национальные задачи, завоевать национальную независимость только в братском интернациональном единстве с пролетариями, с трудящимися всех других наций. Ленинско-сталинское учение о национальном вопросе исходит из признания единства национальных и интернациональных задач пролетариата и всех трудящихся: «противопоставлять «национальные» задачи пролетариев той или иной страны задачам интернациональ-

⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 516.

ным — значит допускать глубочайшую ошибку в политике»¹⁰, — говорит И. В. Сталин.

Ленинско-сталинское учение о национальном вопросе исходит, наконец, из того, что национальный вопрос может быть разрешен полностью только на путях социалистической революции, что только в социалистическом обществе национальные интересы гармонически сливаются с интернациональными. «В советском патриотизме, — говорит И. В. Сталин, — гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплавливает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью»¹¹.

Советская этнография в первые годы революции развивалась в напряженной борьбе против великодержавного шовинизма и местного национализма; ее борьба явилась ценным вкладом в общее дело строительства социализма в нашей стране. Изучая национальную специфику народов СССР, советская этнография оказала партии и правительству большую помощь в деле строительства национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Советская этнография имеет славные традиции борьбы с разнообразными расистскими теориями. Разоблачением расистских концепций германского фашизма советская этнография внесла свой вклад в дело победы над темными силами фашистской реакции. Советская этнография всегда выступала в защиту колониальных народов, разоблачая расистские измышления английских, французских и прочих империалистов.

Нельзя сказать, что советская этнография не ведет борьбы против буржуазного космополитизма. Вся научная деятельность советских этнографов, утверждающих идею пролетарского интернационализма, является противостоянием против космополитических идей. Но прямая и непосредственная борьба с космополитизмом является для советской этнографии все же новой задачей. С. П. Толстов в ряде своих статей поставил перед советскими этнографами эту задачу, но должного отклика на этот призыв еще не последовало, необходимого внимания эта задача к себе еще не привлекла. А между тем в самой советской этнографии не все в этом отношении благополучно. Есть ряд изъянов, которые мешают развертыванию этой борьбы, есть ряд работ, которые являются невольной уступкой космополитизму.

Одним из направлений борьбы с космополитизмом является борьба за приоритет родной науки. Представители воинствующего космополитизма проповедуют лживую «теорию» о безнациональном характере мировой науки и под прикрытием этой «теории» обворовывают другие народы, приписывают своей нации незаслуженную славу и отрицают за другими нациями какое-либо участие в развитии мировой науки. Особая агрессивность проявляется по отношению к достижениям нашей советской науки; в нашей печати приводилось уже не мало конкретных фактов по этому вопросу. Космополитическая концепция мировой науки теоретически несостоятельна и политически реакционна. Мировая наука не безнациональна, она не развивается вне конкретных исторических форм. Всякая наука, как и культура вообще, национальна по форме и классова по содержанию. Всякое научное открытие принадлежит определенной нации, всякая новая теория создается учеными, принадлежащими к определенному народу. Мировая наука является лишь сводкой, синтезом того, что сделано учеными всех стран. Борьба за приоритет в науке имеет сейчас большое политическое и теоретическое значение. Без этого нельзя решить поставленную товарищем Сталиным перед со-

¹⁰ В. И. Ленин и И. В. Сталин, Сборник произведений по изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 158.

¹¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Военгиз, 1948, стр. 141.

ветской наукой задачу: «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Советская этнография получила от старой, дореволюционной этнографии богатейшее наследство. Русская этнографическая наука внесла ценный вклад как в собирание этнографических материалов, так и в теоретическую разработку проблем этнографии. Как ни в одной другой стране, русская этнография была, если можно сказать, наукой массовой: тысячи добровольных корреспондентов из низов русской интеллигенции со всех концов страны слали материалы в этнографические центры. На поприще русской этнографии трудились знаменитые путешественники и видные ученые.

Развитие русской этнографии не представляло собой, конечно, единого сплошного потока; наряду с течениями прогрессивными были течения и реакционные; одни из ее представителей последовательно проводили прогрессивные идеи, другие, как упоминаемые в этой статье Надеждин и Кавелин, эволюционировали вправо, уходили в реакционный лагерь. Однако русская этнография всегда шла впереди в деле разработки и пропаганды передовых этнографических идей. Теоретические высказывания великих революционных демократов в области фольклора, например, стояли на таком высоком уровне, что буржуазной фольклористике Западной Европы так и не удалось подняться до этих теоретических высот. Работы Моргана и Бахофена находили в России более живой отклик, чем у себя на родине.

Но научной истории русской этнографии до сих пор нет. Нельзя сказать, что в этом направлении ничего не делается. В журнале «Советская этнография» напечатан ряд статей об отдельных представителях дореволюционной русской этнографии (Токарева, Косвена, Степанова и др.). Опубликовано несколько работ о Миклухо-Маклае; готовится к печати собрание его сочинений. Все это, однако, лишь начало большой работы, за которую должны дружно взяться советские этнографы. До сих пор остаются почти не разработанными теоретические взгляды революционных демократов по фольклористике. Хорошо известно, что они не мало проявили интереса и к этнографии. Перу Н. Г. Чернышевского, в частности, принадлежит ряд рецензий и обзоров этнографической литературы, в которых разбросана масса, подчас мелких, но теоретически важных замечаний, оказавших несомненное влияние на передовую часть русских этнографов. Не мало этнографического материала печаталось в «Современнике». Но все это остается пока почти не освоенным, не изученным. От отдельных очерков и статей пора перейти к составлению общей научной истории русской этнографии.

Большой интерес с точки зрения борьбы за приоритет русской науки представляет книга М. О. Косвена «Матриархат». Автор проделал огромную и крайне полезную работу по истории развития русской научной мысли в вопросе о матриархате. Собирая материал по крупицам, он создал довольно стройную картину этой истории. Автор многократно и со всей определенностью подчеркивает, что русская этнографическая наука XIX в. была «неизмеримо более передовой и прогрессивной, чем зарубежная» (стр. 177). Собранный им материал дает возможность по-новому поставить вопрос о соотношении русской и мировой этнографической науки, о роли русской этнографии в развитии этнографической науки, о пересмотре некоторых традиций.

За несколько лет до выхода в свет книги Бахофена «Материнское право» у нас в России Кавелин, Шульгин и Добряков поставили и в основном правильно решили на примере славянских народов вопрос о положении женщины в родовом обществе. Обобщая их высказывания по этому вопросу, М. О. Косвен пишет: «Так, совершенно самостоятельно русскими историками было создано... оригинальное представление

о былом свободном, независимом и почетном положении русской и славянской женщины вообще» (стр. 77).

Исследуя дальнейшую судьбу теории Бахофена, М. О. Косвен с законной гордостью за отечественную науку подчеркивает, что работа Бахофена получила признание в России гораздо раньше, чем в Западной Европе.

Не менее интересный материал собран автором и по другому вопросу — о роли отечественной науки в разработке теории рода. Теоретическая разработка накопленного по этому вопросу фактического материала началась, как известно, лишь в начале XIX в. Почти одновременно с постановкой этого вопроса за рубежом, он был поставлен в русской науке ректором и профессором Дерптского университета Эверсом. Оценивая изданный им в 1826 г. труд «Древнейшее право русских в его историческом развитии», М. О. Косвен устанавливает, что «созданная Эверсом концепция родового строя представляется прежде всего вполне оригинальной, сложившейся у него совершенно самостоятельно, независимо от каких-либо взглядов других авторов. В резком отличии от зарубежных позиций, род у Эверса является достоянием не тех или иных народов и не только русских или славян вообще, а форму универсальную, свойственную первобытному состоянию всего человечества» (стр. 93).

Дальнейшая разработка родовой теории за рубежом, в Германии, в частности (Зибель, например), шла под влиянием идей Эверса. Анализируя высказывания Т. Грановского, С. Соловьева и других русских ученых по этому вопросу, М. О. Косвен противопоставляет их высказываниям немецких ученых. «Глубоко чуждые национально-шовинистической позиции немецкой науки, ограничивавшей признание рода, — если таковой вообще признавался, — не считая народов античного мира, только для германцев... русские ученые середины XIX в. единодушно приняли род как явление универсально-историческое» (стр. 99—100).

М. О. Косвен далеко не охватил всю русскую литературу по этим вопросам, и нет сомнения, что дальнейшие исследования в этом направлении дадут еще немало нового, откроют еще другие блестящие страницы истории русской науки.

Западная Европа пренебрежительно относилась к русской науке, не знала ее достижений, замалчивала их, а правящие классы России не боролись за ее приоритет, и потому сложилась вредная традиция изображать русских ученых лишь как учеников Запада. В ряде отраслей науки, по ряду вопросов истина уже восстановлена. Не пора ли и в этнографии пересмотреть некоторые традиции?

Среди некоторой части советских этнографов и фольклористов еще не изжито расшаркивание перед европейской, буржуазной наукой. Еще не все наши ученые считают своим патристическим долгом пропагандировать прежде всего достижения русской, советской науки; даже, наоборот, в некоторых работах сквозит пренебрежение к русской этнографии и фольклористике. Укажем книгу проф. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», заслуженная резкая оценка которой уже была дана нашей научной общественностью и нашей печатью. О природе сказки писали и русские и зарубежные исследователи, причем именно у русских исследователей дается научное, материалистическое истолкование сказки. Проф. Пропп обходит молчанием все, что писали о сказке революционные демократы, Максим Горький, который является по существу основоположником советской фольклористики. Проф. Пропп без конца ссылается на интуитивиста Леви-Брюля, на фашистствующего этнографа Фробениуса, на мистика Кробера и в результате дает идеалистическое, совершенно не научное истолкование сказки. Проф. Пропп выступает как безродный космополит, для которого вопрос о приоритете русской науки не существует, для которого не дорога честь своей

родины. Проф. Пропп замалчивает тот несомненный факт, что русская фольклористика стояла всегда выше западноевропейской фольклористики и раздвигает заслуги разных европейских «авторитетов».

Не борется за приоритет родной науки и проф. Равдоникас, опубликовавший двухтомную работу «История первобытного общества». Русская археология сделала очень много для науки. За тридцать лет советской власти проведено по единому государственному плану большое число крупных археологических экспедиций; советское государство щедро отпускает средства для этих экспедиций, и они дают ценнейшие материалы. Нельзя сказать, что проф. Равдоникас обходит успехи русской археологии, замалчивает их, но говорит он о них в последнюю очередь и больше декларативно. Текст второго тома пестрит ссылками на находки зарубежных ученых, университетских, академических экспедиций, и редко, очень редко встречаются имена русских ученых.

Советская этнография и фольклористика еще не освободились от пережитков, традиции буржуазной науки в описании первобытного общества, традиции, идущей от Бастиана — Тэйлора и всей эволюционной школы. Эволюционисты рассматривали первобытное общество как недифференцированную, безликую человеческую массу. Такой подход эволюционистов можно оправдать тем, что фактический материал по отдельным народам был тогда еще недостаточен, и, чтобы дать картину первобытного общества, надо было собирать по крупицам факты, относящиеся к разным народам. Такой подход эволюционной школы на первых порах ее развития, когда материалистическое понимание истории еще не было разработано, когда всеобщие законы развития человеческого общества еще не были ясно сформулированы, имел даже положительное значение. Однако уже в 1884 г. Энгельс, опираясь на открытое Марксом материалистическое понимание истории, подошел к описанию первобытного общества совсем иначе и дал характеристику каждой стадии развития на примере одного, вполне определенного народа... «события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам,— писал К. Маркс.— Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»¹².

И если пережитки эволюционизма были еще как-то терпимы в первые годы нашей революции, то теперь с ними нельзя мириться. Теперь материалистическое понимание истории не только разработано, но стало достоянием широких народных масс нашей страны. Единство законов развития человеческого общества обосновано величайшим количеством фактического материала. Да это и не входит в задачи этнографии, это — дело особой науки, исторического материализма; дело этнографии показать, как эти законы преломляются в конкретных условиях, в истории развития отдельных народов. По первобытной истории отдельных народов теперь собран уже такой обильный материал, что можно дать историю отдельного народа не менее богатую, чем история первобытного общества вообще.

И тем не менее, почти все теоретические работы по истории первобытного общества пишутся у нас в старом плане эволюционной школы. Проф. Равдоникас, например, описал все континенты, сотни племен, но в этом описании нет картины жизни ни одного племени или группы племен; есть этнографические категории, но нет народа; есть абстрактная социологическая схема, но нет этнографии. И даже руководящий орган советской этнографии — журнал «Советская этнография» — не освобо-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 316.

дился полностью от этих традиций; об этом говорят статьи М. О. Косвена «Авункулат» и «Семейная община».

Очевидно, что теперь дело не в недостатке материала, а в методе, в подходе к истории первобытного общества, в традиции. Надо решительно отказаться от рассмотрения первобытного общества как безликой, недифференцированной массы. Ахелис, ссылаясь на Бастиана, строил такую схему развития человечества: первобытность — сплошная недифференцированная масса, цивилизация — национальная дифференциация, а «венеч цивилизации носит тот же монотонный характер, который мы встретили на заре социальной эволюции». Но эта схема чужда нашему мировоззрению и вредна политически; это — дорожка к космополитизму. Именно в первобытном обществе наблюдалась наибольшая дифференциация.

Первобытность — это не только далекая история, но и современность. Наша советская революция застала многие народности на стадии первобытного общества, но они совсем не были идентичными. Многие народы колоний, в Африке например, и сейчас находятся на последних стадиях первобытного общества. Они совсем не монотонны, совсем не похожи один на другой. Колонизаторам выгодно мазать все колониальные народы одной черной краской, чтобы кроить и перекраивать колониальные территории, не считаясь с этническим составом населения. Советский этнограф должен видеть не безликую массу — «негры» в Африке, а конкретные народы, имеющие свою этническую специфику.

Основным объектом исследования советского этнографа является «конкретный народ (племя, этническая группа, национальность), рассматриваемый как творец и носитель своей исторически сложившейся культуры» (С. П. Толстов). Каждый народ имеет свою далекую историю, уходит корнями в глубокую старину. Пора отказаться от абстрактной социологизации первобытного общества. Этнография — не социология, а историческая наука. Надо изучать настоящее и далекое прошлое конкретного народа, ставить большие общие проблемы первобытного общества на конкретном материале конкретных народов. Это будет выполнением обязанности этнографа перед своим народом, перед наукой, это будет борьба с космополитизмом.

В среде советских этнографов все еще имеет хождение давно разоблаченная нашей наукой «теория» миграции культурных явлений. В качестве наиболее яркого из последних примеров укажем на доклад, прочитанный членом-корреспондентом Академии Наук СССР Д. К. Зелениным на конференции по изучению финноугорских народов при Ленинградском университете в начале 1947 г., по вопросу об общих элементах в древних русских и финских костюмах¹³. Д. К. Зеленин игнорирует конкретно-исторические условия развития одежды русских и финнов, проходит мимо исторически сложившихся культурных связей финских народов с русскими и подменяет все это идеалистической, метафизической концепцией «закона мод». Он утверждает, что «новые костюмы распространяются в массах по законам мод». Следуя открытому им «закону», он все свое исследование сводит к изучению «передвижения (мод.— И. П.) с запада на восток», и оказывается, что «мода на шушпан-жупан пересекла всю Европу, прошла от Пиренейского полуострова до мордвы на востоке Европы», что «с запада пришла новая мода на головные уборы в виде птицы» и т. д.

Низкопоклонники перед Западом, последователи реакционной «теории» заимствований, отрицали за русским народом право на самостоятельную научную мысль, приписывая Западу все научные открытия. Д. К. Зеленин дополняет их, он отрицает за русским народом даже пра-

¹³ См. «Советское финноугроведение», 1, Ленинградский ордена Ленина Государственный университет, Ученые записки, Серия востоковедческих наук, вып. 2, 1948

во на самостоятельное творчество в одежде, утверждая, что даже одежду русский народ заимствовал с Запада.

Советская фольклористика все еще не освободилась от компаративизма, являющегося духовной пищей космополитизма. Нельзя терпеть «научные» труды вроде указанной выше книги проф. Проппа, в которой он с тщательностью, достойной лучшего применения, старается вытравить русский дух из русских сказок. Укажем еще книгу проф. Жирмунского «Узбекский народный героический эпос» (1947), в которой он «споры о национальной принадлежности эпосов» считает анахронизмом, пережитком. С точки зрения проф. Жирмунского, безродный сюжет «Муж на свадьбе своей жены», неизвестно где и когда возникший, гуляет по всему свету и определяет не только эпос узбекского народа, но и современные песни «О возвращении солдата». С этой точки зрения, узбекская действительность является лишь фоном, на котором разворачиваются космополитические сюжеты.

Год тому назад на дискуссии в Институте этнографии был подвергнут резкой критике так называемый «функционально-структуральный метод» П. Г. Богатырева; было всеми признано, что это антимарксистский формалистический метод, смыкающийся с реакционными концепциями функциональной школы Малиновского — Смэтса. Но формалистический метод неминуемо ведет к космополитизму, — нельзя быть патриотом и формалистом одновременно. Не случайно антипатриотическая группа литературных критиков боролась против социалистического реализма с позиций формализма. Несмотря на все это, П. Г. Богатырев в течение года не опубликовал ничего, что свидетельствовало бы об его отказе от этого метода.

Советские фольклористы за последний год сделали не мало для преодоления традиций Веселовского. На достигнутом нельзя успокаиваться, так как традиции эти пустили глубокие корни, живучи и ликвидация их требует упорной борьбы. Совсем недавно в Институт этнографии были представлены на соискание ученой степени две диссертации по фольклористике, авторы которых продолжают традиции Веселовского: докторская диссертация Барага «Белорусская героическая сказка» и докторская диссертация Мелетинского, в которой автор разрабатывает космополитический образ «мировой сиротки». Правда, обе эти диссертации были отвергнуты сектором фольклора и не допущены к защите, но самый факт появления таких работ весьма показателен.

И, наконец, последняя, по счету, задача борьбы с космополитизмом состоит в том, чтобы систематически и беспощадно разоблачать всех проповедников космополитизма в зарубежной этнографии. Пропагандист космополитизма — это не «ученый коллега», а наемник реакции, империалистической агрессии. Критика американских этнографов-космополитов на страницах журнала «Советская этнография» выражается пока в немногочисленных рецензиях. И ведется эта критика недостаточно остро, в известной мере объективистски, нередко без должных политических выводов и оценок.

Мы ограничились лишь несколькими примерам из области советской этнографии и фольклористики, чтобы показать основные направления борьбы с космополитизмом. Мы не ставили перед собой задачу анализа всей этнографической и фольклористической литературы под этим углом зрения. Это должно быть задачей всего коллектива этнографов и фольклористов. Борьба с космополитизмом — это важное средство воспитания советского патриотизма, любви и гордости своей страной, своим народом, его борьбой и достижениями в развитии науки, культуры, в строительстве нового, коммунистического общества.

Борьба с космополитизмом и необходимая для этого бдительность должны быть постоянной заботой наших ученых. Надо пересмотреть всю работу, чтобы закрыть все лазейки космополитизму, чтобы вытра-

вить все невольные уступки этой реакционной идеологии, чтобы превратить этнографию и фольклористику в еще более острое, в еще более мощное средство коммунистического воспитания.

Против космополитизма необходимо вести систематическую, непримиримую борьбу. И неперенным условием успеха является идейная выдержанность, советский патриотизм, большевистская принципиальность всей научной работы. «Советский ученый — горячий патриот социалистической Родины. Он преисполнен чувства гордости за нашу советскую науку, за ее достижения, за ее приоритет в важнейших открытиях и изобретениях. Советскому ученому-патриоту чуждо какое бы то ни было преклонение перед гниющей буржуазной наукой — служанкой реакции, пособницей поджигателей новой войны»¹⁴.

¹⁴ «Правда» от 11 декабря 1948 г.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. Я. ЕВСЕЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРУЖБА КАРЕЛ И РУССКИХ В ОТРАЖЕНИИ ПОЗДНИХ ВЕРСИЙ КАРЕЛО-ФИНСКИХ РУН

Столетие полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала» вновь приковало к себе внимание всех кругов советской науки об обществе, возбудив интерес к «Калевале» и у советских историков, поскольку они могут черпать из этого своеобразного источника ценные сведения для изучения многовекового общественного развития северо-западных окраин нашей Родины.

Однако особую ценность для историка представляет не столько литературная версия «Калевалы» (как композиция полного издания, существующая всего лишь сто лет), сколько те варианты подлинных народных эпических песен, которые либо легли в основу «Калевалы», либо по разным причинам остались неиспользованными в ней и история которых уходит в глубь веков.

Основную массу карело-финских рун на сюжеты «Калевалы» составляет народный эпос, сложившийся в эпоху разложения родового строя. Впрочем, карело-финские эпические песни не ограничиваются отражением ранних ступеней общественного развития. Карело-финский народ с самого начала возникновения древнерусского государства выступал на исторической арене совместно с русским народом. Многовековая дружба с русским народом, любовь к своей родине обусловили то, что памятные для карел исторические события отразились в эпических песнях, которые в силу своеобразия исторического развития карел полностью не успели превратиться в исторические песни. И, пользуясь ниже этим последним термином, мы тут же отмечаем несколько условный его характер.

Вышеотмеченные обстоятельства привели к такому положению вещей, когда сами карельские сказители почти не видят четкой грани между древней эпической песней и песней, которую филолог назвал бы исторической. Разумеется, карельский певец рун сознает, что имеется какое-то принципиальное различие между героем песни об осаде Выборга — Петром I и эпическим героем «Калевалы» — старым Вейнемейнем. Однако, например, согласно многим вариантам карельских рун «Калевалы», старый Вейнемейнен с презрением отказывается от предлагаемых в качестве выкупа шведского золота и немецкого серебра, так же как это делает герой песни об осаде Выборга Петр I. Этой чертой ха-

рактера не исчерпывается возникший в процессе развития карельских эпических песен фольклорный образ старого Вейнемейнена или Петра I, но в таких общих психологических штрихах уже многое вырисовывается для характеристики народных представлений об этих героях. В некоторых вариантах эпической песни об осаде Выборга говорится о том, как Петру I оказывает помощь герой рун «Калевалы» — кузнец Ильмаринен. Петр I, как и Вейнемейнен, в представлении сказителей становится собирательно-типическим героем песни. Песня называет его сыном карельским¹ и иногда соединяет с Иваном Грозным — «нашим хозяином»². Согласно отдельным вариантам песни об осаде Выборга ее герои Петр I и Иван Грозный в своих действиях не отличаются от древних персонажей рун «Калевалы». Таким образом, в этой песне начинает отражаться целая серия аналогичных исторических событий — осада Выборга при Петре I и Иване Грозном и более ранние набеги на этот город со стороны карел, олицетворенных в Лемминкейнене и Куллерво, сыне Калервы, которые, согласно некоторым вариантам карельских эпических песен, также изображаются стоящими на подступах к Выборгу³.

В силу такого приурочения разных исторических и эпических персонажей к разным, но аналогичным историческим событиям грань между карельскими эпическими и историческими песнями в сознании сказителей лишь намечается.

Отражение разных исторических событий в одной и той же карельской историко-эпической песне объясняется не только многовековым развитием этой песни, но и патриотическим характером ее поздних версий. В эпической песне основное внимание певца и его слушателей сосредоточивается не столько на точной передаче хода исторических событий, сколько на выражении в ней патриотических чувств карельского народа и дружественных русско-карельских отношений.

На протяжении многих столетий карелы все больше и больше убеждались в возможности сохранить свое самобытное существование лишь в тесном боевом содружестве с великим русским народом. Культурное влияние древней Руси на карело-ижорское население Карельского перешейка и ижорско-водьской земли еще до татаро-монгольского ига не выражалось в уничтожении отмеченной самобытности. Разумеется, существовало дружественное «соперничество» между карельскими родовыми общинами и срубаемыми на Карельском перешейке древненовгородскими городками и пригородами (к которым можно причислить не только упоминаемый летописью Тиверский городок, но и древний городок на месте Выборга); это соперничество выражалось в процессах смешения отдельных древних карельских и русских этнических групп на Карельском перешейке.

Согласно некоторым южнокарельским вариантам рун, записанным нами в 1934—1935 гг., эпический герой Выборайне соперничает с героями рун «Калевалы» в их сватовстве к дочери Хийси⁴. Финский историк Я. В. Рут в своей книге «История города Выборг» вслед за филологом Миккола вынужден признать, что были какие-то веские основания для возникновения летописного предания об основании древнего Выборга неким новгородским князем, назвавшим этот городок именем своего сына «Выбор»⁵. Кстати, подобное же название местности представлено в топонимике, связанной с Великим Новгородом.

¹ См., например. *Suomen kansan vanhat runot* (в дальнейших ссылках сокращение — SKVR), I, 1055.

² Там же, 2180—2181.

³ Там же, I, 989.

⁴ Карело-финские эпические песни. Под ред. акад. Ю. М. Соколова. Петрозаводск, 1941, стр. 52.—Здесь налицо дифтонгизация первого слога имени.

⁵ J. W. Ruth, *Viipurin kaupungin historia*, стр. 8, 51.

Однако в XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием русское влияние на берегах Финского залива заметно ослабло, чем не замедлили воспользоваться свейские и ливонские «немцы», огнем и мечом уничтожавшие местное карело-ижорское население и его поселения на восточных берегах Финского залива. Не удивительно, если такое различное отношение шведов и русских к карелам определило тягу последних к русским. Летом 1240 г., как известно, шведский флот вошел в русскую Неву. Однако ижорско-карельский старейшина Пелгусий своевременно заметил приближение врага и сообщил об этом новгородскому князю Александру Невскому, заслужившему это почетное название блестящей победой над вражеским флотом. Законно задуматься над вопросом: не потускневшая ли веками память о Пелгусии сохранилась в имени сына Пелгусия (Pelgusen poika), который, согласно карельским вариантам рун, упрекает отданного в Россию сына Калервы за то, что он плохо гребет на лодке?⁶

Когда в 1253 г. немцы снова после сокрушительного для них Ледового побоища 1242 г. напали на русские земли, то новгородское войско, в котором под водительством русских опять были карелы, одержало на р. Нарове в 1253 и 1255 гг. новые победы над рыцарями. Карело-ижорские варианты старинных рун скупы, но гордо и прямо, в патристических тонах повествуют о событиях подобного рода. В одном из них говорится о поселке, который:

Perin Peippiän jokkee
Tucho saivat Saksan laivat,
Ja tuloot Tukulmin laivat.
Kelle on kaiho Kaarastaa,
Se tulkaa kyllää meijen.
Meijen kylä linnan väärti,
Rahvas suuri Saksan väärti.

Был у ручейка Чудского,
Где немецкие суденки
Из Стокгольма приплывали.
Кто скучает по Каросте,
Тот пусть едет в наши села.
В городах и селах наших
Победил народ наш немцев⁷.

Так старинная народная песня, переходившая из поколения в поколение, патристически откликнулась на славные победы русского оружия над немецко-свейскими захватчиками.

К концу XIII в., когда основные силы русского народа были мобилизованы на борьбу с татарами, один из свейских захватчиков — Торкель Кнутсон в 1293 г. выстроил у развалин, возможно, древнерусского городка каменный замок — Выборг.

Пятьсот лет назад, в 1448 г., немецкие рыцари в союзе с датским и свейским королями вплотную подошли к р. Нарове. Однако при переправе через Нарову произошла битва с русскими войсками, во время которой, согласно русской летописи, «побили много поганых немцев, а иные потонули в море». На берегах р. Наровы позднее имели место и другие памятные для карел и ижор события, также подогревавшие их патристические чувства. Не об аналогичных ли событиях повествует старинная карело-ижорская руна?

Tänne saivat Saksan laivat,
Vierevät Viron venneet..
Poikia kypäripäitä,
Kaikk oltii Saksan saappaissa.
Tuuli tuuloine iästä,
Kaato miehet merree,
Naiset Narvanjokkee.

Корабли с земель немецких
Из эстонских вод подплыли
С рыцарями в шлемах, латах,
Сапогах немецкой кожи.
Дул с востока ветер буйный,
Рыцарей свалил всех в море,
Утопил в реке Нарове⁸.

⁶ SKVR, I, 928, 936, 937, 945.

⁷ Там же, III, 1586.

⁸ Там же, III, 964.

Немецкие рыцари и раньше битвы 1448 г. терпели от русских войск поражения на р. Нарове, как например, в 1253 г. Память об этих более ранних битвах также могла отобразиться в вышеприведенном отрывке народной песни.

В морских сражениях против немецких рыцарей и их союзников под руководством русских не могли не выступать и патриотически настроенные ратники из карел и ижор. Это обстоятельство нашло своеобразный отклик в неоднократно повторяемых рассказах о поездках героев рун «Калевалы» — Куллерво, сына Калервы, старого Вейнемейнена и юного Евкахайнена к вражеским якобы прибалтийско-немецким проливам (Saksan salmilla)⁹.

Во время военных действий 1555—1557 гг. швейские войска потерпели поражение под Выборгом отчасти из-за помощи, которую из патриотических побуждений местное карельское население оказывало русским, о чем говорят и шведские исторические акты. Смутное воспоминание об участии карел, персонифицированных в лице пастуха Куллерво, в подобных походах к Выборгу могло сохраниться в следующем отрывке варианта карело-финской руны:

Kullervo Kalervan poika
Laski alla uuen linnan,
Alla Viiburin vihazen.

Куллерво, тот сын Калервы,
Подплывал под новый город,
Ехал под враждебный Выборг¹⁰.

Карельская историческая песня об осаде Выборга в 1557 г. связывается с именем Ивана Грозного, хотя он непосредственно и не участвовал в этой операции. Песня в патриотических тонах изображает дружественное отношение местного населения к русским, олицетворенным в царе Иване:

Iivana on meän isäntä,
Meiän on kuuluisa kuningas
Laski karittelove
Kohti suurta Suomen nientä.
Kolahuntti kovah ovie,
Rämähutti räyssäspuita;
«Onko saarella sijova
Vetiä venehtä moalla?»
Akat varsin vassatihi:
«Onpa saarella sijova.»

То — Иван, — он наш хозяин,
Наш «король» он знаменитый,
Едет, проплывает смело
Через Финский полуостров,
Грозно там стучит он в двери
Говорит, стреху задевши:
«Есть ли здесь — на островочке
Место, чтоб ладью поставить?»
Женщины же отвечают:
«Место есть на островочке»¹¹.

Царя Ивана, согласно руне, местное население встречает гостеприимно и дружески.

Однако большинство вариантов карельской исторической песни об осаде Выборга — этих «дверей» в Балтийское море — связано с именем Петра I. Дружественное отношение местного населения к Петру отразилось между прочим в том, что народ называет в песнях Петра I сыном Карелии. В этих исторических песнях сохранилось воспоминание о личном участии Петра в строительстве военно-морского флота.

В связи с цитируемым текстом надо сказать, что эпизод изготовления лодки характерен также для руны «Калевалы» о ранении колена старого Вейнемейнена. В силу поэтической традиции и отдельные варианты песни об осаде Выборга начинаются с того, как царь Петр, изготавливая на скале лодку, ранит, подобно старому Вейнемейнену, свое колено. В карельской среде, где бытовала и бытует эта песня об осаде Выборга, на протяжении двух с лишним столетий традиционная песня

⁹ SKVR, I, 178, 983 и др.

¹⁰ Там же, 989

¹¹ Там же, 1043.

сочеталась с воспоминанием о личном участии Петра I в строительстве морского флота.

Petri tsaari, uros ulja,
Poika kaunis karjalainen,
Vesti vuorella venettä.

Был царь Петр герой удалый,
Сын Карелии красивый,
На горе готовил лодку¹².

«Петр,— пишет В. Тельпуховский,— сильно торопил с созданием флота. В 1703 году он сам работал в течение 6 недель на Олонецкой верфи и заложил за это время 7 фрегатов, 5 шняв, 7 галер, 13 полугалер, 1 галиот и 13 бригаantin»¹³. Мотив об изготовлении кораблей царем Петром встречается в целом ряде вариантов карельских исторических песен. Согласно песне, записанной от одного из известных карельских сказителей Ивана Малинена:

Petteri oli kuulusin kuningas,
Karjalainen poika kaunis
Laittavi sotaväkie,
Lammin laivoja latovi.

Петр царем был знаменитым,
Сыном Карьялы красивым;
Снаряжает свое войско,
Корабли готовит в бухте¹⁴.

В этом варианте исторической песни правдоподобно и в патриотическом духе описывается разыгравшаяся около Невы борьба между кораблями шведского короля Карла и русским флотом, созданным усилиями Петра I и его сподвижников. Эту страничку истории Северной войны также детально описывает В. С. Тельпуховский в другой своей монографической работе¹⁵. «В 1705 году,— пишет о том же событии И. Шаскольский,— шведы совершили одновременное нападение на Кронштадт и на Петербург. Но у Кронштадта шведы увидели совершенно неожиданное для них зрелище — стройные ряды русских судов... Петр в короткое время успел построить на реке Свири 24 военных корабля и создал в два года первый военно-морской флот России»¹⁶.

Патриотично рассказывает о битве между войсками царя Петра и флотом короля Карла, имевшей место около строящегося Петербурга, вариант исторической песни, записанной от знаменитого певца рун «Калевалы» Ивана Малинена. О короле Карле в этой песне сообщается:

Laski päivän, laski toisen,
Jopa päivänä kolmantena
Linnan Piiteria vipasi.
Kaarle kaukoa näkyvi,
Vesillä verikäpälä,
Sinisorkka lainehilla.
Päällitse satamasaaren.
Piiterin väki on väkev,
Kuninkahan miehet kuulut
Pantiin «leivät» lentämähän,
Jänte'et jämisemähän,
Housun nappia hotasi.
Jopa on purjehet putoili,
Purjen mastot poikki lenti.

День и два плывет по морю,
А на третий день он видит
Город Петербург в тумане.
Далеко король Карл виден
Со своей пятой кровавой,
В синие чулки обутый.
Через остров — гавань видно.
Войско сильное Петрово,
Знатные и ополченцы
«Хлебом» короля встречают,
Ядрами грудь раздирают,
Пуговку содрал с рейтузов.
Паруса все опустились,
Мачты все переломились¹⁷.

¹² SKVR, I, 1055.

¹³ В. Тельпуховский, Возвращение земель «отчич и дедич» и основание Петербурга, «Историч. журнал», № I, 1941, стр. 52.

¹⁴ SKVR, I, 1073.

¹⁵ В. С. Тельпуховский, Северная война, Москва, 1946, стр. 52.

¹⁶ И. Шаскольский, Борьба русского народа за шведские берега, Воениздат, 1940, стр. 40.

¹⁷ SKVR, I, 1073.

Аналогичный вариант этой песни записан от представителя другого крупнейшего рода певцов рун «Калевалы» — от Михаила Архиповича Перттунена. Запись этой исторической песни от ряда наиболее известных сказителей района Калевалы Карело-Финской ССР свидетельствует о том, что в далекой от Петербурга северной Карелии в начале XVIII в. оказались какие-то непосредственные участники организации разгрома шведов на подступах к Петербургу в 1705 г. Притом особенно характерно то, что нигде, кроме северной Карелии, варианты песни о нападении шведов на Петербург не записаны. Скорее всего, группы северных карел были привлечены к походу Петра от Белого моря по «сударевой дороге» в Балтийское, притом они участвовали главным образом в событиях 1705 г., но осада Выборга в 1710 г. прошла как-то для них незамеченной, поскольку песню об осаде Выборга северные карелы связывали с именем Ивана Грозного, в то время как южные карелы поют ее как песнь о Петре I. Прямыми указаниями на наборы среди карел во время постройки флота в 1704—1705 гг. мы не располагаем. Но поскольку имеются сведения о синявинских наборах матросов в 1710—1715 гг. из тех местностей, где Петр строил свой флот (притом 85 человек было взято из беломорских селений вокруг Сумпосада и столько же из населенной в значительной мере карелами Кемской волости), — постольку можно предполагать, что и ранее петровский флот пополнялся за счет карел, в частности из карельского села Кемской волости Подужемье, которое было одним из основных пунктов судостроения на Белом море.

Можно без преувеличений сказать, что карельские народные исторические песни о походах Петра I являются подлинно народной летописью великих побед русского оружия над шведами. По этим песням можно проследить многие этапы борьбы за невиские берега и всю Прибалтику.

В ряде вариантов исторической песни об осаде Выборга отмечается сочувственное отношение карельского населения к Петру I, московским молодцам и новгородцам белокурам. Поэтически образно изображается помощь, оказанная выборгским кузнецом царю Петру:

Piiteris oli suuri Pekka.
Se oli niin viisas —
Tuli Viipuria tiijustamah,
Mäni sepän pajas (!),
Sano Viipurin seppä:
«Ota minua takomas (!),
Miul on paljo vägeel!»
Sepän kanssa tavottih,
Kysy sepältä matkoja:
Millaiset ollah,
Konsa tullah Viipurin vihoilla,
Kaupunnin suurilla piholla.
Kutsu sepän itseh luokse,
Keräi Moskovan molotsat,
Uuvenlinnan liuhtiharjat...
Tuli Viipurin vihoilla,
Linnan seinät liikuttelit,
Räystähät rämyjä pantih.

В Питере был Петр Великий,
Так хитер был, что собрался
На разведку в крепость Выборг,
К кузнецу царь Петр приходит,
Выборжский кузнец промовил:
«Ты ковать меня возьми-ка,
Ведь я много сил имею!»
Вместе с кузнецом кует Петр,
И у кузнеца разведал
Все дороги и подходы,
Что ведут под крепость Выборг,
На большой двор цитадели.
Кузнеца с собой он вызвал,
Взял и молодцов московских,
Новгородцев белокурых...
И до Выборга добрался,
Стены крепости он сдвинул,
Лишь обломки с крыш летели¹⁸.

И, в самом деле, «большую роль, — пишет В. Тельпуховский, — в подготовке операций по овладению выходом в Финский залив сыграла помощь местного населения. Оно дружелюбно встречало русскую армию и сообщало русскому командованию ценные данные о шведах...

¹⁸ С КВР, II, 288.

Показания местных жителей и их дружественное отношение к русским были очень ценны для Петра. В письме адмиралу Ф. Головину от 5 сентября 1702 года Петр написал «Всё работники знают (иные еще лутче), которые по берегу живут»¹⁹.

Вышеприведенный отрывок руны о «сотрудничестве» Петра с кузнецом в деле овладения берегами Финского залива не является единственным случаем в устной карело-финской народной поэзии. В вариантах исторической песни, записи которых произведены в XIX в. и в начале 1945 г. в южнокарельском селе Вешкелицах, встречается аналогичный эпизод о помощи героя рун «Калевалы» — кузнеца Ильмаринена царю Петру и, следовательно, вообще русским. В варианте старой записи XIX в. повествуется:

Petri on kuuluisa kuningas
Moskovan hyvä molotsu,
Laati laivoset merehen.
Mi on mäess mäntyisiä,
Se on Petrin purjepuita.
Viisahah tuli Viipurihin
Suomenniemen sotiherra
Päivän ampui alatse,
Toisen päälitse.
«Oi, seppo Ilmarinen,
Tao keio kolmel sullal,
Ammu tuoh kirjavah kiveh!»
Kilpasti keio kivistä,
Mäni keio merehehen
Perin tietämättömähän...
Petri sano kuuluisa kuningas,
Moskovan hyvä molotsu:
«Laa! keio yheksäl sullal,
Vaskivarsi varasampi!»
Ampui kirjavah kiveh,
Mäni kivi meren taakse.

Петр царем был знаменитым,
Знатным молодцом московским,
Корабли спускает в море.
Сколько на горушке сосен,
Столько мачт в Петровском флоте.
С хитростью проник он в Выборг
И на финский полуостров.
День стрелял он с недолетом,
А второй день с перелетом.
«О, кователь Ильмаринен,
Скуй трехгранное копые мне,
Брось копые об пестрый камень!»
Пика, отскочив от камня,
В синем море утонула,
Без следов в пучине скрылась...
Молвил Петр — царь знаменитый,
Славный молодец московский:
«Скуй, кузнец, копые получше,
Изготовь в нем девять граней!»
То копые он в камень бросил,
Камень отлетел за море²⁰.

Копье как орудие борьбы с врагами в руках царя Петра, казалось бы, звучит как явный анахронизм. Однако многое становится ясным, если учесть, что впервые в мировой военной истории штык как составная часть ружья начал применяться при Петре I и ковавшие это холодное оружие карельские кузнецы вполне могли назвать такой первый штык копьем, функцию которого он по существу и продолжал. Известно, что такие штыки готовились при Петре I на расположенном в устье р. Лососинки Петровском заводе, в юго-восточной части Петрозаводска.

Несколько отличаются от рассмотренных выше вариантов этой исторической руны записанные нами в 1945 г. в с. Вешкелицы Пряжинского района Карело-Финской ССР и в дер. Кимовары Ругозерского района в 1948 г., но в них также говорится о помощи кузнеца Ильмаринена Петру I под Выборгом²¹.

Тема патриотизма пронизывает также поздние произведения, которые отражают исторические события XIX в.

В отдельных вариантах руны о вражде героев «Калевалы» — Унтамо и Калервы — в патриотических тонах повествуется о сборах молодого па-

¹⁹ В. Тельпуховский, Северная война, стр. 49.

²⁰ SKVR, II, 281.

²¹ Архив Карело-финской научно-иссл. базы Академии Наук СССР, фонды карельского фольклора.

стуха на войну 1812 г. против французских захватчиков. Так, руна, записанная от сказителя-ижора села Медусси Ленинградской области Андрея Иванова, заканчивается следующими словами:

Paimen poika poitulainen,
Poitukkainen, baitulainen
Vesti luikun lehmän luista,
Turun toivikko jaloista.
Tuo soitteli sotaan,
Ransan suureen sotaan.

Пастушок сынок бурлацкий,
Сирота, одет в лохмотья,
Сделал из коровьей кости —
Сделал свой рожок прекрасный,
На войну рожок сзывает,
На великий бой с французом ²².

Упоминания о борьбе с французами в годы Отечественной войны 1812 г. характерны и для других карело-финских рун о герое Калевалы — пастухе Куллерво.

Образ французов наполеоновской армии в карело-финских рунах встает рядом с образами татар, шведов и других врагов русского государства. Согласно руне, обнаруженной в селе Сойкола Ленинградской области, собравшийся на войну с французами и шведами патриот-мститель в ответ на полученные вести о смерти своих родных решительно заявляет:

Ei mie täältä poies pääse,
Musta mies on murentamatta,
Viel on Ruotsi ruokkimatta,
Tattarlainen tallomatta,
Rantsussit rakettamatta.

Не могу домой вернуться,—
Черный муж не побежден мной,
Швецию не «накормил» я,
И татары не разбиты,
И не выгнаны французы! ²³

В этом произведении сохранены традиции героических описаний руны «Калевалы» о том, как Куллерво, сын Калервы, собирается на войну против своих врагов (в большинстве вариантов руны это — шведы) и на войне получает вести о смерти своего отца, своей матери и своей жены.

Карело-финские руны имеют огромную ценность как высоко художественные произведения поэтического народного творчества. Но наряду с этим они ценны для нас так же, как произведения исторические. А. М. Горький справедливо указывал: «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории». Руны «Калевалы» и исторические песни показывают исторически складывающиеся дружеские отношения русских и карел.

Карело-финский эпос правдиво и непосредственно рассказывает о всемирной роли русской культуры, о значении борьбы русского народа с иноземными захватчиками также и для карел и финнов. Народное творчество опровергает лживые заявления националистической буржуазии о взаимной враждебности угрофинских и славянских народов, заявления, прямо служащие целям и интересам современных империалистов. Трудовой народ сам рассказывает о своей истории, дает оценки историческим событиям, историческим деятелям, и эти оценки резко расходятся с оценками истории, которые даны в работах либеральных и реакционных буржуазных ученых прошлого и современности.

²² SKVR, IV, 1384.

²³ Там же, III, 275.

Т. А. ЖДАНҚО

БЫТ КАРАКАЛПАКСКОГО КОЛХОЗНОГО АУЛА

(Опыт этнографического изучения колхоза им. Ахунбабаева
Чимбайского района Каракалпакской АССР)¹

Колхоз им. Ахунбабаева расположен на правом берегу канала Кегейли, в старейшем центре оседлости, орошения и земледелия каракалпаков дельты Аму-Дарьи, в районе, и до настоящего времени играющем роль одного из ведущих в Каракалпакской АССР в области сельского хозяйства — хлопководства, люцерноводства, садоводства, виноградарства и животноводства (рис. 1). Этот колхоз представляет большой интерес для предпринятого нами изучения социалистического переустройства культуры и быта каракалпаков, что обуславливается рядом фактов.

а) В дореволюционных литературных источниках имеется статистический материал, характеризующий население и экономику аулов Беш-ябской волости Аму-Дарьинского отдела, составивших впоследствии данный колхоз. Этот экономический материал хорошо дополняется собранными нашим отрядом среди населения сведениями о дореволюционном прошлом колхоза.

б) Колхоз организован в первые годы коллективизации, в обстановке острой классовой борьбы, при сопротивлении баев, мусульманского духовенства и ишанов, владевших землями нынешней территории колхоза. С этой точки зрения история колхоза представляет научный интерес для изучения борьбы партии и советской власти за коллективизацию в Каракалпакской АССР.

в) В настоящее время колхоз им. Ахунбабаева — один из самых передовых колхозов республики, успешно выполняющий государственный план по основным своим культурам — хлопку и люцерне, построивший крупное социалистическое хозяйство, в корне изменивший условия труда и быта колхозников и вырастивший десятки новых советских людей — стахановцев-хлопкоробов, учителей, государственных и общественных деятелей, героев — бойцов и офицеров Советской Армии.

Каракалпакский этнографический отряд впервые развернул работу в этом колхозе еще в 1945 г., во время историко-этнографической раз-

¹ В 1948 г. перед этнографическими отрядами Хорезмской экспедиции АН СССР впервые была поставлена задача монографического изучения современного быта каракалпакского колхозного аула; задание связано с разработкой Институтом этнографии АН СССР проблемы культуры и быта колхозов народов СССР. Каракалпакский этнографический отряд этой экспедиции, работающий под руководством автора с 1945 г., в течение четырех лет производил систематическую историко-этнографическую разведку среди каракалпакского населения республики, охватив обследованием все районы Каракалпакии и посетив свыше 30 колхозов. Непосредственное детальное знакомство с национальным составом колхозов Каракалпакии и локальными особенностями их экономики, материальной культуры и быта облегчило выбор колхоза для монографического изучения. При согласовании этого вопроса с Обкомом КП(б) Узбекской ССР и Советом министров Каракалпакской АССР, горячо поддерживавшими новое научное исследование, предпринятое Институтом этнографии АН СССР, избранный нами колхоз им. Ахунбабаева в Чимбайском районе был утвержден как первый объект для этнографического изучения.

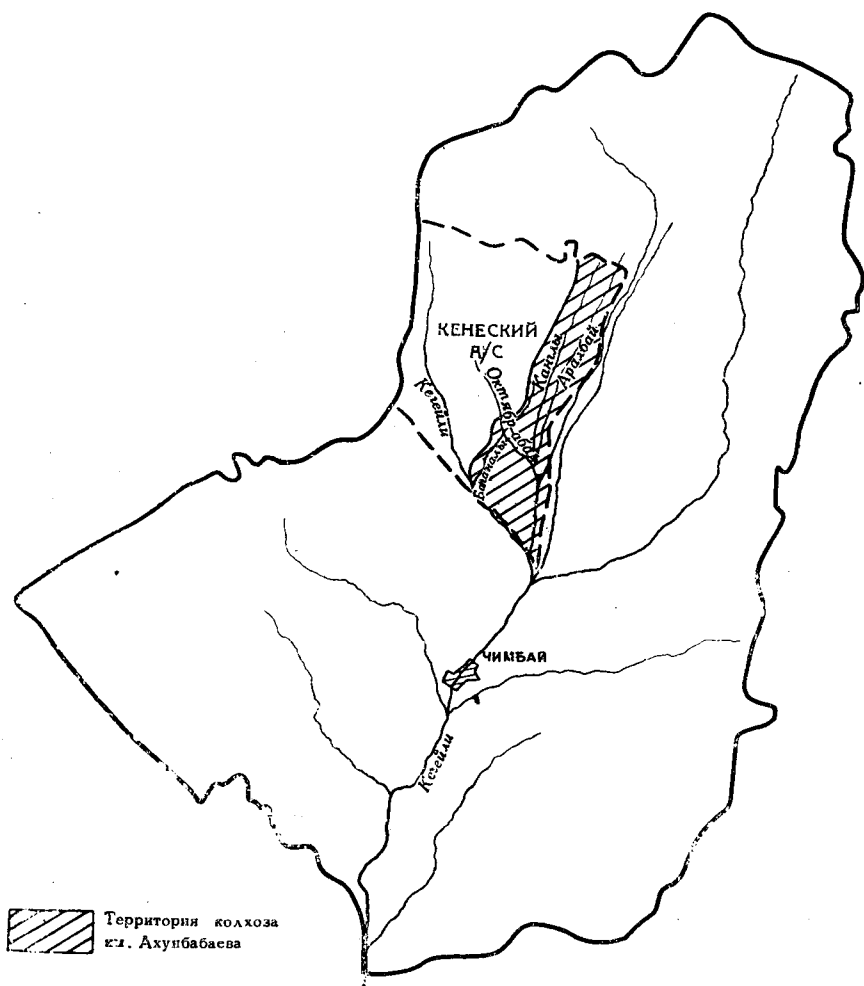

Рис. 1. Расположение колхоза им. Ахунбаева в Чимбайском районе Каракалпакской АССР

ведки Чимбайского района. Тогда были собраны сведения по истории местности и населения, установлено время прихода сюда каракалпакских племен ктай и кыпшак (начало XIX в.), осевших компактной массой на восточном берегу Кегейли и оросивших здесь земли с помощью густой сети построенных ими каналов. Записаны были также еще хорошо сохранившиеся в памяти населения предания о межплеменной и междоузовой борьбе за землю и воду, рассказы о злоупотреблениях и взяточничестве чиновников Хивинского ханства, в состав которого входила до 1873 г.² территория нынешнего Чимбайского района. Путем опроса стариков была восстановлена система родов и родовых подразделений племен ктай и кыпшак (см. рис. 2), в том числе и пяти родов, составлявших население аулов, ныне объединяемых колхозом им. Ахунбаева: Аралбай (племя ктай), Канглы, Баганалы, Джагалтай и Сангмурын (племя кыпшак)³.

² Год завоевания Хивинского ханства Россией.

³ О работе отряда в 1945 г. см. нашу статью «Этнографическая разведка в Чимбайском районе Каракалпакской АССР», «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР, вып. II, 1947.

В 1948 г. нами записаны более поздние исторические данные — о землевладении и землепользовании на территории колхоза в колониальный период, в годы, непосредственно предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, собраны материалы по истории организации колхоза и главным образом по его современному состоянию. Основными информаторами отряда были: председатель колхоза т. Бекбай Утениязов, член правления Садык Пирлепесов, секретарь парторганизации Аннакул Шамыкулов, учителя, стахановцы, бригадиры и некоторые рядовые колхозники. Очень интересные сведения, характеризующие байско-ишанскую эксплуататорскую группу, владевшую землями колхоза в дореволюционном прошлом, сообщил работник Чимбайского райкома КП(б) Узбекской ССР т. Утеш Халмуратов, как и все остальные информаторы, — уроженец изучаемого колхоза⁴.

* * *

Колхоз им. Ахунбабаева занимает в Кенесском аулсовете Чимбайского района (см. схем. карту) обширную территорию в 4170 га, из которых около 2000 га составляют хорошо орошенные пашни, остальная часть колхозных земель занята пастбищными угодьями (208 га), оросительной сетью (233 га) и песками (около 450 га). На животноводческих фермах колхоза — 430 голов крупного рогатого скота, свыше 500 овец и коз, 440 лошадей. Колхоз объединяет 214 хозяйств; общая численность его населения — 1547 человек. По национальному составу все колхозники — каракалпаки, за исключением одного человека — агронома-садовника узбека, недавно приглашенного из Самарканда, где он окончил сельскохозяйственный техникум, для наблюдения над большим фруктовым садом и виноградником — гордостью колхоза им. Ахунбабаева.

Как рассказывают колхозники, земли двух нынешних бригад колхоза были до революции собственностью крупного кулака — Гулек-бая из рода Аралбай. Кроме этих земель, он имел около 1000 голов крупного рогатого скота, тысячные отары овец и коз, 400 лошадей; до сотни батраков дехкан обрабатывали его посевы и пасли стада. Двое из них — 65-летний Юсупбек и 50-летний Канияз — сейчас колхозники колхоза им. Ахунбабаева; они рассказывают, что Гулек-бай ничего не платил своим батракам, обаяясь лишь кормить их и женить. Учитывая старые каракалпакские обычаи, согласно которым брак сопровождался необходимостью уплаты калыма за невесту и бедняки подчас вынуждены были оставаться одинокими из-за невозможности скопить деньги на калым, — такое обязательство бая было весьма существенным для батрака. Бай же, когда ему приходилось женить своих дехкан, никогда, разумеется, не тратил своих средств на калым, а насильственно вынуждал зависимых от него бедняков выдавать дочерей замуж. Кормил бай своих дехкан очень скудно, выдавая за работу в течение круглого года семейным не более 20 батманов зерна (чимбайский батман равен 22 кг), а холостым и того меньше. Кроме батраков у Гулек-бая были и издольщики — жарымши, работавшие на его земле за часть урожая.

⁴ В состав каракалпакского этнографического отряда в 1945 г. входили: автор настоящей статьи (руководитель), студенты-практиканты этнографического отделения исторического факультета МГУ — М. Райт, Л. Моногарова, И. Гроздова, Н. Лобачева, студент исторического факультета Гос. педагогического ин-та Каракалпакской АССР Р. Косбергенов. В 1948 г. в составе этого отряда работали: автор статьи (руководитель), Б. Андрианов (картограф и художник отряда), студентки МГУ Г. Латышева, М. Гефен и прикомандированные Научно-исследовательским ин-том Каракалпакской АССР мл. научн. сотр. С. Камалов и Р. Косбергенов, а также кинопруппа Московской студии научно-популярного фильма — М. Беркович (оператор) и Ю. Салов (ассистент).

После революции, в 1924 г., земли и стада Гулек-бая были конфискованы, а в годы коллективизации переданы трем колхозам Чимбайского района.

Не менее красочной фигурой, характеризующей эксплуататорскую верхушку рода Аралбай, жившего на территории изучаемого колхоза, был Калила-казы — казий (судья), также владевший прежде землями, составляющими теперь земли двух бригад колхоза. Он славился своей специализацией по разбору семейных и бракоразводных дел и своим взяточничеством, путем которого нажил большие богатства; однако главным богатством Калилы-казы, как рассказывают жители колхоза, были не земли и скот, а деньги и зерно: зерно он отдавал на условиях половинщины (жарымши) беднякам, у которых нехватало хлеба на зиму и не оставалось на посев; деньги же пускал в торговлю; сыновья Калилы-казы ездили в Оренбург, в Перовск и были известны как крупные торговцы. Этот казы руководил просвещением в ауле: он основал две школы (мектеб), в которых поставил муллами (учителями) своих близких родственников.

Известным богачом и эксплуататором был также живший до революции на теперешней территории колхоза им. Ахунбабаева Шарип-ишан, из потомственных (5-е поколение) ишанов рода Аралбай. Его земли занимали территорию нынешней 10-й бригады колхоза им. Ахунбабаева и 5-й бригады соседнего колхоза им. Максима Горького. Шарип-ишан руководил большим медресе, развалины которого до сих пор сохранились в колхозе. Экономическая сила и влияние Шарип-ишана были очень велики; подчиняя себе всех мулл окрестных селений, он при их посредстве собирал с населения налоги в пользу духовенства: усир (10-я часть урожая), питир (плата в период уразы) и др. Кроме того, он являлся фактическим распорядителем воды Аралбай-жаба, питавшего все земли аула Аралбай; его «аспекши», наблюдавшие за водопользованием, ходили вдоль канала и без санкции ишана не давали ни капли воды населению; казу — очистка канала — производилась также по приказу ишана. Он настолько завладел Аралбай-жабом, что в последнее время этот канал стали называть именем ишана. Из-за недостатка воды, узурпаторски захваченной ишаном, часть рода Аралбай вынуждена была выселиться отсюда и до сих пор живет в Куйбышевском районе, в местности Сор-жаб.

На землях 8-й бригады колхоза им. Ахунбабаева жил до революции Раим-хожа; это были вакуфные земли (ваким). «Направление хозяйства» Раим-хожи было своеобразно: он разводил люцерну (около 50 га) и кормил ею лошадей, крупную торговлю которыми вел с купцами Хивы. Этим не ограничивалась деятельность предприимчивого ходжи: он насадил тутовые деревья и организовал производство шелкового волокна, которым также торговал с Хивой. Выработкой волокна и уходом за червями на его предприятии занимались несколько рабочих, главным образом женщин-каракалпачек.

Для характеристики обстановки, в которой происходила борьба за коллективизацию в Каракалпакии, весьма показательна фигура Айтимбет-ишана, принадлежавшего к роду Канглы и также жившего на территории колхоза им. Ахунбабаева. Пиром (духовным наставником) Айтимбет-ишана был крупнейший каракалпакский Кара-Кум-ишан, для которого Айтимбет собирал при посредстве 20—30 супиев⁵ десятину — усир и другие подати и сборы с местного населения. Айтимбет-ишан активно пользовался своим влиянием на население для политической борьбы против советизации аула и коллективизации.

⁵ Супи — суфий.

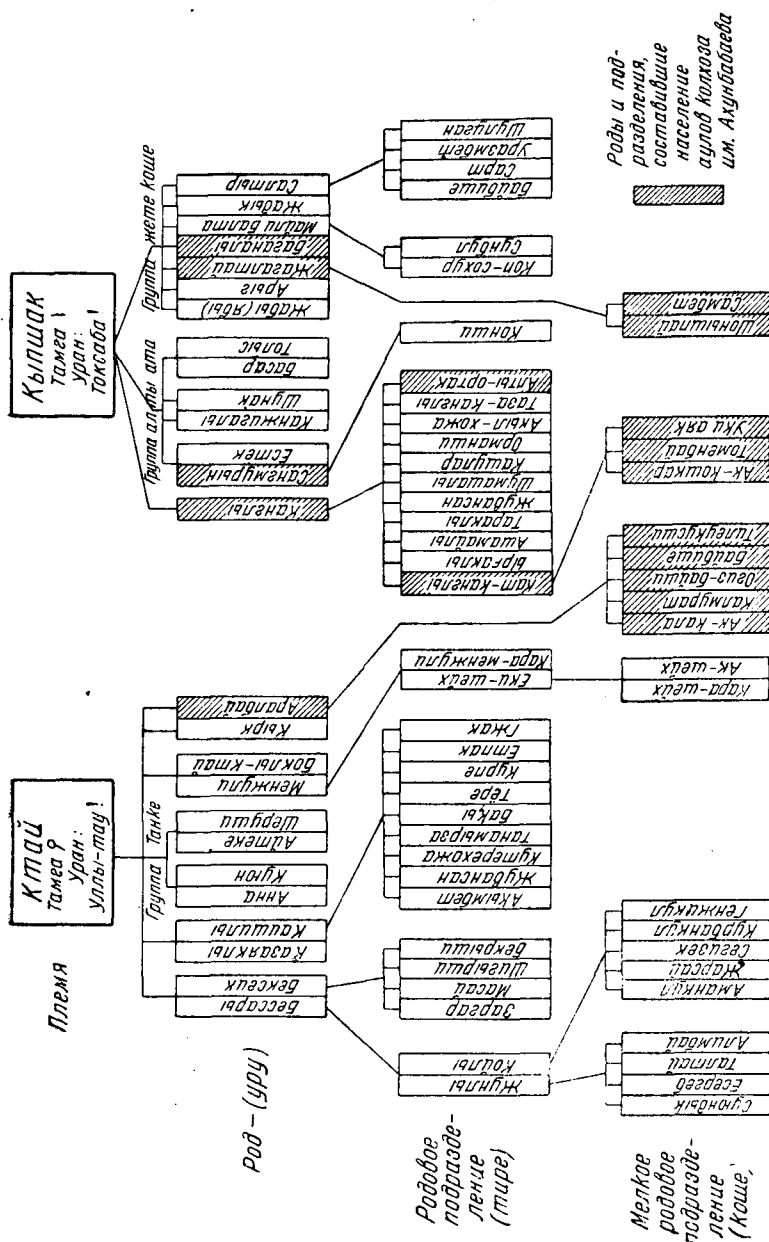

Рис. 2. Роды и родовые подразделения каракалпакских племен ктай и кыпшак. Схема составлена на основании материалов, собранных этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции в 1945—1948 гг.

Несомненно, что кроме представителей дервишизма — ишанов и мусульманского духовенства реакционную роль играла тогда вся феодально-байская верхушка аула.

Ярко и образно характеризует народ главных эксплуататоров, в кабале у которых находилось население нынешнего колхоза перед революцией и частично до самой земельной реформы. На примере прошлого колхоза им. Ахунбабаева весьма отчетливо выявляются основные черты социально-экономической структуры каракалпакского общества в колониальный период. В народном представлении еще устойчиво сохранялись традиции родовой общины: земля и оросительные каналы считались принадлежащими родам Аралбай, Канглы и др. Фактически же классовая дифференциация, уже много веков назад отличавшая общественный строй каракалпаков, достигла накануне Великой Октябрьской социалистической революции большой глубины и остроты. Внутри земельно-водной общины, в особенности в районе Чимбая, господствовало подворно-наследственное землепользование⁶. Земля и вода принадлежали баям и духовенству. Феодальная система эксплуатации (испольщина — жарымши, подати и сборы, натуральные повинности в пользу баев, ишанов и мулл) сочеталась с элементами капиталистических отношений (торговые и промышленные предприятия), все глубже проникавших в каракалпакский колониальный аул. Наконец, большую роль в системе эксплуатации играли патриархально-родовые пережитки. Многочисленные дехкане — батраки, работавшие на баев и ишанов, являлись их сородичами, кабальная эксплуатация этих зависимых крестьян сохраняла формы «родовой взаимопомощи», о чем свидетельствуют такие факты, как «оплата» труда путем обязательства женить дехкана (т. е. уплатить за бедняка-сородича калым) и кормить его семью. Существовали и другие формы «родовой взаимопомощи», как, например, широко распространенный «кумек» — обычай общественной помощи при постройке дома или в срочных полевых работах, выливавшийся в массовую отработку аула в хозяйстве бая. Патриархально-феодальные формы эксплуатации, как известно, были свойственны не только каракалпакам; они составляли своеобразие социального строя целого ряда народов, поработенных царской Россией, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт... или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального, полуфеодального быта»⁷.

Началом коллективизации в изучаемом районе можно считать 1929 г., когда здесь возникло первое товарищество по совместной обработке земли, охватившее территорию всего Кенесского аулсовета. Оно просуществовало всего один год; в 1930 г. был организован в б. Халмуратауле колхоз «Ленинши»; в 1932 г. образовались колхозы «Кзыл-кала» и «Кзыл-ту»; в 1933 — колхоз «Когамшы», объединивший население и земли Шаншпай-аула и Самбет-аула, а в 1934 г. в местности Аккала — колхоз «Райатком».

С 1936 г. колхоз «Кзыл-кала» стал называться именем Ахунбабаева, а в период с 1937—1938 гг. с ним слились все остальные четыре колхоза, образовавшие колхоз им. Ахунбабаева с его современной территорией и населением.

⁶ См., «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском Отделе», вып. I, Ташкент, 1915, стр. 175.

⁷ И. Сталин, Соч., т. V, стр. 25.

На фоне собранного нами материала о дореволюционном прошлом колхоза им. Ахунбабаева особенно ярки и показательны данные, рисующие его социалистическое настоящее. Основное место среди его сельскохозяйственных культур занимают хлопок (455 га) и люцерна (370 га). Затем следует пшеница (110 га), рис (75 га), джугара (40 га), маш (35 га), ячмень (30 га) и др. 10 га занимают бахчевые культуры, по 5 га — огород, сад с виноградником и плантации тутовника. Эти цифры свидетельствуют о том, что в противовес колониальному прошлому, когда основной массив поливных земель в районе Чимбая вследствие преобладания натурального хозяйства был занят пшеницей, просом, джугарой и другими зерновыми культурами, — в настоящее время главное богатство колхоза составляют посевы высокодоходных технических культур — хлопка и люцерны. 90% своего дохода колхоз получает от хлопка; при 482 тыс. рублей дохода в 1947 г. колхоз в 1948 г. получил свыше миллиона рублей. Этот рост дохода (более чем вдвое) обеспечивается главным образом повышением урожайности хлопка и люцерны.

В материалах статистического обследования Аму-Дарьинского отдела Переселенческим управлением, относящихся к 1912—1913 гг., нам удалось найти точные данные о сельскохозяйственном инвентаре пяти аулов Беш-ябской волости (соответствующих территориально нашему колхозу): 27% хозяйств вовсе не имели сельскохозяйственного инвентаря; вся «техника» остальных 146 хозяйств выражалась в 144 деревянных сохах — кунде и 135 боронах — также деревянных⁸. Ныне же все земли колхоза обрабатываются мощными тракторами и сельскохозяйственными орудиями соседней Кировской МТС, и, кроме того, в бригадах колхоза имеется свыше 40 конных плугов, 26 культиваторов для хлопка, 22 окучника, сеялки, лобогрейки и прочий необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Не вполне изжиты еще и старые орудия: колхоз имеет 38 кунде и 15 деревянных борон (мала). Эти орудия употребляются главным образом на неудобных для машинной обработки участках пашни или на приусадебных участках, а также в случаях необходимости мобилизации всех сил колхоза для срочных пахотных работ.

Транспортное хозяйство колхоза составляет: одна грузовая автомашина, 28 арб, обслуживающих производственные бригады, и одна лодка-каик на протоке Кегейли для связи с Чимбайским хлопкоочистительным заводом. Как и повсеместно в Каракалпакии, арбы старого типа наряду с автомобилем имеют широкое распространение, особенно в качестве внутриколхозного транспорта, что связано с отдаленностью и разбросанностью бригад, недостатком мостов и частым затоплением дорог, перерезанных густой оросительной сетью. В колхозе распространен облегченный тип каракалпакской арбы (тат-арба), имеющей более тонкие сравнительно с хивинской колеса, обод которых (тогын) состоит из нескольких (до 10) соединенных между собой частей; диаметр колеса достигает 2 м (170—185 см).

В колхозе имеются две мастерские для ремонта сельскохозяйственного инвентаря. Плотничья мастерская занята главным образом ремонтом арб, а также разными работами в строящихся общественных зданиях колхоза. Кузнечная мастерская ремонтирует железный инвентарь и занимается выработкой серпов (урак), кетменей и лопат (бель), а в осенний и зимний сезоны — выделкой железных печей для колхозников.

⁸ См. «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе», вып. II, стр. 13.

Огромное значение в хозяйственной жизни колхоза им. Ахунбабаева имела реконструкция ирригационной сети. До революции каждый из родовых аулов имел свои земли вдоль канала, отведенного данным родом непосредственно из Кегейли; будучи расположены в нижнем течении Кегейли, эти каналы получали мало воды. Слабый напор воды и ее низкий уровень делали необходимым употребление чигирей; их было 66 на этой территории. Чигири — громоздкие водоподъемные сооружения с привязанными к деревянному колесу глиняными кувшинами — черпаками (дигир) при низкой производительности требовали большой затраты труда и силы рабочего скота, непрерывно вращавшего колесо. При общем недостатке воды, как мы видели выше, крупные баи и духовенство полностью захватили распределение воды внутри аула в свои руки, и в результате безводие стало обычным бедствием, от которого страдало сельское хозяйство. Кроме того, головные сооружения каналов постоянно заиливались. Частые казу, на которые баи и администрация сгоняли население для очистки сети, тяжким бременем ложились на бедняков, — богатые и середняки откупались от этих тяжелых работ взятками.

В 1936 г. для урегулирования водоснабжения колхозов Кенесского и Тоза-джольского аулсоветов Чимбайского района (в том числе и колхоза им. Ахунбабаева) был построен новый крупный инженерного типа канал-распределитель Октябрь-абад, идущий параллельно Кегейли и подхвативший головы колхозных каналов-распределителей (см. рис. 1). Постройка Октябрь-абада была важным событием в жизни колхоза, разрешив более чем столетнюю проблему водоснабжения его земельных угодий; чигири за ненадобностью исчезли, чигирное орошение окончательно отжило свой век. Старые каналы Аралбай-жаб и Канглы-жаб перестроены, сейчас ведутся работы по переустройству Баганалы-жаба; на очереди — реконструкция остальных колхозных каналов, постройка на колхозных распределителях бетонных водовыделов и усовершенствование мелкой ирригационной сети — бригадных и звеньевых оросителей.

Колхоз не испытывает недостатка в воде, пуск которой на участки бригад тщательно регулируется опытным мирабом Сагы Фаттулаевым; утопают в зелени колхозные поля, сады, бахчи, усадьбы колхозников; широкие улицы центрального поселка, еще не везде застроенные домами, уже заранее обсажены пирамидальными тополями, тенистыми ивами, джидой и тутовником.

* * *

Большое значение в успешном развитии колхоза имеет хороший подбор его руководителей. Правление колхоза возглавляет всеми уважаемый человек — Бекбай Утениязов; уроженец этого аула, бывший батрак, он вступил в колхоз в 1931 г. С 1937 г. Утениязов стал председателем своего аулсовета, затем — депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. В течение четырех лет он в рядах Советской Армии участвовал в борьбе с немецкими захватчиками и был награжден тремя медалями. По возвращении из армии в 1944 г. он был избран председателем правления колхоза им. Ахунбабаева, а в 1946 г. за успешную организационную деятельность был награжден орденом Ленина. Остальные шесть членов правления: секретарь парторганизации колхоза и председатель совета урожайности Аннакул Шамыкулов, еще в 1939 г. награжденный за свою работу по повышению урожайности хлопка в колхозе почетной грамотой, а в 1945 г. орденом «Знак почета»; счетовод Садык Пирлепесов, заведующий фермой, инвалид Отечественной войны Абдимбетов и три бригадира.

Население и территория колхоза разделены на производственные бригады. Бригады разбросаны на значительном расстоянии друг от друга (см. рис. 3); будучи организованы по территориальному признаку, они

располагаются на месте прежних аулов, по основным артериям оросительной сети — каналам Канглы-жаб, Аралбай-жаб, Джагалтай-жаб, Баганалы-жаб. Традиция старого типа расселения отразилась на составе бригад, каждая из которых в большинстве случаев представляет собой мелкое родовое подразделение, в прошлом — родовой аул (см. ниже таблицу).

Рис. 4. Трактор на озелененной улице центрального поселка колхоза им. Ахунбабаева

214 хозяйств колхоза делятся на 14 производственных бригад (от 9 до 23 хозяйств на бригаду), обрабатывающих посевы на поливных землях; каждая бригада состоит из нескольких звеньев; хлопковые поля распределены таким образом, что на каждую бригаду приходится

Таблица родо-племенного состава населения колхоза им. Ахунбабаева (по территориям бригад)

№ бригады	Племя	Род (уру)	Подразделение рода (тире)	Мелкое родовое подразделение (коше)
I	Кыпшак	Жагалтай	Шанышпай-караган	
II	Ктай	Аралбай	Байбише	
III	Кыпшак	Баганалы		
IV	Кыпшак	Канглы	Кат-канглы	Ак-кошкар и Томенбайдан туган
V	Ктай	Аралбай	Ак-кала	
VI	Кыпшак	Канглы	Кат-канглы	Уки аяк
		Сангмурын		
VII	Ктай	Аралбай	Огиз бойши	
VIII	Кыпшак	Канглы	Алты ортак-канглы	
IX	Ктай	Аралбай	Калмурат-аулы	
X	Ктай	Аралбай	Калмурат-аулы	
	Кыпшак	Сангмурын		
XI	Кыпшак	Канглы	Кат-канглы	Ак-кошкар и Уки аяк
XII	Кыпшак	Канглы	Кат-канглы	Томенбайдан туган
XIII	Кыпшак	Жагалтай	Самбет-аулы	
XIV	Ктай	Аралбай	Тлеу-кусши	

25—35 га, остальные же культуры занимают от 6 до 12 га. Работают в каждой бригаде 20—30 человек, кроме того, в колхозе имеется одна зерновая бригада в 30 человек, огородная бригада из 3 человек и на фермах занято 25 колхозников. Из общего числа (свыше 400) колхозников, занятых в производстве, около половины составляют женщины.

Рабочий скот колхоза — 72 быка, часть лошадей (основные табуны колхоза находятся на конеферме, за пределами Чимбайского района) и 50 ослов распределены по бригадам; в каждой из последних имеется склад и сушилка для хлопка, помещение для сельскохозяйственного инвентаря и хлев для рабочего скота (см. рис. 5).

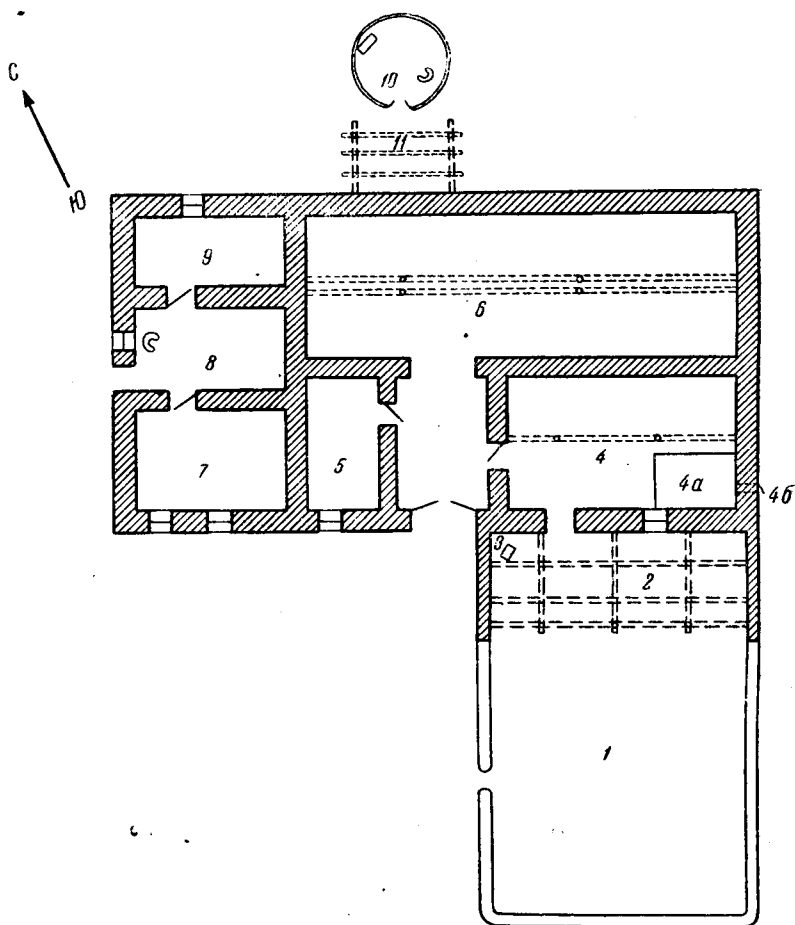

Рис. 5. План хозяйственных построек 11-1 бригады колхоза им. Ахунбаева: 1 — открытая площадка для просушки хлопка, собранного на полях бригады; 2 — навес (шертек); 3 — десятичные весы; 4 — хлопковый склад с обогреваемой снизу суфой (4а) для просушки хлопка в плохую погоду; 4б — топка для нагрева суфы; 5 — второе помещение хлопкового склада; 6 — хлев (сеисхона) для рабочего скота бригады; 7 — кладовая для сельскохозяйственного инвентаря и другого имущества бригады; 8 — хозяйственное помещение с очагом; 9 — комната сторожа; 10 — юрта сторожа; 11 — навес (шертек)

Хлопководство — чрезвычайно трудоемкая работа, требующая множества сложных и разнообразных агрономических мероприятий в период вегетации и созревания хлопчатника (многократные поливы, разрыхление почвы, окучка, подкормка минеральными удобрениями, чеканка и др.).

При обеспеченности водой и необходимым инвентарем урожай, а следовательно, и честь выполнения колхозом государственного плана

зависят в основном от трудоспособности бригады и организационного умения бригадиров и звеньевых.

Лучшие бригады колхоза — 11-я и 12-я. В 11-й бригаде три стахановских звена; из них на первом месте стоит звено старика Шамурата Мусаева — мастера урожая хлопка, прославившегося не только

Рис. 6. Стахановец — звеньевой 11-й бригады колхоза им. Ахунбабаева мастер хлопкового урожая Шамурат Мусаев

в свей республике, но и во всей Советской стране. Его достижения не случайны, а растут систематически из года в год; вот цифры постепенного повышения урожайности на участке звена Мусаева.

Год	Урожай (в ц с га)	Год	Урожай (в ц с га)
1937	36	1943	57
1938	46	1944	61
1939	58	1945	62
1940	60	1946	64
1941	62	1947	72
1942	43	1948	83

В 1948 г. Мусаев обязался дать по 75 ц с га при плановом задании для его звена в 18 ц и перевыполнил обязательство, дав 83 ц с га. Мусаев имеет диплом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, где демонстрировались его достижения — результат долголетнего опыта, кропотливого, любовного ухода за хлопчатником, тщательного выполнения всех агрономических правил. 750 трудодней выработал в 1947 г.

этот 60-летний старик, получив при распределении доходов 6000 рублей деньгами и $2\frac{1}{2}$ т зерна. Мусаев любит и привык делиться своим опытом и знаниями: к нему часто приезжают бригадиры и звеньевые других колхозов района, и сам он охотно участвует в районных агрономических конференциях и совещаниях.

Кроме звена Мусаева, в колхозе есть еще стахановские звенья: так, Палуан Серджанов обязался собрать со своего участка по 60 ц с га и в сентябре 1948 г. уже перевыполнил это обязательство, дав 80 ц с га; звено Пирлепесова успешно выполняет свое обязательство сдать государству по 70 ц с га. Одно из стахановских звеньев в 12-й бригаде возглавляет женщина Урамзимбетова. Среди сборщиков хлопка на первом месте исключительно женщины: это — Сырга Мамубаева, собирающая в день 160—170 кг, Узина Усенова — 150—160 кг, Мавида Рахматова — 130—140 кг и др. Как обязательства, так и стахановские достижения широко обсуждаются в колхозе, все их знают. Звеньевые рассказывают с гордостью, что свои обязательства они давали лично товарищу Сталину, собственноручно подписавшись в письме, которое посылали великому вождю в этом году колхозники и колхозницы Каракалпакии.

Однако не одно лишь наличие стахановских звеньев характеризует новое, социалистическое отношение к труду в каракалпакском колхозе. Чувство коллективной и личной ответственности за порученные участки работы можно наблюдать постоянно, в повседневной производственной и общественной жизни. В горячее время уборки хлопка, когда от каждого трудового дня зависит выполнение колхозом государственного плана, поздними вечерами съезжаются к конторе правления бригадиры и звеньевые для подведения итогов рабочего дня и составления программы работ каждой бригады на следующий день. Иногда эти совещания колхозного актива затягиваются до глубокой ночи. Доска показателей работы бригад и звеньев — всегда в центре внимания колхозников; оказавшиеся на черном фоне, под рисунками ишака и черепахи, вызывают не только обидные замечания и насмешки: общественность колхоза весьма энергично осуждает их на собраниях, требует смены не справляющихся с делом звеньевых и бригадиров, они теряют авторитет и уважение. Передовики колхоза оказываются на красном фоне, под изображениями самолета, автомашины и коня. Изображение паровоза, столь обычное в подобных случаях в других колхозах страны, здесь отсутствует; надо думать, что с окончанием постройки железной дороги Чарджоу — Кунград образ паровоза станет столь же популярным в колхозах Каракалпакии, как и выполняемые колхозными художниками с большим толком рисунки самолета и автомобиля — основных транспортных средств в республике в настоящее время. В правлении колхоза висит стенгазета «Алга!» («Вперед!»), основные авторы которой — комсомольцы; содержание статей в основном — подтягивание отстающих. Здесь тоже, наряду с заметками о хороших производственниках, фигурирует пресловутая тасбака — черепаха с изображением едущих на ней прогульщиков и срывщиков плана и с сатирическими стишками под карикатурой.

* * *

Еще с 1939 г. начаты работы по переустройству селений, входящих в состав колхоза им. Ахунбабаева. По проекту, составленному земельными и водными органами Чимбайского района, новая планировка предусматривает организацию озелененного поселка в центре колхозных угодий, в котором вдоль улиц, окаймленных арыками и обсаженных деревьями, рационально располагаются общественные, хозяйственные и культурные учреждения, усадьбы и приусадебные участки колхозников. Новая планировка покончит с пережитками старого разбро-

санного типа расселения родовыми группами, который способствовал замкнутости и разобщенности населения и, с другой стороны, создавал возможность реализации частнособственнических тенденций некоторых семей к самовольному расширению индивидуальных приусадебных участков за счет прилегающих к окраинам колхозных угодий неосвоенных земель. Как это видно из плана колхоза (см. рис. 3), проект социалистического переустройства колхозного поселка уже осуществляется.

В центре поселка, на территории 4-й бригады, строится новое большое здание правления колхоза с 7 комнатами, в число которых входит: приемная председателя, бухгалтерия, канцелярия, комната партийной и комсомольской организаций и др. Перед входом возводится большая суфа (глинобитное возвышение) с тенистым навесом над ней. Недалеке от здания правления расположены хозяйственные постройки колхоза — склады (зерновой и фруктово-овощной), гараж, магазин, столярная и кузнечная мастерские; тут же возле молодой тополевой рощи, — клуб, гостиница и медпункт. В глубине обнесенного дувалом сада и виноградника, в конце красивой аллеи, обсаженной высокими пирамидальными тополями, находится «михманхана» колхоза — небольшое здание с навесом и суфами, покрытыми кошмами и коврами; здесь среди зелени, фруктов и журчащих ары-

Рис. 7. Сбор яблок в колхозном саду колхоза им. Ахунбабаева

ков прекрасного сада, принимает колхоз своих почетных гостей, угощая их разнообразными сортами винограда, персиками, яблоками и душистыми дынями. По мере осуществления проекта строительства колхозного поселка в нем появятся новые культурные учреждения — столовая, баня, парикмахерская и др. Все общественные колхозные здания представляют собой глинобитные сооружения из 4—5 слоев пахсы; они строятся под руководством местных мастеров — усто, без каких-либо утвержденных стандартных архитектурных проектов. Хлева для колхозного скота находятся на фермах. Ферм — три: первая во 2-й бригаде — для крупного рогатого скота; это — обширная постройка с отдельными помещениями для коров, телят, быков-производителей; кроме крытых хлевов, окружающих большой двор, имеются отдельный загон и ряд подсобных помещений для хранения и переработки молочных продуктов (в колхозе есть несколько сепараторов), а также жилых помещений для заведующего фермой и чабанов. Летом скот не загоняют на ночь в хлева. Близ берега канала Октябрь-абад стоят несколько юрт, составляющих полевой стан фермы, а возле них устроен своеобразный загон — ровная площадка, окруженная вместо изгороди неглубоким рвом с гре-

бенчатыми выступами, острые края которых препятствуют переходу скота, ночующего в этом загоне, через ров. Вторая ферма, для мелкого рогатого скота, находится в 14-й бригаде, в северной полупустынной части колхозных земель, где сконцентрированы пастбища. Там построен большой загон для овец и коз, находящихся почти круглый год на подножном корму, и несколько утепленных хлевов для молодняка. Третья ферма колхоза — конеферма — находится в урочище Казан-Кеткен; хорошие пастбища этой местности обусловили целесообразность перевода туда общественных табунов многих колхозов Чимбайского района.

На территории колхоза имеются три начальные школы, работающие

Рис. 8. Ученики одной из начальных школ, находящихся на территории колхоза им. Ахунбабаева

в две смены; все дети колхозников в возрасте от 7 до 10 лет охвачены учебой, всего в школах 203 ученика четырех классов; мальчики и девочки учатся вместе. Дети старше 4-го класса учатся в неполной средней школе (8 классов) соседнего колхоза им. Куйбышева и в школе-десятилетке другого соседнего колхоза им. Горького. Учителей — 5, все они каракалпаки и уроженцы колхоза им. Ахунбабаева, окончившие Педагогическое училище в Чимбае. Кроме того, два учителя, окончившие заочно I курс Педагогического института в Нукусе, продолжая жить в своем родном колхозе им. Ахунбабаева, преподают в старших классах соседней неполной средней школы русский язык, историю и географию. Здания школ представляют собой помещения из трех комнат и кладовой, соединенных коридором; две комнаты — классы, третья — учительская. В одном случае здание школы объединено с пристроенным к нему детским садом (рис. 9).

Культурные учреждения в колхозе не ограничиваются школами. Имеется медпункт, где работают две девушки-украинки: врач, окончившая Ташкентский медицинский институт, и медсестра, окончившая медицинский техникум в Днепропетровске. Медпункт обслуживает население трех колхозов (26 бригад); прием больных в здравпункте составляет

около 30 чел. в день. Кроме того, медицинские работники выезжают для лечения больных на дому. Систематически проводятся прививки против оспы и тифа. Пункт организован в 1939 г.; первое время обращались к врачам неохотно, население еще широко пользовалось услугами знахарей и шаманов — пурханов. Знахари лечили нарывы, прикладывая к ним убитую лягушку; при болезни уха — били по ушам легкими свежесрезанного барана; ожоги присыпали смолотым просом; для излечения от малярии муллы заговаривали больных. «Лечение» больных пурханами (изгнание злых духов — жинов) проходило при большом скоплении народа в юрте; все пришедшие должны были быть в чистых рубахах. Пурханами бывали мужчины и женщины, шаманили без бубна, сопровождали камлание прыжками и дикими воплями.

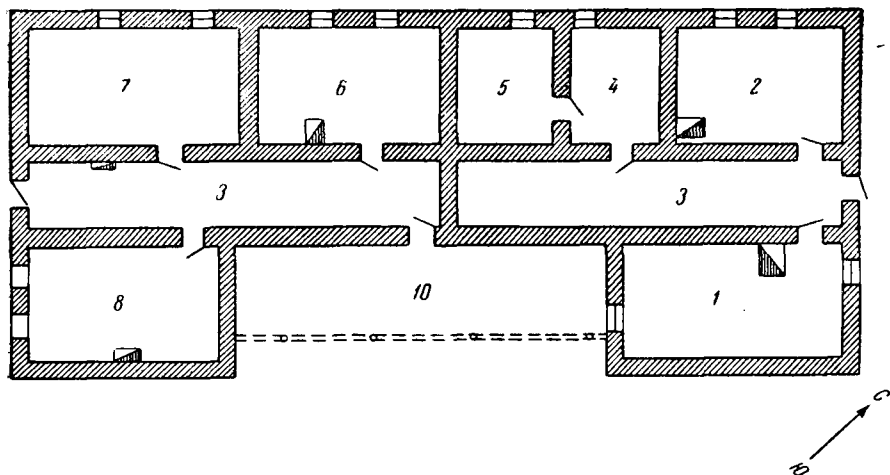

Рис. 9. План здания начальной школы и детского сада, расположенных в поселке 5-й бригады колхоза им. Ахунбабаева: 1, 2 — классы; 3 — коридор; 4 — учительская; 5 — комната заведующего школой; 6 — кухня и кладовая детского сада; 7, 8 — комнаты для детей (зимнее помещение); 9 — коридор детского сада; 10 — навес (шертек), в тени которого дети проводят время летом

Шаман сообщал, по ком из предков или шейхов следует устроить поминки для излечения больного.

Сейчас, разумеется, картина в корне изменилась. Врач и медицинская сестра пользуются заслуженным авторитетом среди колхозников; их вызывают к больным и роженицам. Медицинские работники ведут большую разъяснительную работу и безотказно снабжают больных медикаментами. На очереди дня — организация при медпункте больницы на несколько коек.

Колхозный клуб — просторное, высокое помещение с оборудованной сценой; однако клуб еще недостаточно развернул свою деятельность, и большинство культурных и политико-просветительных мероприятий проводится не систематически. Между тем актив культработников имеется, есть молодежный коллектив музыкантов (7 дутаристов, певцы), есть группа пропагандистов (преимущественно учителя), которые проводят в бригадах беседы и лекции. В этом году ими были проведены беседы по международному положению, по значению развития хлопководства, несколько антирелигиозных бесед и др. Несколько раз в течение года приезжают в колхоз кинопередвижка и передвижной колхозный театр; в репертуар последнего, наряду с музыкальными и вокальными номерами, входят выступления народных сказителей — жирау с произведениями каракалпакского народного эпоса. Посещают колхоз также артисты столичного (Нукусского) Государственного каракалпакского

драматического театра, дает концерты национальный ансамбль Чимбайской филармонии. Недавно в клубе установлен хороший радиоприемник, проводится радиофикация домов колхозников. Колхоз связан телефоном с районным центром.

Газеты получают правление колхоза и школы; это — республиканские газеты «Кзыл Узбекистан» (на узбекском яз.), «Кзыл Каракалпакстан» (на каракалпакском яз.) и районная — «Колхоз Куши», на русском языке выписываются газеты — «Советская Каракалпакия», «Комсомолец Узбекистана»; из центральных газет получают «Учительскую газету» и «Пионерскую Правду».

У колхозников более 20 патефонов; набор пластинок очень разнообразен — преобладают каракалпакские музыкальные произведения, но много также узбекских, казахских и русских (народные песни и фронтовые — периода Великой отечественной войны).

* * *

Перейдем к описанию индивидуальной усадьбы колхозника и его семейного быта.

Бюджет семьи колхозника складывается из оплаты трудодней работающих членов семьи и продуктов, полученных с приусадебного участка и от домашнего скота. Размер приусадебного участка, согласно закону, составляет 0,3 га, из них 0,04 га под усадьбой и 0,26 га посевов. Из культур на приусадебном участке наиболее распространены джугара и бахчевые. В индивидуальном пользовании у 214 хозяйств колхоза находятся 273 коровы (не считая телят), 717 овец, 658 коз и 134 осла. Для пастьбы индивидуального скота каждая бригада имеет своего чабана, которого нанимают сообща (из числа посторонних колхозу лиц). Скот ежедневно пригоняют в селение; доение и приготовление молочных продуктов каждая семья производит у себя дома, а не на пастбище.

В условиях Каракалпакии не только общественные постройки, но и современные жилища колхозников являются показателями достижений советского строя, нового быта. До революции население, как правило, не имело домов — за исключением баев, аксакалов, духовенства и других представителей социальной верхушки аула, которые строили большие усадьбы-крепости по типу хивинских «хаули», с коридором (дализ), несколькими комнатами (ожре), кладовыми, высокими «уйжайями» для юрт, айванами, внутренними двориками, обширными хлевами (сеисхона) и конюшнями. Вся усадьба окружалась высокой глинобитной стеной с башенками по углам; стены украшались тисненным на глине геометрическим орнаментом. Все прочее население жило летом и зимой в юртах, имея иногда небольшие мазанки в качестве хозяйственных построек и землянки для скота. За последние годы перед революцией в наиболее экономически развитом районе окрестностей Чимбая стало строить дома и среднее крестьянство. По данным 1912—1913 гг. на 200 хозяйств, составлявших население аулов, вошедших в колхоз им. Ахунбабаева, приходилось 52 хозяйства, имеющих постоянные жилые постройки.

Каракалпакский дом (там) старого типа, уже весьма редко встречающийся в колхозных аулах, представляет собой невысокое (4 слоя пахсы) прямоугольное сооружение около 20 м длиной и 12—15 м шириной, с единственным входом, закрытым воротами — даруаза, створки которых состоят из грубо сколоченных деревянных рам с перекладинами. Прямо от ворот в глубь дома идет коридор — дализ, соединяющий все внутренние помещения: жилые ожре (обычно 2), уйжай, кладовую и хлев — сеисхона, который занимает обычно около $\frac{1}{3}$ тама и расположен во всю ширину задней стены дома, отделяясь от упирающегося в него дализа легкой калиткой из палок и ветвей. Весь «там»

покрыт плоской крышей из бревен, камыша или стеблей джугары и слоя глины, причем над зимним помещением для юрты — уйжаем — крыша несколько возвышается, и в ней имеется большое прямоугольное дымоходное отверстие, приходящееся над «шангарак» и, следовательно, центральным очагом юрты. Имелись очаги и в ожре; печей не было, окна заменялись небольшими световыми отверстиями на крыше или в верхнем, четвертом слое пахсы. Старый «там», несомненно, несколько улучшал бытовые условия каракалпакской крестьянской семьи в зимний период года сравнительно с тесной юртой, плохо защищавшей от зимних холодных ветров и стужи. Однако и это примитивное, плохо утепленное, антигигиеничное зимнее жилище, в котором человек жил вместе со скотом, бытовало, как мы видели, в единичных случаях в ауле.

Сейчас все колхозники имеют теплые зимние дома, с окнами и железными печами. Наряду с домом — юрта, за редкими исключениями, составляет обязательный элемент усадьбы каракалпакского колхозника. Среди жилых домов, строящихся в последние годы, уже не встречается построек с хлевом под одной крышей, последний выносится из дома и строится поблизости от него.

Характерным для жилого комплекса современной колхозной усадьбы следует признать глинобитный «там» — дом нового типа с двумя комнатами (парадной и хозяйственной — кухней), с несколькими большими окнами и удобными печами, приспособленными и для варки пищи и для отопления комнат (рис. 10). Кроме этих ожре, в доме, как и прежде, находятся кладовая и большой, более высокий, чем остальные помещения, уйжай. В самые холодные месяцы года юрта в уйжае стоит пустая, семья переселяется в ожре; весной и осенью живут в юрте внутри тама, а на все лето юрту выносят наружу и устанавливают поблизости от дома, ориентируя всегда на юг и строя возле нее навес — шертек, с удобными суфа и очагами; здесь протекает летом жизнь семьи, дом остается до осени лишь хозяйственным помещением. Таким образом, традиции полукочевого быта и привычка к национальному жилищу — юрте — еще сохраняются в быту каракалпаков-колхозников. В наиболее культурных семьях теперь внутреннее устройство юрты несколько изменяется по сравнению с традиционным. Исчезает очаг для приготовления пищи, он выносится в хозяйственные помещения, остается лишь центральный очаг под отверстием шангарака — для кипячения чая и обогрева в прохладную погоду; освободившееся пространство часто занимают стол, стул, шкафчики, швейная машина. В связи с перенесением кухни наблюдается большая чистота; юрта остается излюбленным местом для отдыха, еды, приема гостей, для сна. Выработанная веками конструкция этого национального жилища каракалпаков обеспечивает в самую жаркую погоду прохладу и доступ свежего воздуха, дает возможность укрыться от комаров. Ковровые изделия (кзыл-кур, есык-кас, каршин и др.) чрезвычайно украшают внутреннюю обстановку юрты, представляя собой предметы своеобразного и богатого каракалпакского народного искусства.

При изучении обстановки дома и юрты (рис. 11) нами зафиксировано очень много мелких предметов новой утвари, свидетельствующих о развитии культурных навыков (полотенца, баки для питьевой воды, керосиновые лампы, алюминиевые тазы, чайники, кастрюли, ложки, умывальники и пр.). Наряду с этим еще устойчив комплекс старой утвари, постоянно встречаются деревянные стулки, маслوبيки, разнообразные тыквенные сосуды, кожаные сумки для муки, круп и молочных продуктов, чугунные котлы — казан. В каждом хозяйстве есть ручная мельница, установленная на подставке в углу хозяйственной ожре или уйжая. Несмотря на наличие в новых домах и юртах столов, по традиции едят всегда на полу, расстелив скатерть — дастархан на вой-

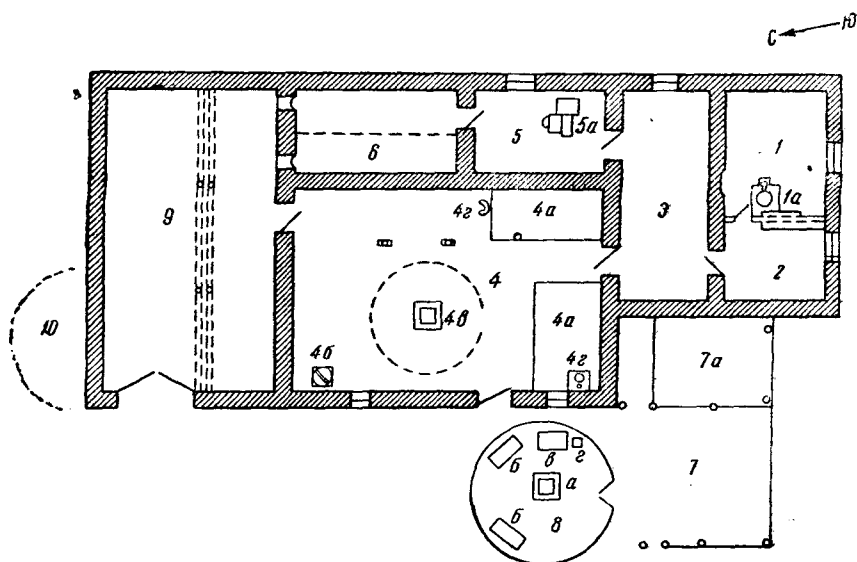

Рис. 10. План усадьбы Бекбая Утениязова, председателя колхоза им. Ахунбабаева: 1—2— зимние жилые комнаты (ожере) с печью (1а) и дощатым полом; 3— коридор-сени (дализ); 4— зимнее помещение для юрты (уйжай): а— глинобитные возвышения «суфа», накрытые циновками и кошками; б— мельница (дигирман) с ручными жерновами; в— место, где устанавливается на зиму юрта; г— очаги для варки пищи; 5— кладовая с печью (5а) для мелкой хозяйственной утвари; 6— кладовая с деревянным настилом вдоль всей стены для хранения зерна и других запасов; 7— навес (шертек) возле дома с большой суфой (7а); 8— юрта: а— очаг; б— шкафчики (сантык) для посуды с уложенными сверху одеялами и подушками; в— стол; г— стул; 9— хлев (сеихона); 10— загон для мелкого скота, сделанный из палок и ветвей (кора)

локах и коврах. Широко распространен еще антигигиеничный, вредно влияющий на физическое развитие ребенка бесык (деревянная люлька). В то же время обязательно при входе в юрту вы увидите висящую на решетке кереге сумку, любовно украшенную материнскими руками цветным орнаментом — аппликацией из лоскутов; это — сумка школьника с его книжками.

Во время приема и угощения гостей колхозники строго соблюдают обычаи гостеприимства, которым всегда отличался каракалпакский народ. Гостя помещают в юрте на почетном месте — тор — против входа, ему предназначаются лучшие куски пищи; в парадной комнате дома вся обстановка приспособлена для удобства гостей: сверх камышевых циновок расстелены кошмы, паласы, ковры, имеется запас нарядных новых одеял и подушек, подкладываемых под локоть; обычно здесь имеется и кровать, которая также предоставляется гостям; помещение содержится чрезвычайно чисто.

Большие изменения произошли в одежде колхозников, в особенности женской; возникли некоторые новые формы национального костюма. Вышли из быта и встречаются лишь в виде домашних реликвий красивые суконные головные уборы — кимешек, богато украшенные вышивкой, а также джегде — разновидность паранджи, надевавшиеся, как накидки, на голову. Наиболее распространено в качестве женской одежды платье — койлек. Койлек шьют из фабричной ткани, хлопчатобумажной или шелковой (вырабатываемых в куспромартелях Узбекистана), на кокетке, узбекского покроя, со стоячим или отложным воротником; поверх него надевают безрукавку или городского покроя жакет, часто бархатный. На голове носят тюбетейку и платок или же только платок; распространена обувь городского типа, чулки; из укра-

шений носят серьги, кольца, массивные литые браслеты. Пожилые женщины носят рубахи старого покроя, иногда из ткани домашнего производства, и по-старому повязывают платок вокруг головы чалмой. Мужчины гораздо реже, чем в Узбекистане, и преимущественно старики, носят халаты и национальные круглые овчинные шапки — шоги́рме; среди мужского населения распространены брюки и пиджаки городского покроя или камзолы из темной ткани; очень часто встречаются стеганные телогрейки, военные гимнастерки. Головной убор — шапки-ушанки, фуражки, тюбетейки (рис. 12).

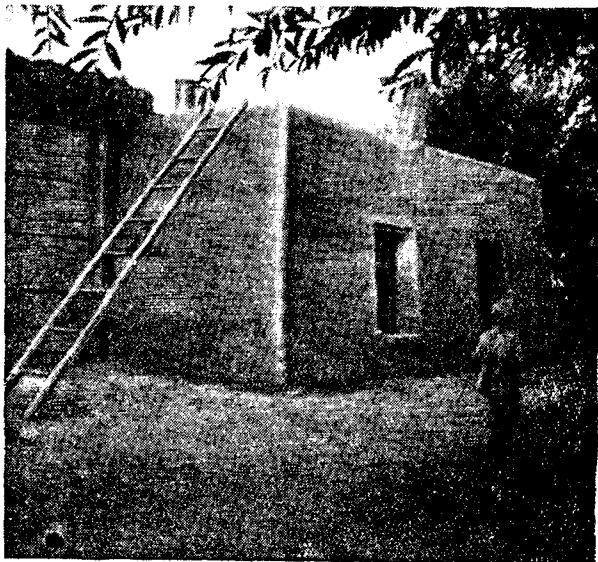

Рис. 11. Фасад дома Бекбая Утениязова с выходящими на улицу окнами жилых комнат (ожре)

В магазине, находящемся в колхозе, как и на базарах Чимбая, изобилие промтоваров, в особенности хлопчатобумажных тканей яркой, красивой окраски и готовой одежды, обуви, галош и пр.

Социалистическое переустройство жизни, в частности, равное с мужчинами участие женщин в колхозном производстве, а также советское законодательство (законы Конституции о равноправии женщин с мужчинами, декреты о запрещении калыма, многоженства, брака с малолетними и т. д.) вызвали коренные изменения в семейном быту каракалпакского колхозного аула: если не окончательно еще изжиты в этой области следы патриархально-родовых пережитков, то это явится, несомненно, делом ближайших лет.

Как известно, до самой революции социальный строй каракалпакского аула отличался стойким сохранением родо-племенного деления; прочно существовавшая, несмотря на господство феодальных и проникновение капиталистических отношений, громоздкая, сложная, многостепенная структура племен, родов и родовых подразделений имела реальное значение в общественной жизни: с ней были связаны расселение, некоторые особенности водно- и землепользования и в особенности семейно-бытовой уклад. При заключении брака чрезвычайно строго соблюдался обычай экзогамии — запрета браков между членами одного и того же рода. Нарушение экзогамии строго каралось не только общественным порицанием, но даже изгнанием нарушителя обычая из родного аула. Брак предreshался родителями жениха и невесты, причем сговор происходил обычно в то время, когда последние были еще в младенческом возра-

сте, а иногда и до их рождения. Обязательный калым, многоженство, браки девушек с малолетними мальчиками или стариками, а после выхода замуж унижительные для женщин обычаи подчиненного положения

Рис. 12. Колхозник колхоза им. Ахунбаева в национальном каракалпакском костюме

в семье, различные запреты по отношению к родственникам мужа, закон левирата (обязательного выхода вдовы за брата мужа или за кого-либо из его ближайших родственников) и др.— это лишь незначительная часть списка тех тяжелых пережитков древних обычаев, которые

Рис. 13. Семья звеньевого Пирлепесова в повседневной одежде

опутывали весь быт каракалпакской семьи, сочетаясь к тому же с не менее многочисленными предписаниями религиозных законов ислама. Некоторые из этих обычаев в той или иной мере сохранились до настоящего времени в колхозном ауле, в частности в брачных отноше-

ниях. Как правило, родовую экзогамию не нарушают; в обследованных нами колхозных аулах не бывало подобных случаев среди населения, причисляющего себя к родам Аралбай, Баганалы, Джагалтай, Сангмурын. Что же касается до рода Канглы, то он считается у каракалпаков исключением с точки зрения экзогамии: уже издавна практиковались браки между подразделениями Канглы. Исключение это объясняется, повидимому, происхождением столь распространенного у каракалпаков, узбеков, казахов и других народов Приаралья рода Канглы от одноименного большого племенного союза, известного из средневековых источников по соседству с Хорезмом, название которого, как и название печенегов в восточных источниках («кангар»), связано с древним именем Хорезма (Кангха, Кангюй). Осколками многочисленных и разноплеменных средневековых «канглы» и являются, очевидно, представители так называемого «рода» Канглы у каракалпаков и других современных тюркских народов⁹. В обследованном нами колхозе, как и в других местностях Каракалпакии, население, причисляющее себя к этому роду, не экзогамно.

Не окончательно изжито еще значение принадлежности к определенному роду и в добрачных взаимоотношениях молодежи: между юношами и девушками одного рода немислимо ухаживание, неприлично даже шутливое кокетство; они считаются братьями и сестрами. Особые, традиционные взаимоотношения — отголоски древних отношений между фратриями — существуют между родственниками (родами) мужа и жены; до сих пор не только семьи, но и целые аулы мужа и жены называют друг друга специальными терминами свойства.

Если женщина в семье и соблюдает сложную систему старых обычаев по отношению к мужу и его родственникам (запреты произношения их имен, неприятность участия в общих трапезах, особенно при посторонних и др.), то это явление имеет теперь характер скорее внешнего соблюдения этикета, по существу же роль женщины в семье изменилась, к ее голосу прислушиваются и с ней считаются в семейных делах. Помимо того, что женщина сама зарабатывает и вносит значительный собственный пай — свои трудовые — в бюджет семьи, большое влияние на изменение отношения к ней в каракалпакской колхозной семье имеет общественное мнение — почет и уважение, оказываемые хорошим производственницам, выдвижение их на ответственную работу, повышение грамотности, образованности и культуры среди женской молодежи; все это влечет за собой рост самостоятельности и личной свободы женщины.

Нам рассказывали немало фактов, свидетельствующих о распространении новых форм брака — по любви и дружбе, по инициативе самой молодежи. Интересно, что зачастую девушка, полюбив жигита, уходит с ним из своего родительского дома без согласия родителей; этим она как бы отдает дань старым обычаям, еще соблюдаемым стариками-родителями. Но если раньше в подобных случаях и девушка и «похитивший» ее жигит преследовались, — сейчас, обычно не более чем через год, родители дают согласие и примиряются затем и с родней зятя.

Традиционный калым заменяется подарками родителям и близким родственникам невесты в виде одежды, часов, тканей, коровы или баранов и др. Жених должен приготовить и подарить своей невесте так называемые бес кийм — пять одежд. В состав этого комплекса одежды входят: 1) обувь — аяк кийм: хорошие сапоги современного фасона; 2) большой нарядный (выходной) платок; 3) шойы койлек — платье из бухарского шелка; 4) черный плюшевый жакет; 5) палтон — пальто европейского фасона, часто также из черного плюша.

⁹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 23—24.

Нами записана подробно современная свадьба в интеллигентной среде каракалпаков; по сравнению со старым сложнейшим ритуалом все обряды упрощены и сводятся большей частью к взаимным угощениям и подаркам родственников жениха и невесты. Многие обряды сейчас выполняются не всерьез, а в полшутливой форме. На празднество «той» всегда приглашаются музыканты: в ауле — бахсы, а в городе — артисты. Основное содержание современной свадьбы — уже не традиционная и архаическая строгая обрядность, а веселое празднество.

В целях выяснения культурных интересов колхозников мы попытались установить состав литературы, имеющейся в отдельных семьях. Больше всего в таких домашних «библиотечках» оказалось произведений народного эпоса: каракалпакские варианты хорезмского дастана «Юсуп и Ахмет», дастаны «Коблан», «Алпамыс», «Гор оглы», «Саяткан хамре», «Маспатша», «Ер шора» и др. Эти произведения представлены не книгами, а рукописными отрывками, переписанными в тетради. Встречаются также рукописные записи песен, стихов, в частности стихов любимого каракалпакского народного поэта, жившего в конце XIX в., — Бердак шаира. Реже встречается книга «Бердак», вышедшая небольшим тиражом в издании Каракалпакгиза.

Среди книг преобладают произведения современных каракалпакских писателей и поэтов: например, сборник стихотворений Аббаза Дабылова «Женгислар йошы» («Радость победы»), поэма Жолмырзы Аймурзаева «Ербай батыр» (посвященная каракалпаку — герою Отечественной войны), произведения современного народного поэта Садыка Нурумбетова — «Палуанларым киятыр» (о каракалпаках-бойцах, возвращающихся с фронтов Великой Отечественной войны) и др. Большой любовью и популярностью пользуется книга «Бахытлы заман» («Счастливые времена») — сборник стихов Науруза Джапакова, поэта, председателя Совета Министров Каракалпакской АССР. Популярны также многие казахские и узбекские писатели и поэты. Имеются в некоторых семьях и произведения русской литературы в переводе на каракалпакский язык (в частности, стихи Некрасова и др.).

Другой подбор книг в семьях колхозной интеллигенции; так, в домашней библиотеке учителя, мы встретили значительную политическую литературу: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Вопросы ленинизма» на каракалпакском языке, биографии Ленина и Сталина, Конституции СССР, УзССР и Каракалпакской АССР, ряд произведений Ленина (на каракалпакском языке), Блокнот агитатора. Затем — учебники истории СССР и истории средних веков и, наконец, произведения современной каракалпакской литературы, альманахи, сборники стихов и т. д. Очень сильно тяготение к русскому языку и русской культуре: встречается большое число переводов произведений русских классиков (на каракалпакский язык): Пушкина — «Капитанская дочка», «Дубровский»; Лермонтова — «Лирические стихотворения», «Герой нашего времени»; Гоголя — «Мертвые души»; Грибоедова — «Горе от ума»; Чехова — «Вишневый сад»; Тургенева, Гончарова, Некрасова, Чернышевского. Часть книг имеется на русском языке, часть — в переводе на казахский язык.

Не следует считать, что чтение такого более широкого круга произведений политической и художественной литературы и знакомство с русской классикой представляет привилегию лишь учителей; ~~при~~ в средней школе, находящейся, как мы уже говорили в соседнем колхозе, есть библиотека, и все школьники старших классов пользуются правом получения там книг; однако, конечно, учитывая огромный рост культурных запросов колхозников, приходится констатировать, что книг не хватает и что ощущается острая необходимость организовать в колхозе при клубе библиотеку-читальню.

При описании прошлого тех аулов, в которых образовался колхоз:

им. Ахунбабаева, мы указывали на факт большого скопления на этой территории до революции ишанов и официального мусульманского духовенства.

До недавнего времени при наличии множества пережитков древних верований, в частности культа деревьев (напр., священные деревья — «Кос терек» на Канглы-жабе, якобы выросшие из могилы неизвестного шейха, с которыми связан целый ряд легенд и примет, в том числе и представление о целебном свойстве их коры и ветвей), уже упоминавшегося шаманства (пурханы), культа предков на родовых кладбищах — аулия (у могил которых, по представлению верующих, достаточно было провести одну ночь в молитве для излечения тяжелых болезней и т. д.), — весьма сильно было в колхозе еще в первые годы его существования влияние мусульманского духовенства. В настоящее время в аулах живут двое мулл; «обслуживание» ими верующих заключается главным образом в сборе денег и продуктов со своей паствы. Во время поста уразы муллам удается собрать на довольно значительную сумму «питир», взимаемый в количестве «кырк агары» — $\frac{1}{8}$ батмана зерна пшеницы, ячменя или джугары с каждого члена семьи, независимо от возраста и от того, дома ли он или в отъезде. Разумеется, эти сборы теперь не обязательны; «кто хочет дать, — дает, кто не хочет, — не дает», говорят в народе. Часть собранных с населения доходов муллы сдают в Чимбай официальному представителю мусульманства — Калимбет-ишану.

С каждым годом авторитет и влияние обоих мулл среди населения колхоза уменьшается, в составе их паствы остаются лишь старики, молодежь отошла от религии. Ярким доказательством этого является тот факт, что колхозники фактически празднуют два праздника в году — 1-е Мая и 7-е Ноября, ставшие подлинными народными праздниками и вытеснившими почти окончательно религиозные науруз, рамазан и курбан. Интересно при этом, что отдельные формы ритуала, связанные прежде с религиозными праздниками, — традиции народных гуляний, общественных пиров-тоев переносятся теперь на революционные праздники.

В колхозе им. Ахунбабаева в эти дни торжественное празднование начинается с общих собраний колхозников, где выступают докладчики из района и колхозники; происходит премирование стахановцев и ударников. Затем празднование переносится в отдельные семьи и бригады. Уже установился обычай — каждая бригада устраивает у себя общественный той: баранов для него выделяют с колхозной фермы, отдельные продукты собирают по домам, вино покупают в складчину. Женщины еще до той готовят все необходимое для устройства любимого развлечения на национальных каракалпакских народных гуляньях — ат-кеншек (качелей); вкапывают в землю крест на крест две пары высоких жердей, на перекрестках укрепляют горизонтальную перекладину, к которой при помощи двух больших гнутых деревянных колец привязывают качели; на качели становятся лицом друг к другу жигит и девушка, жигит раскачивает качели; качаются также молодые женатые люди с женами своих товарищей. Прежде ат-кеншек устраивался на праздник науруза. После ат-кеншек молодежь проводит традиционное утырыспа — своеобразные вечеринки с взаимным угощением юношей и девушек, в то время как старики и солидные взрослые колхозники, сидя в юрте, степенно беседуют, пьют чай и слушают жирау или бахсы. Нам рассказывали, что в общих торжествах в дни революционных праздников не принимают участия некоторые религиозные старики, которые демонстративно выходят в это время в поле на работу; это вызывает много смеха и острот.

* * *

Если главным образом из-за устойчивости обычая экзогамии в семейном быту каракалпакского колхозника еще играет известную роль сознание принадлежности его к определенному племени и роду, в общественной жизни оно совершенно изжито, заменившись национальным самосознанием и сознанием принадлежности к определенному колхозу: на вопрос, кто он и откуда, каракалпак раньше всегда называл свое племя и род, а сейчас отвечает, что он каракалпак из такого-то колхоза; наши вопросы о принадлежности к роду неизменно вызывают у колхозников недоумение, иногда улыбку, и только после объяснения, что эти сведения нужны для написания истории каракалпаков, они называют свой род и родовое подразделение.

Колхозник отчетливо сознает, что его принадлежность к определенному роду — факт отживший, второстепенной важности и не имеет существенного значения в современной обстановке: он прежде всего — каракалпак и член коллектива своего колхоза; он не скажет вам, как это бывало раньше, если вы расспрашиваете об окружающей местности или о направлении дороги, что «это — земли аралбаев, канглы и т. д.», а скажет, что «это — земли нашего колхоза имени Ахунбабаева, а там — соседний колхоз имени Максима Горького»¹⁰.

С чувством гордости рассказывают колхозники колхоза им. Ахунбабаева о сынах своего колхоза, из числа которых за годы его существования выросла целая плеяда новых, культурных советских людей; среди них — стахановцы хлопководства, семь педагогов с высшим и средним образованием, агрономы, работники министерств, районных организаций, председатели колхозов.

Патриотизм колхозников, однако, не ограничивается рамками своего колхоза или границами республики. Для доказательства этого достаточно указать несколько цифр, характеризующих участие членов колхоза им. Ахунбабаева в Великой отечественной войне: в 1943 г. они дали государству на постройку танковой колонны 220 т зерна; 155 тысяч внесли колхозники из личных сбережений на укрепление мощи Советской Армии. Ряд своих сынов отправил колхоз на фронт. Среди вернувшихся фронтовиков много офицеров, в том числе Утеш Калмуратов, награжденный орденом Отечественной войны I степени, ныне — заведующий отделом агитации и пропаганды Чимбайского района, майор авиации Нар Осымбетов и другие.

Отмеченное нами перерастание у каракалпакского колхозника родоплеменного самосознания в национальное, развитие у него чувства патриотизма по отношению к своему колхозу, своей республике и всей советской Родине представляет собой, на наш взгляд, замечательное явление, убедительно свидетельствующее о победе ленинско-сталинской национальной политики, о росте процесса консолидации каракалпакской нации, происходящего в условиях социалистического строя, и о коренных изменениях в идеологии, которые являются залогом изживания в недалеком будущем сохранившихся еще пережитков старого быта, тяжелого исторического наследия, тормозящих окончательное завершение социалистического переустройства быта каракалпакского колхозного аула.

¹⁰ Более того, нам встретился в этом году интересный факт переименования одного мелкого родового подразделения из «Калмурат-аул естек» в «Куйбышев-естек» в связи с тем, что эта небольшая группа живет в колхозе им. Куйбышева.

В. Л. ВОРОНИНА

УЗБЕКСКОЕ НАРОДНОЕ ЖИЛИЩЕ *

Жилой дом — главный объект народной архитектуры Узбекистана, как потому, что он составляет основную массу застройки городов и селений, так и потому, что формы его являются отправным моментом в сложении облика многих других объектов народного зодчества.

Жилище Средней Азии распадается на два типа: оседлый и кочевой (юрта). Огромный процент территории среднеазиатских республик составляют пустыни и степные пространства со скотоводческим населением (Казахстан, Киргизия, Туркмения), где распространен второй тип жилья, который, строго говоря, не является объектом архитектуры. Жилище как объект зодчества развивалось на всей территории Узбекистана и Таджикистана, отчасти в Киргизии, Туркмении и Казахстане.

На территории Узбекской ССР, где была распространена главным образом земледельческая культура с оседлым населением, с теплым климатом и богатыми природными данными, были все условия для всестороннего развития архитектурных сторон жилища. Действительно, архитектура узбекского жилого дома представлена полно, богато и многообразно, с широким развитием декоративных элементов и прикладного искусства.

Пейзаж улиц старых среднеазиатских городов с монотонной протяженностью глухих глинобитных стен обычно скуп и однообразен. Но внешняя невыразительность обманчива. В противоположность пыли и зною улицы во дворе жилища прохладная тень айвана, зелень виноградника, чистота и уют. Для облика жилища характерны пространственность, живописность, масштабность и та особая интимность, которая порождается любовным и внимательным устройством всех уголков и каждой детали. Не только богатые, но и самые скромные жилища в своих формах следовали архитектурным приемам и дают интересный материал для изучения. К украшению жилища привлечены все виды народного художественного мастерства — резьба по ганчу и дереву, роспись потолка и стен; той же цели содействуют предметы обихода, необходимо наполняющие интерьер; в жилище концентрированы все виды художественного ремесла: чеканка (чайдуши, кумганы), керамика (поливные блюда), резьба по дереву (сундучки, ларцы), вышивка (сюзаны).

1. Планировка, устройство и конструкции жилищ

П л а н и р о в к а. В основе планировки жилого участка лежит выработанное бытовым укладом средневекового Востока деление на мужскую и женскую половины. В первой протекала деловая жизнь владельца, здесь он занимался обычно своим ремеслом, принимал гостей и посетителей. На женской половине сосредоточивалась жизнь семьи в общем

* Статья написана в основном по материалам автора. В описании жилища Бухары, Ташкента и Самарканды использованы статья А. К. Писарчик (см. журнал «Архитектура СССР, 1937, № 1), обмеры и фото Музея искусств Узбекской ССР. Статья составляет часть работы, принадлежащей Государственному научно-исследовательскому институту искусствознания Узб. ССР.

смысле слова и здесь же была замкнута жизнь женщины. В Узбекистане мужская и женская половины обычно носят название «ташкари» «ичкари», но в Бухаре и в бухарском оазисе приняты таджикские (иранские) названия «бирун» и «дарун» (т. е. внешняя и внутренняя). Основным помещением внешнего двора была михманхона — комната для приема гостей, которая группировала около себя переднюю — дализ, айван, кладовую, умывальную (все эти помещения или только некоторые из них). Затем на внешнем дворе размещались конюшня, склад фуража; в том случае, когда хозяин дома занимался ремеслом, мастерские чаще всего были при доме, также на мужской половине. Ворота на участок были, обычно под крышей — дарваза-хона. Кухни на внешнем дворе, как правило, не было. Лишь в очень богатых домах на мужской половине отводились иногда помещения для приготовления пищи с расчетом на мужскую прислугу, были и помещения для этой последней.

На внутреннем дворе располагались жилые комнаты от одной до нескольких (по достатку владельца) и службы: кухня, кладовые для дров и провианта, скотники при наличии скота, курятники. Санитарные устройства были отдельно на каждом дворе или сосредоточены в проходе между дворами. Основная жилая ячейка в простейшем случае состоит из комнаты «уй» с айваном (иногда даже без него), которой часто придается передняя, обслуживающая одну или две комнаты; наконец, составным элементом в ячейку может войти еще особое помещение — мадон или мурча — комната омовений (она же кладовая)¹. Передняя примыкает всегда к торцу комнаты, мадон — большей частью. Тот или иной состав ячейки зависит от господствующих в данном районе строительных традиций. В многокомнатных домах жилая ячейка со всеми ее составляющими многократно повторяется. Вход с улицы в ичкари лежит через ташкари, но в некоторых случаях в оба двора можно попасть через общее проходное помещение.

Постройки всегда ставятся по границе участка (будь то внутренний или внешний двор), таким образом, при известной плотности застройка получается периметральной. Процент застройки сказывается в конфигурации плана и пространственной композиции жилища, что в первую очередь касается ташкари. В условиях скученности застройки помещения ташкари не занимают отдельного двора, а группируются во втором этаже по переднему фронту участка. В этом случае отсутствие двора часто компенсируется наличием открытой кровли — террасы, холла, обращенной на улицу лоджией. У недостаточных владельцев и в кишлаках постройки мужской половины нередко отсутствовали вовсе, хотя в данном случае причины в большинстве не связаны с размерами участка. Скученность застройки сказывается, наконец, на составе и характере помещений. Можно заметить, что в городах, где размеры владений были относительно просторны (г. Ферганы), а также в пригородах мы видим при жилище сравнительно небольшое число служебных и специальных помещений. Дело в том, что при наличии сада или двора с насаждениями можно было выполнять различные домашние работы прямо на открытом воздухе в тени деревьев. Передний фронт участка бывает свободен от застройки и вход выражается в форме калитки или небольших ворот. Санитарные устройства в виде выгребной ямы вынесены во двор или сад и не занимают специального помещения. Открытый воздух и солнце дают прекрасную естественную дезинфекцию. Напротив того, на участках с ограниченной площадью и плотной периметральной застройкой каждый хозяйственный процесс для удобства живущих должен быть фиксирован на определенной площади в отдельном помещении. Таким образом, в каждом мало-мальски зажиточном доме была масса миниатюрных подсобных помещений — кладо-

¹ Что принято, впрочем, не повсеместно.

вых провианта разных видов, угля, дров и т. д. Кухни-ашхона — представляли собой группу очагов-очак, оташдон и танур². Различались летние и зимние кухни: первые были в закрытых помещениях, вторые — под навесом или под открытым небом. Для тесных участков характерны такие помещения, как крытые проходы между дворами (или двором и улицей) — рахрау, юлак, использование кровли для спанья в летнее время и для устройства различных кладовых. Санитарный узел на плотно застроенных участках всегда занимает особое маленькое помещение.

Процент застройки участка бывает сплошь и рядом очень высок. В центральной части Ташкента, Бухары и городов бухарского оазиса встречаются владения с застройкой до 80—90 %. Бывают случаи, когда застроены все 100 % площади, что имеет место, например, в домах Хорезма с встречными айванами или крытым двором. Однако надо заметить, что в условиях тесноты каждый метр площади использовался чрезвычайно искусно, и скученность, таким образом, не столь отражалась на удобствах дома, как можно было бы ожидать. Что касается абсолютных размеров участка, то они иногда составляют менее ста квадратных метров.

Там, где позволяли размеры владения, к обычным двум дворам добавлялась еще третья часть — сад или хозяйственный двор. При наличии последнего туда выносились помещения для скота.

Отражались ли на структуре жилища социальный момент и род занятий владельца? Социальная принадлежность владельца не вызывала качественных изменений в архитектурном облике жилища: с увеличением достатка возрастало число помещений и богатство отделки; однако архитектурно-планировочный принцип во всех случаях следовал известному, выработанному в данном городе канону. Профессия владельца выражалась лишь добавлением некоторых специальных помещений в группу внешнего двора: мастерских у ремесленников, кладовых, обращенных к улице торговых помещений. Эти добавления вызывали иногда преимущественное развитие внешнего двора или выделение хозяйственного двора, но опять-таки не меняли общего принципа организации жилища.

Прежде чем перейти к более детальному описанию жилища, скажем еще несколько слов о некоторых чертах планировки в связи с наследственным дроблением участка. При выделении наследственной доли земельные участки измельчались. Многие из них оказывались в глубине квартала и связывались с улицей узенькими открытыми коридорами, которые еще не являлись в собственном смысле слова ни улицей, ни частью улицы, ни тупиком. Такие коридоры первоначально отделяются от улицы калиткой или воротами. Можно иногда проследить целые гнезда смежных дворов, заселенных родственными семьями. Часто несколько таких участков пользовались одной общей михманхоной с соответственным двором. На планах старых городов мы видим целую сеть узких ветвящихся шупалец, врезающихся от улицы в глубь квартала. В только что описанном явлении дробления участков заложен один из факторов сложения плана среднеазиатского феодального города.

Ж и л а я к о м н а т а. В жилой комнате-уй — спят, едят и проводят время в холодные месяцы года. Комната открывается на фасад двумя или тремя проемами, которые защищены ставнями — дар, дарча. Выше ставень находятся фрамужные окна с решетками — тобадон, которые одни дают свет при закрытых ставнях; зимой они обклеиваются промасленной бумагой. В торцовой стене комнаты дверь — ишик, соединяющая ее с передней или айваном. Дверь выходит иногда и прямо на фасад. И двери и ставни, начинающиеся от пола, сходны по формам и размерам, различие между ними заключается в том, что ставни закрепляются у

² Печь для лепешек.

внутренней поверхности стены и отворяются наружу, а дверь — на внешней поверхности стены и открывается внутрь³. Ввиду этого резьба в первом случае наносится на внутренней поверхности, во втором — преимущественно снаружи. Кроме того, оконный проем в некоторых случаях снабжается низкой (25—30 см.) решеточкой.

В стенах комнаты между стойками каркаса расположены ниши — ток, токча, где находят себе место все предметы домашнего обихода. Одежда сложена в больших нишах против входа, начинающихся на уровне пола, там же ставятся сундучки с платьем и ларцы для съестного. Остальные ниши начинаются выше панели, сантиметров на 80 от пола, и в зажиточных домах подразделяются ганчевыми полочками на отделения различной формы и размера, называемые майда-токча, резатокча или косамон. Крупные, внизу, — назначены для блюд, деревянных ларцов, кувшинов;верху в маленьких затейливых ячеек помещается мелкая посуда — пиалы, чайники. Пол глинобитный или покрытый слоем ганча, реже — в богатых домах вымощивался жженым кирпичом плашмя. Пол застилается кошмой. Рядом с дверью в углу прямоугольное углубление — пойга, где ставят при входе калоши. Здесь поверхность гладко затерта ганчем или вымощена кирпичом и наклоняется к отверстию, под которым вырыт поглощающий колодец. Это водослив — оураз, авриз, в Бухаре — тошнау, в Хиве — адан. В Бухаре и Самарканде водослив покрывается мраморной плитой, в Хиве бывают керамические покрывки. При наличии передней место для калош и водослив помещаются там. Водослив непременно имеется и в мадон.

Пропорция комнаты в плане представляет наиболее простое и практически удобное соотношение 2×3 , размеры брались в целых числах старинных мер длины. Эти последние исходят из размерностей человеческого тела, так называемый «кулёч» равнялся размаху рук (что составляет в среднем 1,70 м). 2×3 кулёча равняются примерно $3,20 \text{ м} \times 5,00 \text{ м}$, и, действительно, средний, наиболее ходовой размер комнаты приближается к этому соотношению. В Шахрисябзе, например, такой габарит соблюдается чрезвычайно точно. В качестве строительных мер длины употреблялись также гяз — расстояние от середины груди до концев пальцев вытянутой руки, т. е. полкулёча, и ним-гязи — полгяза, локоть. Величина гяза, впрочем, в различных местностях несколько колеблется. Употребляется как меньшая мера еще карыш — охват кисти с раскрытыми пальцами. Площадь комнаты в общем составляет 15—17 м². Что касается высоты комнаты, она равняется ширине с добавлением некоторой небольшой величины, которая соответствует членениям карниза. Сказанное относится к среднему нормальному типу комнаты, который применим в огромном большинстве случаев. Но в домах бедных владельцев, а также в многокомнатных домах иногда отступали от типового габарита в ту или другую сторону. Летняя комната бухарских и хивинских домов считается основной и наиболее парадной, поэтому она просторнее и выше всех остальных (а также богаче отделана).

В жилом узбекском доме ввиду продолжительности теплого времени года существенную роль играет открытое помещение — айван (крытая терраса). Он почти неизменная составная часть дома. Трудно сказать, однако, каково соотношение площадей открытых и закрытых помещений, так как оно в различных случаях неодинаково. Если каждой комнате соответствует отдельный айван, это соотношение составляет около 0,8—1,0, если же айван обслуживает две комнаты, коэффициент снижается до 0,5—0,4. В загородных жилищах закрытые помещения иногда вообще отсутствуют.

³ В высокогорных селениях световые проемы делаются небольшими, помещаясь уже на некоторой высоте от пола и защищаясь ставней, или даже под самой кровлей — в виде небольшого отверстия.

М и х м а н х о н а. Устройство михманхоны известным образом отличается от жилых комнат. Прежде всего, она довольно часто помещается во втором этаже (когда граничит с улицей), в то время как жилые комнаты, как правило, делались в первом. В этом случае михманхона часто имеет сквозное проветривание и фасад, обращенный на улицу (иногда с лоджией). Затем, размеры и пропорции михманхоны гораздо менее связаны каким-либо стандартом и колеблются в широких пределах в зависимости от достатка владельца и его социального положения. Иногда она была миниатюрна, иногда же, напротив, весьма велика. Таким образом, постройки ташкари в целом компануются более свободно и принимают более разнообразные формы, чем постройки ичкари. Есть, наконец, особенности в устройстве ниш и в архитектурном оформлении. Вход — предпочтительно в восточной торцевой стене, тогда как западная оформлялась богаче других и центральная ниша этой стены получает характер михраба, что сказывается и в формах деталей, — дань догмам религии. Эта стена оформлялась богаче других.

Любопытен вопрос о соотношении тщательности отделки помещений женской половины и михманхоны; последняя оформлялась богаче первых или же наоборот? В некоторых городах явно превалирует какая-нибудь одна из этих тенденций, например в Маргелане (а также в Вуади́ле)⁴, михманхона обычно очень скромна по сравнению с жилыми комнатами. В Бухаре также чаще отделывались более тщательно жилые комнаты⁵. Однако в Карши, например, господствовало стремление украсить богато и ярко в первую очередь михманхону. Вообще же говоря, та и другая тенденции стояли в связи с принадлежностью владельца к той или иной социальной группе. Баи — купцы, землевладельцы, крупные чиновники — стремились богато украсить свою приемную, где в значительной степени была сосредоточена деловая жизнь. Ремесленники и более скромный люд уделяли главное внимание жилым комнатам. В байских кругах стремление к показной роскоши принимало неодинаковые формы, иногда михманхона достигала грандиозных размеров и на расстоянии неотличима от мечети, но зато, видимо, нехватало средств декорировать столь большое помещение, и, оставаясь часто с голыми стенами и некрашенным потолком, комната производит неуютное, неприятное впечатление.

О т о п л е н и е, в е н т и л я ц и я. Для обогрева в зимнее время почти повсеместно употребляется «санда́л»; углубление в полу наполняется горячими углями, над ним, на низенький табурет набрасывается одеяло, под которым сидящие вокруг греют ноги. В Фергане, помимо сандала, имеются в домах камины, где готовят зимой пищу. В Хиве, в отличие от других областей, — курное жилище. В комнате рядом с аданом делается «учак», где готовят пищу, перед ним расположена небольшая прямоугольная или овальная площадка — тандырча, куда выгребают угли и вокруг которой греются. По объяснению местных жителей отсутствие сандала объясняется дороговизной угля. Собственно отопление жилища служат только два последних устройства, но не сандал.

В жилой комнате узбекского дома все проемы обращены в одну сторону, поэтому нет сквозного проветривания. Эта особенность позволяет в течение жаркого дня сохранять в закрытой комнате прохладную утреннюю температуру. С другой стороны, когда требуется быстрая смена объема воздуха, это не представляет труда при большом количестве проемов и небольших размерах комнаты. Таким образом, здесь отпадает необходимость сквозного проветривания. Однако есть все основания думать, что его не избегают преднамеренно. Не следует забывать, что постройки располагаются по границе участка и тыльная

⁴ Фергана.

⁵ См. А. К. Писарчик, Жилой городской дом Бухары и Хивы, «Архитектура СССР», 1937, № 1.

сторона не может иметь проемов по той причине, что она обращена на соседнее владение или внешний двор. Но там, где тыльная сторона здания выходит в сад, она сплошь и рядом имеет проемы. Очень часто выходят проемами в противоположные стороны комнаты мужской половины, помещаясь во втором этаже.

С точки зрения вентиляции интересны хивинские улу-эйваны. Поднимаясь выше других строений двора и обращенные на север, они играют роль ветроуловителей, респираторов, направляющих токи прохладного воздуха вниз во двор. С этой целью карниз улу-эйвана часто наращивается слегка отогнутым вверх козырьком — бодгир⁶. Нечто в ином виде встречаем мы в бассейне Кашка-Дарьи. Это айваны — шипанг, обращенные к улице лоджии второго этажа. Здесь иной принцип, так как налицо всегда сквозной ток воздуха.

Санитарные устройства, как уже отмечено, элементарны, представляя обычно даже не отдельное помещение, а загородку в конюшне, скотнике, крытом проходе или же во дворе под открытым небом. Колодец для нечистот — бадраб — значительной глубины, не чистился, а засыпался. В Хиве, повидимому, ввиду близости грунтовых вод, распространен тип устройства без поглощающего колодца, санитарный узел граничит с улицей и нечистоты убираются через специальную дверцу.

Ориентация. Относительно ориентации не существует каких-либо единых общепринятых установок. Многокомнатные дома больших городов — Ташкента, Бухары, Хивы — включают различно ориентированные комнаты с тем, чтобы использовать их сообразно времени года. В Бухаре было принято делать по крайней мере две комнаты, обращенные на юг и на север, — зимнюю и летнюю. Вообще же в домах Бухары и Хивы акцентировались помещения с северной ориентацией (так как теплый период в Средней Азии превалирует), это наиболее просторные высокие и парадные комнаты. В малокомнатных (в одну или две комнаты) жилищах городов Кашка-Дарьи не отдается предпочтения какой-нибудь одной ориентации. В Фергане жилые дома также по преимуществу малокомнатны — в одну или две комнаты, однако здесь установлены совершенно четкие правила ориентации: дом ставится фасадом точно на юг. Если число комнат ферганского дома увеличивается, план изламывается под углом и второй фасад обращается к востоку. Перед южным фасадом всегда расположен айван. Практический смысл сочетания южной ориентации с айваном заключается, видимо, в том, что зимой такой айван освещен солнцем и согрет, дает доступ солнечным лучам к помещениям, а летом он, напротив того, защищает фасад дома от инсоляции. В выборе ориентации играет роль и направление господствующих ветров.

В общем по поводу ориентации узбекского жилища можно сделать такой вывод: в смысле наилучшей ориентации нет единодушного взгляда, но наилучшей ориентацией для городского дома определенно считается западная, которая тщательно избегается в тех случаях, когда в доме только одна комната. В многокомнатных домах западная ориентация одного из помещений не страшна и принимается для зимних комнат.

При постройке ориентация определялась по солнцу с помощью шеста, от которого падает на землю тень.

Конструкции. Конструкции жилища весьма просты и варьируют главным образом в устройстве стен — девол. В старину существовал

⁶ В Персии (Иезд) это название носят постройки на крыше, стены которых прорезаны узкими вертикальными щелями для проветривания, где жители укрываются от летнего зноя. Весьма интересная аналогия хивинским бодгир имеется и в жилище Индии (Хаидерабад), где ветроуловители получают любопытную форму, а также в Египте — так называемые *malkaf* (см. Jackson, *Persia Past and Present*, New York-London, 1906, стр. 348—349; M. Hurlimann, *Indien*, Berlin, 1928 ff. 261, 262; *Prisse d'Avennes, L'art arabe d'après les monuments du Kaïre*; Paris, 1927 150—160).

обычай ставить стены без фундамента — пасдевал, ильдизи; строители ограничивались срезанием верхней части грунта, выравниванием и утрамбовкой, затем выкладывался ряд булыжника или один-два ряда жженого кирпича, поверх которого клалась нижняя обвязка каркаса. Применялся также следующий способ устройства фундамента: копали котлован глубиной в полметра и более (в зависимости от качества грунта), куда засыпалась постепенно слоями земля, уплотняемая поливкой и трамбовкой⁷.

В первой половине XIX в. и раньше в домах отсутствовал цоколь или делался очень низким. Пол, таким образом, приходится почти на уровне земли. Позже делают цоколь из жженого кирпича. В горных селениях цоколь кладется из булыжника. Присутствие грунтовых вод и почвенных солей заставляет делать цоколь более высоким. В Хорезме для изоляции от почвенных солей на уширенное основание пахсовых стен кладется камышовая прокладка. В домах крупных торговцев делался низкий цокольный этаж, который использовался как складское помещение. Полы в общем случае земляные; иногда покрывались слоем ганчевой обмазки⁸. В зажиточных домах пол выстилался жженым кирпичом плашмя.

Конструкция стен насчитывает в основном следующие типы: 1) каркас однорядный — якка-сынч; 2) двухрядный — кош-сынч; 3) кладка из сырца — гышт; 4) из гуаля⁹; 5) из пахсы¹⁰.

Наиболее распространены каркасные конструкции. Обвязка рубилась на углах в полдерева, стойки соединялись с ней шипом. Существуют различные системы каркаса. Простейшая состоит из вертикальных стоек или расположенных веерообразно жердей (рис. 1). Но такой каркас применяется чаще для служб и в легких постройках второго этажа. Для жилых помещений употребителен преимущественно каркас более сложного типа из стоек, подкосов и ригелей (рис. 2), который лучше противостоит перекашивающим усилиям в плоскости стены. Части каркаса именуются следующим образом: обвязка — чор-чуб, стойки — каляма, угловые стойки — гуша устум, подкосы — бачке, ховон, ригеля — пуштак, малые подкосы, между последними и обвязкой — бачке, калта, резге. Этот вид каркаса с небольшими вариациями употребляется повсеместно.

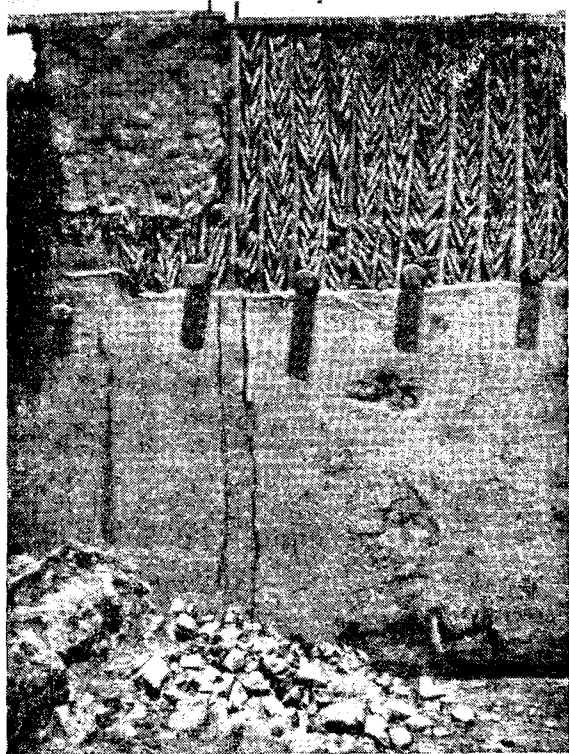

Рис. 1. Каркасная конструкция стены (Хива).
Фото Музея искусств УзССР

⁷ Устройство глинобитных фундаментов отмечено в некоторых монументальных памятниках Средней Азии.

⁸ Ганч — алебастр.

⁹ Высушенные на солнце округлые катыши из глины.

¹⁰ Пахса — битая глина.

В стенах с двойным каркасом наружный делается описанным способом, внутренний же состоит из ряда связанных между собой ригелями стоек, между которыми размещаются проемы и ниши комнаты (рис. 3). Заполне-

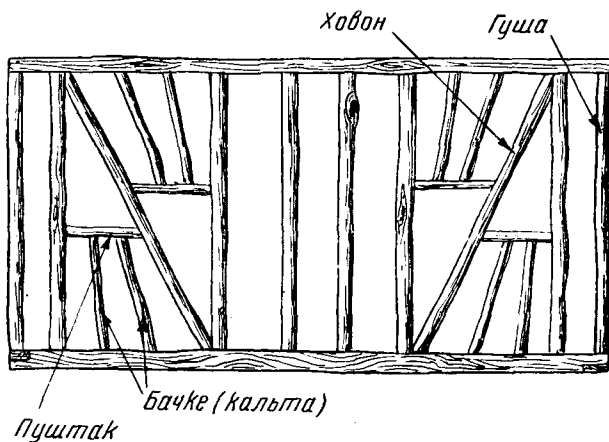

Рис. 2. Система каркаса

нием каркаса служит кирпич-сырец или гуалья. Пространство между двумя каркасными оболочками также заполняется или же остается свободным — пустотелая конструкция, уменьшающая теплопроводимость и количество необходимого материала, идущего в кладку для заполнения.

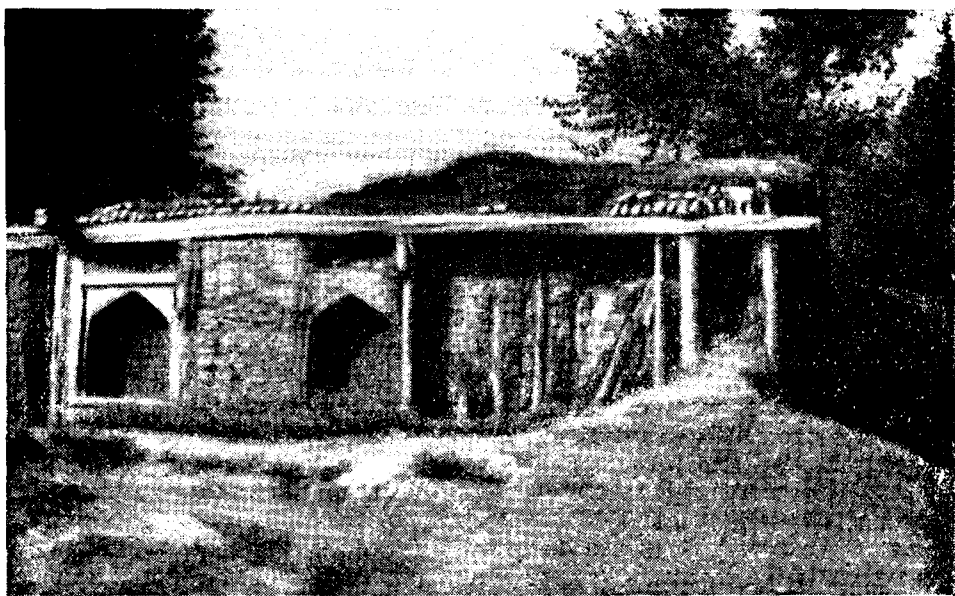

Рис. 3. Разрушенный дом в Шахрисабзе; видна внутренняя система каркаса.
Фото автора

В том случае, если высота помещения превышает длину стоек каркаса (что требовалось для михманхоны богатых домов), последний поверх обвязки наращивался рядом поставленных стоймя брусков (рис. 4). В прошлом столетии, 60—70 лет назад, стены дома для устойчивости ставились с небольшим наклоном внутрь здания, для чего габарит верх-

ней обвязки делался меньшим, чем нижний¹¹, и, кроме того, вверху слегка суживались. В Хиве, где стены однорядного каркаса достигают значительной высоты, система каркаса крепится по внешней стороне

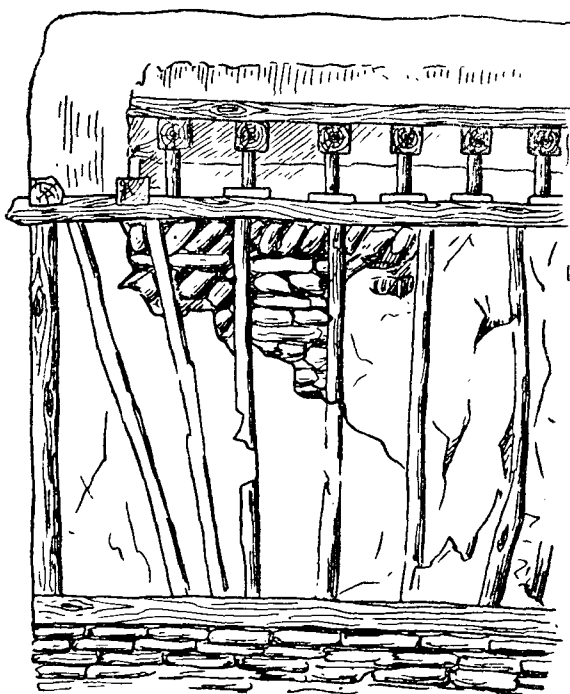

Рис. 4. Прием наращивания каркаса

положенными наискось жердями. Так же связываются жердями на угол сходящиеся под углом стены — система, именуемая сарвант.

Применение однорядного каркаса диктуется не только экономией строительного материала, но и полезной площади. Так, если взять для примера соотношение конструктивной площади к полезной, то в Хиве, где каркас однорядный, получаем для дома средний коэффициент около 0,15, тогда как в сельских усадьбах с пахсовыми стенами он составляет около 0,40.

Кладка стен из сырца в Узбекистане мало употребительна¹². Внутри сырцовые стены снабжались той же системой стоек и ригелей, как и каркасные, что вызвано наличием ниш и проемов. Стены из гуаля кладутся также не везде; этот вид кладки применяется местами в Фергане (Андижан) и бассейне

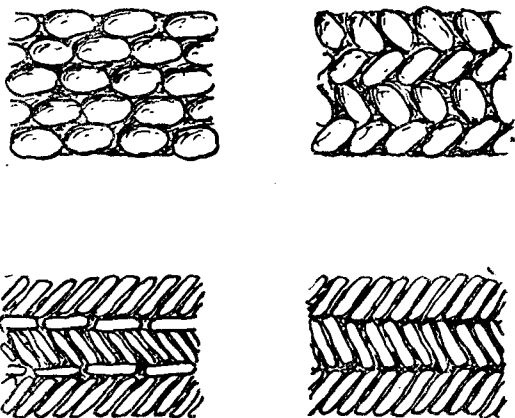

Рис. 5. Приемы кладки из гуаля (вверху) и сырца (внизу)

¹¹ Отмечено для Ташкента и Ферганы, т. е. местностей с значительной сейсмической бальностью и осадками, заставляющими делать тяжелую земляную кровлю.

¹² Нам этот прием известен только по Фергане (Маргелан).

Кашка-Дарьи (Гузар); он порождается недостатком леса. Стены, сложенные из гуаля, толсты, и наружная их поверхность для устойчивости несколько скошена. В целях экономии дерева стойки с внутренней поверхности стены ставятся без обвязки на отдельные подушки — зеркунда.

Толщина стен однорядного каркаса 20—30 см, двухрядного — 40—60 см (в разных городах неодинакова), стен из гуаля — до 75 см у основания.

Наружная штукатурка стен почти всегда только глиносаманная¹³. Внутри по глиносаманной штукатурке делается ганчевая, которая по

качеству бывает различна. Самый грубый состав — гаччок, т. е. ганч с землей, лучший очищенный, идущий для резной орнаментации — гюльгач.

Кладка из пахсы в жилых постройках мало употребительна. По объяснению одного из старых мастеров, такие стены легко рушатся при землетрясении. Из пахсы кладутся стены сельских усадеб в Хорезме (где не угрожают сильные колебания почвы). В самаркандских загородных усадьбах — кургон пахса идет в кладку внешних стен владения, тогда как жилье имеет обычно каркасную структуру. Стены хаули и кургон снабжаются контрфорсами полукруглого сечения. Пахса кладется слоями толщиной в 60—80 см, высотой по 80—90 см. В Хорезме поверхность пахсовых стен отделяется желобками — гюльгач, проводимыми специальным металлическим инструментом по сырой глине (фиг. 6).

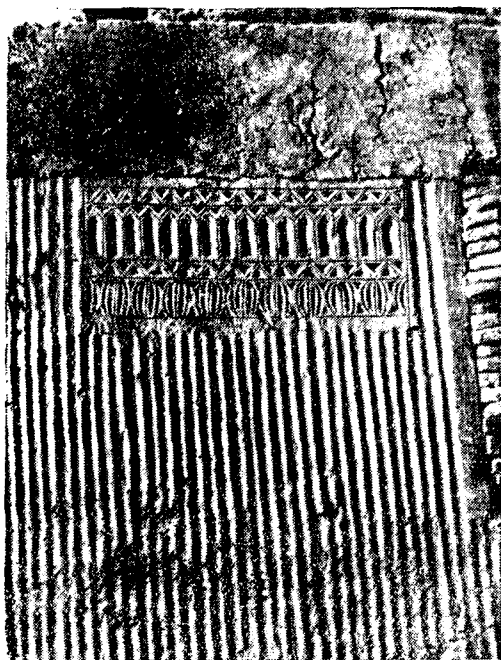

Рис. 6. Пахсовая кладка в Хорезме с желобчатой фактурой и орнаментом. Фото Музея архитектуры Академии архитектуры СССР

Цель этого приема отнюдь не декоративная, как принято думать, хотя желобчатая фактура стены несомненно представляет прекрасный вид декорации, — они назначены в основном для предохранения стен от растрескивания. С течением времени стены с желобчатой фактурой покрываются иногда глиносаманной штукатуркой. Кроме того, пахсовая кладка употребляется повсеместно для обычных садовых оград с небольшой толщиной в 40—50 см; в таких девалях слои пахсы перемежаются иногда тонкими пластами глины, имеющими на фасаде вид валиков.

Весьма любопытная конструкция наблюдается в горных кишлаках Ширабадского района Сурхандарьинской области (Зараутсай, Кзыл-Алма и др.). Неширокие глинобитные стены ставятся со скругленными углами, причем нередко выступающие балки покрытия опираются на прогон, уложенный по внешним стойкам (рис. 7). Смысл этого приема в следующем: в зимнее время здесь часты бури с дождем и снегом, которые сильно обмывают углы построек, почему круглое ребро практичнее; тот же метеорологический фактор диктует употребление внешне-

¹³ Саман — мелкая солома от обмолота.

го каркаса, придающего устойчивость зданию. Деревянные части делаются из арчи.

Дверные и оконные проемы, как уже указано выше, имеют сходное устройство. Полотнища закрепляются на шипах — тор, входящих в гнезда порога и перемычки. Части дверной коробки носят в Ташкенте названия: порог — остана, косяки — ёндори, перекладина — тепадори. Двери делались одностворчатые — яка тавакка или двустворчатые — кош тавакка, досчатые — джупляма и филенчатые — кавзадилялик, диялялик. Последние называются также повсеместно багдоди. В Хиве дверные

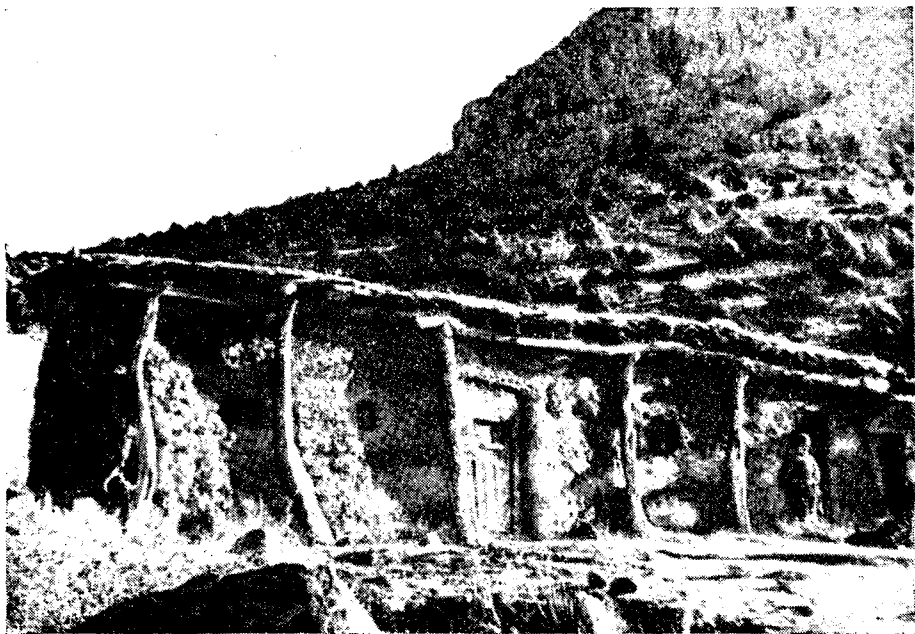

Рис. 7. Дом высокогорного селения Зараутсай (Ширабадский район Сурхандарьинской обл.). Фото Ин-та искусствознания УзССР

створки называются капу. Части филенчатой двери называются: филенки — дияля, обвязка вертикальная — бози, верхняя и нижняя — бош кавзи, средники — урта кавзи, губка — пеш-бурун (рис. 8).

Колонны айванов — устум, сутум, в Хиве — ура, ставятся на деревянный брус или отдельную деревянную или каменную подушку.

Покрытие постройки делается по деревянным балкам (тусун, болёр), уложенным горизонтально (рис. 9). На балки укладывается васа — разрубленные пополам горбыльки округлостью книзу¹⁴. Эта конструкция в общем случае не маскируется, представляя собой потолок комнаты¹⁵. Дальше идут: буйра (камышовая плетенка), слой камыша, глиняная смазка, земляная засыпка и верхняя обмазка из глины с саманом. Эта конструкция допускает некоторые вариации. Так, например, кладут несколько рядов буйра, исключая камыш, прокладывается кирпичная прослойка и т. д. Толщина земляной кровли в разных районах неодинакова — в зависимости от количества осадков и качества глины. В Фергане и Ташкенте она достигает солидной толщины (30—50 см), в Хиве составляет всего около 15—20 см. Земляная кровля при своей массивно-

¹⁴ В Хиве носит название «патык».

¹⁵ Существуют более сложные приемы оформления потолка: васа, чередующаяся с расписными досчатыми квадратами, подшивной кассетированный потолок, профилированные плафоны.

сти представляет хорошую теплоизоляцию. Вода отводится едва заметным уклоном (который достигается в засыпке) и выступающими из крыши деревянными желобками.

На одном из домов Карши водостоки приняли вид своеобразных консолей (рис. 10).

Был известен прием и двускатной кровли, который, впрочем, имел место только в некоторых специальных случаях. Двускатные кровли

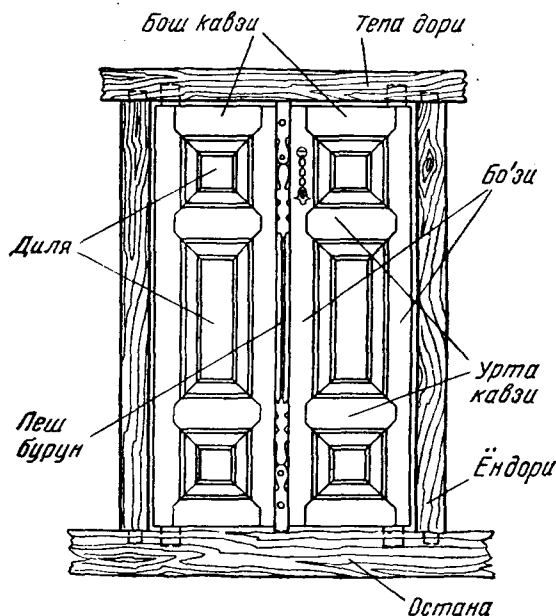

Рис. 8. Конструкция дверей

легкого типа делались над лоджией второго этажа, которая составляла принадлежность мужской половины дома (см. выше). Однако эта форма характерна только для бассейна Кашка-Дарьи (Шахрисябз, Карши) и встречается, хотя довольно редко, в Ташкенте. В Фергане и Ташкенте таким способом покрываются также садовые открытые павильоны. Постройки, покрытые таким образом, носят название «шипанг». Можно предположить, что этот термин в строгом смысле слова относится к типу покрытия, поскольку лишь последний является общим моментом для обоих названных здесь видов сооружений и проник через Фергану, о чем говорит китайское, видимо, его происхождение¹⁶.

В Фергане существует прием двускатного перекрытия дома, так называемый «харылик». В этом случае балки опираются на прогон — ха-

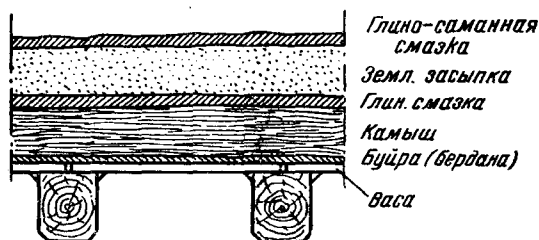

Рис. 9. Конструкция кровли

¹⁶ Ферганская народная архитектура несет в себе ряд особенностей, обликающих ее с Восточным Туркестаном (ряд архитектурных элементов именуется «кашгарча») и, более того, с Китаем.

ры, который может быть уложен или вдоль, или поперек комнаты. Конструкция снизу не маскируется, концы прогонов укреплены иногда выступающими из стены консолями. Уклон кровли невелик, так как определяется только толщиной прогона. Покрытие харылик, мало распространенное, известно нам только по Андижану.

В некоторых случаях скатные кровли являются отражением европейских приемов.

Вынос — карниз плоской земляной кровли — практикуется не везде. В Ташкенте и Шахрисябзе вынос кровли делается по всем четырем сторонам постройки, во многих других городах — лишь на главном фасаде здания. В некоторых местностях кровля плавно смыкается со стенами без карниза, образуя округлое ребро, что наблюдается, например, в Гузаре (Кашка-Дарья). В Хорезме плоская кровля обрамляется невысоким бортиком с разрывами для желобов. Айваны, как правило, имеют карниз на концах балок или консолях. В некоторых городах обрез кровли по фасаду закрепляется жженым кирпичом на ребро (Самарканд) или плашмя в несколько рядов (Шахрисябз). Одним из факторов, вызывающих наличие или отсутствие карниза, является количество осадков, другим — качество глины.

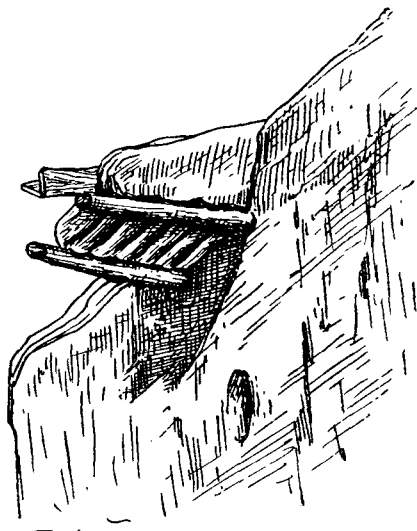

Рис. 10. Водосточные желоба дома в Карши

Второй этаж устраивается преимущественно на стесненных участках и над хозяйственными помещениями. С целью расширить жилую площадь 2-го этажа сравнительно с 1-м прибегали к выносу его на балках около полуметра. То же имеет место в случае, когда участок неправильной формы, — чтобы придать прямоугольные очертания вышележащему помещению.

2. Типы жилища Узбекистана

Тип жилого дома более других видов сооружений подвержен локализации. Он самый многогранный и сложный из всех объектов народной архитектуры Узбекистана, поскольку протекающая в нем жизнь всегда бесконечно многообразнее отлившихся форм культа или всякой другой функции, составляющей содержание других видов сооружений.

Обычно жилище и по формам сложнее других архитектурных объектов, состоит из многих компонентов и образует со всеми привходящими постройками целый ансамбль, что уже само по себе создает почву для вариаций. В сложении облика жилища участвует целый комплекс разнообразных факторов: социальный, исторический, этнический, природно-климатический. Изменение каждого из этих слагаемых влечет за собой перемены в структуре жилого дома.

Феодалный уклад и быт средневекового города обусловили внешнюю замкнутость жилища. Неодинаковый ход исторического развития отдельных областей края придает различный отпечаток сложившимся архитектурным традициям. Так, на ферганской архитектуре сказались близость и постоянное общение с Восточным Туркестаном (торговые связи, экспансия, эмиграция); Хива в известной степени связана историческими судьбами с Хорасаном, в то же время ее изолированное положение среди огромного пространства безжизненных пустынь способствовало устойчивости местных традиций и т. д. Складывавшиеся веками национальные традиции определяют связанную с этническим началом специфику национальных форм.

Существенную роль в формировании типа жилища играют природно-климатические данные. На обширной территории Узбекистана природно-климатические условия колеблются в широких пределах, здесь различается несколько зон — от засушливо-пустынных до высокогорных. Формы жилища реагируют на количество осадков, направление ветра, наличие того или иного строительного материала, синтезируют природные ресурсы — воду и зеленые насаждения. Для других объектов архитектуры — мечетей, медресе, бань и т. д. — климатический фактор не играет столь существенной роли и вместе с тем тип этих сооружений обладает значительно большей общностью.

Прежде всего приведем несколько наблюдений над приемами конструкции основных частей здания.

1. Толщина кровли, как естественно и следовало полагать, зависит от количества осадков. В этом отношении первые места занимают Китаб, Ташкент и Самарканд. Действительно в этих пунктах постройки отличаются солидной кровлей, толщина которой (не считая балок) в некоторых случаях превосходит 50 см. В Хиве годовых осадков 77 мм, причем толщина кровли резко снижается и нередко составляет всего 15—18 см. Тот же фактор обуславливает необходимость или отсутствие выноса кровли по всему периметру здания (см. выше), — в Шах-рисябзе и Ташкенте карниз устраивается по всем четырем фасадам. В Хорезме по незначительности осадков оказывается возможным обнести кровлю бортиком, предохраняя им, вместо карниза, стены от стока воды. Надо сказать, что в данном случае учитывается также качество глины, которая, например в Шахрисябзе, тощая, что увеличивает необходимость карнизов.

2. Толщина стен обусловлена в первую очередь не соображениями теплоизоляции, но требованиями сейсмостойкости.

Наиболее солиден по конструкциям ферганский жилой дом; стены в 60—70 см составляют обычное явление, причем все четыре стены толстые. Но наличие глубоких ниш сводит стены фактически к толщине однорядного каркаса, почему эта конструкция не дает особых преимуществ в смысле теплопотерь. Между тем нетрудно заметить, что стены, изрезанные нишами, получают ребра жесткости и, обладая, таким образом, пространственной жесткостью, противостоят колебаниям почвы. Соответствующая графа таблицы показывает, что наиболее угрожаемым в сейсмическом отношении районом является именно Фергана. В Намангане, где сейсмическая бальность равняется VIII, стены жилого дома достигают толщины 90 см.

Однако существует и специальная теплоизолирующая конструкция — уже упомянутые пустотелые стены двойного каркаса.

Солидная конструкция стен необходима также и для поддержания тяжелой кровли. Таким образом, количество осадков косвенно отражается на толщине стен.

В Хорезме, где среднегодовая и средняя месячная температура несколько ниже ферганских, но зона сейсмическая и чрезвычайно сухой климат, мы видим в городских постройках полное господство однорядного каркаса (20—25 см). Отмеченные условия делают возможным предельное облегчение конструкции жилища. Фергана и Хива по степени солидности конструкции составляют противоположные полюсы; жилище других областей занимает различные промежуточные ступени. Так, в Ташкенте все четыре стены жилой комнаты — двухрядного каркаса, но не достигают массивности ферганских (80—60 см); в Шахрисябзе — три стены толстые (около 40 см) и одна — однорядного каркаса; для Самарканда характерно, когда две стены двухрядного каркаса, а в Бухаре обычно такая стена всего одна.

Конструкция стен существенно влияет на характер интерьера, так как в стенах однорядного каркаса отсутствие стеновых ниш коренным образом меняет прием оформления. Во внешнем облике дома на характер композиции влияет форма и постановка айвана, связанная в известной степени с силой и направлением господствующих ветров, — выше уже отмечена роль хивинских улү-эйванов и кашкадарьинских ши-панг.

Что касается зависимости от температурного режима, наиболее приспособлен к защите от холода городской ферганский дом, где можно отметить такие черты: 1) жилые комнаты обращены на юг и защищены расположенным перед ними айваном; 2) имеется защищенный ставнями зимний айван — кашгарча; 3) вход в комнату лежит через упомянутый айван; 4) проемы, помимо ставень — дарча, защищаются зимой оклеенными бумагой решетками — дарпарда; 5) в комнате имеется камин, который не только позволяет готовить пищу, но и согревает до известной степени помещение.

Архитектурный облик жилища Узбекистана образует ряд вариаций. За основные можно принять три архитектурных типа — ферганский, бухарский и хорезмийский. Фергана и Хорезм, находясь в различных природных условиях, занимая противоположные области республики, наиболее удаленные друг от друга и подвергавшиеся разнородным влияниям, развивают наиболее своеобразные яркие и четкие архитектурные традиции. Бухара культивирует коренной срединный тип, те или другие черты которого прослеживаются в архитектуре центральных областей Узбекистана. Совершенно самостоятельным следует признать также тип дома в Шахрисябзе. Типы жилья Ташкента, Самарканда, Карши и других городов представляют переходную ступень от ферганского к бухарскому.

Вот краткая характеристика отдельных типов узбекского жилища.

Фергана. Свообразием архитектуры жилища Фергана в значительной мере обязана связями с сопредельным Восточным Туркестаном. Более того, намечаются черты сродства с архитектурой дома Китая и Японии.

Отличительный характерный прием планировки дома в Ферганской долине состоит в симметричном соединении из двух комнат, сообщающихся с центральным помещением — кашгарча, фасадная стена которого состоит из стоек и поднимающихся ставень и неширокого айвана вдоль фасада постройки¹⁷. Центральное помещение просторно и носит функ-

¹⁷ См. статью автора в журн. «Архитектура СССР», 1940, № 3.

ции не просто передней, а скорее комнаты общего пребывания. Излюбленная ориентация — южная, причем фасад дома преимущественно оказывается обращенным точно на юг. Если в доме несколько комнат, план изламывается под углом с фасадами на юг и восток (рис. 11). Участки просторны и сплошная застройка по периметру встречается сравнительно редко.

Конструкция стен насчитывает несколько приемов: 1) кладка из сырца, 2) двойной каркас с заполнением из гуаля и 3) кладка из гуаля — без наружного каркаса. Толщина стен 60—70 см. Все четыре сте

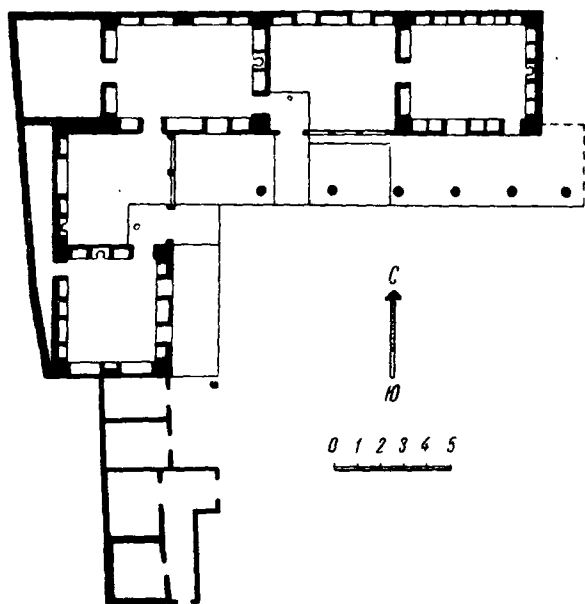

Рис. 11. Дом второй половины XIX в. в Коканде. Постройки ичкари. Обмер автора. Отдел охраны памятников при Совете Министров УзССР

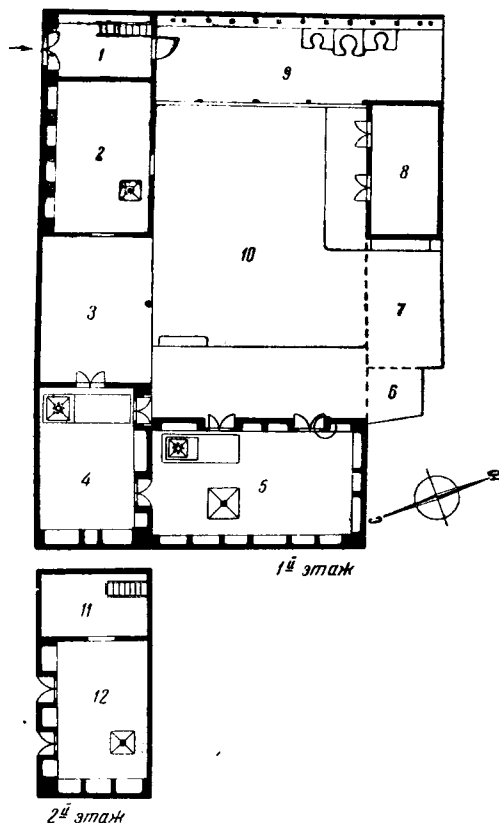
ны комнаты толстые. В интерьере комнаты ниши заполняют все стеновые поверхности, гладкие панно вставляются между ниш лишь изредка. Ниши разбиты на ячейки различной величины. Характерная принадлежность интерьера — камин, которые не нашли распространения ни в одном из других районов Узбекистана. Характерные детали фасада — подъемные ставни, решетчатые стенки. В оформлении стен — резьба по танчу, роспись встречается преимущественно в Коканде. Для Маргелана до половины XIX в. характерно украшение потолка резьбой; позже резьбу вытесняет роспись.

Ташкент. В застройке чередуются комната и айван, соединяемые в одну линию. Айван чаще всего с одной-двумя колоннами. Нередко встречаются айван — кашгарча и многоколонный айван перед фасадом — прием, занесенный из Ферганы. Комната или выходит дверью прямо на айван, или ей придается узенькая передняя — дахлиз. Последняя может находиться между двух комнат. При периметральной застройке летние комнаты обращались на север, зимние — на юг, юго-запад и т. д. Конструкция стен — двухрядный каркас, с заполнением из гуаля или сырца, все четыре стены комнаты толстые и снабжены нишами. В стене айвана — также ниши. В жилищных домах ниши комнат делились обычным порядком на ячейки с прорезными дощечками. В оформлении стен применялась резьба, роспись была мало употребительна и встречается скорее в мелких фрагментах, чем в виде панно.

Самарканд. В середине XVIII в. вследствие смут город пришел в упадок и был почти оставлен жителями¹⁸. Впоследствии он был заселен людьми, пришедшими из разных городов, почему образ жилища не обладает здесь особой цельностью. Однако можно дать достаточно четкую общую характеристику его особенностей.

В планировке самаркандского дома весьма употребительно сочетание из одной или двух комнат и узкой передней (рис. 12). Одноколонный айван примыкает к постройке под углом или в одну линию, но чаще первым способом. Употребительны и многоколонные айваны,

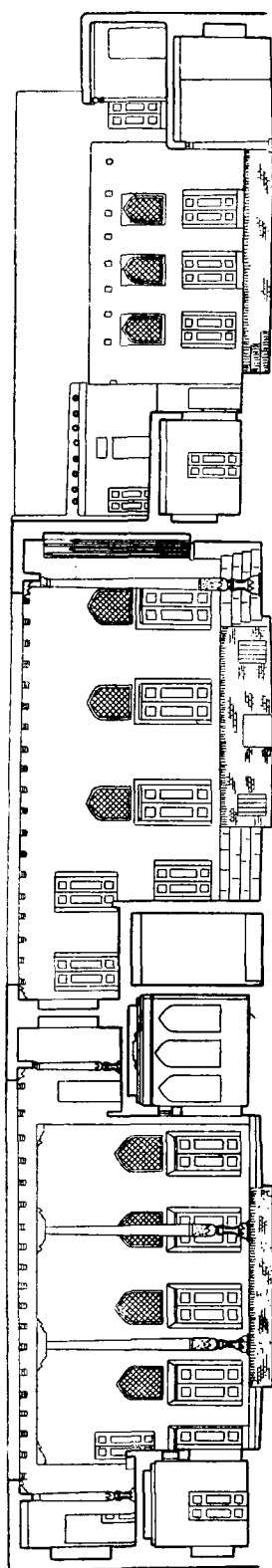
Рис. 12. Дом в квартале Козы Абдурасуль в Самарканде: 1 — дарваза-хона; 2, 4, 8 — хона; 3, 9 — айван; 5 — сеисхона; 6 — бадраб; 7 — ашхона (разрушена); 10 — руихаули (двор); 11 — дахлиз; 12 — болохона. Обмер С. Н. Полупанова. Музей искусств УзССР

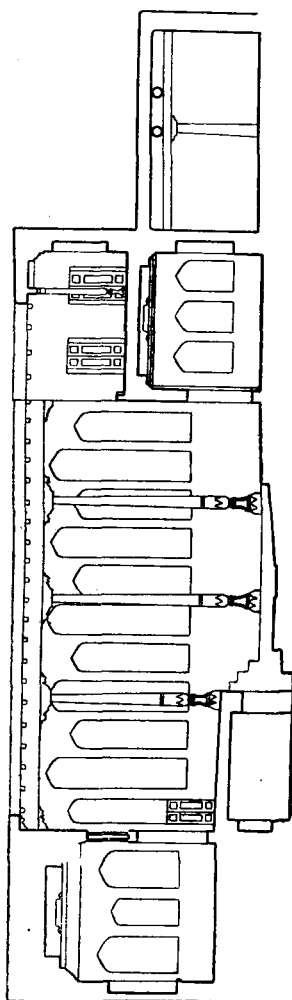
вернее айваны со стойками. Конструкция стен каркасная. Одна или две стены комнаты (чаще две) делаются однорядного каркаса, таким образом, количество стеновых ниш по сравнению с ферганским и ташкентским домом уменьшается. Плоские поверхности стен украшались расписными и резными по ганчу панно, потолки — росписью.

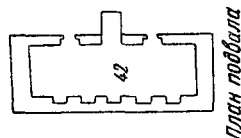
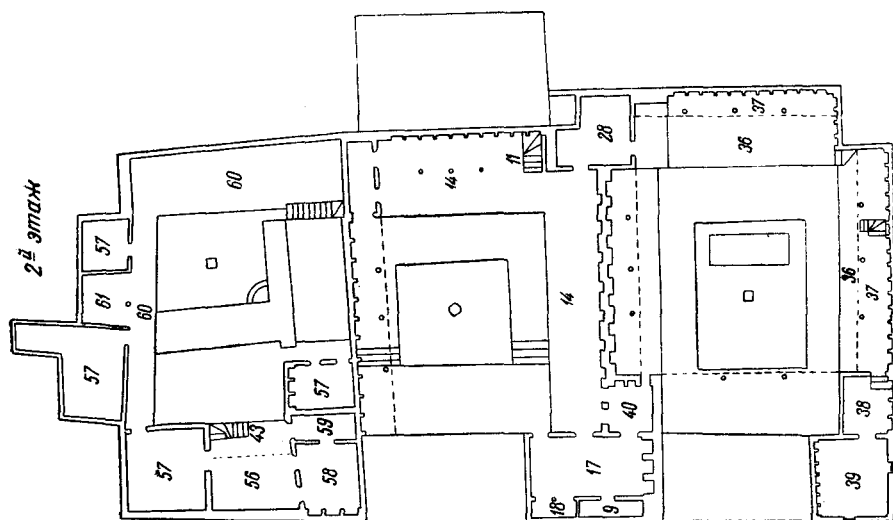
Бухара. На жилой половине выделялись два помещения: летнее (хона-и-тобистони), обращенное на север, и зимнее (хона-и-зимистони) — на юг, восток или запад. В бедных жилищах ограничивались двумя такими комнатами, в богатых домах устраивалось еще несколько комнат, получивших наименование по странам света или называвшихся просто хонохойи-гуша, т. е. угловые комнаты (рис. 13). На внешнем дворе, по возможности, делались две комнаты — зимняя и летняя, а в богатых домах — несколько различно ориентированных комнат. Летняя комната, основная, высокая и наиболее тщательно отделанная: рядом с комнатой обычно находится передняя, но айван отсутствует. Функции

¹⁸ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1928, стр. 99.

I-I

II-II
a'

План подвала

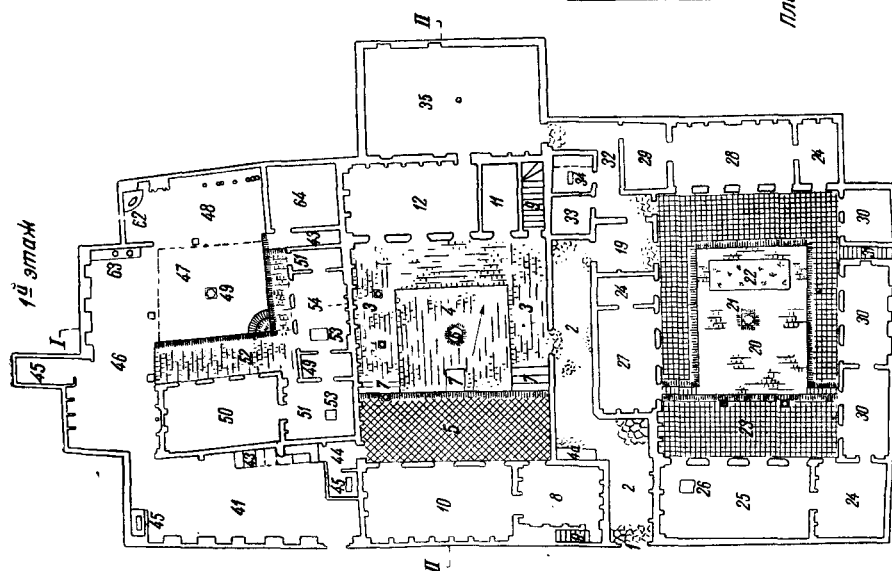

Рис. 13. Дом купца Мирзо Халиб Хурдона в Бухаре; а — разрез; б — план. Бирун: 1 — дарваза; 2 — рахр; 3 — руи-хаули (открытый двор); 4 — суфа; 4а — суфа; 5 — летняя суфа; 6 — тошна; 7 — ступени; 8, 11 — дахлиз; 9 — зина; 10 — михмахона; 12 — хона хаули (зимняя приемная); 13 — зимняя терраса; 14 — зимний нимайзонч; 16 — зимняя болохона; 16 — летняя терраса; 17 — летняя болохона; 18 — купна хона (для олея); 42 — тахона (подвал); Дарун: 19, 32 — рахр; 20 — руи-хаули; 21 — тошна; 22 — цветник; 23 — летний айван; 24 — дахлиз; 25 — хона-и руй-бо боле (летняя); 26 — сандал; 27 — хона-и руй-бо офтоб (комната на восток); 28 — мадон; 30 — хона-и руй-бо (комната на запад); 31 — зина; 33 — хона (кладовая); 34 — бадраб; 35 — ашхона; 36, 37 — зимняя терраса и нимайзонч; 38 — шабга (ночная терраса); 39, 40 — летняя и зимняя болохона. Хозяйственный двор: 41 — сенсхона; 43 — зина; 44 — рахр; 45 — бадраб; 46 — айван охур (с кормушками); 47 — руи хаули; 48 — айван; 49 — тошна; 50, 51, 52 — хона-и руй-бо боле с передней и суфой; 53 — сангал; 54 — хона-и руй-бо; 55 — мадон; 56 — летняя терраса; 57 — болохона; 58, 59 — микмахона и дахлиз; 60, 61 — терраса и нимайзонч; 62, 63 — танур и оташон; 64 — кладовая.

Обмер Тимофеева. Отдел охраны памятников при Совете Министров УзССР

последнего выполняет супа — глинобитная или вымощенная жженым кирпичом платформа. Супа перед летней комнатой высока и просторна. Для бухарского жилища весьма характерны мадон и шахнишин (антресоли). Мадон употребительны и в других городах Узбекистана, но отнюдь не обязательны. В Бухаре же они непременная принадлежность всякого дома. Шахнишин, по идее, представляет собой почетное место для гостей, но в действительности чаще всего несет какие-либо гораздо более прозаические функции — является, например, складом одеял или комнатой хозяина. Он обычно помещается над невысокой передней, имея доступ оттуда или со двора по приставной лестнице. В других городах шахнишин или совсем не делался, или делался очень редко. Для Бухары характерны также айванчи — узкие галереи на крыше первого этажа. Для спанья летом использовались кровли построек (шабга). В Бухаре жилые помещения часто приподнимались на столбах над уровнем грунта, причем получался цокольный этаж — тагхона, используемый для хозяйственных нужд.

Конструкция стен — однорядный или двухрядный каркас, заполнение — сырец или гуалы. Две или три стены комнаты, а чаще все четыре состоят из однорядного каркаса. При такой конструкции отсутствие ниш компенсируется настенными алебастровыми полочками. Для оформления интерьера характерны яркая роспись, пышные сталактитовые карнизы и ниши со сталактитами. Впрочем, как пишет А. К. Писарчик, до половины прошлого века оформление интерьера было значительно скромнее¹⁹.

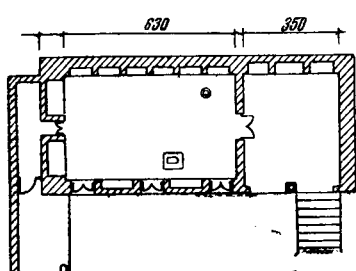
К а ш к а - Д а р ь я. Архитектура жилища в бассейне Кашка-Дарья распадается на два типа. Один из них — каршинский, вытекает из бухарских традиций, хотя имеет некоторые локальные черты. Другой — шахрисябский, по своим канонам весьма самостоятелен. Композиция плана исходит из группы — комната с одноколонным айваном, стоящим рядом (рис. 14). Это — коренной старейший тип дома. В двухкомнатном доме айван был или при каждой из комнат, или помещался между ними. В многокомнатных домах основная группа блокировалась в периметральной застройке. Комната выходит дверью прямо на айван. Конструкция стен — каркас и сырцовое заполнение. Одна из стен комнаты — смежная с айваном — делается однорядного каркаса. По архитектурным традициям к Шахрисябзу примыкает группа близлежащих небольших городов. Для интерьера жилищ, как в Шахрисябзе, так и в Карши характерна любовь к полихромии, которая проявляется в расцветке резных панно, разноцветной окраске внутренности нишек и яркой росписи потолка.

Х и в а. Композиция жилого дома Хивы весьма своеобразна (рис. 16): большая летняя комната-сарай обращена на север, перед нею расположен высокий улу-айван или онг-айван, роль которого улаживать и направлять вниз прохладные воздушные течения. На противоположной стороне двора находится второй низенький айван — терс-айван, хозяйственного назначения, обращенный к югу. Теплая зимняя комната — пеш-уй — помещается позади или сбоку летней. Кроме этих главных комнат, в доме могут быть несколько второстепенных, которые носят общее название янбаши-уй (т. е. боковые комнаты). В хивинском шахристане ичан-кала ввиду скученности застройки мужская половина состоит лишь из одного помещения михманхона, выделяемого близ входа. Хозяйственные помещения группируются вокруг дворика, посередине которого находится водослив — адан. Из-за тесноты участка открытая часть двора — са'ан нередко уменьшена до предела или совсем исчезает и айваны сближаются вплотную, образуя вертикальную световую щель. Конструкция стен — однорядный каркас с сырцовым

¹⁹ «Жилой дом Бухары и Хивы», «Архитектура СССР», 1937, № 1, стр. 42.

Фасад

План

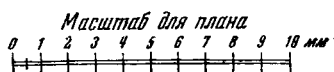
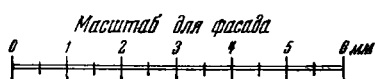
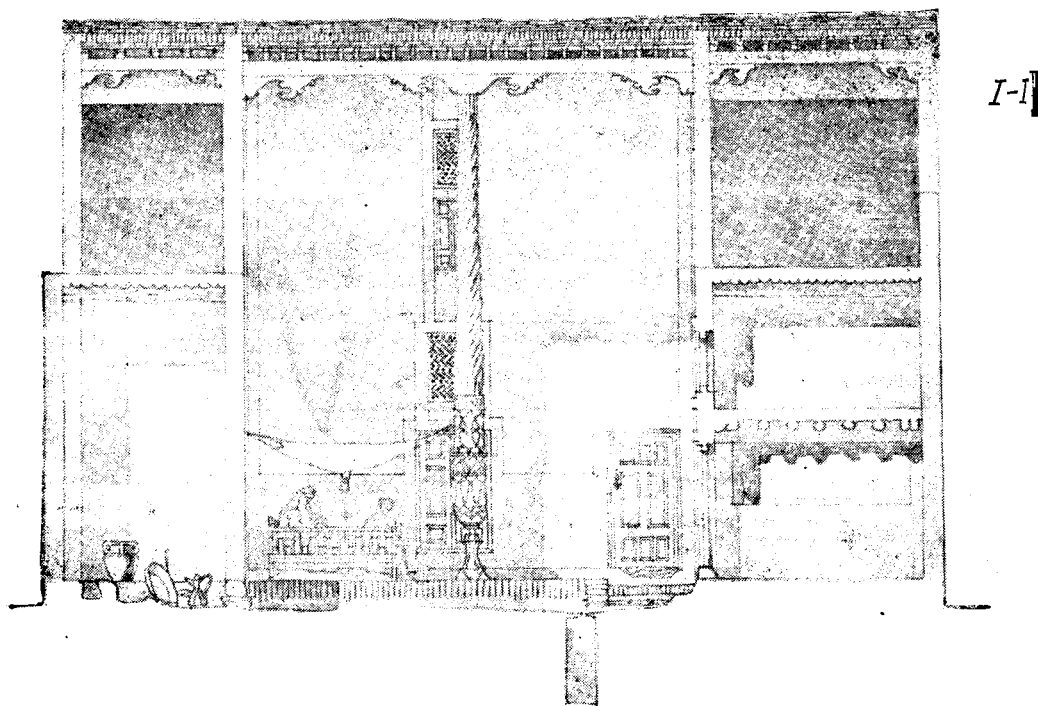

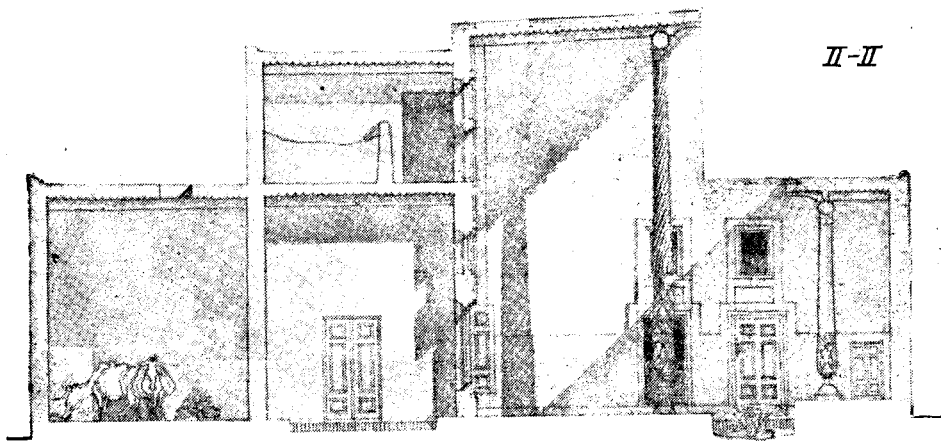
Рис. 14. Дом XIX в. в Шахрисябзе. Жилая комната с айваном. Позади примыкает мадан. Обмер автора. Ин-т искусствознания УЗССР

Рис. 15. Дом с ши-панг в Шахрисябзе. Фото автора

I-I

II-II

а

Рис. 16, а

заполнением, в результате чего отсутствуют ниши, компенсируемые полочками с висячими шкафчиками в виде ячеек (рис. 18). Балки покрытия круглые, небольшого сечения, кладутся часто, через 20—30 см, васа тонкая. Хивинское жилище курное (см. выше) — очаг и «тандырча». Копоть является причиной того, что хивинское жилище почти не украшается настенной резьбой и росписью, не говоря уже о потолках; зато поистине замечательна резьба по дереву, которой покрываются двери, ставни и колонны. Последние весьма характерны, имея базис и подбалку без капители.

Кишлаки. Кишлаки и небольшие города чаще всего следуют архитектурным приемам близлежащего культурного центра, внося не-

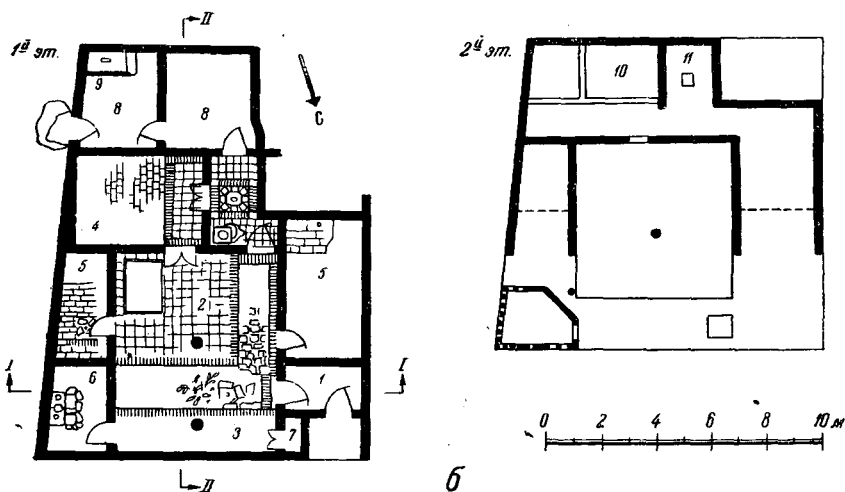

Рис. 16,б Дом XIX в. в Хиве: а — разрез, б — план: 1 — дахлиз; 2 — онг-айван; 3 — терс-айван; 4 — сарай; 5 — ямбаши-уй; 6 — ашхона; 7 — кумырхона; 8 — малхона; 9 — бадраб; 10 — таляк; 11 — световой колодезь. Обмер автора, Ин-т искусствознания УЗССР

которые коррективы соответственно местным условиям. Например, жилище Вуадиля в Фергане воспроизводит типичный прием ферганских городов с центральным внутренним айваном с тем, однако, различием, что передняя стенка айвана лишена ставень. Жилье кишлаков Бухарской области в упрощенном виде повторяет организацию дома Бухары, жилье прилегающих к Шахрисябзу районов — дома последнего и т. д.

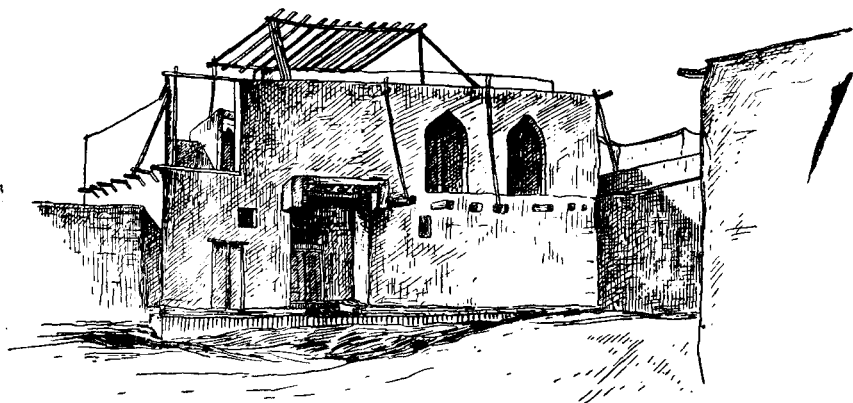

Рис. 17. Дом в Хиве. Вид с улицы. Рисунок автора

Особый, весьма любопытный в архитектурном отношении тип жилья представляют укрепленные усадьбы Хорезма, сохраняющие почти нетронутыми черты глубокой архаики и раннего средневековья. Эти усадьбы — хаули (рис. 19), обнесенные прямоугольником высоких стен, до недавнего времени служили обиталищем большой патриархальной семьи. С распадом последней площадь хаули делится на два-три двора, где проживают родственники. Стены кладутся из пахсы, в жилых помещениях около 60 см толщины, внешние — 90 см. Ограждающая стена снабжена круглыми контрфорсами — гюльдаста — по углам и на протяжении, ими же фланкированы массивные ворота, ведущие в крытый

долон. В состав каждого жилого комплекса усадьбы входят сарай, пеш-уй, янбаши-уй, близ ворот помещается михманхона, саисхона (ко-нюшня). Имеется также обычно мельница — хараз. Открытые дворы занимают небольшой процент площади.

Самаркандские пригородные усадьбы — кургон — также обнесены высокой пахсовой стеной с контрфорсами, но включают сад и хауз. При этом жилая постройка имеет обычно каркасовые стены и обладает в общем чертами городского дома.

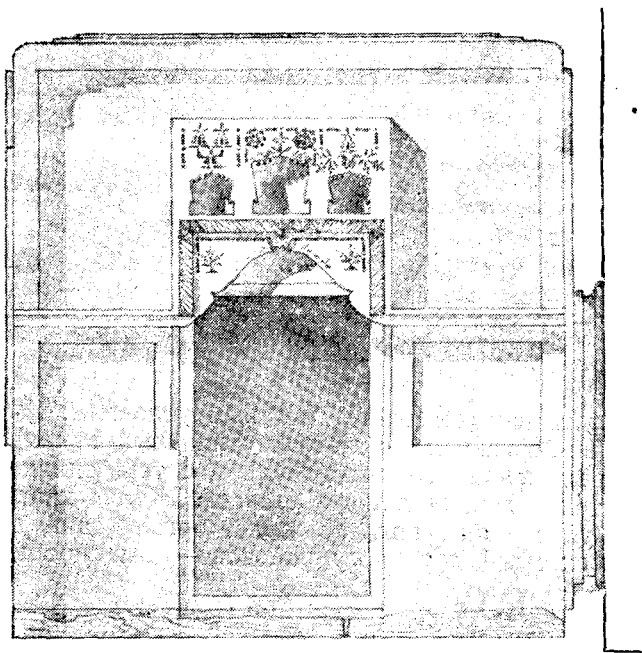

Рис. 18. Полочка в комнате хивинского дома. Обмер автора.
Ин-т искусствознания УзССР

Те и другие исключительно интересны в деталях, представляя особый архитектурный тип, где материалом стен является пахса.

В кишлаке Хазара Керминского района автору случилось видеть интересный тип дома: круглую постройку с пахсовыми стенами и куполом из сырца. Это — любопытный компромисс между оседлым и кочевым видом жилья, возникший на стыке кочевой и земледельческой области, заставшая выполненная в глине форма передвижного типа жилища — юрты. Постройка имела до трех метров в поперечнике, со стенами толщиной около полуметра, с дверью, но без окон и круглым отверстием в зените купола.

Будучи в основном своеобразными, типы узбекского жилища в архитектуре, конструкциях и особенно деталях обнаруживают иногда между собой ряд сходных особенностей. Так, ташкентский жилой дом воспринимает некоторые черты ферганского, самаркандский — шахриябзкого и бухарского. Заслуживает внимания то обстоятельство, что ряд аналогий показывают типы жилища областей вдоль по течению Аму-Дарьи. Сходство это выражается не в общей композиции, а в частности, но проявляется достаточно отчетливо. В Карши весьма сходные с хивинскими манера росписи потолков и форма капителей (в мечетях), в постройках у южных отрогов Гиссара употребляется горизонтальное крепление жердями на угол и зубчатая нарезка по краю кар-

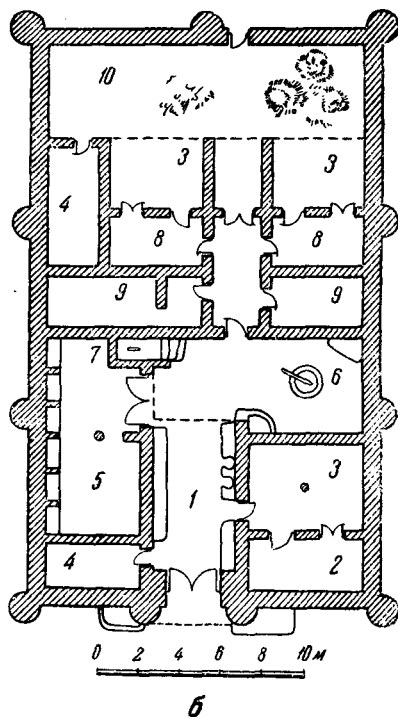
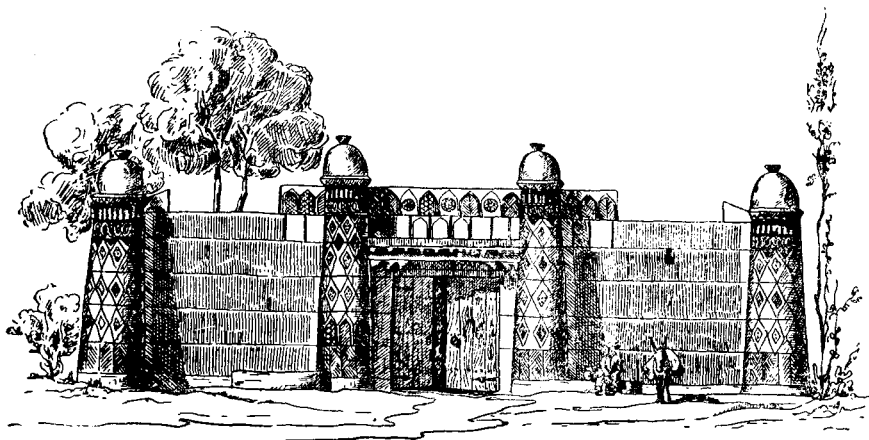

Рис. 19. Сельская усадьба хаули в сел. Пишканик близ Хивы. *а* — фасад, *б* — план: 1 — долон; 2 — михманхона; 3 — айван; 4 — казмок; 5 — атхона; 6 — хараз; 7 — бадраб; 8 — уй; 9 — пеш уй; 10 — саан.
Обмер автора. Ин-т искусствознания УзССР

низа (мечети)²⁰. Названные параллели объясняются, повидимому, тем, что Аму-Дарья была магистралью, облегчавшей культурные взаимосвязи этих областей.

Народы Средней Азии в процессе исторического взаимодействия в известной степени смешивают приемы жилого строительства. Жилище Каракалпакии в значительной степени исходит из форм левобережья

²⁰ Последние две особенности встречаются также и в Горном Бадахшане — по Пянджу (верховья Аму-Дарья). Сюда надо добавить некоторое сходство в формах подбалок.

Аму-Дарьи. Бесспорно имеет место некоторое слияние в облике жилища узбекских и таджикских традиций, тем более, что во многих горных районах нынешнего Узбекистана весьма высок процент таджикского населения. В Фергане, например, ассимилировались такие черты, как наблюдаемые в Андижане разделение комнаты и передней парой столбов, помещения на столбах баянд-суры (первые находят параллели в «сутуми саломга» домов Памира и Припамирья, вторые — в так называемом капа тех же мест). В Маргелане встречаются те же детали, что и на Зеравшане. Но в основном таджикская и узбекская народная архитектура имеют каждая свой национальный характер и особую специфику.

Архитектурное наследие национальных республик столь богато, что одна лишь Узбекская ССР дает разнообразнейшую гамму композиций жилого дома. При этом в пределах каждого архитектурного типа различаются нюансы и отдельные оригинальные решения, каждое произведение обнаруживает индивидуальные черты. Анализ композиции узбекского жилища раскрывает большое чувство архитектурной формы, художественный вкус и творческую изобретательность народных строителей.

Современное городское и сельское узбекское жилище постепенно изживает черты средневековья в устройстве и технике. Первое и главное, что внесла Великая Октябрьская социалистическая революция, — уничтожение ичкари, женской половины: кончилось затворничество узбекской женщины, и не нужны более изолированные дворы, в стенах которых протекала ее жизнь. Социалистическая действительность выдвигает новый идеал жилища в целом — дома не замкнутого, а выходящего на улицу приветливым фасадом с окнами; меняется и город — вместо кривых, пыльных и безводных переулков, широкие озелененные улицы. В Узбекской ССР проводится большая работа по планировке городов и поселков, проектные организации разрабатывают типы колхозного жилища. Перестраивается весь бытовой уклад, а в связи с этим характер интерьера и внешний облик дома. Входит в употребление мебель — столы, стулья, кровати; отсюда приподнятые над полом окна, стеновые ниши уменьшаются в количестве или исчезают совсем. Усваиваются новые технические приемы. Прежде всего, вводится остекление окон, что уменьшает теплопотери в холодное время года. В жилых помещениях ставятся печи и отходит в прошлое сандал — причина угара и ожогов²¹. Делаются деревянные полы и земляные кровли сменяются железными.

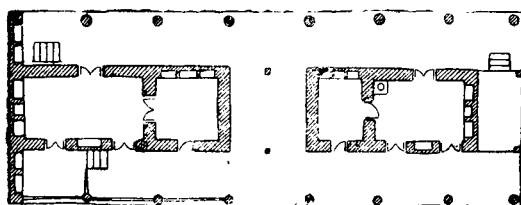
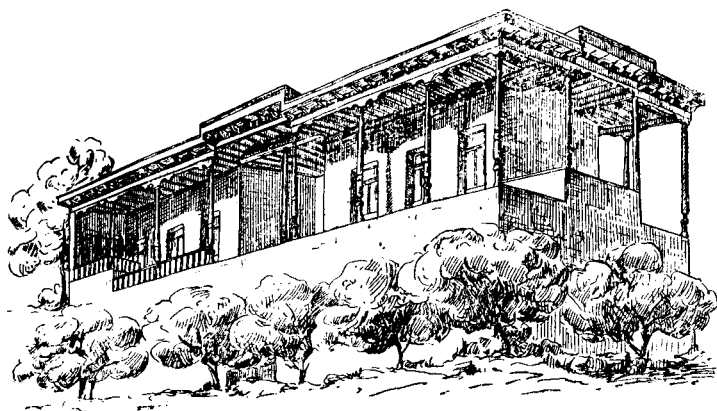
Вместе с тем в исторически сложившемся типе узбекского жилища много ценного, что подлежит изучению и использованию в нашем социалистическом строительстве. Умение строить дом рационально, экономно, удобно и красиво, остроумные методы вентиляции, использование зелени, простейшие антисейсмические приемы, знание свойств местных материалов заслуживают изучения и освоения.

Что касается архитектуры и художественного мастерства, то они составляют богатейшее историческое наследство, которое служит основой советского искусства Узбекистана. Национальные традиции должны жить и развиваться в советской творческой практике. Использование исторического наследия является одним из основных тезисов советской архитектуры.

Мы имеем много случаев наблюдать, как старые народные мастера на основе современных идеологических требований, более широких материальных и технических возможностей трактуют канонические принципы национальной архитектуры. Прекрасный тому пример дом Турсун-

²¹ В. В. Космачевский, К вопросу о борьбе с сандалом, «Медицинская мысль Узбекистана и Туркменистана», 1930, № 9—10.

кулова, председателя колхоза им. Куйбышева, Комсомольского района Самаркандской области, построенный в 1945 г. ургутским мастером Хайдаром (рис. 20). Нижний этаж отведен под конюшню, тогда как жилые помещения (две комнаты с передними) парадно расположены вс

0 2 4 6 8 10 м

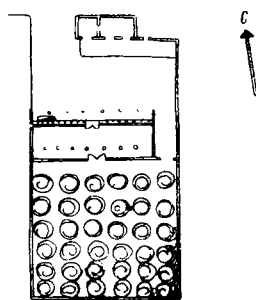

Рис. 20. Дом Турсункулова в колхозе им. Куйбышева, Комсомольского района, Самаркандской обл. Рисунок автора

втором, где корпус прорезан сквозным центральным проходом, соединяющим вытянутые вдоль фасадов айваны. Ставни и двери остеклены. На айванах устроены тахона — платформы для сиденья, отдыха или работы, так что каждой комнате соответствует одно такое возвышение в торцах здания. Оси фасадов подчеркнуты повышением карниза айванов. Южный фасад здания обращен в сад, а северный — выходит во двор. Композиция дома целиком отвечает местной традиции, в то же время ее чрезвычайно обогащает свободная пространственность архитектуры. Центральная сквозная лоджия изредка встречается в архитектуре узбекского дома, но трехсторонний портик, как и весь замысел в целом, представляет черту совершенно новой, которая характеризует качественно новую ступень народного творчества.

Ю. В. КНОРЗОВ

МАЗАР ШАМУН-НАБИ

(Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)

1

Благодаря успехам социалистического строительства в Средней Азии культ святых и связанные с ним явления в значительной степени утратили свое значение. Тем не менее подобные религиозные пережитки требуют серьезного отношения, особенно в бывших долгое время отрезанными от культурных центров районах, где они продолжают играть некоторую роль в бытовой жизни населения. Между тем верования народов Хорезмского оазиса изучены довольно слабо, хотя и представляют значительный практический и теоретический интерес. Успешная борьба за окончательное преодоление не только отдельных культов, но и религиозного мировоззрения вообще должна вестись на основе тщательного изучения верований в их исторической эволюции.

Среди многочисленных мазаров святых Хорезмского оазиса (большинство которых ныне утратило всякое значение) выделяются крупнейшие святилища, бывшие центры религиозной жизни, привлекавшие многочисленных паломников, особенно во время календарных праздников. В ряде случаев в качестве крупнейших святилищ фигурируют отнюдь не древние, великолепные по архитектуре мавзолей, а, наоборот, заведомо поздние. При этом святым, якобы погребенным в них, приписывается чрезвычайная древность. Некоторые носят библейские имена. В этой статье предлагается попытка интерпретации легенды об одном из таких святых, но с учетом всего комплекса данных по его культу, так как представляется методологически неправильным интерпретировать один из элементов памятника духовной культуры, игнорируя остальные и тем самым отрываясь от конкретной обстановки.

В 8 км от г. Ходжейли, по дороге на Куны-Ургенч, на большом холме расположено обширное кладбище Мазлум-хан. Подножие и склоны холма заняты группами могил, преимущественно типа «торть кулак»¹, различных каракалпакских и казахских родов. Вершина холма занята гробницами типа «сагана»² и мавзолеями разной архитектуры и сохранности, из которых наиболее замечателен, с архитектурной точки зрения, украшенный бирюзовыми изразцами полуподземный мавзолей Мазлум-хан-сулу³, давший название холму и кладбищу. В центральной части холма возвышается курганообразный бугор Джумарат-Касаб с штреховыми захоронениями в склонах. Вершина его образует круглую площадку с остатками жженого кирпича и керамики,

¹ Торть кулак, (каракалп.) — четыре уха. Имеется в виду характерная архитектура надгробия с четырьмя возвышениями по углам.

² Сагана — саркофаг в виде домика с двускатной крышей.

³ Мазлум-хан-сулу — прекрасная мученица. (К этому мавзолею приурочен вариант легенды о Фархаде).

покрытую столбиками из положенных друг на друга камней. У подножия стоит длинный, прямоугольный в плане мавзолей с высоким пештаком и семью куполами в ряд, один за другим. Внутри мавзолей разбивается на семь отдельных капелл, под арками которых проходит гигантская 27-метровая гробница аулие Шамун-наби.

2

Легенды об этом святом широко распространены в левобережных районах Каракалпакской АССР. По рассказу шейха кладбища, Шамун-наби был палван, живший задолго до Мухаммеда и боровшийся с кафирами за веру в истинного аллаха. Он приехал из Аравии вдвоем с товарищем и поселился на этом холме. Рядом в крепости жил неверный палван Гяур⁴, с которым он часто боролся. Гяур увидел жену Шамун-наби, полюбил ее и прорыл подземный ход к жилищу святого⁵. По этому ходу неверная жена в отсутствие мужа ходила на свидания с Гяуром. Однажды Шамун-наби, возвратившись домой, не застал жены, пошел искать ее, наткнулся на подземный ход и по нему попал в замок Гяура, где застал своего противника вместе с женой. Гяур стал бороться с Шамун-наби. Жена бросила под ноги мужу пригоршню проса, отчего тот поскользнулся и упал на колени. В этот момент собака Шамун-наби укусила Гяура и отвлекла его внимание. Борьба окончилась безрезультатно. После этого Шамун-наби завещал не хоронить его вместе с ногами, а отрубить их.

Жена пыталась связывать мужа веревками и даже проволокой, чтобы отдать во власть Гяура, но святой разрывал все узы. Случайно она узнала, что он не сможет освободиться, если его связать волосами из собственной бороды. Таким образом Гяуру удалось убить Шамун-наби. Согласно завещанию, перед тем как хоронить его, святому отрубили ноги.

Аналогичным образом излагают легенду еще несколько информаторов⁶. Один из них прибавляет, что после смерти святой воскрес и в свою очередь убил Гяура; другой упоминает, что у Шамун-наби был не товарищ, а брат, которого звали Яхъя. Есть версия, по которой Шамун-наби убил Гяура после того, как поскользнулся на просе, пока тот был занят борьбой с собакой, а затем — по одному из вариантов — святой, рассердившись на свои ноги, отрубил их и от этого умер. Мотив отрубания ног сохраняется во всех версиях. Времени построения мавзолея местные жители не помнят. Последний из упомянутых вариантов легенды добавляет, что у Шамун-наби было семь дочерей и что каждая выстроила ему по гумбезу. Более реалистическая версия сообщает, что мавзолей выстроил по обету «богатый человек», у которого падал скот. Он семь лет пригонял его на холм и семь раз обгонял вокруг могилы святого, после чего падеж скота прекратился.

Мазар Шамун-наби является наиболее почитаемым святилищем кладбища. К нему сходятся все дороги, ведущие к холму, и к нему прежде всего направляются посетители. Они поклоняются святому, опускаясь на колени перед порогом, касаются пальцами праха и проводят ладонями по лицу. Затем выслушивают молитву шейха и передают ему приношения. Кусты около мавзолея и нижняя часть шеста (ту) увешаны большим количеством разноцветных лоскутков, оставленных посетителями⁷. На гробнице стоит керосиновая горелка, заменившая тради-

⁴ Крепость Гяур-кала находится в полукилометре от кладбища.

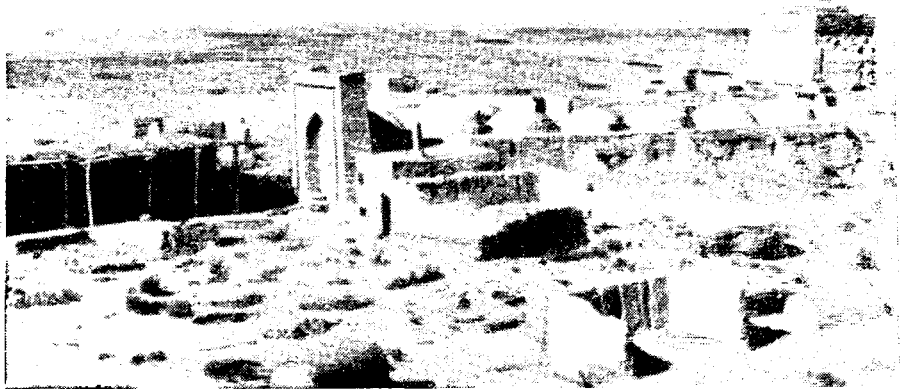
⁵ В нескольких десятках метров от мавзолея показывают углубление, якобы начало этого подземного хода.

⁶ Различные версии легенды записаны участниками II этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

⁷ Обычай вешать лоскуток материи (оторванный от одежды) около святилища имеет несколько значений: при болезнях, чтобы с лоскутком болезнь покинула тело;

ционный чираг⁸. В другом месте насыпаны зерна джугары. Больные крутят их вокруг головы и разбрасывают, чтобы болезнь покинула тело.

Особенно часто обращаются к святому бесплодные женщины. Они трижды обходят вокруг мавзолея, а затем, под руководством порханов, скатываются по каменистому склону бугра Джумарт-Касаб. Судя по рассказам информаторов, прежде к Шамун-наби обращались в случае падежа скота, причем при этом скот гоняли вокруг бугра Джумарт-Касаб, где и сейчас сохранилась широкая тропинка.

Мавзолей Шамун-наби

Как уже отмечалось, на вершине бугра находится значительное число сложенных из камней столбиков, тогда как около мавзолея Шамун-наби их совершенно нет⁹. По словам шейха, под бугром скрыт подземный мавзолей, еще более красивый, чем Мазлум-хан-сулу, в котором похоронен некий благочестивый мясник Джумарт¹⁰, бесплатно раздававший беднякам мясо.

Обрядовую связь обоих святилищ информаторы не могли объяснить. Посетители приходят главным образом в среду и четверг. В ночь с четверга на пятницу на кладбище обычно собирается несколько порханов, часто приезжающих издалека, и устраивается зикр или в подземелье Мазлум-хан-сулу, или, если людей немного, в доме шейха, рядом с мазаром Шамун-наби. Зикр заключается в том, что порханы под удары бубна приводят себя в экстаз внутри круга зрителей и издают различные звуки наподобие рева и шипенья разъяренных животных, иног-

ногда как символ обета принести жертву; наконец, просто как символ посещения. В некоторых случаях лоскутки вешаются обязательно каждым проходящим мимо святилища.

⁸ Чираг — глиняный светильник, обычно в виде лодочки.

⁹ Обычай ставить столбики (или миниатюрные дольмены) из камней связан с представлением о том, что после смерти того, кто поставил такой столбик, арвах (дух) его, поселится в этом столбике. Таким образом, столбики представляют собой магическую имитацию гробницы — обиталище для духа, независимо от судьбы тела.

¹⁰ Каракалп. жомарт — щедрый; кассап — мясник.

да наподобие возгласа «ху», сопровождая их резкими телодвижениями, беганьем по кругу, ударами в грудь обухом топора и т. д. Обычным приемом является также бой головами между порханами, когда они с разгона ударяют друг друга лбами, приходя при этом в настоящую ярость. Периодически останавливаясь перед кем-либо из зрителей, порханы ударяют его плетью, иногда поют предсказания своему «пациенту», раскачивая его в такт пению, и заканчивают ударом по шее или обдуванием, после чего получают несколько рублей, которые берут, несмотря на весь свой экстаз. Они стараются вовлечь внутрь круга и заставить принять участие в их манипуляциях возможно большее число зрителей. Большинство посетителей зикров — женщины. Главные порханы — мужчины, обычно казахи и каракалпаки.

3

Равнина между холмом Мазлум-хан и развалинами крепости Гяур-кала, в которой, по преданию, жил соперник Шамун-наби, усеяна обломками жженого кирпича и фрагментами керамики. Как указал еще В. Бартольд, на этом месте находился древний город Миздахкан¹¹. Об этом городе есть ряд кратких сообщений арабских географов, которые помещают его на правом берегу Аму-Дарьи, против Куны-Ургенча, между рекой и каналом Курдер.

Цитадель Гяур-кала, с гофрированными полуколоннами на фасадной стороне, относится к афригидскому времени, хотя толщина культурного слоя и керамика свидетельствуют, что город существовал здесь уже в античную эпоху. Цитадель была заброшена видимо еще до монгольского завоевания — керамика монгольского периода на ней отсутствует. Археологическая разведка А. Якубовского показала, что сам город несомненно продолжал существовать в монгольскую и золотоордынскую эпохи. Великолепный мавзолей Мазлум-хан-сулу, с его изразцовыми стенами и майоликами надгробий, снабженных персидскими надписями, датируется концом XIII — началом XIV в. Некоторые мавзолеи еще древнее¹². После арабских географов сведения о Миздахкане отсутствуют вплоть до краткого упоминания у Абульгази, говорящего о нем, как о крепости, повидимому разрушенной (середина XVII в.).

В XVII в. выросло значение города Ходжейли, носящего название одного из племен аральских узбеков (ходжа-эли), занявших к этому времени местность. Благодаря рыбному промыслу и торговле рыбой Ходжейли сделался важным портом в низовьях Аму-Дарьи. По словам А. Куна, «город исключительно занят ходжами, потомками Сеид-ата. По этому родоначальнику ходжейлинцы считают себя родственниками ходжам Туркестана. О построении Ходжейли сохранилось следующее предание: жители рассказывают, что лет 600 тому назад сюда перекочевал из Туркестана Аминутдин-ходжа, по прозвищу Алямин-ходжа. Он построил себе оседлость на месте нынешнего Ходжейли. С течением времени около него стали поселяться узбеки и киргизы, делавшиеся его мюридами»¹³.

Построение мавзолея Шамун-наби следует отнести к этой эпохе (конец XVII — начало XVIII в.) на основании архитектуры, особенно формы арок с преобладанием прямых линий, материала (жженный кирпич размером 25 × 25 × 5 см) и сохранности. Судя по многочисленным древним и новым могилам всех национальностей района, холм с этого времени сделался официальным центром религиозной жизни всей округи.

¹¹ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 83.

¹² А. Якубовский, Городище Миздахкан, Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л. 1930.

¹³ А. Л. Кун, От Хивы до Кунграда, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, Ташкент, 1876, стр. 218.

Видимо к тому же времени относится постройка дома шейха рядом с мавзолеем Шамун-наби. Шейхи при мазаре принадлежали к ходженлинским ходжам¹⁴.

Любопытно отметить, что мавзолей Шамун-наби был выстроен в центре холма, у подножия бугра Джумарт-Касаб, тогда как другие, несомненно, более древние мавзолеи находятся в стороне, у края холма. Вспомнив версию о построении мавзоля Шамун-наби «богатым человеком», можно предположить, что до его построения на кладбище уже имелось почитаемое святилище — Джумарт-Касаб (скот гоняли именно вокруг него), функции которого перешли на вновь построенный мавзолей. Встречающиеся на вершине бугра Джумарт-Касаб фрагменты кувшинов, сделанных на ножном гончарном кругу из обыкновенной серой массы, с ангобированной или окрашенной в более темный цвет поверхностью, ornamentированной каннелюрами и гребенчатым штампом, датируются XII веком¹⁵.

Первое упоминание о мазаре Шамун-наби встречается в хивинской хронике в начале XIX в. В 1867 г., по свидетельству той же хроники, его посетил хивинский хан¹⁶. В 1876 г. о мазаре упоминает А. Кун, проезжавший мимо холма¹⁷. Ни ему, ни хивинскому историку не известен мавзолей Мазлум-хан-сулу, по имени которого кладбище называется сейчас, что еще раз свидетельствует о центральном значении мавзоля Шамун-наби. Далее холм как одно из древнейших мест Хивинского ханства, упоминается А. Калмыковым¹⁸ и некоторыми другими авторами.

Крайняя скудость письменных источников не дает возможности восстановить по их данным древнюю культуру Хорезмского оазиса. При почти полном отсутствии местной литературы единственным надежным методом исследования является осуществляемое Хорезмской экспедицией АН СССР комплексное археолого-этнографическое изучение объектов, в свете которого вырисовывается культура древних эпох и становятся понятными пережитки, сохраняющиеся до наших дней, а неясные и отрывочные легенды приобретают значение первоклассного исторического документа.

4

Легенда о Шамун-наби, некоторые варианты в особенности, несомненно связана с библейским рассказом о Самсоне — об этом свидетельствует само имя святого, тема неверности жены, мотив связывания и роль волос, гигантский рост, наконец, общий облик борца с неверными и отнесение ко временам до Мухаммеда. Библейские сюжеты весьма распространены в мусульманских странах. Труды арабских историков и космографов, перевод на арабский язык библии, специальные «рассказы о пророках», появившиеся позднее и на тюркских языках, сделали их широко популярными.

Однако библейский элемент вовсе отсутствует в некоторых версиях, и именно они встречают параллели в других легендах Хорезмского оазиса. Ближайшей аналогией является легенда о святом Шиш-пайгамбаре в г. Кыпчак, связанная с крепостью Гяур-кала на отрогах Султан-Уиз-Дага. Молодой красавец Гяур, влюбившись в жену Шиш-пайгамбара, построил поблизости в горах (на другом берегу реки) крепость и

¹⁴ По свидетельству информаторов из числа посетителей кладбища.

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. Н. Вактурской, определившей керамику.

¹⁶ В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 83.

¹⁷ А. Л. Кун, Указ. раб., стр. 216—217.

¹⁸ А. Д. Калмыков, Хива, Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, т. XII, Ташкент, 1908, стр. 62—63.

прорыл подземный ход к жилищу возлюбленной. Шиш-пайгамбар застал Гяура на свидании с женой и стал с ним бороться. Жена, вместо того чтобы помогать мужу, бросила ему под ноги горсть проса, отчего тот поскользнулся и упал на колени. Тогда собака Шиш-пайгамбара схватила Гяура за ногу, и святому удалось убить своего противника. После этого он объявил жене: «Учись у собаки помогать хозяину», а так как она не высказала раскаяния, то убил и ее. Перед смертью он завещал детям похоронить только его туловище, а ноги отрубить, что и было исполнено¹⁹.

По другому преданию, видимо более архаическому, Гяур выстроил свою крепость для борьбы с братом, с которым он поссорился из-за девушки. Брату Гяура приписывают построение крепости Ямпук-кала²⁰ в тех же горах. Если вспомнить о смутно упоминаемом брате Шамун-наби Яхъя, который не играет никакой роли в легенде и, вероятно, является просто отголоском традиции о существовании брата у Шамун-наби, а также указание одной из версий на приход Шамун-наби из Аравии вдвоем с товарищем, то можно предположить, что легенда о Шамун-наби, как и легенда о Шиш-пайгамбаре, представляет собой библизировавшую модификацию распространенной легенды о борьбе двух братьев, с заменой имени местного героя библейскими именами Самсона и Сифа.

Большинство версий легенды, в том числе версия шейха кладбища, утверждают, что Шамун-наби был убит Гяуром; одна из версий связывает его смерть с тем, что он сам себе отрубил ноги. Только одна версия (совпадающая с кыпчакской) утверждает, что Шамун-наби убил Гяура с помощью собаки. Можно предположить, что в древнейших версиях легенды Гяур убивал своего противника, отрубив у него ноги. Контаминируясь с легендой о Самсоне (где, кстати, герой также погибает), легенда приобрела эпизод с темой волос, а отрубленные ноги стали объясняться эпизодом безрезультатной борьбы с мотивом проса²¹ и падением на колени. Наконец, отдельные версии стали делать победителем святого²²: Шамун-наби воскресает и убивает своего противника или, как в кыпчакской легенде, побеждает с помощью собаки. Последняя версия носит подчеркнуто антифеминистический характер²³, что также мало вероятно в древнейших вариантах.

Связь мазара Шамун-наби с бугром Джумарт-Касаб, отчетливо заметная в обрядовой практике, позволяет предположить, что в имени Джумарт традиция сохраняет имя древнего героя легенды, разрушенное святилище которого (по всей видимости самое древнее на кладбище) заменил мазар Шамун-наби. Джумарт-Касаб, щедрый мясник, может быть сопоставлен с Гайомардом зороастрийских источников, упоминаемым в Авесте под именем Гайа Маретан, тогда как популярной пехлевийской формой было Гемурд. В зороастрийской космогонии Гайомард — предок всех людей (из его семени произошла первая человеческая пара), сотворенный Агура-Маздой из земли вместе с первородным быком, предком животных. По Авесте, Гайа Маретан — первый праведник, последовавший установлениям Агура-Мазды, и предок народов

¹⁹ А. Е. Россикова, По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса, «Русский вестник», СПб., 1902, № 8, стр. 562—583.

²⁰ В казахском произношении — Джанпук-кала. Легенда записана участниками 2-го этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

²¹ Распространенный фольклорный мотив. — См., например, К. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, вып. II, Ташкент, 1893, стр. 160.

²² Тенденция устранить нежелательные моменты из «биографий» святых чувствуется во многих легендах. — Ср., например, Кусам-ибн-Аббас, который «сам снял себе голову» (В. И. Масальский, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 672).

²³ Речь идет о противопоставлении верности женщины и собаки. Девушка-узбечка, рассказавшая эту версию, в заключение привела пословицу: «хатын жаф», ит ваф».

арья. Он упоминается постоянно вместе с быком, а в ряде мест, в том числе в древнейшей части Авесты — Гатах, фигурирует только бык с знаменательным эпитетом *aevo-data*²⁴. По исследованиям К. Тревер Гайомард тождествен с Гопатшахом, получеловеком-полубыком, покровителем орошения, причем само имя «Гайомард» является переосмыслением первоначальной формы Гавомард — «бык-человек», восходящей к тотемическим представлениям²⁵.

Гайомард далеко не единственный первый человек (в поздних источниках — первый царь) зороастрийской мифологии. Легенды о нем довольно скудны и часто переплетаются с легендами о других сходных персонажах. Параллельным образом, гораздо более ярко освещенным в Авесте, является Йима (также связанный с быком), великий пастырь, богатый стадами, которого, как и Гайа Маретан, Авеста называет первым пророком Агура-Мазды. Йиме приписывают введение мясной пищи. В Хорезме горел первый огонь, зажженный Йимой. Ряд источников приписывает зажигание первого огня и установление праздника огня Гайомарду (и еще одному претенденту на роль первого царя — Хушенгу).

Борьба с врагом-антагонистом (первоначально братом) является ведущей темой в легендах о Гайомарде и близких ему персонажах. Йима погиб, распиленный надвое Ажи-Дахака (чудовишный змей — тотемическая ипостась Ангро-Майнью); по другим источникам, он был убит братом Спитейурой. Гайомард погибает то убитый самим Ангро-Майнью, то посланным им демоном смерти. В Шах-намэ сын Ахримана убивает сына Гайомарда, разорвав его пополам. Агрерат, отождествляемый некоторыми источниками с Гопатшахом (resp. Гайомардом), погибает убитый своим братом Афрасиабом.

Об еще одном претенденте на роль первого царя — Тахмурасе — персидский риваят²⁶ сообщает легенду, которая у Бируни в более сокращенном виде отнесена к Гайомарду²⁷: Тахмурас овладевает Ахриманом в образе черного коня, а последний, узнав у жены Тахмураса секрет, как можно справиться с ее мужем, убивает Тахмураса и пожирает его; мотив Самсона был не чужд легендам Гайомардова цикла.

О популярности образа Гайомарда свидетельствуют многочисленные упоминания о нем в иранских, арабских и тюркских источниках, где его называют первым человеком и первым царем и приписывают ему основание ряда городов. Мусульманские источники отождествляют Гайомарда с Адамом, далее довольно настойчиво — с сыном Адама Сифом (он же Шиш-пайгамбар) и некоторыми другими библейскими персонажами²⁸.

Большой Бундахишн и ряд других источников указывают местопребывание Гайомарда в Эранвеже, у берега реки Дайтии. Большинство исследователей Эранвеж (авест. Айрьянем-Веджо) отождествляется с Хорезмом. В этой связи следует отметить, что против гор, где стоит крепость Гяура кыпчакских легенд, на левом берегу реки находится гора Джумур-тау (Киснякское ущелье). Повидимому, можно считать, что здесь локализовалось местопребывание противника Гяура, замененного в Кыпчаке Шиш-пайгамбаром (в легенде противники живут на разных берегах реки). Не касаясь вопроса о том, может ли быть на-

²⁴ Сводку источников о Гайомарде см. A. Christensen, *Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens*, Upsala, 1918.

²⁵ К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь. Государственный Эрмитаж, Труды отдела истории культуры и искусства Востока, II, Л., 1940, стр. 71—85.

²⁶ A. Christensen, Указ. раб.

²⁷ *Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî*, herausgegeben von E. Sachau, Leipzig, 1876—1878, стр. 99 (перевод, стр. 107).

²⁸ Например, с Гомером, очевидно, ввиду ономастической близости. См. A. Christensen, Указ. раб., стр. 87.

звание Джумур²⁹ тюркской народной этимологией иранского Гемурд-Гайомард, в пользу отождествления Киснякского ущелья с упоминаемым в зороастрийских источниках местопребыванием Гайомарда можно привести следующие соображения.

1) Узкое ущелье, через которое прорывается река, несомненно было уже с древнейших времен окружено легендами. Местные жители прямо указывают, что здесь были святилища и кладбища огнепоклонников (отка табунушылар). Сейчас местность изобилует мусульманскими святилищами³⁰.

2) Ущелье находится в центре Хорезмского оазиса, примерно на равном расстоянии от границ древних орошенных земель. По Большому Бундахишну, первородный бык был создан «в Эранвеже, в центре земного мира, на берегу благой реки Дайтии, там, где находится центр земного мира...», Гайомард «...был создан на берегу реки Дайтии, там, где центр земли»³¹.

3) Внешний вид ущелья соответствует описанию Бундахишна. Гайомард и бык были сотворены на крутых берегах реки Дайтии в центре мира. Гайомард был по левую сторону, бык — по правую сторону, причем расстояние между ними было равно их высоте (хотя несколькими строчками выше высота определяется для Гайомарда — четыре *pai*, а для быка — три *pai*). Christensen по этому поводу замечает: «Cela ne se comprend qu'en supposant que les bords du Daïtij s'élevaient à tel point de la surface de l'eau, que la distance de l'eau du bord égalait la distance d'un bord à l'autre»³².

4) К этому месту приурочены легенды о Золотой горе (Алтын-тау), на вершине которой «находятся глубокие ямы, из которых прежде доставали золото и серебр»³³.

По зороастрийским источникам, из различных членов погибшего Гайомарда произошли металлы (перечисляются: золото, серебро, железо, бронза, олово, свинец, ртуть и диамант), причем золото, в силу его совершенства, возникло из жизненной силы и семени. Превратившееся в золото, семя сорок лет оставалось в земле, а затем из него выросла первая человеческая пара (Машья и Машьяна) в виде растения *gīvās* (по Christensen'y — *Rheum ribes*). В одном из горных святилищ правого берега почитаются растения семейства *Rheum*.

5) К этому месту приурочена легенда о Шиш-пайгамбаре, элементы которой, как показано выше, восходят к легендам о Гайомарде; выше указывалось также, что Сиф заменяет Гайомарда и в других источниках.

6) Недалеко в тех же горах находится святилище Зенги-баба. Агиографическая литература называет его преемником Хаким-ата³⁴. Однако он известен в качестве покровителя коровьих пастухов³⁵. Казахи (следует отметить, что правый берег в районе Киснякского ущелья заселен казахами) считают его предком коров. «Отец коровы назывался Зенг-баба; он только один и жил при Адаме (так назывался самый древней-

²⁹ Джумур-тау — круглая гора (каракалп. жумыры — круглый).

³⁰ По материалам 2-го этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

³¹ К. В. Тревер, Указ. раб.

³² A. Christensen, Указ. раб., стр. 47. Описание Киснякского ущелья см. А. П. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, Записки Русского географического общества по отд. общей географии, кн. IX, 1881, стр. 31—32.

³³ Г. Гельмерсон, Хива в нынешнем своем состоянии, Отечественные записки, СПб., 1840, стр. 98. Об Алтын-тау упоминают также Мейендорф, Руссов, Каульбарс и другие авторы.

³⁴ К. Залеман, Легенда о Хаким-ата, «Известия Академии Наук», IX, № 1, 1898, июль.

³⁵ Мазаров Зенги-баба несколько. Крупнейший между Ташкентом и Чиназом. — См. П. Маев, Азиатский Ташкент, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, Ташкент, 1876, стр. 268.

ший предок народа Казак). Человек собирал траву, кормил Зенг-бабу и доил его»³⁶.

5

Сходные с хорезмийской легенды встречаются не только в зороастрийских священных книгах. Нартовский эпос осетин (родственных по языку древним хорезмийцам) дает еще более близкую параллель. Один из центральных героев Сослан погибает из-за того, что у него были отрублены ноги. Виновниками его гибели являются брат Сослана Сирдон (впрочем, обычно не называемый братом) и дочь Солнца (или Иоанна), любовь которой Сослан отверг. Они насылают на него «колесо Ойнона», отрубающее ему ноги³⁷. «Колесо Ойнона» интерпретируется исследователями как символ солнца (употребляющийся в народных праздниках), а сама легенда — как борьба культа «языческого» бога солнца Сослана с христианизированным богом солнца Иоанном Крестителем³⁸. Следует отметить, что встречающееся в хорезмийской легенде имя Яхъя — арабская передача имени Иоанна. Под этим именем он фигурирует в среднеазиатских легендах.

Ряд черт «биографии» Сослана обнаруживает близость к легендам Гайомардова цикла. Сослан родился из камня, на который упало семя пастуха, — ср. рождение из камня Митры (представляющего собой дальнейшее развитие образа Гайомарда) и рождение первой человеческой пары из семени Гайомарда. В Средней Азии распространены легенды о рождении Сифа (заменяющего Гайомарда, как указывалось выше) из семени Адама³⁹. Сослан связан с легендой о получении небесных орудий земледелия⁴⁰ — ср. легенды о Йиме и скифском Таргитае⁴¹.

Довольно определенна связь Сослана с быком: он сын пастуха (в кабардинских вариантах еще определеннее: «сын коровьего пастуха», «зачатый меж коров»); в мести за него принимает участие «нартовский великий бугай», в рай его ведет душа быка.

Связь Сослана с культом солнца и существование в честь него праздников, предположительно связанных с зажиганием огня, параллельны легендам о Гайомарде, который «сиял, как солнце», и установил праздник огня. Любопытно, что радуга в Осетии называется «луком Сослана», в Средней Азии — «луком Рустема».

Может быть, в Сослане следует видеть эпонима древних племенных союзов аорсов-аланов, вошедших в состав кавказских, славянских и среднеазиатских народов, эпические герои которых носят сходные имена и связаны с близкими легендами — Илья Муромец (в сказках Еруслан) русского эпоса, Арслан — тюркского, Рустем — иранского (речь идет, конечно, не о заимствовании, тем более, что с каждым из упомянутых героев связаны местные святилища, урочища и реликвии). Значительная часть героев, приведенных в генеалогическую связь священных зороастрийских книгами, — эпонимы племен. В частности, Тахмураст и Хушенг сопоставляются с эпонимами племен скифской легенды о Таргитае, весьма близкой к зороастрийским легендам цикла Гавомарда — Йимы — Феридуна — Рустема и тюркским об Огуз-кагане эпониме огу-

³⁶ Н. П. Потанин, *Очерки Северо-западной Монголии*, вып. II, СПб., 1883, стр. 152; вып. IV, стр. 368, 704, 896.

³⁷ «Памятники народного творчества осетин», вып. I, Владикавказ, 1925, стр. 7—8, 15—18 и др.; вып. II, Владикавказ, 1927, стр. 15—18 и др.

³⁸ В. Абаев, *Нартовский эпос*, «Известия Северо-осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945, стр. 53.

³⁹ И. А. Кастанье, *Из области киргизских верований*, Вестник Оренбургского учебного округа, Оренбург, 1912, № 3.

⁴⁰ В. Абаев, *Указ. раб.*, стр. 50.

⁴¹ См. С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен*, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

зов. Не исключена возможность, что и второй элемент имени «Гавомард» следует толковать не только как «человек», но и как племенное название ⁴².

Древние образы, пройдя длительную эволюцию от тотема и культурного героя до мусульманского или христианского святого, многократно переосмысливались и переименовывались в зависимости от конкретной социальной среды, в которой они бытовали. И если в поздних образах легенд, под влиянием правящих классов герои превращаются в первых царей, санкционируя власть царственных фамилий, ведущих от них происхождение, или в святых, входя в систему официальной религии, и т. д., то в народных версиях они часто приобретают черты борцов против угнетения и даже героев антиклерикальных анекдотов. Весьма интересен с этой точки зрения антагонист Сослана Сирдон, в ряде вариантов и анекдотов (стадиально поздних) совпадающий с Наср-эд-Дином ⁴³ (ср. Журынтаз каракалпакского эпоса).

6

Святылище Джумарта далеко не единственный пример стойкости домусульманских культов в Хорезмском оазисе. Не касаясь различных верований, не имеющих непосредственного отношения к теме данной статьи, следует отметить наличие в культе святых связи с тотемными образами коня-змеи (рыбы), к которым восходят и антагонисты Гайомарда. Мазар Баварыс-баба в г. Хива, связанный с непреходящим весенним праздником роз, учитывая зарегистрированные пережитки официальной, повидимому, можно считать восходящим к культу Бивараспа (Ажи-Дахака). Легенды об Уббе (в агиографии Хубби-ходжа, сын Хаким-ата), покровителе на водах (его имя призывают также при посадке на лошадь), и его матери (Амбар-ана), покровительнице женщин (специально хорезмийской в отличие от Фатимы-Зухры — общемусульманской), видимо восходят к различным версиям легенд о великой богине (Анахита) и ее сыне (Сиявуш). К этому же комплексу относятся святылище Дульдудль-атлаган с культом коня, на поклонение которому ежегодно отправляются аму-дарьинские рыбы, и мазар Султан-баба с священными рыбами (в самом имени святого — Султан-Вейс — можно усмотреть замену по ономастической близости имени покровителя Аму-Дарьи — Вахш, упоминаемого Бируни).

Таким образом, наиболее стойкими оказываются культы божеств-покровителей ирригации, плодородия, скотоводства, что в значительной степени объясняется той ролью в хозяйственной и бытовой жизни, которую им приписывало население. Они были связаны с домусульманскими сезонными праздниками, долгое время сохранявшимися в Хорезме. Недаром обязательным подношением святому являлись первые созревшие плоды. Позднее к древним святыням оказались приуроченными переходные мусульманские праздники, вытеснившие своих предшественников. К древнейшим временам восходят и такие функции святылищ, как лечение болезней, помощь от бесплодия и т. п.

Религия арабов-завоевателей, принятая правящими классами, стремившимися сохранить свое политическое и экономическое положение, и распространяемая насильственными мерами, в конце концов легализовала древние святылища, придав им мусульманский характер. При этом значительная часть местных божеств, видимо, вошла в ислам под своим

⁴² Т. е. Гавомард первоначально — нечто вроде «великого нартовского бугая» осетинского фольклора. Ср. Ажи-Дахака — «дахский змей». Племя мардов входило в состав массагетской конфедерации и локализуется у устьев Окса, рядом с апасаксами (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 244).

⁴³ «Памятники народного творчества осетин», вып. I, Владикавказ, 1925, стр. 51, 63—64, 92—93 и др.

именем и со своими легендами в качестве второстепенных мусульманских святых (Баварыс-баба, Джумарт-Касаб, Хубби-ходжа), и их святилища не пользовались поддержкой официальных властей, стремившихся укрепить новые центры религиозной жизни.

Вторая стадия исламизации в значительной степени связана с деятельностью суфийских орденов (в Хорезме — Кубрави, Яссави, позднее Накшбенди), использовавших почитаемые населением святилища для усиления своего влияния. Местные имена заменяются именами известных исторических или легендарных мусульманских святых и библейских патриархов (Хазрет Али, Овейс-иль-Карайне, Шиш-пайгамбар, Шамун-наби). Легенды заменяются новыми или изменяются до неузнаваемости. В древних святилищах строятся новые мавзолеи⁴⁴, превращающиеся в опорные базы орденов (иногда, как на Султан-баба, развертываются целые монастыри). Постоянно живущие там шейхи и ишаны усиленно эксплуатируют местные суеверия и к тому же пользуются поддержкой властей, щедро наделявших их вакуфами.

Деятельность суфийских орденов велась в основном уже в условиях сильной инфильтрации тюркских племен, приведшей к повсеместному распространению тюркского языка, а в области религии — к распространению анимистических обрядов и шаманства. В культе святых, стандартизированном исламом, сливаются разнородные элементы. Если ряд крупнейших святилищ восходит к древнехорезмийским, то громадное количество мазаров второразрядных, пользовавшихся несравненно меньшим локальным почитанием (а ныне часто вообще утративших всякое значение), восходит к родовым святилищам и культу мертвых пришлого тюркоязычного населения. То же следует сказать об обрядах, часть которых восходит к древнехорезмийским, например, зажигание свечей.

В качестве «посредников» между аулие и населением при гадании и лечении (особенно женского бесплодия — одна из важнейших функций мазаров) в северных районах Хорезмского оазиса, кроме шейхов и ишанов, фигурируют также порханы.

Еще в недавнее время шаманство в низовьях Аму-Дарьи было весьма развито, а пережитки его кое-где сохраняются до настоящего времени⁴⁵. Оно имело ряд архаических черт, в частности было распространены травестирированные порханы, одевающие во время сеанса женскую одежду (обычно красного цвета). Наряду с песнями-призывами в сеансе основную роль играет имитация животных. По свидетельству ряда информаторов, травестирированные порханы подвергались жестоким репрессиям при хивинском правительстве. Их зарывали в землю по пояс и побивали камнями, а затем хоронили вне кладбища вниз лицом. Характерно, что репрессии против них велись одновременно с репрессиями против различных матриархальных пережитков. Хотя источники и не указывают, можно предполагать, что преследования были вызваны не только самым фактом существования травестирированного шаманства, возмущавшего ортодоксальных законодателей, но и участием порханов в борьбе Кунграда за автономию.

В таких условиях порханы ассимилировались суфийскими орденами, издавна укреплявшими свое влияние в Хивинском ханстве и низовьях Аму-Дарьи. Уже древнейший тюркский мистический орден Яссави, адепты которого действовали в Приаралье, очень быстро оказался насыщенным шаманскими элементами. Был введен громкий зикр и женщины

⁴⁴ Гробница и мавзолей воздвигаются на месте предполагаемой смерти или предполагаемого погребения (или просто на месте, где останавливался святой), что дает возможность любое почитаемое место связать с тем или иным святым и устроить там обиталище для его духа. При этом святым высшего ранга делается гробница больших, иногда гигантских размеров.

⁴⁵ По материалам II этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

допущены к участию в нем. Мусульманские источники отмечают любопытные шаманские черты в этом и других мистических орденах, в частности жертвоприношение быка (Яссави), манипуляции с огнем и змеями (Рифаи), головной убор с рогами быка (ученики Барак-баба) ⁴⁶. Опираясь на целую сеть почитаемых населением святилищ и освоив шаманскую практику, представители орденов пользовались успехом в качестве специалистов по гаданию, предсказанию и лечению. В то же время они принимали активное участие в политической жизни, вмешиваясь в различные движения, а иногда и инспирировали их. В конце XIX в. почти все влиятельные лица Хивинского ханства принадлежали к ордену Накшбенди.

Провозглашение Хорезмской Народной республики и включение ее в состав Узбекской ССР вызвали ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов, в котором немалую роль играли ишаны и другие представители духовенства. Они осуществляли «идейное руководство» басмаческими бандами, выступали в роли примирителей их главарей и т. д., а позднее противодействовали культурным и хозяйственным мероприятиям. Советизация Средней Азии и успехи социалистического строительства, в частности сеть просветительных и медицинских учреждений, лишили религию опорной базы и дали возможность населению выйти из-под ее влияния. Остатки духовенства сошедших со сцены орденов при попытках удержать ускользавшее от них влияние на население опирались в первую очередь на культ святых, бывший еще в недалеком прошлом, по выражению проф. С. П. Толстова, «подлинным бичом быта коренного населения Средней Азии» ⁴⁷.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность проф. С. П. Толстову, руководившему как сбором полевых материалов, легших в основу данной статьи, так и их интерпретацией.

⁴⁶ Kõprülüzade Mehmed Fuad, *Influence du chamanisme turco-mongol sur les ordres mystiques musulmans*, Istanbul 1929, стр. 7, 12, 16, 17 и др.

⁴⁷ С. П. Толстов, *Религия народов Средней Азии. Религиозные верования народов СССР*, т. I, М.—Л., 1931, стр. 257.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЯКУТОВ В XVII ВЕКЕ

(Легенды о Тыгыне и историческая действительность)

История племен Крайнего Севера в собственном смысле этого слова, т. е. как связанное повествование об определенных конкретно-исторических событиях и лицах прошлого, исчерпывается теми отрывочными фактами, которые содержатся в сказаниях об отдельных племенных героях-хосунах, о межродовых войнах и столкновениях. Все эти разрозненные факты не могут быть объединены в целостной исторической картине и в каком-либо определенном хронологическом порядке, хотя бы они относились даже и ко времени, непосредственно предшествующему появлению русских на севере.

Такая картина последовательной смены исторических событий раскрывается только для одного из северных народов — якутов, благодаря двум особым обстоятельствам, которые, несмотря на отсутствие письменных источников, позволяют с неожиданной полнотой и отчетливостью проследить историю этой народности в течение целых двух или даже трех веков до прихода русских на Лену, — случай, в таких условиях почти исключительный. Первым из этих обстоятельств является наличие у якутов вплоть до настоящего времени удивительно богатой и стойкой устной традиции. Второе такое обстоятельство — наличие замечательных записей якутских исторических преданий, сделанных еще в XVII—XVIII вв., и в особенности записей Я. Линденау, которые являются как бы своего рода настоящей устной хроникой якутов того времени, по своей точности вполне заменяющей обычные письменные документы. Оставляя пока в стороне драгоценные известия Линденау о происхождении якутов и времени их переселения на среднюю Лену, мы остановимся в данной статье лишь на одном, но чрезвычайно важном и вместе с тем до сих пор столь же спорном вопросе якутской истории — о знаменитом «якутском царе» Тыгыне¹. Сопоставляя современные предания и записи Линденау, можно восстановить всю историю этого якутского деятеля XVI—XVII вв., начиная с его ближайших достоверных предков — отца и деда, которые для якутов сороковых годов XVIII в. были еще осязательно-конкретными лицами, не менее реальными, чем другой знаменитый якут, Василий Манчары, действовавший в половине XIX в., — для людей нашего времени.

Первым вождем якутов на средней Лене, согласно записям Линденау, был Баджей — дед Тыгына. В якутских легендах XIX—XX вв. он

¹ Ниже использована рукопись Я. Линденау «Beschreibung der Jakuten» (1741—1750 гг.) и предоставленные в мое распоряжение для составления «Истории Якутии с древнейших времен» Институтом языка, литературы и истории Якутской АССР обширные рукописные материалы по историческому фольклору, в том числе записи С. И. Боло, выдающегося собирателя якутского исторического фольклора, которые были им частично опубликованы в сборнике «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» (1937, на якутском языке) и входят теперь в подготовляемое к печати новое издание «Исторический фольклор якутов».

носит наименование Дойдууса-дархан, что собственно является не личным именем, а, как уже не раз мною отмечалось, титулом. По данным С. И. Боло, этот Дойдууса-дархан иначе именуется Тюсюлгэ-дархан, т. е. дархан с тюсюлгэ — праздничным священным седалищем, устраиваемым из березок во время ысыаха. И это последнее наименование тоже, очевидно, является почетным прозвищем, которое и сохранилось до нашего времени в фольклоре, тогда как прямое личное имя его владельца — Баджей — исчезло из народной памяти. Причиной такого явления было, всего вероятнее, старинное якутское обыкновение избегать произношения имен покойников вообще, и в особенности самых уважаемых, знатных покойников, «оберегая» их во избежание тяжелых последствий нарушения подобного запрета. О Тюсюлгэ или Дойдууса-дархане (по нашему мнению — Баджее записи Линденау) в народной памяти сохранилось воспоминание как об исключительно богатом скотом и могущественном властителе, имевшим много воинов, хамначитов и рабов, жившем на коренных кангаласских землях, по одним данным — в современном Немюгинском наслеге б. Западно-Кангаласского улуса, по другим — на холме озера Сахары; владения его распространялись по левому берегу Лены от нынешнего г. Якутска до Покровска. Но, как утверждает предание, под старость, когда Тюсюлгэ-дархан окончательно одряхлел и седины его пожелтели, он был оскорблен или, вернее, осквернен одним тунгусом из числа живших поблизости, которым прежде принадлежали эти места. «Происходивший от Омогоя-Эллея дед тойона Тыгына Тюсюлгэ-дархан, — с наивным простодушием рассказывает один из лучших сказителей, 92-летний Д. Е. Максимов, — весьма престарелый маститый старец, вроде меня, однажды сидел с растрепанными волосами, греясь перед камельком, как вдруг со двора зашли тунгусы, из которых один, возненавидев старца и глумясь над ним, положил свой срамный член ему на голову (или на шею). Испугавшись от неожиданности, Тюсюлгэ-дархан внезапно скончался»². После того, говорится в другом предании, тунгусы, считая себя победителями, вышли и с тех пор еще больше, чем прежде, размножились и расселились в этой стране.

О каком-то временном преобладании «тунгусов», т. е. аборигенов, рассказывают и другие легенды: «Эллей имел четырех сыновей: Мунньан-дархана, Кюрсэн-дархана, Мэнги-дархана. Все четыре были храбрые и мужественные люди. В те времена в нашем крае жило много тунгусов. Сыновья Эллея, сроднившись с якутами (Омогой-бая), стали притеснять тунгусов. Последние промеж себя стали говорить: «раньше с якутами жили мирно и в добром согласии, а эти бродяги-пришельцы порочные и злые люди». Вскоре после этого тунгусы убили Эллея и всех его сыновей»³. Хотя рассказ о победе тунгусов над якутами и приурочен здесь ко времени Эллея, он, очевидно, относится к тем же событиям, о которых идет речь в предании о Тюсюлгэ-дархане, так как сразу же затем начинается речь о Тыгыне, как потомке Эллея и мстителе за кровь своих предков.

Как сообщает Линденау, после смерти Баджее место последнего занял его сын Мунджан, родившийся от одной из его четырех жен, по имени Кангалас. Имя Мунджана дошло в якутских преданиях вплоть до настоящего времени в форме Мунньан. Ничего более, кроме его собственного имени, а также имен жен и сыновей Мунньана, Линденау об отце Тыгына не сообщает. В позднейших же преданиях Мунньан как бы целиком сливается со своим сыном, и даже самое имя его переходит на

² «Тыгын и его предки». Записано С. И. Боло от Д. Е. Максимова из Немюгинского наслега Орджоникидзевогo района.

³ «Легенды Западно-Кангаласского улуса о своих предках». Записано 15 июня 1921 г. со слов М. Неустроева, 71 г., 3-й Малтанский наслег Западно-Кангаласского улуса (запись Г. В. Ксенофонтова). Хранится в архиве НИИЯЛИ ЯАССР.

последнего, который так и называется в ряде легенд «Тыгын-Мунньан» хотя, по некоторым данным, настоящее имя его было «Тыын», буквально — дыхание⁴.

Вокруг Тыгына, в лучах славы которого потонул не только его отец Мунньан, но и все остальные предшественники, исключая только одного божественного героя-первопредка Эллея, выросли многочисленные легенды и предания, сложился особый и наиболее обширный цикл исторического фольклора якутов.

В наиболее распространенных вариантах легенд о Тыгыне он изображается в виде богатыря-гиганта. Рост его был таков, что тень дерева в лунную ночь достигала лишь темной каймы грудных сосков, одноглазое яблоко весило тридцать фунтов, а расстояние между глазами равнялось двум четвертям аршина⁵. Такими же богатырями-гигантами были и сыновья Тыгына. Один из них Муос-уол имел крепкое, как рога коровы, тело, в котором было только одно уязвимое место в виде родинки, никому не известное, кроме его старухи-матери. В других вариантах легенд о Муос-уоле говорится, что он был лесным дикарем, его зачерствелую в лесу кожу покрывала густая косматая шерсть, как лесного чудовища. Когда он спал в лесной чаще и вдыхал в себя воздух, окрестные деревья соединялись верхушками, а при выдохе они разгибались в разные стороны. Сердце его обросло хрящом и покрылось густой шерстью⁶. Второй сын Тыгына, Тас-уллунгах, т. е. человек каменной пятой, назывался так потому, что имел ступню или пятку из камня или плотных сухожилий. Подобно первому своему брату он спал не дома, а на вершине северной священной горы, которая и была его гнездом. Старуха-мать говорила о нем Тыгыну, что Тас-уллунгах растет богатырем с необычайно грубым характером и, когда он еще был в материнской утробе, то на седьмом месяце беременности прощупывал, сжимая рукой, ее печень и сердце. Даже и меньшие сыновья Тыгына согласно преданиям, обладали такой силой и размерами, что во время войны с русскими отмахивались от пуль, как от назойливых насекомых. Вместе с тем Тыгын изображается в этих преданиях с чертами насильника и кровожадного деспота. «Это был очень сильный, коварный и злой человек, настоящий деспот», — говорит о нем в своей сводке преданий А. Е. Кулаковский⁷. «Тыгын был человек крайне своенравный», — пишет в своей сводке преданий М. М. Носов. «Прихотливый в домашней жизни, грубый в обращении с посторонними, он при своем колоссальном росте и неимоверной силе наводил на своих простодушных сородичей страх. Не отличаясь особенным умом и благородством, он, тем не менее, благодаря указанным выше качествам, пользовался рабским преклонением перед ним якутов всей страны».

И действительно, легендарный Тыгын неустанно преследует другие роды и племена, убивает их воинов-богатырей, а также в ряде случаев

⁴ Э. К. Пекарский, *Словарь якутского языка*, стр. 2948—2949.

⁵ М. М. Носов, *Предки якутов по преданиям потомков...*, стр. 42. «Дыгын» Сборник якутского фольклора на русском языке, сост. Г. М. Васильевым, Архивный ЯАССР, опись 61, 1945, № 3.

⁶ М. М. Носов, *Указ. раб.*

⁷ «Дыгын». По записи А. Е. Кулаковского, *Сборник якутского фольклора*, сост. Г. М. Васильевым, № 3 (см. выше). Таким же образом описывается Тыгын в преданиях, записанных в конце XVIII и в начале XIX в. «Безмятежное сие правление (первых потомков Эллея.— А. О.), — говорится в «Описании якутов» 1822 г., — продолжалось до Тыгына, известного между якутами по одним только убийствам, грабежам и всякого рода насилиям. Тыгын производил бесчинства свои не явно, но большею частью хитростью, нападая внезапно и не давая времени неприятелям своим собраться в одно место. Чтобы удобнее производить сии грабежи, он никогда на одном месте долго не останавливался, а ночевал на разных местах; где случалось отдыхать несколько суток, то думать надобно, что он окапывался или оставлял по себе след другого рода, которые, хотя истреблены, но якуты те урочища по преданиям называют «Тыгиновыми стойбищами» (см. «Северный архив», «Журнал истории, статистики и путешествий», изд. Ф. Булгариным, ч. 3, СПб., 1822, июль, № 13, стр. 204).

безжалостно истребляет их жен и детей, захватывает имущество побежденных и предаёт огню жилища. «Если где-нибудь, хотя бы в отдаленных улусах, появлялся сильный богатырь, Дыгын стремился сжить его с бела-света. Для этого он посылал сильных ратных людей с приказом доставить богатыря живого или мертвого. Если посланные не имели успеха, то Дыгын отправлялся сам с войском. Таким образом, он убил многих славных богатырей»⁸. Жертвой кровожадного Тыгына стали даже и самые могучие из его собственных сыновей: Тас-уллунгах и Муос-уол, предательски убитые во время сна. В тех же случаях, когда Тыгын встречает более сильного противника — храброго тунгусского витязя, простодушного рыбака Бярт-хара или другого лесного богатыря, он попросту спасается от них бегством, вырезав заднюю сторону своего берестяного шатра — урасы.

Но зато впоследствии, когда Тыгын достигает глубокой старости, наступает возмездие. После первого появления русских, взятых Тыгином в работники и затем уплывших вверх по Лене под парусами, сыновья Тыгына, как рассказывает предание, обратились за предсказанием судьбы к шаманке Таалай, жившей у нынешнего «Талого озера» в г. Якутске. Боясь сыновей Тыгына, шаманка всегда превращалась при их приближении в большое пламя. Но на этот раз старуха согласилась на мольбу сыновей Тыгына, утетила свое пламя и, камлая, сказала им: «Беглецы уже доплыли до верховьев реки (Лены). Сидя на облаках, я вижу как они топорами с широкими лезвиями обтесывают бревна и говорят: «поедем к старику Тыгину, сыну Мунньана, он людям не дает житья, всех угнетает и убивает»⁹. И действительно, вскоре наступает момент, когда с юга вновь появляются грозные враги-пришельцы, слуги могущественного царя, а вокруг Тыгына уже не осталось прежних якутских богатырей. Одни из них погублены Тыгином, другие сами покинули кровавого деспота-сыноубийцу, опасаясь его коварства и ярости. Задавленный бревнами гигантской ловушки Тыгын в предсмертном томлении с горечью вспоминает погубленных сыновей, но уже слишком поздно! В таких мрачных и трагических тонах изображается этими преданиями судьба Тыгына.

В какой обстановке возникли подобные легенды, разъясняет другой цикл исторических преданий о Тыгине, древнейший образец которых сохранил Линденау. Предания эти рассказывают о действительной трагедии Тыгына и его народа перед приходом русских, о времени кровопролитных битв и междоусобий, которое вошло в фольклор как целый век «кыргыс-уйэтэ», окутанный маревом пожаров и дымящейся человеческой крови.

Как пишет Линденау, наследником титула и положения тойон-уса после Мунньана по собственной воле последнего остался его младший сын Тыгын, занявший тем самым первенствующее положение (ein Hertzharter und Verschlagener Mensch) над остальными своими братьями. Старшие братья Тыгына были крайне раздосадованы тем, что отец отнял у них преимущество в наследовании его прав, и поссорились с Тыгином. Ссора же сыновей Мунньана вызвала волнение в народе; почти все якутские роды, говорит Линденау, пришли в возмущение. Междоусобная распря между наследниками Мунньана так глубоко всколыхнула якутский народ во второй половине XVI в., что отразилась даже и в позднейшем фольклоре, хотя уже зашифрованная условной формой эпического трафарета.

⁸ «Дыгын». По записи А. Е. Кулаковского. Сборник якутского фольклора на русском языке, сост. Г. М. Васильевым.

⁹ «Легенды якутов Западно-Кангаласского улуса о своих предках». Записано 15 июня 1921 г. со слов М. Неустроева, 71 г., 3-й Малтанский наслег Западно-Кангаласского улуса.

По словам таттинского сказителя Е. М. Егорова, молодой богатырь Дыгын встретил в северной тайге женщину — красавицу по имени Ньырбакаан, имевшую трех сыновей. Узнав о ней, отец Дыгына Сыраан-бай просил сына привести к нему Ньырбакаан, чтобы она стала у него наложницей. Женщина Ньырбакаан, став женой Сыраан-бая, жила в отдельной урасе от остальных его жен, а сыновья ее попрежнему уходили охотиться на север и возвращались домой с богатой добычей¹⁰. Однажды они увидели и убили дорогую птицу Сар. «В то время», говорит сказитель, — птица Сар считалась очень дорогой птицей у якутов, означая либо счастье, либо что-то заветное». Сняв шкуру птицы, охотники прибили ее для просушки к первой (главной) матице дома. Когда Дыгын зашел к ним и увидел птицу Сар, он стал просить сыновей Ньырбакаан, чтобы те отдали ему заветную шкуру, но получил отказ. Тогда Дыгын рассорился с ними и силой схватил шкуру, сел на коня и попробовал ускакать с ней. Но в ответ на такой поступок Дыгына сыновья Ньырбакаан стали стрелять в него из луков. Отпрыгивая и отвиливая от их быстрых стрел, Дыгын увидел, что острая стрела впивалась в лиственницы до самого древка. Устрашенный этим Дыгын бросил шкуру птицы Сар и поскакал домой. Узнав о происшедшем, старуха Ньырбакаан решила, что ей с сыновьями здесь больше не будет житья, и бежала на Вилую, где от нее произошел Нюрбинский улус¹¹. В другом варианте рассказа о Ньырбакаан говорится, что на Вилую во времена Тыгына, «в окрашенное алой кровью боевое время», жили племена Дырикиней, «имеющие лица наподобие пяток», туматы и тунгусы. Туматы обратились к тунгусам с просьбой разрешить им поселиться рядом, но те отказали. Туматы напали на тунгусов — однако последние поголовно истребили туматов, «прикусив (их) кровью, набрав в рот запекшейся крови». Уцелела только одна девушка по имени Ньырбакаан, которая спаслась в яме, а затем бежала вниз по Вилую в ветке брата. По дороге девушка ловила птиц силками из собственных волос и тем питалась. Доплыв до одиноких старика и старухи, Ньырбакаан сказала им, что ее родных истребил колдовством грозный шаман, и затем была принята стариками вместо дочери. Здесь ее встречает Тыгын, приехавший охотиться в тайгу, и потом рассказывает о ней своему отцу Сытабаю. По просьбе последнего Тыгын привозит девушку к нему, и он берет Ньырбакаан побочной женой. В дальнейшем от брака с Сытабаем у Ньырбакаан рождаются дети Босхот-бэлгэтин, Тойук-булгудах, Ырыа-быркынга. В дальнейшем происходит ссора их с Тыгином из-за шкуры «матерого зверя»¹². В других преданиях старуха-прародительница вилуйских якутов называется Джардах или Джархан-эмяхсин. Начало легенды о ней такое же, как и легенды о Ньырбакаан. Джардах происходит из племени туматов, жившего на нижнем Вилую. Когда туматы были истреблены тунгусами, Джардах бежала от них вниз по реке, а затем явилась в резиденцию Тыгына, где и стала его любимой женой (т. е. женой Мунньана, отца Тыгына). После этого, когда у Джардах родились и выросли дети, старшие жены Тыгына из зависти начали подговаривать своих детей убить сыновей Джардах, а самому Тыгину стали говорить, что Джардах с сыновьями подговаривает народ в свою

¹⁰ Эта часть легенды представляет собою древний миф о женщине, встреченной в лесу и приведенной охотником в его дом; в дальнейшем от нее происходит тот или иной род.

¹¹ «Дыгын-богач». Записано С. И. Боло от сказителя Е. М. Егорова, 82 лет, из Жулейского наслега Таттинского района (1933). В другом, усть-алданском варианте сыновья Ньырбакаан — братья Тыгына — ссорятся с ним из-за шкуры убитого ими лося (тунгусский тойон Хохуун и Дыгын-батор. Запись С. И. Боло от Х. В. Гоголева, 72 лет, из Найахинского наслега Усть-Алданского района, 1936).

¹² «Ньырбака. Рассказ из времен Тыгына», Сборник якутского фольклора на русском языке, Архив НИИЯЛИ ЯАССР, № 61.

сторону¹³. Узнав об этом, Ныырбакаан с сыновьями решают бежать на Вилую¹⁴.

Ныырбакаан и Джардах во всех этих преданиях, несомненно, являются одним и тем же лицом; они одновременно соответствуют и одной из трех жен отца Тыгына — Мунньана, по имени Джерган (Джархан), матери Каджага и Дёдидёра, о которой говорит Линденау. Повторяется здесь и рассказ о ссоре и последующем бегстве Джерган-Джархан с ее сыновьями на Вилую.

Ход дальнейших событий, развернувшихся после ссоры Тыгына с братьями, рисуется в материалах Линденау таким образом, что, несмотря на все происшедшее, Тыгын долгое время стремился сохранять с ними дружбу и мир. Но зато Тыгын нещадно грабил и разорял другие роды, которые решились ему сопротивляться. Он имел, говорит Линденау, столкновения с борогонцами на озере Мюрю и на Алдане по дороге к Верхоянску; с батурусцами — на р. Татте и с бетюнцами (Buitusen) на реке Амге у речки Хатуяа (Chatuja). Указания на агрессивную войну Тыгына со всеми перечисленными племенами содержатся и в позднейших преданиях, которые имеют особенную ценность потому, что в ряде случаев освещают ход событий не с точки зрения сородичей Тыгына — кангаласцев, а с точки зрения их врагов, так как записаны у потомков последних, в восточных улусах.

Столкновения Тыгына с борогонцами отразились, например, в легенде о Бэрт-хара. В варианте легенды, записанном от усть-алданского сказителя Д. М. Говорова о первой встрече людей Тыгына с Бэрт-хара говорится, что искавший своих лошадей парень Тыгына Бёдьёке-бёгё неожиданно увидел следы человека размером с днище берестяного ведра. Пойдя по богатырскому следу, он достиг борогонских земель и в местности Ханга нагнал богатыря, а затем, осмелев, толкнул его сзади грудью своего коня. Богатырь на это лишь слегка махнул левой рукой, и Бёдьёкё с конем отлетели в сторону с такой силой, что увязли в снежном сугробе. Простодушный Бэрт-хара обернулся, вытащил их из снега и, увидев очень важного человека в дохе из черных соболей, подумал, что на него напал лесной зверь, а потому поставил на ноги и обернул лицом на запад. Услышав рассказ Бёдьёкё, Тыгын решил «найти богатыря, поправить его имя и пути, расплескать его счастье». Приехав с многими воинами к матери Бэрт-хара, Тыгын увидел огромный лук, которого не мог натянуть ни один из его воинов. Оказалось, что это был лук, из которого Бэрт-хара стрелял в детстве. Когда Бэрт-хара вернулся, он поймал быка, положил к себе на колени и сразу свернул ему голову, а затем тут же содрал с него руками шкуру. В то время, когда бык варился, на колени богатыря упало горящее полено, но Бэрт-хара даже и не заметил ожога. Тыгын побоялся ночевать по соседству с жилищем Бэрт-хара и уехал на озеро Мюрю, где и зимовал. Весной Тыгын устроил там бысах и пригласил на него Бэрт-хара, которому вручил берестяной сосуд с кумысом, куда был насыпан мелко нарезанный конский волос. В то время, как богатырь сидел и пил, Тыгын ударил его мечом, целясь в основание шеи. Но Бэрт-хара увернулся от удара, даже не расплескав напитка. Когда этот предательский удар повторился, Бэрт-хара хотел в гневе заколоть пальмой всех находившихся в уресе и оставил свое намерение только после долгих уговоров Тыгына. Во время праздника Бэрт-хара победил всех лучших

¹³ Согласно якутскому обычному праву, «дети от старшей жены пользовались большими правами, нежели дети от младших жен». Нарушением этого правила в данном случае, очевидно, и объясняется конфликт (Н. А. Виташевский, Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права, Труды Комиссии по изучению ЯАССР, IV, Л., 1929, стр. 179).

¹⁴ «Предание о заселении якутами Вилуйского края». Запись М. Н. Тимофеева-Терешкина от Накатта Василья, 80 лет, из Кугдарского наслега Сунтарского улуса.

воинов Тыгына в играх и стрельбе из лука. После окончания игр и состязаний, ночью, когда Бэрт-хара крепко спал, Тыгын разобрал половину урасы и бежал через отверстие. Погнавшись за ним, Бэрт-хара и его сородич Кылыса-сюрюк догнали людей Тыгына у озера Бёйдингё Тийт и отогнали две трети их скота, а сам Тыгын, «не заботясь о скоте — пище», пустился в бегство¹⁵.

В других преданиях говорится, что на обратном пути от Бэрт-хара Тыгын все же напал на один из борогонских родов, Бэс-борогон, проживавший в 30 урасах, и поголовно истребил его, кроме одного скрывшегося под опрокинутой чашей мальчика¹⁶.

В отличие от кангаласских легенд, где говорится, что Бэрт-хара подчинился, стал зятем и соратником — дружинником Тыгына, борогонские легенды подчеркивают непримиримость их вражды. По словам сказителя Д. С. Крылова, у них в Борогонском улусе «не было топ-сказа, чтобы Тыгын-бай сделал себе зятем Бэрт-хара, наоборот, рассказывают, что Тыгын хотел его убить, поправить его имя, отнять земли — места его; намеревался, обманывая праздником — ысыахом, поймать убить, но тот был лучшим из лучших, и Тыгын вернулся назад, не достигнув цели¹⁷.

О борьбе Тыгына с бетюнцами рассказывают, что на Амге в местности Соморсун Арыаллаа жили шесть или семь братьев, носивших наименование «волки-бетюнцы», или «имеющие счастьем волка бетюнцы». Поблизости обитал другой род — нахарцы. Бетюнцы находились в родстве с борогонцами, а их соседи нахарцы — с Тыгином. Однажды осенью оба рода организовали на озере совместную подледную неводьбу. Неводьба сопровождалась играми, во время которых один из молодых нахарцев, по имени Бёджёкё, был побежден в борьбе бетюнским парнем. Свалив его на лед и не давая ему встать, бетюнец ради шутки набил в его штаны снегу, а остальные бетюнцы насмеялись над ним. По другому варианту предания, этот случай произошел из-за того, что Бёджёкё, пораженный красотой жены бетюнца Масараха, своего дядя по матери, публично воспел ее и тем оскорбил последнего¹⁸. Летом нахарцы устроили ысыах и позвали на него бетюнцев, но те, подъезжая, увидели хозяев ысыаха в блестящих от солнца боевых доспехах. Увидев, что дело идет к войне, бетюнцы вернулись домой, заперлись в амбар-крепость, построенный над глубокой ямой-убежищем, и стали ожидать врагов. Появившись около бетюнцев, нахарцы начали обстреливать крепость из луков, а потом, приблизившись, подожгли ее. Не довольствуясь тем, что здание было вскоре охвачено пламенем, нахарцы подрубили большое дерево и свалили его на горящий дом. Матицы дома обрушились, и весь потолок, охваченный пламенем, обвалился. Охваченные злобной радостью нахарцы торжествовали, восклицая: «Бёрё-бетюнцы! Страшные люди! Что стало с вами? Выходите сюда! Неужели вы, превратившись в пепел и дым, улетели в воздух?» Собирая валежник и сучья, они бросали их в огонь, отчего пламя усиливалось, ярко вспыхивало и громко трещало. Бетюнцы же скрылись в погреб и сидели там, закрывая лица от дыма запасенным для пищи

¹⁵ «Бэрт-Хара и Тыгын-тойон». Записано С. И. Боло от Д. М. Говорова, 88 лет, 2-й Ольтетский наслег Усть-Алданского района, 1934 г.

¹⁶ «Бэрт-Хара и Тыгын-бай». Записано С. И. Боло от Д. С. Крылова, 81 г., Сыгатский наслег Усть-Алданского района, 1933 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ По третьему варианту легенды, вражда разгорелась из-за того, что глава нахарцев шаман Быйанг, живший по речке Хотуйа-юрэгэ, выдавал замуж одному из бетюнцев свою дочь красавицу. Во время свадебного торжества нахарец Бёджёкё боролся с бетюнцем Чохунай Боотуром, причем тот оборвал ему ремешок у штанов и валял по снегу, не давая подняться. Кроме того, после свадьбы шаман Быйанг оскорбил своего внука, родившегося от дочери, выданной за бетюнца, который в отместку сначала увел его любимого коня, а затем убил самого шамана.

конским салом. В этот момент один нахарец стал ходить по свалившемуся над пожарищем дереву, шевеля палкой пепел, издевательски восклицая и воспевая: «Как тяжело и ужасно, что наши дорогие соседи Бёрё-бетюнцы, превратившись в дым, исчезли с лица земли!» Тогда один из бетюнцев, сидевших в яме, знаменитый стрелок Егедей выстрелил в него через щель из лука так, что он упал мертвым. Решив, что сгоревшие враги и в самом деле превратились в злых духов — абаасы, нахарцы от страха убежали домой. Увидев это, бетюнцы вышли из убежища и направились за нахарцами, которые расположились ночевать на речке Хотуйа-Юрэгя. Перед тем бетюнский шаман вселил духа кровопролития — Ильбис в витязя Тэтэйбит-боотура, который обезумел от жажды крови, ночью ворвался в лагерь спокойно спавших врагов и перебил их всех, кроме одного единственного молодого шамана. Последний заранее чуял недоброе, говорил, что Ильбисова дева слишком часто ходит и назойливо поет свои песни. По другому варианту легенды, он прорицал: «Скоро будет страшное бедствие, богиня кровопролития, летая взад и вперед, воспекает междоусобную войну. Речка будет наполнена кровью до половины человеческой голени». Так как сородичи не послушали его, он ушел с женой и с детьми и тем спасся. Бежав на Лену, к своему родственнику Дыгыну, шаман обратился к нему со словами: «Бёрё-бетюнцы, жившие по соседству с нами, геснили и угнетали нас и в конце-концов истребили. Только я один и остался в живых. Будь нашим солнцем-спасителем, заступись, оберегай!» В ответ на мольбу шамана Дыгын собрал своих воинов и отправил их на Амгу, чтобы отомстить за избитие родственников.

По одному варианту предания, воины Тыгына, окружив юрту бетюнцев и стреляя из луков, потребовали, чтобы они выдали девятилетнего сына Масараха по имени Кис-сагыньях (соболиная шуба), родившегося от дочери нахарцев. Вынужденные принять это требование, бетюнцы вытолкнули из юрты рыдавшего мальчика. Воины Дыгына сразу же обстреляли мальчика, так что стрелы торчали из него во все стороны, как бахромы. Израненный мальчик бегал и метался, рыдая и плача от невыносимой боли — страдания, пока воины, окружившие его плотным кольцом, не закололи, наконец, свою жертву ударом копья. После возвращения своих воинов из похода Тыгын решил предпринять второй поход против бетюнцев с тем, чтобы окончательно уничтожить их. Однако, по рассказу сказителя Филиппова, дело закончилось миром.

В том же духе и часто в тех же самых стереотипных формулах освещается в фольклоре борьба Тыгына с предками намцев и других племен, не входивших в кангаласскую группу — батурусцев, вилюйчан, хоринцев. Борьба Тыгына с батурусцами и его поход на Татту отражены в предании о богатыре Батас-мендукэне, который будто бы мальчиком был захвачен им во время похода на мегинцев. Выросши, рассказывается в легенде, Батас-мендукэн женился на дочери Тыгына, но так как у них не было детей, Тыгын решил его уничтожить. Узнав от жены о намерении Тыгына, Батас-мендукэн бежал с ней на восток в родные места, поселившись вблизи р. Татты на холме елани Маала. Когда Тыгын через год явился со своими воинами, Батас-мендукэн поразил его своей ловкостью, так как искусно отвертывался от вражеских стрел, ловил их и складывал, пока запас стрел у врагов не иссяк совершенно и они не спаслись бегством. Испуганный Тыгын, уезжая обратно, сказал ему: «Пусть имя твое будет Кечех-терелей; будьте родоначальниками людей!» От Батас-мендукэна, согласно преданиям, произошли якуты Хатылинских наслегов — аччагарцы, кытанахцы, баллинцы, болтогинцы и оканцы.¹⁹

¹⁹ «Батас-мендукэн и Тыгын-тойон». Записано С. И. Боло от Г. Ф. Дьяковского, 78 лет, из Телейского наслега Чурапчинского района, 1933 г.

О том, как Тыгын присоединил к себе хоринцев, говорится в различных вариантах преданий. Согласно одному из них, в местности Ойуу-Хатын жил один человек в четырьмя сыновьями и прекрасной дочерью, которую Тыгын тщетно просил у отца в жены. Попытка взять ее силой окончилась поражением Тыгына, вследствие чего он сказал своему противнику: «Он стал для нас хоринским божеством, ибо мы не смогли одолеть его!» Тогда Тыгын обратился за помощью к сыну слепой старушки, Аннысар-боотуру, жившему на севере в бетюнцах, тем, чтобы он пришел к нему и стал челядинцем (кэргэн-хара). Аннысар-боотур ответил: «Когда зовет властелин, ужели буду сидеть дома, пойду!» Аннысар-боотур похитил девицу, а затем Тыгын сказал: «Теперь, когда наша сила так возросла, нужно их (хоринцев) все истребить». Напав на хоринцев, воины Тыгына сначала убили трех сыновей старика, а потом напали на него самого. Старец сказал: «Вы убиваете нас, ни в чем неповинных. Это ты, Аннысар-боотур губишь нас. После смерти я принесу на тебя жалобу создавшему отцу моему Улуу-тойону. Знай же, если моя жалоба будет уважена, ты умрешь от стрелы младшего моего сына». Челядь убитых разбрелась, имущество забрали победители. Когда наделенный красивой девицей, скотом и людьми Аннысар-боотур возвращался на родину и подъезжал к правому подножию горы Куллаты, неожиданно запела стрела и богатырь упал с коня. «Стрела сына хоринцев, оказывается, бьет сильно и метко», — только и успел он воскликнуть перед смертью. Сопровождавшие же его челядинцы вернулись обратно²⁰.

В другом предании говорится о гибели хоринца-богача Тарбыах Тиис, жившего в местности Майагас у озера Мюрю, во время похода сыновей Тыгына Бёдьёкё и Чаллайы на баягантайцев. Отправляя своих сыновей, Тыгын будто бы предупредил их: «На своем пути, в местности Тойон-Мюрю вы найдете богача Тарбыах-Тиис, происходящего из хоринского рода. Не смейте его трогать, он очень родовитый человек, в будущем нам будет плохо (кроме того) он мне вроде приятеля». Но люди Тыгына, охваченные страстью к убийству, не послушались его слов. Напав на людей Тарбыах-Тиис, они сначала убили его сына и лучшего воина, а потом ворвались в урасу и закололи копьем самого богача Тарбыаха, который болел водянкой, а потому не мог встать на ноги и ходить. Какая-то женщина, не то невестка, не то дочь Тарбыах-Тиис, успела бежать, сняла с себя разукрашенную узорами шубу, в которую и стали стрелять преследователи, повесила ее у озера между камышами, а сама спряталась. Кроме нее, осталось в живых еще несколько человек, бывших на охоте (от которых, очевидно, и произошли позднейшие хоринцы)²¹. Легенда эта, несомненно, сложилась у самих хоринцев, потомков людей Тарбыах-Тиис.

Борьба Тыгына с намцами тоже отражена в различных легендах и преданиях, ярко рисующих взаимоотношения враждующих племен.

В то время, когда жил господин Тыгын, в намцах на территории современных Кусаган-Баяльского, Хатын-Аринского, Хамагаттинского наслегов, в местности Нэлэгер-эбэ, рассказывает одно предание. «жила старуха с тремя сыновьями. Ее сыновей звали: Чорбогор-баатыр, Обоччо-Тюмэрэй, Куонай-Кылысыт. Они были охотники, хорошие бегуны, могучие люди. Первый сын, Чорбогор-баатыр, по своей силе равнялся борогонцу Бэрт-хара. Боясь его, силачи из других улусов не ездили через намскую землю. Узнав о них, в одно время господин Тыгын со своими воинами, с дойными кобылицами и с челядью, прибыл в Намцы, где расположился около старухи в девяти шатрах. «Мы —

²⁰ «Легенды якутов Кангаласского улуса о своих предках. Записана в 1921 г. от Михаила Неустроева 71 г., 3-й Малтанский наслег Западно-Кангаласского улуса.

²¹ «Господин Тыгын». Свод преданий, рассказанных оказителями прежнего Якутского округа, 1929—1936 гг.

плохие соседи, ничего не имеем, очень бедная старуха, трое сыновей пошли на северную речку охотиться, совсем плохие соседи», — так сказала старуха господину Тыгыну. Силачи господина Тыгына — Тэлэмики-Сюрюк, Бёдьёкё-Бёгё, зайдя в шатер, взяли лежавший на постели лук и стали его натягивать, но натянуть не смогли. Заробевши, но не желая выдать свой страх, они сказали: «бесполезное оружие». Погуляв и выведав об ее сыновьях, пошли к своему табору. Когда сыновья старухи вернулись с охоты, она им рассказала о пришествиях. Господин Тыгын устроил ысыах, на который пригласил всех местных жителей и старуху. Во время игр состязались в стрельбе по мишени. Первые стрелки господина Тыгына не могли сравняться с сыновьями старухи. У Чорбогор-баатыра от напряжения при натягивании лука выскочили глаза из орбит, а он, подогрев у огня ладони своих рук, обратно вставил глаза в орбиты. Стрела его пробила лицевую сторону железного стремени. Испуганные воины Тыгына прекратили игры. Ысыах тем и закончился. Разойдясь с ысыаха, все пошли по домам. Господин Тыгын, боясь сыновей старухи, по своему обыкновению ночью оставил по половине каждого из своих шатров для маскировки, а сам ушел домой. Ему не удалось, таким образом, перебить сыновей старухи, унижить их имя и завладеть землями. Узнавши о бегстве Тыгына, сыновья старухи погнались за ним по трем подъемам на Священную гору. Чорбогор-баатыр, гнавшийся первым, увидел на спуске Ыга таххар ааттык, что господин Тыгын с воинами и скотом, спустившись с горы, уже доходил с шумом до границ кангаласцев, до холма Маддьай. Чорбогор-баатыр выстрелом из лука убил трех человек и крикнул: «За стрелы получил кровь!». На это господин Тыгын в ответ тоже крикнул: «Ладно, если взял — так взял!» Так струсивший сыновей намской плохой старухи, господин Тыгын без боя вернулся домой»²². В другом предании — о старце Кедеге — говорится, что «услышав о таком известном человеке, господин Тыгын, с воинами и с дойными кобылицами, через борогонские земли переехал в теперешний Муччукинский наслег и остановился в 9 шатрах, около жилища старика Кедегей и старухи Муоган. Здесь они свалили одну громадную лиственницу, почитаемую местными жителями, и из нее сделали корыто для кормления собак. Увидев такое издевательство, старик со старухой очень взволновались и весьма сожалели это дерево. После того господин Тыгын велел приготовить из кобыльего молока кумыс и устроил праздник ысыах. На свой ысыах он пригласил всех людей и угостил их. После этого, по обычаю, были состязания в стрельбе из лука и бега взапуски. Его сыновья состязались в беге с сыновьями Кедегея и Муоган. Бегали от спуска на западной горе под названием Огонньор ааттыга до речных островов Тобула тёрдэ, Хорбут тёрдэ. Во всех играх сыновья Кедегея победили людей и сыновей господина Тыгына: попали в мишень, прибежали первыми, в прыгании на одной ноге оказались лучше всех. Господин Тыгын был очень уstraшен этим, потому, не сделав ничего плохого, не сказав обидных оскорбительных слов, собравшись в ту же ночь, незаметно разобрал тыльную сторону шатров и отступил на юг, в направлении к своей местности. Переваливши через хребет Священной горы по кангаласскому спуску, он убежал домой. Погнавшиеся за ними намцы, узнав это, тоже вернулись обратно, сказав: «Провалились, словно в преисподнюю»²³.

Эти предания, принадлежащие самим намцам, разумеется, передают действительный ход событий в одностороннем освещении с их собственной точки зрения. На самом же деле победителем, во всяком случае, в большинстве таких столкновений, оставался Тыгын.

В передаче кангаласского сказителя из рода Тыгына, Михаила

²² «Господин Тыгын». Свод преданий. Записан С. И. Боло.

²³ Там же.

Неустроева, исход борьбы его с намцами изображен иначе и, несомненно, гораздо ближе к истине. Рассказ его об этой борьбе начинае повествованием о чудесном мальчике-богатыре, родившемся в Намц в местности Бетюн; мальчик этот появился на свет божий с серьгой слитка золота, величиною с яйцо чирка. Услышав о нем, старик Тыг сказал своим приближенным: «Ребенок этот вырастет, чтобы властвовать над людьми. Идите и сотрите мальчика с лица земли, пока окрепли его кости». Мальчику было в то время шесть лет. Когда вои Тыгына подошли к жилищу, женщины только вышли доить коров. В юр раздавался громкий храп спавшего младенца. Как только воины вошли ребенок проснулся и, чуя беду, выскочил через их головы наружу. Гнали за ним два дня. Догнали его только у северной Почтенной горы в Одейцах, где дорогу преграждает река. Ребенка, побежавшего на гору, пронзила стрела витязя Бегюел-Беге, и он голый кувырк скатился вниз. По возвращении из Намцев Бегюел-Беге, взяв свою жену, поехал к себе домой, так как все, против кого Тыгын имел что либо, были уничтожены. В те же времена в Намцах в Бетюнском на леге жил один человек, шаман, по имени Оборчо. Жертвуя беломорду лошадь рыжей масти, Оборчо шаманит Улуу-тойону, умоляя его умирить Тыгына, так как он губит все живущее на земле человечество. Н Улуу-тойон устами самого шамана ответил: «Он (Тыгын) мое собственное порождение, поэтому не могу его тронуть». В великом огорчении с плачем вернулся шаман на землю. Через некоторое время Оборчо собрал 40 человек из своих приверженцев и сказал им: «Теперь как раз удобное время напасть на Тыгына и истребить его со всей родней, ибо с отъездом зятя Бегюель-Беге и сына Чаллайы²⁴ он ослабел и испуган». Оборчо со своими людьми приходит к Тыгыну и говорит: «Заплати выкуп за убитых или же решаешь на битву». «Ты нанес нам великую обиду, убивал больших и малых, выбирай одно из двух!» Тыгын ответил: «Дайте мне время обдумать окончательное решение, а пока примите мое угощение». Кормит и угощает их. Тем временем он говорит одному из своих витязей по имени Хончой, который славился как скороход: «Иди, не медля, к верховьям Сунтара и призови Чаллайы. Неужели же он продолжает сердиться на мою шутку. Пусть вернется и берет свою жену, я все время держу ее на правах невестки. Через двое суток ты должен быть здесь!» Посланный через двое суток возвратился, призвав Чаллайы. К этому времени были сделаны нужные приготовления. По прибытии Чаллайы все 40 человек шамана Оборчо были убиты. Ему самому удалось бежать, но его догнали в лесу на левом склоне от горы Куллаты. Шаман пытался уйти от преследователей вглубь земли, но зацепился за корень дерева, угодивший ему как раз между ног. Поймав его, никак не могли умертвить, застрелили лишь после того, как вывернули нижнюю челюсть. Оказывается, он носил вставную челюсть, вынутую от двухтравной коровы. Перед смертью шаман успел сказать: «Я убил деву-духа, вдохновляющую их (семью Тыгына) к кровопролитию, она скрывалась на лобном пятае Чаллайы. Теперь им не будет удачи в войнах»²⁵. Эти последние слова, вложенные кангаласким сказителем в уста погибшего от рук тыгиновых людей намского шамана, были, конечно, только попыткой объяснить последующую гибель Тыгына и подчинение его народа пришельцам с точки зрения самих кангаласцев, не сомневавшихся должно быть в божественном происхождении своего вождя от грозного Улуу-тойона. Вместе с тем они в полной мере показывают, какой безнадежной была, по мнению кангаласцев, борьба намцев против Тыгына. Столь же определенно о конечной победе Тыгына

²⁴ В предшествующем изложении говорится о ссоре Чаллайы с Тыгином из-за жены, которую ему не дал отец, и уходе его на Вилую. О последнем происшествии см. ниже.

²⁵ «Легенды якутов Кангаласского наслег о своих предках».

гына свидетельствуют и материалы Линденау. По его словам, военные столкновения, происходившие многократно, привели, наконец, противников Тыгына к такому положению, что они, окончательно ослабев и будучи не в состоянии больше противостоять ему, должны были согласиться на полное послушание. И, таким образом, в результате длительной упорной борьбы с отколовшимися группами Тыгын достиг большой силы (Muth), стал самовластно хозяйничать над остальными родами. К этому времени, когда могущество Тыгына достигло предела, он, согласно преданиям, «владел усадьбами и именьями около озера Сахсары, у Ытык-кёля, Юрюн-кель и в местности Кытаанах Кырдал. Его конный и рогатый скот, его люди, воины, работники и батраки жили на юге до самой границы современных Мальджегарских наслегов, а на севере — до границ Намского улуса. В те времена долина, расположенная между двумя Священными горами, называлась Туймаадой. В Туймааде были отдельные местности, называвшиеся Ойуу-Хатын, Сахсары, Ытык-кель, Юс-Тиит, Ураахы, Кюерэгей, Улуу-Ары, Мардьай, Киллэм. А долина от Южной Священной горы до границы Мальджегарских наслегов называлась Иэркээни. В Иэркээни находились отдельные местности, как-то Кытаанах-Кырдай, Ой-Бэс, Тумул. Во всех этих местах жили люди, подвластные Тыгыну-Мунньану, повсюду там находился его скот»²⁶. Линденау также пишет, что Тыгын имел три резиденции: первую — между маленькими речками Алагана и Куллаты (Kuldati) на аласе или долине Эркани-Конута; вторую у озера Табага, несколько выше речки Сонеге или, теперь, Шестаковки; третью — где построен город Якутск, у озера Сайсары²⁷.

Успехи Тыгына были в значительной степени обеспечены помощью его сородичей, хотя и находившихся в некоторой оппозиции, но тем не менее всегда оказывавших содействие в его борьбе с чужеродцами и прибегавших к нему в случае опасности, как, например, поступили нахарцы во время их столкновения с бетюнцами.

Согласно преданиям, «господин Тыгын, не довольствуясь своим богатством, именьями, достоянием и желая еще умножить его, увеличить количество своих людей, земель, требовал земли и достояние от пяти мальджегарцев, хара Сирэй Дьогудайа, нахарцев, но получал постоянно отказ. Те жили самостоятельно, управляя сами. Но, несмотря на это, как родственники: мальджегарцы, дьёппенцы, нахарцы, чувствуя кровную связь, оказывали господину Тыгыну помощь воинами, силачами, когда он ополчался на другие улусы. Так проживая и богатая, господин Тыгын постоянно занимался войной, набирал воинов, войско»²⁸.

Какими последствиями грозило его соплеменникам ослушание требованиям Тыгына в тех случаях, когда он обращался к ним за помощью, видно из рассказа о судьбе Ходоринского рода. «Якуты-ходоринцы, — говорится в легенде, записанной у потомков самих ходоринцев, составлявшие тогда один род-аймак, жили в 33 чумах, в Восточно-Кангаласской земле на аласе-летнике Кобедэ, что находится недалеко от теперешней речки Мыла. Главой их был старик, которому все подчинялись и слова которого выполнялись беспрекословно. Однажды летом с западной стороны этой реки (Лены) прибывает к ним с отрядом людей, с большой боевой дружиной Тыгын-баай. Прибыв, стал жить со своими людьми и скотом в уресе на аласном косогоре. Живя так, через некоторое время просит ходоринского старика отпустить ему трех витязей в панцырях, которые бы помогли ему в битвах. Оказывается, он ехал воевать против предков абагинцев, которые жили в то время у речки Амги. Тогда ходоринский старец вызывает к себе трех лучших

²⁶ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

²⁷ Lindénau, Указ. раб. стр. 14.

²⁸ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

витязей с панцырями и говорит им: «Вот прибыл к нам глава якутов — богач Тыгын-тойон. Он едет в Амгу, чтобы грудью встретиться с врагами, лить их кровь за кровь своих, драться с ними за честь и славу. Хочет пополнить людьми людей своих, витязями витязей своих. Прибы же он сюда на вашу громкую славу. Идите с ним помочь ему». Но это те возразили: «Мы бы, если смогли, сами его попросили бы нашими помощниками не то, чтобы быть его помощниками», и наотрез отказались идти с Тыгином. После того Тыгын устраивает пышные ысыах, на который собирает множество народу. Ысыах продолжается семеро суток. На ысыах явились все ходоринцы. Были разнообразнейшие игры, обильная еда. На исходе седьмого дня ходоринцы не выдержали и, когда настала ночь, заснули. Этого только и нужно было Тыгynu. Как только те заснули, он перебил всех жителей 33 чумов, в том числе и тех трех витязей, не щадя никого, ни стариков, ни женщин, ни детей. А когда с ними было покончено, он со своими людьми спрятал всех убитых в одну общую яму». Был безжалостно уничтожен, говорится в легенде, даже и один малолетний мальчик, который спрятался на дне озера в озерной траве. Люди Тыгына взяли стрелу, плюнули на ее острие, совершили заклинание и выпустили вверх; падая вниз, заколдованная стрела впиалась в голову ребенка, который сразу же появился на поверхности озера. До сих пор в Ходоринском наслеге на косогоре аласа Кобэдэ видны глубоко погруженные в землю столбы частокола, похожие на зубчатую тюремную ограду; видны еще и очертания ямы, в которую закопали убитых. Нынешний же Ходоринский наслег образовался из потомков одного случайно уцелевшего человека, к которым присоединились люди из рода Ессюй-Хангалас²⁹. Рассказ этот, конечно, приукрашен такими трафаретными мотивами якутского исторического фольклора, как сюжет об умерщвлении младенца заколдованной стрелой или об ысыахе, устроенном с коварной целью обмануть бдительных врагов. Основная канва его, тем не менее, насыщена трагической реальностью, и вряд ли можно сомневаться в том, что жестокая расправа Тыгына с непокорными ходоринцами действительно имела место.

Достигнув такого могущества и власти, Тыгын все же не удовлетворился ими. Он решил, что теперь наконец-то наступил момент, когда могут быть целиком осуществлены все его прежние стремления к полному господству над якутскими родами. Как говорит Линденау, «он снова страстно захотел привести в подчинение свою семью», т. е. род. Однако в ответ на такое требование, выраженное Тыгином в беседе с его старшим братом Каджага, последний настолько разгневался, что ударил Тыгына по лицу и тот ушел домой окровавленным. Покинув жилище Каджага, где произошло это событие, Тыгын велел сообщить ему, что, как только выздоровеет, отомстит за свой позор. Каджага и «остальные» (его сородичи) хорошо знали, что не могут оказать Тыгynu никакого сопротивления, и потому поспешили бежать от него. К ним присоединились некоторые из Намской волости. Последние, указывает Линденау, теперь называются Меикской волостью. Все эти беглецы пошли вверх по Лене до Олекмы, где затем и расселились. Спустя долгое время они получили известие, что Тыгын снаряжается преследовать их и здесь. Некий тунгус Чаланга (Tschalanga) дал им, однако, добрый совет, как избежать этой беды. Он был из рода Нинеган и знал, что по реке Вилюю повсюду есть хорошие места для скотоводства. Беглецы последовали совету тунгуса и пошли с Олекмы на Вилюй, причем Чаланга был в дороге их проводником и счастливо привел на место. Однако те из них, которые пришли из Намской волости,

²⁹ «Ходоро-ууса и Тыгын-тойон». Записано С. И. Боло от И. Н. Саввина, 40 лет, Ходоринского наслега Мегино-Кангаласского района.

остались на Олекме. Поскольку беглецы достигли, наконец, реки Вилюя, им встретились здесь тунгусы родов Джурумджаль и Мамагир, собственностью которых была земля в этой области. Тунгусы, однако, добровольно согласились уступить часть своей земли, и якуты купили у них навечно землю около озера Тоїбскої (Тойбохой?). Якуты дали за купленную землю одну женщину и 20 кобылиц. Реку Чону, которая впадает справа в Вилюй, тунгусы удержали за собой «и обладают ею и прилежащей землей до сегодняшнего дня».

Справедливость рассказа Линденау, записанного по свежей памяти в центральной Якутии и, несомненно, у кангаласцев, подтверждается в этой части позднейшими фольклорными источниками в виде цитированных выше преданий.

Как говорится в легенде, записанной на Вилюе М. Н. Тимофеевым-Терешкиным, узнав о тех речах, которые ведутся против нее и ее сыновей старшими женами Тыгына, умная Джардах велела сыновьям тайно подготовиться к бегству, как только пройдет весенний паводок и подсохнет земля. Воспользовавшись обычным выездом в летники (сайлык), род Джардах со своим скотом и имуществом бежал затем вверх по Лене. Когда спустя долгое время Тыгын узнал об их бегстве, он погнался за ними в ту сторону, откуда явилась Джардах, по направлению к Дальней Западной земле (Арга Кыйаар), но, проблуждав много дней, не обнаружил никаких следов бежавших. Джардах же ко второй половине августа, к началу сенокоса, достигла места, названного ею Ючюгей алас, — теперешней Олекминской долины. Зимой Тыгын узнал от охотников местонахождение Джардах и, как только дни стали длиннее, послал туда свое войско. Обнаружив приближение войска Тыгына, сын Джардах, Быркынга-ботур, предупредил мать и братьев. Замысел Тыгына захватить их врасплох не удался³⁰. Тем не менее весной Джардах сказала сыновьям: «Я достаточно знаю Тыгына и его мстительность. Он снова пришлет войско или сам придет сюда», и посоветовала идти дальше на север, к ее родине, полагая, что им удастся достигнуть тех мест к началу сенокоса. Выйдя на Вилюй в районе Сунтара, беглецы встретились с тунгусами. Самый разумный из сыновей Джардах, Тойук-булгудах, предложил тунгусам не воевать из-за земли, а выслать с обеих сторон по витязю, которые и решат дело поединком. Во время поединка Быркынга-ботур сразу выбил пальму из рук тунгусского воина-гиганта, а затем со словами «не хочу убивать безоружного» приподнял и с такой силой ударил головой о землю, что она разбилась, как яйцо, забрызгав его мозгом и кровью убитого. Устрашенные тунгусы ушли в дальние речки. Кроме того, добавляет свидетель, «тунгусы крепко держат данные ими обещания». Ырыа-Тырылык и Босхонг-Бэлгэди остались в местности Хочо, их потомки хочинцы отличаются пением, вспыльчивостью и сутяжничеством. В Сунтаре поселились Тойук-булгудах, Суордах-Бэргэн и сама Джардах, по имени которой называется род Джардан. Поэтому сунтарцы деловиты, речисты и осторожны. Быркынга-ботур же ушел к озеру. Нюрба, где жили тунгусы. Узнав, что пришелец требует, согласно уговору, очистить землю вокруг озера, тунгусы ушли на Марху, за исключением части удалых людей, решивших воевать, которые были, однако, убиты Быркынга-ботуром. Потомки его отличаются высоким ростом, отчаянным и настойчивым характером³¹.

³⁰ В дальнейшем рассказывается в стиле обычных трафаретных мест о битве воинов Тыгына с беглецами, во время которой калека Босхонг-Бэлгэди чудесно встал на ноги и напугал своими богатырскими поступками врагов: последние, увидев, что у джардахцев даже «безногий стал прыгать, как олень», поспешили уйти обратно.

³¹ «Предание о заселении якутами Вилюйского края». Запись М. Н. Тимофеева-Терешкина от Василия Накатта, 80 лет, из Кугдарского наслега Сунтарского улуса (из рукописи: М. Н. Тимофеев-Терешкин, Вилюйский край Якутской АССР.

Единственное важное отличие этого рассказа, в сюжетной схеме точно, хотя и в несколько иной форме, повторяющего сообщение Линденау, заключается в том, что здесь приобретение Виллойских земель объясняется доблестью якутского витязя, а не простой коммерческой сделкой — покупкой их у тунгусов за девушку с богатыми одеждами и скотом в качестве приданого. Это отступление от действительности было, очевидно, уступкой самолюбию виллойчан и стремлением приукрасить прошлое. По той же причине, должно быть, роль проводника и мудрого советника досталась не тунгусу, а матери беглецов — Джардах, с одной стороны, ее сыну Тойук-булгудаху — с другой, как бы поделившим между собой эти функции.

Роль тунгуса Чаланги как советника и проводника, оказавшего помощь врагам Тыгына, отражена и легендами о борьбе последнего с каким-то богатырем «тунгусом», связанными с известной горой Илльун-Хая на Лене выше Олекминска. Может быть, та же легенда вошла в известное предание о происхождении якутов, опубликованное Гмелиным, в котором обнаруживается смешение разнородных сюжетов³².

Завуалированы по тем же патриотическим побуждениям в виллойской легенде и реальные обстоятельства, вызвавшие побег родственников Тыгына. Причиной бегства здесь является только алчность Тыгына или интриги старших жен его отца, завидующих младшей жене и питающих ненависть к ней. Но в другом варианте легенды о Нырбакан, записанной в XX в., эти причины раскрыты в том же виде, как и в рассказе Линденау. Когда Тыгын дерзко взял шкуру матерого зверя и пытался с ней уехать, говорится в этом предании, дети Нырбакан схватили коня под уздцы и стали отнимать шкуру. «Тыгын, сидя на коне, размахивал пальмой, как бы отпугивая их. Тогда парни, рассердившись, разгорячившись, начали наседать покрепче. Один из парней вскользя ударил Тыгына по лицу и раскровянил его. Тогда Тыгын сказал братьям: «До сегодняшнего дня никого еще не было, кто осмелился бы поднять на меня руку. Ну, на сегодняшний памятный день взяли у меня кровь мои же братья! Раз на то пошло, то я через четыре дня приду и всерьез мы займемся кровопусканием друг другу. Берегитесь, готовьтесь!» Сказавши — бросил шкуру и усакал на коне. У Тыгына было много вооруженных людей, у них же не было. «Дерзкий Тыгын лишит нас солнца», — сказала Нырбакан своим сыновьям и решила уйти с ними на запад³³. В других вариантах называется даже имя сына Нырбакан или Джархан, ударившего Тыгына и окровавившего ему лицо. Это Тойук-булгудах, который, следовательно, соответствует Каджага в записи Линденау³⁴. Повидимому, Каджага было личное имя, ставшее

Экономическо-этнографический очерк, 1930, л. 33, по копии, снятой И. Д. Новгородовым).

³² Гмелин, повидимому, имел дело с плохим рассказчиком и, всего вероятнее, тунгусом, так как в легенде чувствуется оценка событий с тунгусской точки зрения, или с очень плохим переводчиком.

³³ «Нырбака, Рассказ из времен Тыгына», Сборник якутского фольклора на русском языке, Архив НИИЯЛИ, № 61.

³⁴ В литературе отмечено несколько вариантов виллойского рассказа о столкновении Тыгына с родственником, ударившим его и окровавившим лицо. В хочинском варианте, например, сказано, что на Нюрбе живут в 10 домах тунгусы нюрбочаны, которые вяжут из тальниковой коры сети и кормятся рыбой. Их истребляют туматы. Остается в живых только одна девушка. В дальнейшем она бежит вниз по Вилую с одной тальниковой сетью, поднимается вверх по Лене и делается женой-коровницей у отца Тыгына, Мунньана. У нее рождается три сына и дочь. По смерти Мунньана они остались жить у Тыгына в «качестве скотников» и «кормились, охраняя его скот». Братья были хорошими охотниками, отличаясь силой и удалью. Сын Тыгына Чаллай-Беге опасается, что эти потомки тунгусов, видимо, будут стойки и неуловимы на войне, и берет с них обязательство, что «они не восстанут» против него. Сам Тыгын, обвиняя братьев в плохом присмотре за его скотом, набросился на Тойук-Булгудах с пальмой. Вырвав оружие, Тойук-Булгудах избил его тыльной стороной пальмы. Затем, по совету матери, братья бегут от Тыгына. Тыгын гонится за ними и

запретным после его смерти, а Тойук-булгудах являлось прозвищем или позднейшим образованием.

Из сказанного видно, что современные легенды во всем существенном совпадают с текстом записей Линденау и, кроме того, дополняют их рядом новых деталей, позволяющих полнее и глубже представить ход описанных в них событий, а также и общий дух той эпохи. Среди подробностей, отсутствующих в записи Линденау, в позднейших легендах имеются сведения о борьбе пришельцев на Вилюй с коренными жителями последнего, но на этот раз уже не тунгусами, а якутами — может быть потомками Омогоя или его людей, оставшихся там, согласно преданию, во время путешествия Омогоя с Вилюя на Лену. «У господина Тыгына,— говорится в легенде,— был воин, по имени Туока-баатыр, который имел подчиненных ему людей. Однажды Туока-баатыр украл у господина Тыгына коня, по кличке Кыыл-Огото, и заколол на мясо. По доносу своей жены Тыгын обыском нашел у Туока-баатыра мясо коня Кыыл-Огото. В наказание за это и в уплату за этого коня у Туока-баатыра отобрали 100 голов лошадей. Затаивший злобу Туока-баатыр во главе 40 человек сбежал на Вилюй. На Вилюй они прибыли в то время, когда вилюйский богач Келюйэ-бай устроил ысыах. Когда люди Келюйэ-бая стали разливать в чороны кумыс для угощения этих 40 человек, то подошедший Келюйэ-бай сказал: «Что это за люди, откуда они пришли кушать еду, истреблять молочную пищу? Не наливайте, не подавайте им!» — и приказал слить обратно кумыс из чоронов. Так Туока-баатыр остался обделенным. Была летняя пора, потому они сильно проголодались и мучились от зноя и жажды. Оскорбленный этим Туока-баатыр своей пальмой рассек землю в обширном балагане Келюйэ-бая,— такую грозную он оставил о себе память. Проехав дальше и подготовившись к бою, люди Туока-баатыра затем напали на Келюйэ-бая в середине ысыаха. Они стали стрелять из луков, рубить мечом, убили много людей Келюйэ-бая и его самого. После этой победы они возвратились на реку Кенкэмэ, где заночевали. Туока-баатыр, вставши утром, увидел, что один из его людей привел красавицу дочь Келюйэ-бая и спал с ней. Увидев это, Туока-баатыр сказал: «От Келюйэ-бая ни одна душа не должна остаться в живых!». С этими словами он заколол девушку мечом. Вилюйчане были много-

догоняет их. Тойук-Булгудах умоляет его, величая «повелителем и старшим братом», отпустить беглецов, ибо: «я уходил не с мыслью посрамить твое имя и умалить твой сан».

В Нюрбинском варианте сын от бежавшей с Вилюя побочной жены отца Тыгына, Быркинга-Боотур, бедняк, ловивший рыбу мордами, встречает своего брата от старшей жены отца — Тыгына. Тыгын укоряет его за то, что тот нарушил границы его владений, и бьет его кулаками и рукоятью волосяной махалки. Быркинга отобрали махалку и, защищаясь, поранил его лицо, а затем бежал с братом на Вилюй.

После того, как бежавшие от Тыгына братья прибыли на Вилюй, к ним приходит человек из якутского края по имени Наахара. Пришелец вступает в борьбу с Омолдоном, сыном Бэсхонг-Бэлгэтин, одного из двух братьев Быркинга-Боотура. Омолдон одерживает победу, и противники примиряются, причем побежденный «в знак изъявления покорности, выдал девицу в полном брачном наряде», а потом, опасаясь Омолдона, переселяется в Хочинский улус.

Девушка в полной брачной одежде, о которой здесь говорится, несомненно является той самой девушкой, за которую, согласно записи Линденау, приобрели якуты тунгусские земли. В Мархинском варианте Тыгын ведет войну с каким-то народом Хаан-Хангынай. Он просит Быркинга-Боотура, сына младшей жены его отца Сар-Баая, помочь, но тот отказывается. Тыгын бьет его; обороняясь Быркинга-Боотур в драке окровавил лицо Тыгына (Г. В. Ксенофонов, Ураангхай Сахарлар..., стр. 361—369).

В легенде о бегстве якутов от Тыгына вверх по Лене, записанной И. М. Майновым, также говорится, что от него бежали мегинцы во главе с шаманом Чальем, достигшие реки Синей (Синнэ), далее которой воины Тыгына их уже не преследовали. Эта легенда представляет собой, видимо, искаженный вариант приведенной выше легенды о бегстве предков вилюйских якутов (И. М. Майнов, Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, стр. 80—81).

численным народом. От горя и сожаления по убитым людям они пригласили камлать одного знаменитого шамана. Своей колдовской силой шаман напустил на воинов Туока-баатыра страсть к убийству, отчет они подрались между собой и многих убили. Остатки их поселились в геперешнем Немюгинском наслеге, где образовали род Туока³⁵.

* * *

Таким образом, после тяжелой кровопролитной борьбы все, к чему стремился Тыгын, было достигнуто; он, действительно, в какой-то мере стал повелителем большинства якутских родов и племен. Отзвуки славы Тыгына, достигшего теперь зенита своего могущества, сохранились в фольклоре как центральных, так и самых отдаленных северных районов, в частности Верхоянского, где И. А. Худяков записал едва ли не самую яркую характеристику «якутского царя», «господина Тыгына»: «На месте, называемом Сайсары, жил человек по имени Тыгын-господин, считая себя якутским царем. Всех ближних людей и убивает и и убивает; берет себе, что увидит, и имущество и скот; а если живые (люди) останутся, то берет под страхом смерти. Таким образом, он сильно разбогател и сам не знает счета своего скота. А если сказать примерно по нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же». «Живет, славясь, этот Тыгын-господин. Кто бы ни пришел, никого нет такого, кто бы мог его одолеть. Считает себя вольным царем. Тогдашние якуты называют его тоеном (господином)»³⁶.

С. А. Токарев, не склонный преувеличивать мощи Тыгына, пишет, что среди якутских тойонов, располагавших крупными силами и широким влиянием в начале XVII в., выделяется «знаменитый Тыгын, тойон кангаласцев, сфера могущества и власти которого, судя по преданиям, простиралась за пределы его собственного кангаласского племени»³⁷. Следы былого влияния Тыгына сохранились вплоть до прихода русских, когда, по якутским преданиям, его собственные силы пришли к концу. Иван Галкин писал о сыновьях Тыгына (о «кангаласских тойонах Тыгынова дома», как выражается С. А. Токарев), что «они всею землею владеют и иные многие князцы их боятся». Когда дети Тыгына Откурай и Бозеко предприняли выступление против Якутского острога с целью освободить, как указывает Линденау, из плена своего отца, они собрали «своих кангаласских многих людей и иных сторонних речных князцов собрали и с Мотмы (Ботомы?) и с Сини и с Лены и нюрюгтейского князца с Киринея со всеми улусными людьми, сот с шесть и больше»³⁸.

Приневоенные Тыгином к подчинению люди других родов и племен, разумеется, не только боялись, но и ненавидели его. Так возникли пропитанные горечью поражений, обидой и злобой легенды намцев, борогонцев, вилюйчан и других племен о кровожадном, но трусливом и коварном деспоте, сыноубийце. Но, с другой стороны, среди собственных родичей Тыгын достиг величайшего почета, имевшего даже оттенок религиозного, культового преклонения.

Михаил Неустроев, один из лучших знатоков кангаласских преданий, живший на коренном месте Тыгына — в Малтанском наслеге, где проживал в XVIII в. и знаменитый внук Тыгына — Масары Бозекуев и, вероятно, отец последнего Бэжэкэ, сохранил замечательные сведения об отношении кангаласцев к Тыгину. «Когда Тыгину было шесть лет, он, играя, поднял копье острием кверху и воскликнул: «Хара Суорун

³⁵ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

³⁶ Верхоянский сборник, стр. 47—48.

³⁷ С. А. Токарев, Общественный строй якутов..., стр. 165.

³⁸ Там же, стр. 167.

Улуу-тойон, создавший отец мой! Тунгусы нас невинных обидели, стерли наш род с лица земли. Если суждено мне отомстить всем врагам моим, ниспосли свыше кровавый символ духа войны и убийства — ханнаах илбис!» В ответ на самом остром копья очутился сгусток крови. Младенец проглотил его и с этого момента стал быстро расти, превратился в грозного воителя. Уже десяти лет он превосходил всех силой, умом и знаниями. Высокочитимый людей потомок, знатного рода отпрыск, Тыгын (ытык уон ыаллара, төрүт уон төрү-охтэрэ Тыгын) — наименовала его старуха-воспитательница. Когда Тыгын одряхлел и ему исполнилось триста лет, его, говорит сказитель, сажали тогда на высокое сиденье — помост, арангас оронгго. Все приезжие издали входили к нему, кладя поклоны, словом, обращались с ним, как с божеством (Тангара курдук)³⁹. Такое отношение к Тыгynu окружавших его людей исключительно ярко выражено словами некоторых покинувших его в старости воинов; уходя они сказали, что им наскучило «вечное поклонение черной тени Тыгына».

Чтобы понять и наглядно представить себе обстановку, окружавшую под старость Тыгына, нужно, очевидно, иметь в виду ту своеобразную атмосферу древней языческой религии и эпоса якутов, обломки которых дошли вплоть до XX в., несмотря на разлагающее влияние христианства и новые культурные веяния.

Фигура Тыгына — мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника Улуу-тойона — уже при жизни сливалась на этом фоне с величественными образами эпических богатырей и языческих богов. Его рождение и юность овеяны мифологическими образами, окружающими детство Чингис-хана и еще более древних азиатских владык, вплоть до самого Саргона — властителя Аккада. В простую сюжетную ткань рассказов о борьбе Тыгына с врагами щедро вплетены обрывки таких же мифологических образов и сюжетов. Наконец, даже и сама по себе гибель Тыгына связана была с крупнейшим историческим переломом в жизни якутов, появлением русских на севере и обрисована в величественных чертах эпической драмы.

Такой личность Тыгына и осталась в народном сознании вплоть до XX в., связывая его древнюю историю с новой эпохой в истории Севера, когда Якутия вошла в состав могущественного русского государства. В действительности же время легендарного Тыгына окончилось не столь эффектно. Он как-то незаметно и тихо сошел с исторической арены. Русские документы даже и не отметили смерти грозного якутского «царя» преданий, так недавно еще потрясавшего свою лесную страну, десятки лет державшего в страхе свой маленький народ. В устных же летописях его сородичей сказано только, что под старость Тыгын совсем одряхлел, заболел кожной болезнью, тело его покрылось язвами. Он стал говорить невпопад, потерял разум, память и, достигнув преклонных лет, умер. Его похоронили родственники и воздвигли на месте погребения могильный памятник⁴⁰. Где и как умер Тыгын — кангаласские предания, должно быть намеренно, умалчивают. Линденау же пишет, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приездом первых воевод в Якутский острог. Младший сын, Бэджэкэ, сменил его в аманатах, а Окурей (Елькерей) в достоинстве общеплеменной главы якутов — в звании тойон-уса⁴¹. Со смертью

³⁹ М. Неустроев, Цитир. запись предания о предках Кангаласских улусов.

⁴⁰ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

⁴¹ Lindenaу, Указ. раб. стр. 19. — Восстание 1642 г., во время которого был убит Осип Галкин, Линденау объясняет стремлением сыновей Тыгына освободить отца и отомстить за унижение, которому он подвергся в плену. Чрезвычайно подробные предания, записанные Г. В. Ксенофонтовым у кангаласских сказителей, подтверждают в основном версию Линденау, но главным мотивом, руководившим во время восстания детьми Тыгына, они выдвигают месть Осипу Галкину за оскорбление отца и последовавшую вследствие этого его смерть. Следовательно, Ты-

Тыгына ушла в забвение целая историческая эпоха и началось время новых людей и событий, время писаной истории.

Реальный исторический Тыгын, отец Бэджэкэ, Елькерей, Чаллая и других якутских князцов XVII в., действительно по праву занимает особо важное место в дорусской истории Якутии — не только благодаря своей личной энергии, бесспорным организаторским и военным способностям, но и по общей его роли в социально-политической истории якутской народности.

Тыгын унаследовал от деда и отца определенное общественное положение главы патриархально-родовой по характеру и межплеменной по масштабам организации — союза якутских племен. Вместе с тем он был, очевидно, и главой господствующего среди них рода, который являлся основным носителем идеи общеплеменного единства — эля, как сказали бы древние орхонские турки⁴². Организация эта, конечно, возникла задолго до Тыгына; она была, несомненно, принесена вместе с прочими элементами древней степной культуры якутов их предками, бежавшими на север около двух веков тому назад из Прибайкалья, в совершенно зрелом виде. В Прибайкалье же она уходит во всяком случае в глубь первого тысячелетия нашей эры. Эпоха первоначальной суровой борьбы якутов за существование в новых условиях и вечной войны с аборигенами севера требовала всемерного поддержания общеплеменного единства и постоянной поддержки одного рода или племени всеми остальными и наоборот. В этих условиях поддержание общеплеменной организации и авторитета ее главы не представляло большого труда. С течением времени, однако, якуты не только прочно овладели новыми землями, но и широко распространились на север и северо-запад; они ассимилировали многие туземные племена, разномыслили сами по себе и стали гораздо более внушительной силой, чем раньше. Внешнеполитическая необходимость в согласованных единых действиях всех якутских родов и племен фактически уже перестала существовать. Не было и внутренней экономической основы в виде сколько-нибудь широко развитого обмена и единого рынка, которая могла бы закрепить единство племенного союза на новой, более прочной основе. Напротив, расселяясь все дальше и дальше по таежным речкам и долинам, разветвляясь на многочисленные отцовские и еще более многочисленные материнские роды, отдельные племена, проникаясь особыми местными интересами и сближаясь с их носителями — аборигенами, все больше и больше утрачивали сознание общеплеменного единства. В этих условиях достаточно было даже и слабого толчка, чтобы ветхое здание общеплеменной организации закачалось и развалилось. Таким толчком явилась смена Мунньана Тыгином в роли верховного вождя, совершившаяся вопреки обычаю и воле остальных сыновей Мунньана.

Энергичный и настойчивый Тыгын, даже и поссорившись с братьями и другими родственниками, не пожелал уступить свое звание кому-либо другому. С изумительным терпением и дальновидностью в течение ряда

гын умер до восстания 1642 г., будучи, согласно преданию, в крайне престарелом возрасте.

Линденау относит восстание, во время которого погиб Осип Галкин («Осип Чулков»), к 1643 г., а затем указывает, что Головин и Глебов выехали из Москвы в 1639 г. Тыгын же умер прежде, чем они прибыли в Якутск, т. е. в 1639—1640 гг. (стр. 18).

⁴² Этот факт был известен еще в конце XVIII в. по материалам, собранным доктором Мерком: «Размножившиеся от них (Элея и Омогоя.— А. О.) потомки всегда вручали начальство поколению старшего Эллея сына Хангаласа, по имени которого называется Хангаласский улус, и сие преимущество продолжалось до Тыгына, то-есть до времени покорения якутов под Российскую Державу посредством отделившегося от них владельца Мымака». («О происхождении, вере и обрядах якутов», Любитель словесности, 1806, часть 1-я, стр. 118—147). Удивительно только, как такой серьезный наблюдатель, как С. А. Токарев, не обратил внимания на эти факты в своей работе о социальном строе якутов в XVII—XVIII вв.

лет он осуществляет широко задуманный план, который должен был привести его к такой полной власти над всеми якутскими родами и племенами, какой не имели, вероятно, и его ближайшие предшественники, кроме, может быть, деда, Дойдуса-дархана, т. е. Баджея. Не щадя своих собственных сил и сил всех своих людей, Тыгын совершает походы во все концы якутской земли, где обитают непослушные ему роды, громит и разоряет непокорных, устраивает пышные ысыахи; увеличивает свое богатство и силу. Благодаря своим выдающимся личным качествам Тыгын, наконец, добивается поставленной цели, хотя и ценой потери части наиболее близких ему родственников, бежавших от его мести на далекий Виллой — «край света», по понятиям тогдашних якутов. Но на осуществление поставленных задач по существу уходит большая часть всей долгой жизни Тыгына. Цель ее достигнута только лишь к самому закату, когда Тыгын уже приближается к последней черте. Его постепенно оставляют силы; приближается то роковое время, когда язвы мучительной болезни покроют его одряхлевшее тело, когда ослабеет не только воля, но и рассудок. И здесь с полной ясностью обнаруживается, насколько непрочен был труд всей его жизни, на каком ветхом основании строил он здание своего могущества.

Как согласно говорят все предания, вновь откалывается от него род за родом, уходят самые надежные, казалось бы, витязи и воины. А враги поднимаются совсем рядом, в Намцах — Мымак, в Борогонцах старую племенную вражду не может забыть Легой-тойон; они предпочли Тыгину русских и даже более того, как прямо свидетельствуют факты, сами обратились к ним с жалобой на насилия Тыгына и за помощью против него. Еще глубже была та глухая вражда, которую питали к своим угнетателям тойонам многочисленные хамначиты — рабники и рабы Тыгына, доившие его скот, косившие для него сено, чьим трудом держалась вся мощь их господ.

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что, несмотря на все, Тыгын был для своего времени носителем определенной тенденции к объединению якутских родов и к своего рода «собиранию» их земель в одно целое. Такое объединение, если бы оно оказалось реальным, было бы для того времени крупным шагом вперед и прогрессивным явлением, так как оно содействовало бы прежде всего ограничению кровавых междоусобий, некоторому обузданию особенно яростных грабителей-тойонов, а затем и консолидации сил народа в целом, осознанию общенародных интересов и межплеменных связей. Несомненно и то, что временные успехи Тыгына оставили глубокий след в народной памяти и в сознании, заметный даже спустя три века. Не кто иной, как кангаласский Тыгын превратился со временем, в XIX в., в живой образ и символ общеплеменного единства якутов, а легенды о нем стали самыми популярными фольклорными сюжетами не только в центральной Якутии, но даже и на берегах озера Ессея — далеко к западу от Лены.

Но характерно, что такой популярности Тыгын достиг только впоследствии, спустя два-три века, а не в свое время. Этот факт находит свое объяснение в общем ходе исторического процесса на территории Якутии и в свою очередь помогает глубже понять последний. В определенных условиях деятельность Тыгына могла бы, конечно, привести к известной консолидации старых племенных групп, к реставрации древнего племенного союза или даже к возникновению еще более прочного единства в виде настоящего государственного объединения варварского типа. Но в данной обстановке полностью отсутствовала реальная основа для поворота событий и в ту и в другую сторону.

К старому возврата не могло быть, потому что прежние условия, обеспечивавшие устойчивость старого племенного союза, исчезли. Для перехода же на новый, более высокий этап еще не было необходимой

социально-экономической почвы. Скотоводческое хозяйство якутов оставалось первобытным по характеру и застойным по технике: так, например, из всех народов Сибири и Центральной Азии только они одни, кажется, сохранили, специфический способ возбуждения коров при дойке для увеличения количества молока, описанный античными путешественниками у скифов Причерноморья задолго до начала нашей эры. Ремесло, исключая, отчасти кузнечное дело, не выделилось в особую отрасль производства — время второго великого общественного разделения труда для якутов не наступило. Торговля имела характер случайного и первобытного по форме обмена; настоящего рынка не было еще и в помине. Чисто экономические, хозяйственные связи были, следовательно, слишком слабы и ничтожны, чтобы обеспечить длительное и глубокое единство различных племен. Центробежные же стремления слишком крепко коренились как в экономике, так и в патриархально-родовом укладе с его волчьим законом кровавой мести и вражды и чужеродцам. Для того, чтобы все эти препятствия были, наконец, ликвидированы изнутри, нужна была, вероятно, не одна сотня лет. Да и то, конечно, еще остается неясным, как скоро удалось бы или даже вообще удалось ли бы племенам Якутии в изоляции от других более передовых народов и культур одними только своими собственными силами подняться на более высокую ступень, — ведь, как известно, якутов со всех сторон окружали еще более отсталые, чем они сами, племена тайги и тундры. Эти глубокие внутренние причины и привели, в конечном счете, к полному крушению объединительных усилий Тыгына, стоявшего на почве умирающих древних традиций, а не современной ему действительности и будущего.

Трагедия Тыгына была трагедией не только его личной жизни и судьбы, но и всего уходившего в прошлое якутского патриархально-родового общества. Подлинная трагедия Тыгына заключалась, таким образом, вовсе не в том, что он был будто бы сломлен мощью русских завоевателей и пал в неравной борьбе за независимость своего народа, а в том, что он в своих личных целях защищал реакционное дело, осужденное ходом истории. Трагедия Тыгына заключалась в том, что Тыгын в кровавой и безнадежной борьбе со своим собственным народом напрасно стремился вернуть его назад — к пройденному уже историческому этапу, тщетно хотел реставрировать разваливавшийся племенной союз, подтачиваемый развитием экономики и классовых отношений, в том, что Тыгын шел не вперед, а назад!

В свое время контрреволюционные буржуазные националисты, стремившиеся оторвать якутский народ от его великого собрата — русского народа, пытались сделать «старца Дыгына» своим знаменем. Новые данные кладут конец буржуазно-националистическим легендам о Тыгыне. Они впервые показывают эту во многих отношениях выдающуюся и замечательную личность, до сих пор окутанную романтической фантастикой и националистическим вымыслом, в ее подлинном виде.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Ф. ТАКОЕВА

КОСТА ХЕТАГУРОВ — НАРОДНЫЙ ПОЭТ ОСЕТИИ, ЭТНОГРАФ-КАВКАЗОВЕД

Осетинский народ, создавший богатое устное творчество, до конца XIX в. не имел своей литературы. Создателем осетинской литературы и литературного языка был осетинский народный поэт, революционный демократ Коста Леванович Хетагуров.

К. Л. Хетагуров, писавший на осетинском и русском языках, сочетал в своем лице выдающегося писателя — создателя осетинской поэзии, блестящего публициста — борца за интересы трудящихся масс и талантливого художника. Со страстью поэта — революционного демократа Коста Хетагуров, будучи глубоким знатоком жизни кавказских горцев, разоблачал колонизаторскую политику самодержавия и хищническую эксплуатацию народа местной и пришлой феодальной знатью и буржуазией.

Хетагуров был глубоким знатоком жизни кавказских горцев. Творчество поэта было органически связано с жизнью и нуждами родного народа; оно не могло не отразить во всей полноте этнографические особенности народа. Произведения Хетагурова живут полной жизнью, той обстановкой, из которой заимствован их сюжет.

Особенно много этнографических сведений в произведениях Хетагурова, написанных на осетинском языке. У него нет искусственности в описании этнографического материала, нет стремления к выделению экзотических, специально «кавказских» сюжетов. Его описания — реальная жизнь народа. Он придавал особое значение всестороннему этнографическому изучению кавказских горцев, подчеркивал, что пройдет «еще несколько десятков лет, — и заглянуть в прошлое туземцев Кавказа, доживших с незапамятных времен до XX столетия без своей собственной письменности, будет совершенно невозможно»¹. Он написал этнографический очерк о своей родине — Нарской котловине (Алагирское ущелье) и призывал интеллигентных туземцев края последовать своему примеру.

Характерной особенностью поселений нагорной полосы Осетии являлось расположение их на крутых горных склонах, защищенных со всех сторон. Хетагуров отмечает в этнографическом очерке это обстоятельство и поясняет, что выбор места для поселения определялся малоземельем, необходимостью использовать под пашни каждый клочок удобной земли, а также необходимостью защиты от набегов воинственных соседей. В поэме «Плачущая скала» (осетинская легенда) читаем:

¹ К. Хетагуров, Быт горных осетин (этнографический очерк), Сталинир, 1939, стр. 3.

Как гнезда, по крутым карнизам
 Необитаемых руин
 Рядами на утесе сизом
 Лепились сакли осетин.

В стихотворении «Завещание» (на русском языке) Хетагуров снова возвращается к этому сюжету:

Ты помнишь теснину за черной скалою,
 Где, пенясь, два горных потока шумят
 И, дружно обнявшись, веселой волною
 Струи свои к морю беспечно катят...
 Где в складках утеса, над страшным обрывом,
 Гнездится отважно аул небольшой,—
 Там в сакле, у башни, подернутой дымом,
 Меня ожидает отец мой больной...

В характере аулов нагорной полосы XIX в. сохранялась их связь с бывшим районом родовых поселений. Хетагуров отмечает, что для горной Осетии характерно множество мелких поселений. «На квадратной версте таких поселений можно насчитать с десяток. Каждая семья, захватив известный район, селилась особняком и затем, разветвляясь по мере своего разрастания, за недостатком места в родовом поселении строила в возможной к нему близости новый отселок. Это очевидно из того, что в Нарской котловине нет почти ни одного поселения, жители которого не были бы связаны самым близким родством»².

Из приведенного описания ясно видно локальное расселение (в пределах естественно ограниченной территории) выделившихся из разросшихся семейных общин родственных дворов. Хетагуров описал жилища в Нарской котловине и горной Осетии³. Постройки здесь, пишет он, за ничтожным исключением все каменные, из плитняка, без цемента. Поверх стен проложены балки, поддерживаемые столбами. На балках положена настилка из кругляков и в редких случаях из пластин. На кругляках лежит хворост вперемежку с соломой и, наконец, слой глины, с мелким щебнем. Внутренние стены жилых помещений смазываются глиной с примесью свежего навоза. Хетагуров отмечает особенность горных осетинских жилищ: низкие двери топорной работы, сделанные без участия пилы и рубанка, без железных частей (петель, замков).

Характерной особенностью крестьянского жилища в дореволюционной горной Осетии являлось то, что рядом с жилым помещением (хадзар) находилось помещение для скота, а дымная и темная сакля разделялась очагом с открытым дымоходом на две половины — мужскую и женскую. Подробное описание обеих этих половин дано Хетагуровым в этнографическом очерке. Здесь же он отмечает: «Существенное отличие жилищ сильных от прочих выражалось в том, что у них для лошадей, рогатого скота, овец и коз имелись конюшни, базы и овчарни, следовательно, их хадзар не был пропитан ароматом навоза. Кроме хадзар у них были и другие, более чистые помещения — уат с камином для женатых членов семьи, и для гостей такой же конструкции узагдон, убранный коврами и дорогим оружием. Нужды нет, что конюшня, хлев и овчарня помещались в нижнем этаже, хадзар в третьем, узагдон и галерея в другом корпусе и кладовая в пещере под башней»⁴.

Условия военно-родового, а затем феодального быта вызывали необ-

² К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 5.

³ Там же, стр. 9—13.

⁴ Там же, стр. 11.

ходимость строить укрепления, каковыми были каменные галуаны с каменной башней (масыг), игравшей оборонительную и наблюдательную роль. Башни складывались из громадных каменных плит на особо прочном цементе, так скреплявшем камни, что отделить их было невозможно. Осетинская башня строилась в три и более этажей (до семи) и имела форму четырехугольной усеченной пирамиды. Хетагуров отмечает: «Это делается с целью большей устойчивости»⁵.

В поэме «Плачущая скала» дано описание постройки такой боевой башни как оборонительного пункта:

Исток глубокого ущелья
Народ решил без замедленья
Украсить башней боевой.

С распадом родового строя башни сохранялись как укрепления, принадлежавшие выделившейся из распавшегося рода верхушке. Коста пишет: «У тыхджин мыггаг⁶ имелась фамильная башня 5—7 ярусов, в которой могли при обороне укрыть от неприятеля все население аула с его утварью и жизненными припасами». Далее автор отмечает, что в конце XIX в. сохранившихся в целости башен уже не было, — они были разрушены царским правительством.

Хетагуров останавливается на описании жилища крепостного крестьянина кавдасарда: «Жилищем отделившегося от отца кавдасарда на первое время служил обыкновенно какой-нибудь старый, заброшенный хлев с единственным отверстием, заменявшим и двери, и световое окно, и дымовой проход, с плетневой заслонкой на ночь и от непогоды».

Имущественная и сословная дифференциация в осетинском ауле к XIX в. зашла далеко. В дореформенный период в Дигории и Тагаурии преобладали феодальные отношения. В Алагиро-Наро-Мамисонском и Куртатинском ущельях в большей мере сохранялся патриархально-родовой уклад, но имущественная и сословная дифференциация происходила и там. После крестьянской реформы капитализм проникает в сельское хозяйство, появляется новый эксплуататорский класс — кулачество.

Имущественная и сословная дифференциация осетин нашла яркое отражение в творчестве Хетагурова. Поэт выступает упорным борцом за интересы трудящихся масс, за свободу народа. В дореволюционной литературе существовала теория, согласно которой феодализм в Осетии возник в результате исключительно внешних влияний (грузинского и кабардинского феодализма). Среди сторонников этой теории находился и такой крупный ученый, как М. М. Ковалевский. Теория эта была необоснованна, она игнорировала внутренние социально-экономические причины, приведшие к распаду первобытно-общинного строя и к возникновению феодализма. Говоря о сословном делении в Нарской котловине, Хетагуров выступает против этой теории и указывает на то, что привилегированное сословие у осетин появляется в результате имущественного расслоения и возникновения частной собственности: «Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т. д.»⁷.

Другие дореволюционные авторы (Кодзаев и др.), стоявшие на позициях буржуазного национализма, стремились затушевать наличие классовых противоречий у осетин, а потому отрицали классовое рас-

⁵ К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 9.

⁶ Тыхджин мыггаг — большая и сильная фамилия.

⁷ К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 5.

слоение и говорили о наличии родового строя в неприкосновенном виде и в XX в. Хетагуров в цитированной выше работе обстоятельно описывает сословное расслоение в Нарской котловине. Он указывает, что здесь имелись слесы тыхчин мыггаг — большие или сильные фамилии. «Лучшие нивы, леса, луга и пастбища принадлежали им. Поселения их были неприступны, башни — «литые» из тесаного камня, на известковом цементе. В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они, и при делении добычи львиная доля доставалась им». Громадное большинство населения Нарской котловины составляли лично свободные крестьяне — фарсаги. «Поселения их, — пишет автор, — не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильных»⁸.

Кавдасардами⁹ назывались крестьяне, происшедшие от «незаконного» брака представителей сильных фамилий с женщинами из семей очень бедных фарсагов или кавдасардов. Коста пишет: «Положение детей от номылус¹⁰, помимо их оскорбительной клички — «кавдасард», было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе». Автор указывает на наличие в Нарской котловине рабов (приобретенных на стороне), которых можно было продать, купить, убить и помиловать; эта категория (алхад, саулаг или цагайраг) была немногочисленна.

В своих публицистических статьях Хетагуров неоднократно характеризует сословную и имущественную дифференциацию осетин. Наиболее ярко изображена эксплуататорская сущность и враждебность осетинских феодалов (баделят и алдаров) народу в его статье «Внутренние враги», где он пишет: «Осетинские так называемые «алдары», «тауби» и «баделята» нисколько не отстают в своих претензиях от грузинских «тауади» и «азнаури», хотя, к счастью, у последних руки много короче, чем у грузинских «тауади» и «азнаури».

Хетагуров излагает историю захвата крестьянских земель феодалами. Далее он пишет: «Когда в стране ничтожная кучка самообольщенных начинает агитировать против трудолюбивого и обремененного до крайности населения, то такую кучку людей не только нельзя не считать своими единоплеменниками, но прямо самыми злейшими врагами экономического и нравственного благополучия одноплеменного населения. Это — враги внутренние, которым для общей пользы давно пора бросить бессмысленную рознь с народом»¹¹.

Большая часть произведений Хетагурова описывает жизнь трудящихся Осетии. Труд горца, его борьба с эксплуататорами, его быт — занимают центральное место в творчестве Хетагурова. У древних скотоводов-осетин большую роль в хозяйстве играл пастух. Он должен был обладать сметливостью, расторопностью, смелостью. В условиях родового быта пастух пользовался почетом и уважением. В хозяйстве феодала пастухами были зависимые или крепостные крестьяне, эксплуатируемые им. У крестьян пастухом бывал нанятый сообща бедняк, у кулака пас скот его батрак. Горькая доля пастуха и пастушеский быт описаны поэтом в ряде его произведений. В бытовой поэме «Чи да?» («Кто ты?») (на осетинском языке) перед нами проходит жизнь бедняка-пастуха. Поэма начинается словами:

Не спрашивай — кто ты.

— Я не из дворян...

⁸ К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 8

⁹ Кавдасард — рожденный в яслях; так называли крепостных крестьян.

¹⁰ Номылус — «жена по имени», вторая, «незаконная» жена феодала, из крестьянок.

¹¹ Статья Хетагурова «Внутренние враги», газета «Северный Кавказ», № 83 от 14 июля 1901 г., за подписью Нарон.

и заканчивается так:

Кто я? —
Одинокий, вот имя мое!

«Одинокий» рассказывает свою жизнь, начиная со дня рождения. Как известно, у многих кавказских народов в дореволюционном прошлом женщина рожала в хлеву.

Так слушай... в горах я,
Как птица, живу.
Здесь мать родила меня
В грязном хлеву, —
Другого она ожидать не могла —
Для матери не было чище угла¹².

«Одинокий» рано остается сиротой. Начинается его трудовая жизнь. Мачеха, справляя по адату поминки по отцу, промотала все хозяйство, даже продала землю. «Одинокий» остается без средств к существованию. Сначала он подпасок — уалыгас, рангом ниже пастуха, и получает меньшую, чем пастух, плату, иногда совсем не оплачивается, работая лишь за пропитание.

И пас я овец	На жесткой соломе,
У стремительных рек	Как пес ночевал...
За миску похлебки,	Подпаском я был,
За черствый чурек.	«Да-да-дай» распевал.

«Одинокий» рос и, наконец, стал пастухом. Распространенным способом оплаты пастуха была отдача ему части приплода (ласкдзаран) или оплата зерном. Хетагуров описал обе формы оплаты пастуха, упомянув термин «март» — мера зерна, равная 6 килограммам.

И вдруг в пастухи
Пригласили меня.
Я стал получать
Десять мер ячменя.

Положение пастуха лучше, чем подпаска, но и пастух был бесправным и эксплуатируемым.

Но бит чем попало
Частенько бывал,
А все ж «да-да-дай»,
Как всегда, распевал.

«Одинокий» вырос и стал мечтать о своем хозяйстве, но жизнь заставила его итти в батраки.

Руками такими	Пришлось мне итти
Пахать бы поля,	К богачам в батраки...
Да только ушла	Мне все удавалось,
На поминки земля.	Все было с руки!

К описанию тяжелой жизни пастуха в дореволюционной Осетии поэт обращается неоднократно. В прекрасной популярной поэме «Кубады» автор дает трогательный образ горца-пастуха. Кубады — безродный бедняк, живет пастухом у помещика (алдара) в тяжелых условиях, но сохранил нежное, любящее сердце. Зимой из своих арчита (род обуви из воловьей кожи), набитых для тепла сеном, он вытаскивал

¹² К. Хетагуров, Кто ты?, «Осетинская лира», Перевод Е. Благиной, М., 1939.

сено, чтобы покормить им скотину. Но вот у Кубады большое горе: теряет часть господского стада и, чтобы избежать сурового наказания со стороны алдара, Кубады, пригнав скот в аул, бежит в Дигорию, а там в Кабарду и Грузию, становится профессиональным певцом-сказателем.

В жару, в бураны
Он в шубе рваной
Свой путь свершает.
Дрожат колени...
Но кто в селеньи
Певца не знает ^{13?}

В стихотворении-сказке «Ласкдзаран» описана жизнь пастуха-бака. У одноглазого циклопа-великана жил в пастухах бедняк на условиях ласкдзаран, т. е. с оплатой частью приплода. Циклоп поедал весь приплод, и делить было нечего. Бедняк стал требовать расчета. Тогда циклоп поставил ему условие: если разгадает он девять хитрых загадок, то получит все стадо, если же нет, то весь труд его пропадет!

В образе циклопа, пожирающего приплод скота, поэт изобразил эксплуататора, присваивающего труд бедняка-пастуха. Как указано в комментариях к первому тому академического издания собраний сочинений К. Хетагурова, в основу стихотворения «Ласкдзаран» поэтом положены две художественно обработанные им народные сказки «Дзырдма дзырарын» («Отгадывание загадок») и «Гады ныхасты арггау» («Сказки о небылицах») ¹⁵.

Ночлег пастухов и стад на летних пастбищах (уатарта) описаны в стихотворении «Ночлег» (на русском языке), а пастушеский быт черкесов — в поэме «Перед судом». Здесь же описан костюм пастуха.

Не отличаясь красотой,
Между подругами порою
Я будто поселял раздор!
Иль так пленял их мой убор:

Рожок и шляпа полстяная,
Тяжелый посох и сума,—
Приволье с рабством совмещая,
Сводить красавиц мог с ума?

Стихотворения Хетагурова «Мать сирот» («Сидзаргас»), «Песня бедняка» («Магуры зараг»), «Сердце бедняка» («Магуры зарда») и многие другие — знакомят нас с дореволюционным бытом горцев-бедняков. С чудесным поэтическим мастерством и большой человечностью описал Коста в стихотворении «Мать сирот» незабываемую картину у очага в глухую зимнюю ночь. На окраине горного аула, в заброшенном хлеве, приспособленном под жилье, у дымного очага сидят полуголые, голодные дети-сироты. На огне закипает котелок. Мать, чтобы убаюкать детей надеждой на предстоящий ужин, пошла на обман — вместо обещанной фасоли в котелке варились... камни. Усталые, измученные дети, не дождавшись ужина, засыпают.

Мама, что же, где похлебка?
Ты сними ее с огня...
«Погодите, вот поспеет,
Все получают от меня».
Но и эти сном забылись,
Перестали слезы лить...
Мать спешит, полна заботы,
Их лохмотьями прикрыть.

И у ног малюток спящих,
Обессилов, села мать
И потока слез горючих
Не могла уже сдержать.
В котелке варились... камни,
Куча мелких голышей,—
А они чего-то ждали
С верой детскою своей.

(Перевод Л. Кипиани).

¹³ К. Хетагуров, Кубады, «Осетинская лира», Перевод П. Панченко, М., 1939.

¹⁴ К. Хетагуров, Пастух, «Осетинская лира», Перевод Б. Иригина, М., 1939.

¹⁵ К. Коста. Уацмысты аххаст амбырд. I т., М., 1939, стр. 190.

В стихотворении «Песни бедняка» («Магуры зараг») Коста с болью противопоставляет:

У людей — красивые дома,
В них светло, уютно, не сквозит,
А у нас — пещеры, холод, тьма,
Дети плачут, ползая в грязи.
У людей — бараньих туш ряды,
Сало каплет с потолка в золу,

А у нас, как призраки беды,
Гнезда вьют нетопыри в углу.
У людей — несметный урожай,
Год мели — все будет хлеба впрок,
А у нас — ложись да помирай:
Ячменя на всех один совок.

(Перевод П. Семинина)

В своих статьях и стихах Хетагуров выступает в защиту прав народа на землю, изобличает местных помещиков и царизм в захвате народной земли. Безземелье горцев поэт описал в своих произведениях «Додой» (Горе), «Друзьям-приятелям», «Кто ты?», в статье «Внутренние враги» и др. Поэт — революционный демократ призывал народ к борьбе с самодержавием и эксплуататорами. Лучшие произведения поэта, его революционные стихи «Додой» («Горе»), «Катай» («Тревога»), «Балции зараг» («Походная песня») и др., стали боевыми песнями осетинского народа в революцию 1905 г. и в Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

К. Хетагуров выступал защитником не только осетинского, но и других кавказских народов. Их революционную борьбу против самодержавия Хетагуров неразрывно связывал с русским революционным движением, являясь последователем великих русских революционеров-демократов — Чернышевского, Добролюбова.

В художественных произведениях и этнографическом очерке, а также в газетных статьях Коста описал обычаи осетин, связанные с рождением ребенка и воспитанием его, свадебные обряды, семейный быт. Для этнографа весьма ценны описания старст (посещения женихом дома невесты) и предбрачного дара невесте ее родными, сообщающие интересные данные о браке в родовом обществе.

Хетагуров описал древнюю родовую форму обычая старст, сохранившегося еще в XIX в. в Нарской котловине Алагирского ущелья. Старст (посещение) состоял в том, что жених с его свитой из родственников и друзей приезжал в дом невесты, где их торжественно принимали и угощали. После угощения сопровождавшие жениха лица уезжали, а жених оставался в доме невесты. «С этого дня жених остается в доме невесты от двух до четырех недель, где за ним ухаживают, как за родным сыном. Шьют ему шапку, черкеску, ноговицы и чуваки. Во время своего пребывания в доме тестя, жених должен во всей полноте обнаружить все свои достоинства, ловкость, вежливость, словом все, что нужно для того, чтобы произвести самое лучшее впечатление»¹⁶.

Обычай пребывания жениха в доме невесты являлся не чем иным, как пережитком весьма древнего матрилокального брака, когда муж переходил жить в род жены. В патриархальном роде этот обычай, пережиточно существующий, имел уже другое содержание.

«Старст» в переводе означает — разведка, исследование. В патриархальном обществе этот обычай являлся проверкой чужеродца родными невесты. Пребывание жениха в доме невесты иногда было связано с отработкой ирада (калыма) за невесту. В начале XX в. этот обычай изменился. Посещение женихом дома невесты стало носить характер кратковременного визита. Называлось оно теперь сияхсы-цыд (приход зятя). За несколько дней до свадьбы жених, собрав свиту из 10—20 и

¹⁶ К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 23.

более человек, приезжал в дом невесты. Здесь устраивалось угощение танцы. После пирушки гости с женихом возвращались во-свояси.

Любопытные сведения сообщает Коста о предбрачном даре невест в Нарской котловине. «За неделю до свадьбы, прикрыв голову и лицо куском красного сукна, невеста в сопровождении родственницы целую неделю обходит аулы. По красному сукну на голове нетрудно узнать девушку накануне вступления ее в новую жизнь. Каждый делает ей посильный подарок с лучшими пожеланиями. Наконец, наступает день свадьбы»¹⁷.

В патриархально-родовом обществе смотрели на девушку как на общую собственность рода. Выдача ее замуж происходила с общего согласия старших мужчин рода. Во всех свадебных обрядах участвовал весь род. В случаях похищения девушек мстителями за нанесенное роду оскорбление выступали все родичи. С распадом родового строя сохранились пережитки этих обычаев.

В описанном поэтом «предбрачном даре невесте» следует видеть участие сородичей в снабжении девушки приданым перед ее уходом в чужой род. Аулы, которые обходит невеста, родственные, а в прошлом — родовые поселения.

Из расспросов стариков Куртатинского и Алагирского ущелий автором этой статьи выяснилось, что оба эти обряда им неизвестны, следовательно, перестали бытовать уже в конце XIX в.

В газетной статье «Владикавказские письма» (о борьбе с калымом и народными обычаями), а также в этнографическом очерке «Быт горных осетин» Хетагуров указывает на сословный характер ирада (калыма) в классовом обществе. «Всяк сверчок, знай свой шесток» — вот принцип, которым руководствовались ироны при спаривании своих детей. Ирад (калым) был мерилем качества крови. Раз установленный, его нельзя было изменять произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размер его в одной фамилии был не более 30, тогда как в других достигал 100 коров»¹⁸. В очерке «Быт горных осетин» Хетагуров приводит перечень привилегированных фамилий Нарской котловины, которые брали ирад в 100 коров. Коста при этом замечает, что «ирад остальных фамилий не ниже 25 и не выше 30 коров».

Хетагуров выступал против вредных родовых обычаев — ирада, поминок, кровной мести, но указывал, что борьбу с этими обычаями надо вести умело: «Нельзя одним росчерком пера уничтожить то, что создавалось и поддерживалось веками»¹⁹.

В середине 90-х годов XIX в. часть интеллигентных осетин начала борьбу с этими вредными обычаями, но это полезное дело проводилось неумело. Вместо длительной культурно-просветительной работы стали поспешно выносить общественные приговоры, запрещающие кровную месть, ирад и пр. Такие приговоры нередко очень скоро нарушались. Кроме того, противники старины иногда вступали в сотрудничество с царской администрацией, которая стала применять свои меры — штрафы и репрессии. В статье «Владикавказские письма» Хетагуров клеймит таких «передовых» осетин и указывает, что борьбу с вредными обычаями надо вести путем уничтожения сословной дифференциации, просвещения народных масс и установления равноправия мужчины и женщины, а не административным вмешательством. «До тех пор, пока в понятии ирона будет иметь место алдар (господин) и кавдасард (сын рабыни), до тех пор он не может представить себе другого мерила для сравнительной оценки качеств своих и своего соседа, как калым дочери

¹⁷ К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 23.

¹⁸ Коста. Публицистика. Орджоникидзе, 1941, стр. 75—76; Статья «Владикавказские письма» (О борьбе с калымом и вредными народными обычаями) опубликована в газете «Северный Кавказ», № 36, 1896.

¹⁹ Там же.

и возмездие за кровь сына. А пока осетин глубоко верит, что каждый покойник на том свете нуждается в пище и питье, и что священная обязанность родственников покойного доставлять им эти предметы потребления, до тех пор невозможно сознательное уничтожение в народе «суеверных» и «разорительных» поминок. Добиваться же этого посредством штрафов и бессмысленно, и жестоко, потому что, во-первых, это озлобляет фанатиков и заставляет их прибегать к тайному совершению обрядов и, во-вторых, изобличенных в нарушении приговора разоряет вдвойне».

В древнеязыческой религии осетин большое место занимал культ предков. Погребальные и поминальные обряды были связаны с верой в загробную жизнь и имели в патриархально-родовом обществе общеродовой характер. В XIX в. погребальные и поминальные обряды, хотя и отражали смесь древних обрядов с позднейшими наслоениями христианства и магометанства, но в основном продолжали сохранять свои древнеязыческие черты. Забота о снабжении умерших пищей, питьем и одеждой лежала в основе этих обрядов, выполняемых неукоснительно. Они ложились тяжелым бременем на крестьянское хозяйство и нередко приводили его к разорению. В творческом наследстве поэта и эта сторона быта осетин нашла свое отражение. Прекрасная по форме, интересная по содержанию поэма «Уалмардты» (На кладбище) целиком построена на этнографическом материале. В ее основу положена речь посвяtitеля коня (бахфалдисага) над трупом умершего. Поэма начинается описанием похоронных обрядов осетин, сохранявших старые родовые традиции.

Как нигде, у нас на похороны сходятся...
Нынче места повернуться не находится,—
Старый, малый в сборе.
Взгляд впервые это множество окидывал,
Горя общего такого я не видывал,
Всех селений горя.

(Перевод Н. Тихонова)

Затем описываются обычаи осетин одевать покойника в лучшие одежды. Если покойник беден, то одежду, оружие и коня для посвящения предоставляли родственники.

Бедняк при жизни не имел хорошей одежды, а теперь —

Нынче вся его одежда уж не так проста,
Тонкий стан его стянули, как невесты стан:
Всем снаряжен малый,
И по верх его нарядов — украшения.
Видел кто его в селе на удивление
С шашкой и кинжалом?

Для совершения путешествия в страну мертвых покойному нужен конь. В древности коня посвящали, убивая его на могиле. Со временем обряд изменился: коня в полном убранстве подводили к могиле и старец посвящал его покойному. К могиле бедняка, по обычаю, подведен конь.

Или разве он скакал сам-друг долиною
На коне ретивом?
Жеребенка в доме не было, и все же он,—
Даром сел, красивый, будто ожил он,
Конь же белогривый!

Старец приблизился к коню, взял уздечку в руки и начал свою долгую и красивую речь.

В ней было множество картин, описывающих загробную жизнь, грешники получают там наказания по заслугам.

Видишь, человек там, что в глубокой впадине
Бездонной корзиной носит словно градины
Гравий, — что он делал?

— Он межу соседскую резал меркой тощю,
Ложной мерой мерил земли своей общины,
Клялся еще смело.

Праведники, по народным представлениям, наслаждаются вечным блаженством в загробной жизни:

Но сейчас отправимся в край, что лучше этого,
Муж с женою рядом сели, разодетые,
За трапезой мирной,
Стол большой пред ними гнется весь от кушаний
От напитков разных, от супов искуснейших
Да рассолов жирных.
Чесноком и луком все это приправлено,
Сколько бы ни съели — столько вновь поставлено,
Стол лишь тяжелее —
— Что это за чудо? Раздавали бедные
Свой чурек, добытый на копейки медные,
Людам, не жалея.

В похоронных обрядах осетин большое место занимало оплакивание. По народным представлениям, слезы облегчают судьбу покойника на том свете, поэтому для оплакивания сходились ближние и дальние родственники и знакомые. В Нарской котловине (да и во всей Осетии) этот обряд совершался так: «По мере скопления народа все должно делаться в установленном порядке. Женщины становятся вереницей около покойника и в такт бьют по щекам, приговаривая: «да-дай, да-дай». Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем. Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хадзару с изготовленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Мало знакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто: с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе»²⁰. Обряд оплакивания и народные воззрения на него описаны Хетагуровым в стихотворении «Ана-хай» (Без доли), «Уалмардты» («На кладбище») и других.

В своих стихотворениях, публицистических статьях и этнографическом очерке Коста неоднократно останавливался на разорительности поминок, строго соблюдавшихся осетинами. Выше приведены мнения поэта о поминках в его «Владикавказских письмах», в поэме «Кто ты?». В стихотворении «Знаю» («Зонин») поэт отмечает, что поминальные обряды совершаются только потому, что этого требует веками сложившийся адат.

Знаю, притворно поплавав,
Справят обряд похорон.
Скажут: — Покой его праху!
Только лишь маялся он!

²⁰ К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 32.

К тризне заколют скотинку,
Чтоб не постился народ.
Память мою на поминках
Друг аракою запьет.

(Перевод Д. Кедрина)

В своем этнографическом очерке К. Л. Хетагуров отмечает, что поминки устраиваются настолько роскошно, что иногда приводят к полному разорению. «Зарезать, например, в один день до 30 голов рогатого скота, до 150 баранов, сварить 500 ведер пива и до 100 ведер араки, испечь до 3000 пшеничных хлебов,— было нелегко в Нарской котловине. Однако некоторые фамилии не задумывались над этим». Здесь мы видим участие в поминках целой фамилии.

В произведениях Хетагурова описывается кровная месть, сохранявшаяся у кавказских горцев в пережиточной форме. Относительно происхождения кровной мести в дореволюционной русской и иностранной литературе преобладали необоснованные теории религиозного происхождения мести (Фюстель де Куланж, М. М. Ковалевский и др.) и теория, выводившая кровную месть из инстинкта мстительности (А. Г. Пост, И. А. Малиновский и др.). Социально-экономическая сущность кровной мести была разъяснена классиками марксизма. Энгельс указывает, что кровная месть возникла в условиях первобытно-общинного строя на основе кровнородственных связей и коллективного хозяйства рода как самозащита суверенных родов. Материалистически объясняя происхождение правовых институтов, в том числе и кровной мести, марксизм не отрицает обратного воздействия, оказываемого идеологией, и в частности, религией на различные стороны жизни. Хетагуров в своем этнографическом очерке, давая объяснение кровной мести, правильно сумел подойти к вопросу. Он приводит пример весьма распространенного повода к мести. Из этого примера видно, как реальные социально-экономические причины мести переплетались с религиозными верованиями. В условиях родового строя кровная месть могла быть перенесена на любого, совершенно невинного сородича виновного. Пережитки этого положения сохранились и в XIX в. Хетагуров указывает: «Отомстить за кровь или, как говорят осетины, взять свою кровь, вовсе не значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, косым, горбатым или старым: нужна жертва, если не большая, то по крайней мере равная ее потере. Вот почему вся фамилия такого убийцы попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались; пашни и сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными; хлеб, если он еще был на корню, выкашивался или вытаптывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки»²¹. Хетагуров здесь (и в других произведениях) показывает, каким злом являлась кровная месть, приводившая к разорению и обнищанию обеих враждующих сторон.

По обычному праву осетин, кровная месть не могла быть перенесена на женщину. Женщины часто выступали примирительницами враждующих. Хетагуров отмечает, что, когда мужчины вынуждены были записаться от кровников в башни, положение спасали женщины, работавшие и за себя, и за мужей. Кроме того, «женщина вообще была якорем спасения как для своих, так и для посторонних. В ее присутствии убийца мог не бояться за свою жизнь». В вооруженных столкновениях кровников «женщина в трауре была настоящим талисманом — стоило ей только в самый разгар кровопролития войти в толпу ожесточенных врагов, как все расступались, вкладывали окровавленные шашки в ножны и расходились»²².

²¹ Там же, стр. 35—36.

²² Там же, стр. 36.

Тревожна жизнь, мятежно счастье,
 Но странник в бурю, дождь и снег,
 В часы осеннего ненастья,—
 Находит у него участие,
 Привет радушный и ночлег...
 Мхом заросла тропа крутая,
 И от аула нет следа,
 А в нем богатая, большая
 Была кунацкая тогда ²⁵.

Не каждый дом мог строить особую кунацкую для гостей,— бедняки были лишены этой возможности. Но каждый дом по мере своих сил соблюдал адат гостеприимства. В поэме «Фатима» Хетагуров описывает гостеприимство крестьянина-бедняка:

Приветливо зовет и манит
 Прохожего усталый взор
 Их сакля прихотью воздушной.
 Всегда готов прием радушный;
 Всегда есть пенящийся рог
 Густого пива и пирог ²⁶.

Хетагуров отмечает еще одну особенность гостеприимства в горах Осетии. Гость настолько почитаем, что встречает и принимает его старший в доме ²⁷. «Перед домом, в который вы получили приглашение войти, встречает вас старейший член семьи и вводит вас в узагдон» ²⁸.

Придавая большое значение изучению Кавказа, Хетагуров внимательно следил за появлявшимися в печати этнографическими описаниями Кавказа. Всякое искажение фактов, поверхностное и недобросовестное описание вызывали его протесты. В 1901 г. в газете «Северный Кавказ» (№ 72) напечатана рецензия К. Хетагурова на учебник географии России, составленный М. Мостовским. В этой рецензии Хетагуров подвергает критике неверные положения автора. Он критикует антинаучную «теорию» предшественников фашизма, немецких «ученых» К. Гана и Гакстаузена, заимствованную у них М. Мостовским, о том, будто осетины имеют «по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с германскими народами». Отвергая эту теорию, Хетагуров писал: «Сходство осетин с германскими народами, по физиономии, языку и образу жизни — это уже отжившее свой век заблуждение». Для Хетагурова, как и для всякого, научно подходящего к вопросу об этнической принадлежности осетин, не подлежало сомнению, что осетины относятся к древнейшему коренному населению Кавказа, к кавказскому яфетическому миру и ни по языку, ни по антропологическому типу, ни по культуре не имели и не имеют ничего общего с германцами. Хетагуров критикует М. Мостовского и за то, что он сообщает неверные сведения о географии Кавказа, причисляя весь Кавказ к Азии, а также за то, что он неправильно описывает расселение кавказских народов.

Уничтожающей критике подвергает Хетагуров «этнографические наблюдения» А. Н. Дьячкова-Тарасова, совершившего со своими учениками из Екатеринодарской гимназии путешествие по Кавказу ²⁹. Хета-

²⁵ К. Хетагуров, Плачущая скала (осетинская легенда), «Осетинская лира», М., 1939, стр. 171—172.

²⁶ К. Хетагуров, Фатима (кавказская повесть), «Осетинская лира», М., 1939, стр. 201.

²⁷ К. Хетагуров. Быт горных осетин, стр. 30.

²⁸ Узагдон — гостинная, кунацкая.

²⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов. В горах Большого и Малого Карачая (Путешествие 26 учеников Екатеринодарской гимназии). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 28, 1900.

гуров высмеял Дьякова-Тарасова за искажение действительности и неверное описание, а также за то, что он не потрудился сам ознакомиться с описываемыми им фактами, а черпал свои сведения из уст приставов, старшин и писарей³⁰. Так, ногойцев, населявших Мансуровский аул, он превратил в абазинцев, получив эти сведения от помещика атамана станицы Белореченской.

Приведя ряд подобных ошибок, Хетагуров заключает: «Придавать таким прогулкам научное значение бессовестно! Все свои научные сведения они черпают из уст приставов, старшин и писарей, которые к людям относятся только, как к номерам исходящих и входящих журналов».

Коста Хетагуров был большим знатоком и ценителем осетинского фольклора. Многие произведения поэта были написаны им на основе осетинских народных мифов, сказок, песен. В. И. Абаев справедливо писал: «Такие мастерские обработки народных мифов, сказок, басен, как «Фсати», «Ласкдзаран», «Редька и мед» и пр., относятся к лучшим его произведениям. Поэтические создания народа в его руках получали настолько совершенную, чеканную форму, что, возвращаясь в народ, они вытесняли народные варианты, так что позднейшие собиратели находили их уже только в той форме, в какую их отлил гений Коста. Так случилось, например, с охотничьей песней «Фсати»³¹.

В Осетии широко распространена охотничья песня «Афсати Зараг» (Песня Афсати или Всати). В основу ее положен миф о боге зверей — покровителе охоты и охотников Афсати. Как указывает академик Н. Я. Марр, Афсати — общее для всех яфетических народов божество охоты (сванское Апсат, осетинское — Афсати и т. д.)³².

На основании этой народной песни «Афсати Зараг» Хетагуров написал на осетинском языке стихотворение «Всати», ставшее в свою очередь народной песней. Он рисует мифического бога охоты Афсати старцем, живущем на одной из самых высоких гор в ледяной палате. Ложке его и скамья из оленьих рогов, а стол — из хрусталя. Всати дремлет, около него семь слуг отгоняют мух, а другие семь готовят ему шашлык на завтрак. Всати слышит песню охотников и посылает слуг посмотреть, кто эти охотники, просящие у него в ритуальной песне удачи в охоте. Слуга подошел к краю бездны и, рассмотрев поющих, доложил:

«Вижу в отдаленьи
Всадников лихих.
Просят, чтоб оленя
Выпустил на них.
В золоте их ружья,
Кони их стройны.

Выслать им на ужин
Что-нибудь должны!»
«Дурень! — крикнул Всати, —
Веришь этой лжи?
Им у бедных крадет
Скот Уастырджи!»³³.

(Перевод В. Брика)

Отказав богачам, Всати вновь задремал. К вечеру он снова слышит пение охотников; на этот раз поют бедняки и тоже просят удачи в охоте. Всати дарует им эту удачу и приглашает их к себе.

Солнце на закате.
Песню вновь слышать, —
Посылает Всати
Юношу опять.
На челе утеса
Бедняки сидят.

Слух многоголосой
Песней веселят.
«Урайда, Всати!
Вышли нам обед!
Спереди и сзади
Огляди хребет!

³⁰ «Тартарен», Фельетон в газете «Северный Кавказ», № 53 от 5 мая 1901 г. за подписью Нарон.

³¹ В. Абаев, К. Хетагуров — народный поэт Осетии. Журнал «Звезда», № 9, 1939, стр. 154.

³² Н. Я. Марр, Фрако-армянский Sabadios — aswat и сванское божество охоты, «Известия Российской Академии Наук», 1912, № 13, стр. 892.

³³ Уастырджи — св. Георгий, по осетинской мифологии — бог, покровитель мужчин.

Угости нас, Всати,
Покровитель наш!
Спереди и сзади
Осмотри ты кряж!
На ногах арчит
Стянуты ремнем,

Наголо побриты
Головы серпом . . .»
«Гей! Без промедленья
Пригласи их в дом,
Вышли им оленя
И служи во всем!»

В басне «Редька и мед», записанной по народным вариантам самим Хетагуровым, он дает поэтическую обработку осетинского варианта этого сюжета, сходного с русским — «Я с медом хороша». Одновременно поэт приводит перечень осетинских национальных блюд, — праздничных шашлыков и пирогов с сыром (хабижджин) и блюд, мало известных сейчас, а в прошлом составлявших обычную пищу бедняка-горца: задын — ячменные лепешки, хамыс — кушанье из сыра и муки, бламык — холодное кушанье из муки и солода.

В другой басне «Лиса и барсук» («Руvas ама Зыгараг») поэт дает осетинскую трактовку лисьей хитрости и лицемерия: барсук и лиса ненавидят друг друга, ибо их интересы сталкиваются при поисках добычи, но при встрече они лицемерно рады друг другу.

Если же где-нибудь вдруг повстречаются
Многим на диво —
Словно родные, друг к другу ласкаются
Нежно, игриво.

(Перевод С. Олендера)

Мы далеко не исчерпали всей темы об этнографизме в творчестве Коста Хетагурова. Во многих своих художественных произведениях и статьях он дает обстоятельные описания материальной культуры осетин и других горцев Кавказа — их хозяйства, сельскохозяйственных работ и орудий, национального костюма, обрядов и других сторон народной жизни. Творчество К. Л. Хетагурова является ценным источником для каждого этнографа-кавказоведа.

В. И. БЕЗЗУБОВ

М. Е. ЕВСЕВЬЕВ — ЭТНОГРАФ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Среди этнографических работ по мордве (мокше и эрзе) большое место занимают труды Макара Евсевьевича Евсевьева — первого мордовского ученого и просветителя.

М. Е. Евсевьев родился 18 января 1864 г. в селе Малые Кармалы Буинского уезда, Симбирской губернии (теперь Чувашская АССР, Первомайский район). Отец М. Е. Евсевьева Евсей Тихонович Кобаев¹, мордвин, происходил из крестьян, занимался хлебопашеством и бортничеством. Мать М. Е. Евсевьева Ирина Петровна Кобаева была знатоком народных песен и сказок, особенно хорошо знала мордовскую свадьбу. В 1876 г. М. Е. Евсевьев окончил Шераутское² начальное училище и, по рекомендации сельского учителя, в 1878 г. был принят в подготовительный класс Казанской «Инородческой» учительской семинарии. Учился Макар Евсевьевич по всем предметам отлично и был аттестован как даровитый.

Еще в школьные годы М. Е. Евсевьев в совершенстве изучил мордовский, русский, чувашский, впоследствии и татарский языки.

В 1883 г. М. Е. Евсевьев окончил семинарию с высшей оценкой и был оставлен преподавателем математики, позже — русского языка и географии. С этих пор он целиком отдал себя делу воспитания подрастающего поколения и научной работе. Ни на минуту не забывал он о той народности, из среды которой вышел сам.

Свою научную деятельность М. Е. Евсевьев начал в 1884 г. В 1886 г. он совершил свою первую этнографическую поездку по мордовским селениям Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской губерний. В 1891 г., совместно с профессором Гельсингфорского университета Г. А. Паасеноном, М. Е. Евсевьев работал специально по изучению говоров мордовского языка.

Интерес к этнографии родного народа М. Е. Евсевьев старался привить и своим ученикам в семинарии. На уроках русского языка они писали сочинения о мордовских свадьбах, похоронах, пословицах, сказках и праздничных обрядах. Во время летних и зимних каникул ученики, по заданию М. Е. Евсевьева, занимались записыванием фольклорного материала в мордовских селениях. Эти ученические тетради сохранились в личном рукописном фонде М. Е. Евсевьева. М. Е. Евсевьев не порывал связи со своими учениками и после окончания ими семинарии и вел с ними обширную переписку, вовлекая их в свою работу.

М. Е. Евсевьев был не чужд и археологии, производя раскопки старых могильников.

Автором настоящей статьи установлено при изучении рукописного наследства Евсевьева, что с 1884 по 1930 г. он побывал в 400 мордовских селениях ныне Мордовской, Чувашской, Татарской и Башкирской автономных республик, а также Чкаловской, Рязанской, Тамбовской, Пензен-

¹ М. Е. Евсевьев носил фамилию по собственному имени своего отца.

² Теперь Чувашская АССР, Первомайский район.

ской, Куйбышевской, Ульяновской, Саратовской и Горьковской областей. Ко многим населенным пунктам он возвращался по нескольку раз и в разные времена года, поскольку некоторые обряды справляются только в определенное время года. Записанный по рассказам материал он неоднократно проверял и дополнял на основании личных наблюдений. С этой целью ему не один раз приходилось исполнять на свадьбе своих братьев, сестер и других родственников роль «уредева» (дружики) и «покиш куда» (старшего поезжанина). Он посещал поминки, похороны, крестины, наблюдал обряды, связанные с посевом, уборкой урожая, сенокосом, остатки языческих верований («бабань каша», «пивань кудо», «проводы весны» и др.). Все это он записывал в нескольких вариантах.

Наиболее значительный материал собран М. Е. Евсеевым по семейно-брачным отношениям. Большое внимание уделял он также материальной культуре и мировоззрению мордвы.

До Великой Октябрьской социалистической революции М. Е. Евсеевым было опубликовано несколько работ по этнографии: статья «Мордовская свадьба» («Живая старина», 1893), «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии» (там же, 1914), «Языческое моление у мордвы Пензенской губернии» (Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. 28, вып. 4—5, 1912), «Образцы мордовской народной словесности» (там же, т. 13, вып. 6, 1896; т. 14, вып. 1, 1897—1898).

Помимо собирания материалов по этнографии, фольклору и языку, Евсеев собирал и научно описывал коллекции: одежды, обуви, головных уборов, домашней утвари, родовых знаков, родовых свечей и др.

С 1908 по 1915 г. М. Е. Евсеев состоял научным сотрудником Этнографического отдела Русского музея в Петербурге (ныне Гос. музей этнографии). За это время М. Е. Евсеев организовал 5 экспедиций (1908, 1909, 1910, 1912 и 1914 гг.) в Самарскую, Пензенскую, Тамбовскую, Саратовскую, Нижегородскую и Симбирскую губернии, собрал и описал 305 экспонатов, которые находятся теперь в ленинградском Государственном музее этнографии, в отделе народов Поволжья и Приуралья. Собранные Евсеевым вещи представляют собой выдающиеся по редкости предметы народного быта, снабженные описаниями и объяснениями.

М. Е. Евсеев был избран членом Русского географического общества, Финноугорского общества, Казанского общества археологии, истории и этнографии. Русским географическим обществом он был награжден серебряной и золотой медалями.

В условиях царского строя М. Е. Евсеев не мог своевременно приводить в порядок и публиковать собранные им материалы. Великая Октябрьская социалистическая революция, реализовавшая принципы ленинско-сталинской национальной политики и открывавшая многочисленным, стоявшим на самых различных ступенях развития, народам бывшей царской империи широкий путь хозяйственного, политического и культурного развития, поставила перед советской наукой обширные и ответственные задачи. Эти задачи и определили развитие в области этнографии и языкознания деятельности М. Е. Евсеева после победы Октябрьской революции.

Теперь еще шире развертывает он свою научную работу. С 1919 по 1929 г. Евсеев работал заведующим и научным сотрудником Этнографического отдела Татарского центрального музея. Он с любовью развертывает деятельность этого отдела, особенно угрофинской его части, обладая глубоким знанием быта не только мордвы, но и других угрофинских народов, а также чувашей и татар. Иностранные этнографы и лингвисты Г. А. Паасонен, А. О. Гейгель, М. П. Веске, а также все иностранные экспедиции, приезжавшие в СССР для сбора материалов об угрофинских народах, всегда обращались к М. Е. Евсееву за консультацией.

М. Е. Евсеев побывал несколько раз в Финляндии. Получив приглашение Гельсингфорского университета занять кафедру мордовского языка, М. Е. Евсеев от этого приглашения отказался.

М. Е. Евсеев неоднократно выступал на выставках со своей богатейшей мордовской коллекцией. Им была устроена выставка в Этнографическом музее Казанского университета, привлекавшая за один месяц около 10 000 посетителей. В 1920 г. он принял участие в выставке народов Востока, устроенной в том же музее. В 1923 г. он участвовал в Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и был награжден дипломом за свое замечательное по полноте собрание предметов культуры мордовского народа. В 1931 г. М. Е. Евсеев участвует на юбилейных торжествах по случаю первой годовщины Мордовской автономной области в г. Саранске, где организует выставку своих коллекций и книг. В Мордовском краеведческом музее большинство коллекций, характеризующих быт мордовского народа, собрано Евсеевым. Здесь, кроме разных старинных костюмов, головных уборов, обуви, имеются вещи из быта мордвы, которые в настоящее время трудно найти (покай, панго, родная свеча и др.).

Несмотря на преклонный возраст, М. Е. Евсеев продолжал ежегодно экскурсировать по мордовским районам, собирая этнографический фольклорный и языковой материал. Насколько М. Е. Евсеев хорошо знал быт и говоры мордовского народа, свидетельствует то, что, встречаясь со вновь приходящими к нему студентами, он с первых же слов определял, из какой они губернии, района и даже села.

В 30-х гг. М. Е. Евсеев опубликовал новые работы: «Братчины у мордвов Татарской республики», «Описание этнографического отдела Центрального музея Татарской АССР», «Мордва Татарской республики», «Свадьба у мордвы», «Мордовские песни», «Мордовские сказки» и др. В 1931 г. вышла в свет его основная этнографическая работа в 20 печатных листов — «Мордовская свадьба». Свадьба записана М. Е. Евсеевым в основном со слов его матери Ирины Петровны в конце 80-х гг. прошлого столетия в селе Малые Кармалы быв. Буинского уезда, Симбирской губернии, а затем дополнена во всех крупных центрах расселения мордвы со всеми местными этническими особенностями. В общем эта работа является результатом 48-летнего собирания материала в районах, в которых наиболее полно сохранился национальный быт. Мордовская свадьба записана М. Е. Евсеевым тщательно и полно, не пропущена ни одна мелочь, начиная с того момента, когда приходит сватать девушку, и кончая поездкой молодой к своим родным. Свадьба описана со всеми вариантами, встречающимися в различных мордовских районах. Благодаря этому в свадьбе разворачивается картина мордовского быта, со всеми суевериями и предрассудками, которые существовали среди мордвы. Причитаний в свадьбе насчитывается около трех с половиной тысяч строк. В тексте имеется переложение мелодий причитаний на музыку. Целый ряд обычаев и причитаний отражают моменты из исторического прошлого мордвы. Обычай к моменту приезда поезжан за невестой уводить (прятать) ее в дом близкого родственника и причитания невесты, в которых она просит своих братьев защитить ее от врагов-ногайцев, несомненно указывают на связь их обычаев с определенными историческими событиями. Таким образом, «Свадьба» Евсеева представляет собой не только богатейший материал для изучения быта и творчества мордвы, но и материал для изучения истории мордовского народа. В рукописном фонде Евсеева имеется описание и мошанской свадьбы.

В 1930 г. Исполнительный комитет Мордовской автономной области, во внимание к заслугам Евсеева, назначил ему персональную пенсию и освободил его от всяких обязанностей по работе в Казанском музее и по преподаванию.

В 1931 г. Евсеев собрался переехать в Москву для разработки

собранных им материалов. Но в последнее время Макар Евсеевич чувствовал уже большой упадок сил и 11 мая 1931 г. его не стало. 26 июня 1931 г. состоялось постановление Исполнительного комитета Мордовской автономной области об издании рукописей М. Е. Евсеева и установлении ему памятника.

Личный архив М. Е. Евсеева хранится в Центральном государственном архиве Мордовской АССР. Крайние даты документов — 1885—1931 гг. Общее число листов — свыше 30 тыс. Большая часть рукописей написана на мордовском (эрзянском и мокшанском) языке. Это — записи мордовской свадьбы, обычаев, песен, сказок, материалы по грамматике. На русском языке — письма А. А. Шахматова, А. А. Гераклитова, Д. В. Бубриха и других, материалы по истории мордвы и ряд документов, относящихся к биографии и служебной деятельности Евсеева.

За свою многолетнюю работу Евсеевым был сделан крупный вклад в этнографическое изучение мордвы (мокши и эрзи). Однако перед научными работниками, вооруженными советским научным методом, — еще большее поле деятельности. Опыт М. Е. Евсеева должен быть широко использован для дальнейшего углубленного познания этнографии, фольклора и языка мордовского народа.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ АВТОРЕФЕРАТЫ

А. К. СУПИНСКИЙ

К ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

В некоторых районах русского Севера, белорусском Полесье, Карелии и у народов Поволжья и Приуралья до XIX в. сохранялись пережитки древней формы земледелия, связанной с лесными пространствами, — так называемого подсечного, или огневого, земледелия. Полагают, что некогда подсечное земледелие являлось господствующей формой земледелия у населения лесных областей Европы. У северных восточнославянских племен временем господства подсечного земледелия считается середина и вторая половина первого тысячелетия н. э. Смена древнего подсечного земледелия земледелием пашенным рассматривается в качестве одной из экономических предпосылок распада у восточных славян, обитавших в лесных областях Севера, первобытно-общинного строя и возникновения классов и государственности. История подсечного земледелия, таким образом, связывается с важнейшими моментами древней и раннесредневековой истории восточного славянства¹.

В связи с изучением подсечного земледелия встает один важный вопрос, касающийся истории сельскохозяйственных орудий и не получивший пока что удовлетворительного решения из-за недостатка фактических данных. Речь идет о происхождении северной русской сохи, которая в старой литературе обычно рассматривается как дальнейшее усложнение примитивного пашенного орудия типа древнего украинского «рала»². В результате изучения подсечного земледелия происхождение сохи рисуется другими чертами, а именно двурогая русская соха представляется как орудие, которому предшествовали сохи многозубые, в свою очередь восходящие к «суковатке» — примитивному разрыхляющему верхний слой почвы орудию подсечного земледелия³.

Основаниями для предположения, что соха развилась из суковатки, служат следующие данные: 1) повсеместная связь суковатки с подсечным земледелием и то, что суковатка на «гарях» является первичным разрыхляющим почву орудием, т. е. служит не бороной, как иногда думают, а своеобразной сохой; 2) сведения о наличии еще в XIX в. многозубых сох. При этом в литературе фигурирует по сути дела лишь одна многозубая, а именно трехзубая соха из б. Костромской губ.⁴; 3) изображение трехзубой сохи на миниатюре XV в. из жития Сергия Радонежского. Каких-либо данных, позволяющих увязать многозубые сохи именно с подсечным земледелием, в имеющейся литературе, однако, не указывалось. Это обстоятельство представляло собой наиболее уязвимое место гипотезы о происхождении сохи из суковатки, тем более, что имелось мнение Д. К. Зеленина, согласно которому многозубые сохи возникли как дальнейшее усложнение сохи двузубой.

Задачей настоящей публикации является освещение данного вопроса на основании новых материалов, всецело подтверждающих мысль об автохтонном происхождении русской северной двурогой сохи из суковатки. Материалы эти собраны автором во время этнографических работ в Череповецком районе Вологодской области в 1946—1947 гг. Они получены от древних кузников, которые рассказывали о том, как хозяйствовали на земле их отцы и деды, а также помогли обнаружить случайно сохранившиеся старинные земледельческие орудия.

¹ Акад. Б. Д. Греков, Киевская Русь, изд. 4-е; П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, Известия Гос. академии истории материальной культуры, т. XIV, вып. 1, 1932.

² Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды.

³ П. И. Третьяков, Указ. раб., стр. 23—30.

⁴ Рисунок этой сохи помещен в «Обзрении сельскохозяйственных уделных имений», 1838.

«Суковатка»

У русского населения Вологодской области по этнографическим материалам можно проследить широкое распространение в прошлом подсечного земледелия. Естественно, что эти материалы рисуют не древние, а самые поздние, пережиточные формы подсечного хозяйства, сохранившиеся на русском Севере до XIX в. вместе с рядом других архаичных черт хозяйства и общественных отношений. Но и при этом с подсечным земледелием всегда связывается суковатка — простейшее пашенное орудие лесного Севера.

В нашем материале суковатка выступает всегда как упряжное орудие, о чем свидетельствуют и его размеры и способ использования. Как правило, суковатка — это исключительно громоздкое орудие, представляющее собой обычный ствол ели от 2,0 до 2,5 м длиной при диаметре комлевой части 0,20—0,25 м, с подрубленными и заостренными сучьями. На подсеках в Борисово-Судском районе, Вологодской области суковаткой обрабатывали почву, используя тяговую силу лошади. Для этого верхний конец суковатки захлестывали петлей, закрепляя веревку на вальке с одетыми на него постромками. В действии суковатка не только движется вперед силою лошади, подпрыгивает, встречая препятствия, но и вращается то в одну, то в другую сторону. Проходка с суковаткой в один след оставляет на поверхности почвы многочисленные «огрехи», т. е. пропуски, ликвидировать которые можно лишь при условии, если пройти с суковаткой до десяти раз. Все это требует значительных затрат времени и физических сил, далеко недостаточных даже при сложении сил нескольких человек; их было бы мало даже если бы суковатку уменьшить в два раза, тем более, что в этом случае пришлось бы удвоить и число проходов.

Наши сведения о суковатке выясняют и еще одну ее особенность: она пригодна для обработки подсека только в первое время после изготовления. Как только суковатка, просохнув, потеряет свой вес, она уже не обеспечивает рыхления почвы на нужную, даже минимальную глубину. Увеличить вес суковатки дополнительным грузом не представляется возможным, во-первых, потому, что подобный груз трудно прикрепить, а во-вторых, он ограничил бы вращательные действия орудия, уменьшив возможность использования всех наличных сучьев, следовательно и эффективность рыхления.

Соха пятизубая

В Вологодской области рыхлящее многозубое упряжное орудие обозначается термином «соха», и других его названий в пределах обследованной территории нет. Равным образом этим термином население никогда не пользуется для обозначения орудий плужного типа, в частности косули. Металлические части сох называют «сошниками», у косуль позднего типа — «лёмехами», более раннего — «косульниками».

В литературе имеется упоминание о череповецких «насошках», которые имели 5—6 зубьев и пахли на глубину до 1 вершка (4,4 см)⁵. Во время наших работ установлено существование сох, имевших от трех до пяти зубьев, и более мощных, насчитывавших от десяти до двенадцати зубьев. Число зубьев определяло некоторые существенные различия в устройстве этих двух разновидностей многозубой сохи. Работали этими многозубыми сохами на «гарях» и «рёмах». Термин «рём», обозначающий выжженный в лесу участок, употребляется на Севере, в Архангельской области (то же, что и «шаёк», «шайки» — в Вологодской области).

Экземпляр пятизубой сохи был приобретен нами в д. Пулово-Борисово, Ирдоматского сельсовета Череповецкого района, Вологодской области у колхозника Н. И. Щукина. Принадлежала она его деду. Основной частью сохи (рис. 1) является «плотина», которая фактически состоит из собственно плотины, имеющей головку, плечики и зубья, и железных остроконечных сошников. В приобретенном экземпляре три средних вырезных зуба составляют одно целое с плотиной, а два крайних — справа и слева пришиты к ней коваными гвоздями местного производства. Кроме того, все зубья с тыльной стороны пластины связаны между собою планкой, причем эта планка пришита коваными же гвоздями к каждому зубу в отдельности. Размеры плотины: максимальная ширина в нижней части по сошникам — 0,66 м, в верхней — по плечикам — 0,30 м, высота головки — 0,09 м, ее ширина — 0,16 м; максимальная толщина плотины — 0,05 м, длина зубьев с сошниками — 0,51 м, длина сошников — 0,24 м, расстояние между сошниками — 0,12 м. Концы сошников слегка направлены вперед, т. е. выгнуты в процессе ковки.

Плотина — главная рабочая часть сохи — была закреплена в оглобли следующим образом: оглобли, т. е. нетолстые, тщательно окоренные жерди, значительной длины лежали на плечиках плотины, будучи впущенными в гнезда заднего «поперечника» (рис. 2). Последний представлял собой четырехгранный брусок значительной толщины, пропущенный позади головки, где он лежал на специально вырезанном карнизике. Такой же четырехгранный, но менее массивный поперечник ставился

⁵ Новгородский сборник, Изд. Новг. губ. статистич. комитета, вып. V, 1866, стр. 24—25.

впереди плотины. Он также имел довольно глубокие гнезда, через которые пролились оглобли. Оба поперечника прочно скреплялись между собой вицами, крепко зажимая головку плотины. На расстоянии 1,0—1,5 м от плотины положен был третий поперечник, скрепляющий оглобли. Последний выполнял и еще одну важную функцию: концы этого поперечника и крайние зубья плотины с каждой стороны оглобеля соединялись между собой прочной витой вицей, без чего прочность сохи могла быть обеспечена.

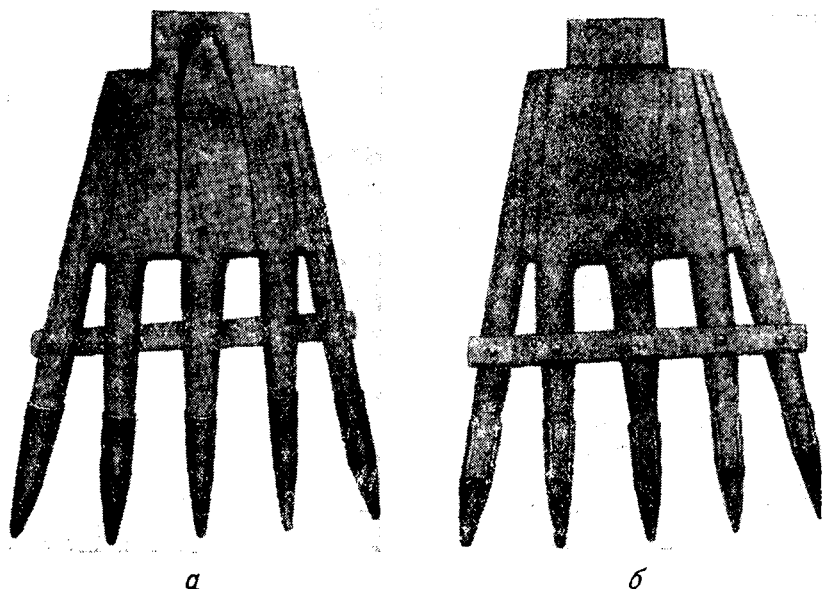

Рис. 1. «Плотина» — основная рабочая часть пятизубой сохи: *а* — вид спереди; *б* — вид сзади.
Дер. Пулово-Борисово, Ирдомашского сельсовета, Череповецкого района.
Вологодской обл.

По сообщению 72-летнего колхозника Н. С. Стулупина из д. Нова, Ирдомашского сельсовета, в сохах, которыми работали на лесных гарях — ремах с редким лесом, оглобли обрезались у переднего поперечника. В таких случаях последний имел удлиненные концы, служившие для закрепления постромок, облегчавших возможность маневрирования в упряжке деревьями, чего нельзя было делать при наличии

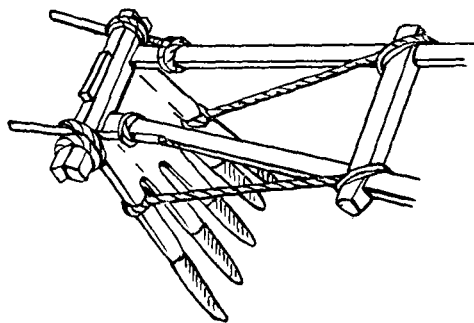

Рис. 2. Пятизубая соха. Реконструкция

длинных оглобелей. Упряжка именно такого характера изображена на миниатюре из жития Сергия Радонежского, но смысл ее здесь не раскрыт, поскольку соха показана в действии на свободном от пней и деревьев поле.

Небезынтересна и еще одна деталь в устройстве многозубой сохи — ее ручки, привязанные к сохе посредством виц. Это, по сути дела, две тщательно выстроганные чурки, вырезанные из ствола молодого дерева длиной до 0,50 м. Прикрепляются они одним концом к оглоблям впереди плотины, а затем к зажимающим плотину поперечникам. Концы, выступающие позади плотины, — это и есть ручки, которыми пользовались только для того, чтобы занести соху при повороте для движения в обратном направлении. Другого назначения ручки не имели, так как соха не

поддерживалась руками, а, наоборот, прижималась к земле надавливанием сверху вниз.

Соха с увеличенным числом зубьев

По заявлению Н. С. Стулупина, на его памяти на горях употреблялись не только пятизубые сохи, но и сохи с 10 и больше зубьями. Сооружалась такая соха иначе, чем пятизубая. Ее основной рабочей частью служила плотина совершенно другого типа, изготовлявшаяся в форме четырехгранного бруска, в поперечнике 0,30—0,35 м, длина которого определялась числом зубьев, изготовлявшихся отдельно и впускавшихся в сквозные долбленные гнезда плотины, где они закреплялись по способу, принятому для закрепления зубьев в деревянных граблях. В остальном материальная часть сохи с увеличенным числом зубьев была абсолютно тождественна материальной части сохи пятизубой, за исключением ручек, в этом типе вовсе отсутствовавших. При переноске сохи на поворотах пользовались специальным широким поясом или длинным полотенцем, которое закреплялось концами на плотине и одевалось на шею пахаря. Концы сошников в этой сохе также слегка были направлены вперед, т. е. были незначительно выгнуты в процессековки.

Ближайшее непосредственное ознакомление с многозубой сохой по недавно еще бытовавшим материалам позволяет ставить ее обок с суковаткой как последующее звено эволюционного ряда рыхлящих орудий подсечного земледелия. По существу это та же суковатка, но изготовленная уже руками земледельца и ремесленника-кузнеца, в целом более совершенная. Как и суковатка, она прочно связана с подсекой, с обработкой почв на горях-ремах. Даже отсутствие ручек не может быть не принято во внимание, когда речь идет об их генетической близости.

Наши материалы, таким образом, во-первых, расширяют сведения о многозубых сохах, во-вторых, тесно увязывают эти старинные орудия с подсечным хозяйством, с работой на горях. Тем самым наши материалы связывают происхождение многозубой сохи с древней суковаткой — этим первым пашенным орудием лесного Севера.

Д. В. НАЙДИЧ

О НЕКОТОРЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

На заседании Отделения истории и философии АН СССР 17/III 1948 г. был заслушан доклад члена-корр. АН СССР В. И. Равдоникаса об археологических раскопках в Ладогe летом 1947 г. Докладчик, сообщая много интересных материалов, отметил, что в слоях VIII в. были обнаружены остатки круглого плетневого сооружения. Плетень состоял из вертикальных столбов, переплетенных горизонтально хворостом. Основанием своим плетень уходил в большое скопление навоза. Навозом была покрыта и вся остальная площадь двора возле деревянного сруба жилища. Обилие навоза во дворе и у стен плетневой постройки вызывало предположение о хранении его подобным образом для вывоза на поля. Это указывало бы на очень высокий уровень пашенного земледелия у славян в такой глубокой древности и требовало, по словам акад. Б. Д. Грекова, тщательного выяснения и изучения.

Изучение этнографических материалов дает нам возможность сделать некоторые сопоставления. Вызавшее большой интерес круглое плетневое строение в старой Ладогe находит себе аналогию в старинных хозяйственных постройках украинцев, бытовавших на Украине еще в первой половине XIX в. Это были круглые плетневые кошары для овец и хлевы для свиней.

В Васильковском уезде Киевской губернии хлев для свиней — «поветь» — состоял из вкопанного в землю высокого не очень толстого столба с надетым сверху на него негодным колесом. Столб этот являлся центром трехаршинного круглого, оплетенного плетнем, пространства. Плетневая стена имела $2\frac{1}{2}$ аршина высоты. Крыша представляла длинные жерди «ключины», на верхних концах которых были вертикально вбиты деревянные гвозди, которыми жерди укреплялись за спицы колеса. Нижний конец жердей опирался на стену из плетня. Жерди переплетались в виде решетки хворостом и покрывали вязками соломы. Способ постройки имеет аналогию с устройством юрты, но архаичнее ее. В Черкасском уезде Киевской губернии делали круглый малый «хлив» для загона свиней и особо делали круглую кошару для овец¹. В Харьковской губернии сараи для скота и птицы также были круглые или четырехугольные, сделанные из хвороста или камыша².

Плетневые стены хозяйственных построек на Украине были из хвороста или вербовой лозы, или лесного ореха и заплетались по дубовым или сосновым кольям на $2\frac{1}{2}$ аршина вышиной или выше. Колья вбивали в землю на расстоянии 8 вершков друг от друга. Часто эти постройки обкладывали для утепления толстым слоем навоза. Было и другое устройство стен из плетня в хозяйственных постройках. Их делали из двух рядов плетня, набивая пустое пространство (в $\frac{3}{4}$ или в аршин ширины) между плетнями навозом с соломой и т. п. Эти двойные стены из плетня назывались «загаты». Обкладывание стен толстым слоем навоза или устройство загата помогает нам объяснить скопление навоза у основания плетневых стен постройки в старой Ладогe. В свете раскопок в Ладогe в 1947 г. этот вид круглых хозяйственных построек на Украине приобретает большой интерес.

Древний, заваленный навозом двор в старой Ладогe можно сопоставить с крестьянским двором некоторых районов Сибири в XIX в. В русских селах Сибири наличие вокруг громадных свободных пространств целинной земли в XIX в., дававшей хороший урожай, не вызывало потребности в удобрении. В Тальменской волости Барнаульского округа Томской губернии в XIX в. дворы в селах так были заполнены навозом, что осенью устраивали специальные «помочи» для вывоза его из дворов ради их очистки, а не для удобрения полей. Навоз просто сваливали на окраине села³.

¹ И. Фундукхлей, Статистическое описание Киевской губернии, СПб., ч. 1-я, 1852 г., стр. 270—282.

² В. Пассек, Харьковская губерния. Материалы для статистики Российской империи, СПб., 1839, стр. 159—160.

³ «Этнографическое обозрение», 1891, № 2, стр. 75.

В Ладогѣ VIII в. было аналогичное положеніе в смыслѣ наличия большого количества целинных земель. Скорѣе всего существовало подобное же отношеніе и к удобрениямъ. Большое количество навоза в дворахъ говоритъ, видимо, о томъ, что срокъ очистки дворовъ и общей вывозки навоза еще не наступилъ. Трудно допустить здѣсь другое объясненіе.

Описанные выше остатки общихъ элементовъ в матеріальной культурѣ украинскаго народа и древнихъ славянъ в Ладогѣ, сохранявшіеся в некоторыхъ постройкахъ украинцевъ еще в серединѣ XIX в., можетъ быть, могутъ помочь до некоторой степени расшифровать археологическій матеріалъ раскопокъ.

О. Н. БАДЕР

НОВЫЙ ТИП НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА УРАЛЕ

Своеобразный тип древнего поселения, о котором пойдет далее речь, обнаружен в недавних раскопках автора в 12 км к западу от г. Нижнего Тагила Свердловской области, произведенных по поручению Нижне-Тагильского музея краеведения в 19 и 1945 годах.

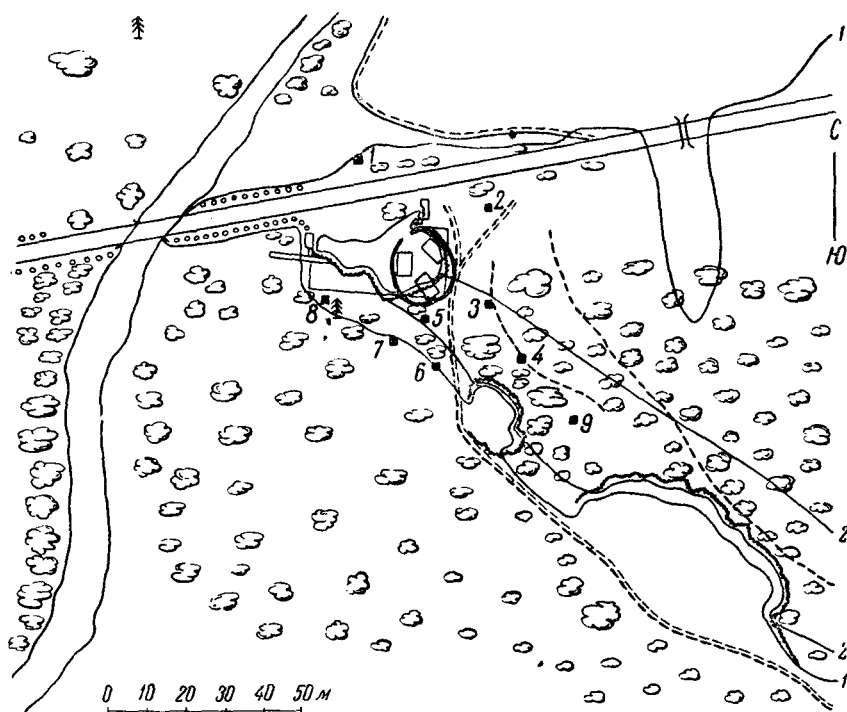

Рис. 1. План неолитической стоянки на р. Полудёнке; в центре — реконструкция жилого комплекса. Цифрами обозначены номера пробных шурфов.

Стоянка расположена на дне обширной, в настоящее время безлюдной горной долины, лесистой, частью заболоченной, в самом конце узкой, пологой и невысокой грядки, сложенной хрящом, в том месте, где эта грядка подходит к небольшой реке Полудёнке. Полудёнка принадлежит к обскому бассейну, тогда как за соседними горами — Елевой и Столбовой, где Полудёнка берет начало, ручьи и реки стекают в бассейн Волги, в Чусовую. Хрящ, подстилающий культурные отложения стоянки, является золотоносным, благодаря чему и площадь памятника, и ее ближайшие окрестности с давних пор изрыты золотоискателями.

На памятнике, расположенном в местности, известной под именем «Чудские бугры», еще в 1837 г. учителем И. М. Рябовым, а в 1845 крепостным человеком завод-

чиков Демидовых Д. П. Шориным был раскопан погребальный курган с деревянным срубом внутри и с железными предметами. Раскопки были повторены в 1924 г. тагильскими краеведами, причем были обнаружены ранняя керамика и каменные орудия, послужившие автору в 1944 г. основанием для определения памятника как неолитической стоянки, случайно совпавшей с более поздними курганами, и для организации специальных раскопок стоянки.

Как удалось выяснить раскопками, рекогносцировочной шурфовкой и обследованием частично испортившихся памятник дорожных карьеров, площадь распространения культурного слоя стоянки может быть выражена цифрой 4000 м² (рис. 1). Эта площадь довольно велика, но все же не выходит за пределы нормы для неолитических поселений в Средней России. За два года нам удалось вскрыть на памятнике всего около

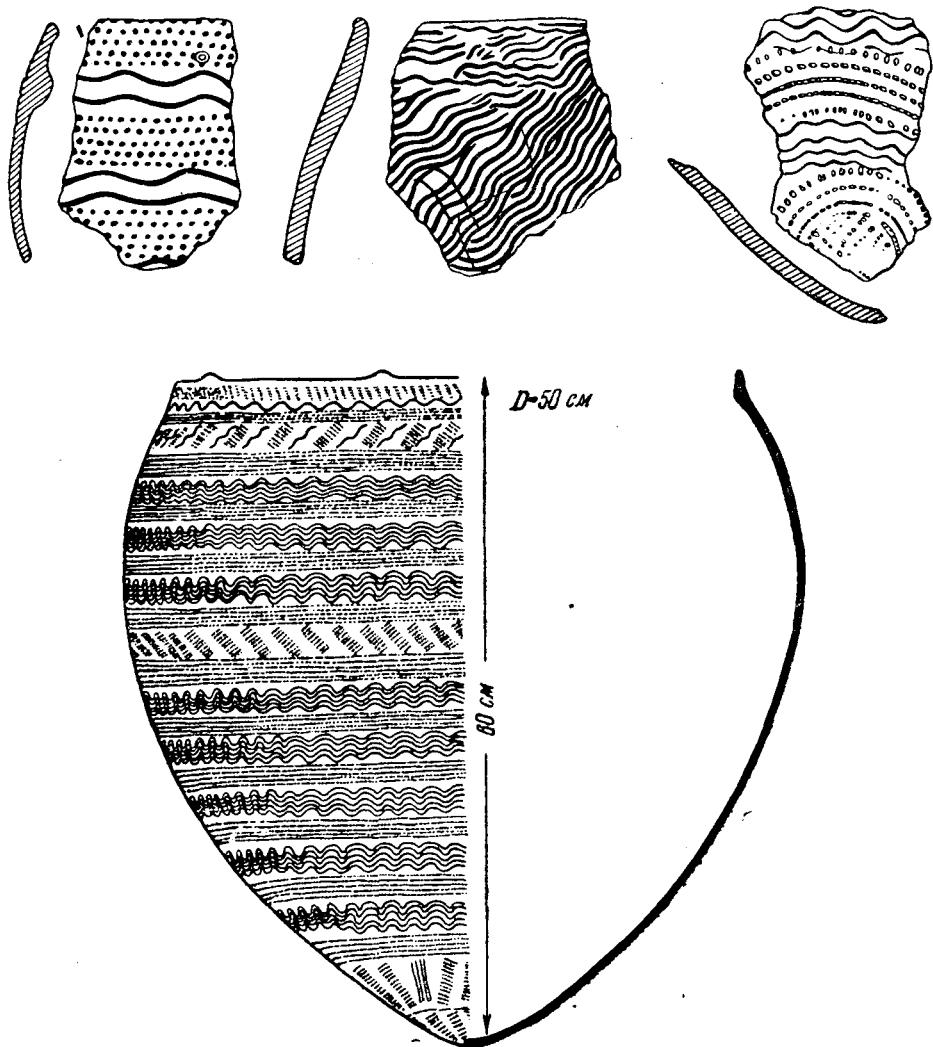

Рис. 2. Керамика Полудёнской стоянки

250 м², но результаты вскрытия были чрезвычайно удачны. Стратиграфия культурных отложений несложна: на упомянутом выше хряще — крупнозернистом песке с галькой — залегает почти черный культурный слой, глинисто-песчаный, с примесью большого количества камней. Выше он переходит в культурный слой той же структуры, но не черного, а коричневого цвета, перекрываемый тонким дерновым слоем. Общая мощность культурных отложений в основной части памятника равна в среднем 0,5 м, из которых от 20 до 25 см падает на верхний коричневый горизонт, остальное — на черный.

Однако уже в поле стало ясно, что материал из коричневого слоя не отличается от материала из черного, и результаты лабораторного анализа всецело подтвердили этот вывод. Аналогичное явление не раз наблюдалось нами на древних стоянках Оки и Верхнего Поволжья. Надо думать, что разница в расцветке толщи культурных отложений всех этих стоянок объясняется не чем иным, как почвообразовательными

процессами, воздействовавшими в течение многих столетий на верхний горизонт культурных отложений после того, как поселение было покинуто его обитателями и покрылось растительностью. Целый ряд фактов, наблюдавшихся при раскопках, служил основанием для этого вывода¹.

Материальная культура Полудёнской стоянки по характеру своих основных форм является типично неолитической. Она состоит из крупной глиняной посуды полушаровидной формы, покрытой своеобразным волнисто-гребенчатым штампованным орнаментом (рис. 2), отличающим эту керамику от гребенчатой неолитической керамики Прикамья и ямочно-гребенчатой керамики Средней и Северной России. На одном из фрагментов — рельефное изображение головы животного с ушами, глазами и ноздрями. Каменные орудия из кремня, молочнобелого кварца, кварцита, горного хрусталя, зеленого нефрита и других пород весьма многочисленны, в то время как вовсе не обнаружено следов металла. Наконечники стрел разнообразны по формам (в том числе — шлифованные), характеризуют развитую охоту. Среди остатков фауны — резкое преобладание костей лося. Многочисленны крупные полированные ударные орудия: топоры, клинья, тесла и вогнутые долота — типичная черта неолита лесных областей. Имеется шлифованный короткий нож и шлифованный кинжал. Скрепки, проколки, ножи многочисленны и разнообразны по формам. В очажной, углистой прослойке был найден орнаментированный кусок бересты.

Культура Полудёнской стоянки отличается известным своеобразием, придающим ей значение особой ископаемой племенной культуры. Имея общее с соседней Горбуновской береговой стоянкой, исследованной Д. Н. Эдингом² и относимой П. А. Дмитриевым³ к шигирской культуре с общей датой от середины 2-го тысячелетия до н. э. и до VIII в. до н. э., Полудёнская стоянка по ряду признаков⁴ является более древней, характеризуя неолитический субстрат, на котором шигирская культура возникла в этих районах. Время ее основного комплекса определяется как вторая половина 3-го тысячелетия до н. э., что делает ее одним из наиболее древних неолитических памятников, известных на Урале.

Но в прибрежной части поселения обнаружено небольшое количество керамики более позднего облика, имеющей общее с сейменской и андроновской культурами бронзовой эпохи⁵. Это обстоятельство заставляет продлить дату Полудёнского поселения по крайней мере до середины 2-го тысячелетия до н. э. Однако позднейшая керамика не распространяется на основную часть поселения и характеризует, видимо, лишь незначительный позднейший эпизод в истории памятника.

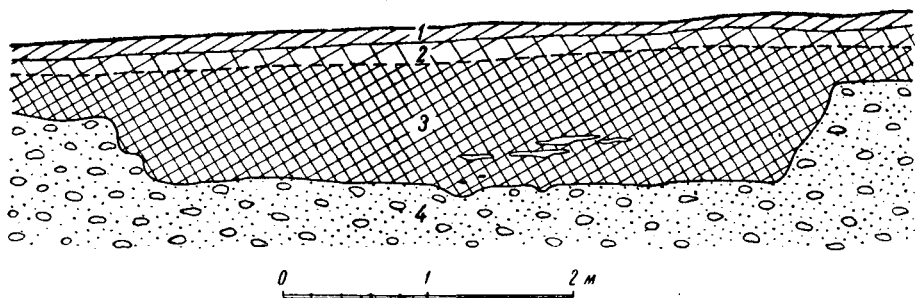

Рис. 3. Поперечный разрез жилища 1-го

Теперь, когда определены культурный характер и время Полудёнского поселения, перейдем к характеристике обнаруженных на нем сооружений.

В северной, основной половине поселения, близкой к реке и отличающейся наиболее интенсивным культурным слоем, были исследованы хорошо выраженные остатки двух жилищ-полуземлянок. В свете фактов, известных нам о древних жилищах этой

¹ О. Н. Бадер, Неолитическая стоянка на р. Полудёнке близ Тагила, условия ее расположения, стратиграфия и некоторые вопросы палеогеографии Урала. Рукопись.

² Д. Н. Эдинг, Резная скульптура Урала, 1940.

³ П. А. Дмитриев, Охота и рыболовство в восточноуральском родовом обществе, Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934.

⁴ О. Н. Бадер, Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

⁵ Там же.

части Урала да и Русской равнины, форма их явилась неожиданной: жилища оказались не круглыми, а четырехугольными.

Первое жилище оказалось углубленным в грунт от 48 до 70 см и на 1,05—1,20 м от современной поверхности в зависимости от несколько наклонной поверхности земли. Дно его совершенно плоское, стенки относительно крутые, хорошо выраженные (рис. 3). Форма четырехугольная, с четко очерченными углами (рис. 5). Максимальная длина сохранившейся цельной стенки на уровне поверхности грунта 5 м, по дну — 4,60 м. Максимальная длина примыкающих к ней, разрушенных карьером стенок — 4 м. Благодаря разрушению карьером форма и размеры не могут быть определены с точностью; жилище могло быть квадратным со сторонами в 4,6—5 м, но оно могло быть и несколько удлиненным.

Второе жилище сохранилось лишь в виде восточного угла, стороны которого с несомненностью указывают также на его четырехугольную форму (рис. 4). Глубина дна жилища от поверхности грунта — 0,30 м. Дно плоское, горизонтальное, как и в 1-м жилище. Стенки вертикальные. Интересной конструктивной особенностью этого жилища являются длинные канавки — углубления глубиной от 10 до 20 и более сантиметров под уровнем дна и шириной от 12 до 25 см; эти канавки, обладая крутыми стенками (рис. 4), тянутся непрерывно вдоль стенок жилища и заполнены интенсивноокрашенным культурным слоем. Очевидно их следует расценивать как следы вертикальных деревянных стен, в этом жилище несколько углубленных в дно.

Возвратимся к 1-му жилищу. Черный культурный слой, заполняющий впадину полуземлянки, имеет обычный для остальной площади характер, в особенности в верхней части. Следует лишь отметить небольшое количество культурных остатков, в особенности крупной и соединяющейся керамики; наконечники стрел и скребки встречались здесь преимущественно на контакте черного и коричневого слоев, как, впрочем, и на многих других участках раскопок этого года.

Но местами, в особенности в восточном углу землянки, в среднем горизонте ее и у дна располагались мощные и чрезвычайно интенсивные очажные слои. Они начинались в сантиметрах 70 от поверхности и шли почти до дна или до самого дна. Местами они имели 40 см сплошной мощности.

Эти очажные слои состояли из пережженной земли желтого, оранжевого, коричневого, малинового цветов, местами почти белого от примеси золы, местами черного от примеси угля, насыщенной красной прокаленной галькой, мелко раздробленными в пережженными костями, среди которых лишь изредка попадаются морфологически определимые фрагменты; среди последних определен лось; мелкие животные почти не представлены.

Очажные слои выглядят как беспорядочные скопления, а не как правильно оформленный очаг. Возможно, что сюда просто сбрасывали золу с очага или же очаг не был оформлен, а представлял собою простой костер. В землянке найдены лишь два крупных камня, далеко друг от друга.

На дне землянки почти повсеместно прослеживается черный компактный, угли-

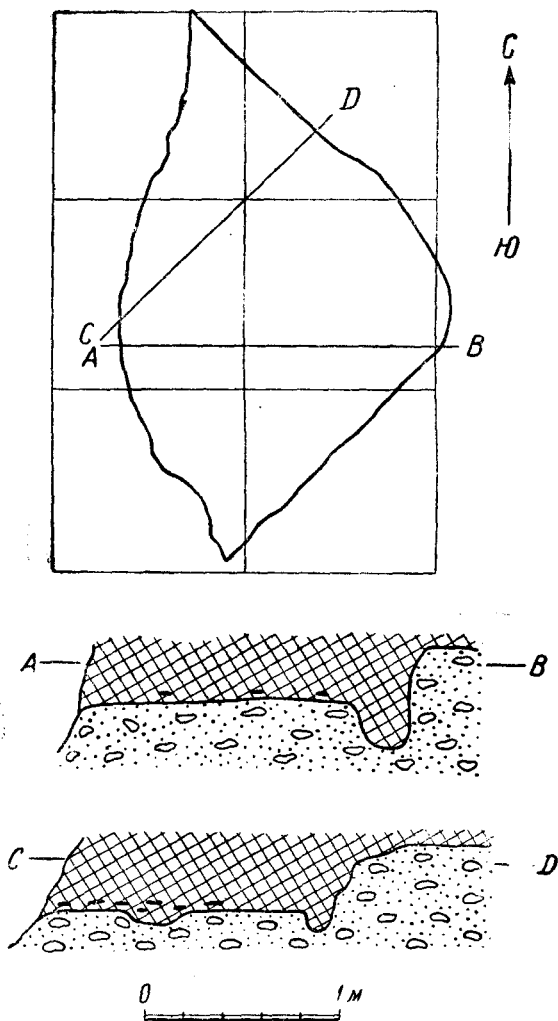

Рис. 4. План и разрезы сохранившейся части жилища 2-го

стый слой толщиной в 2—4 см, лежащий прямо на речной гальке материкового грунта. Он представляет собой плотный конгломерат из угля, полусгнивших мелких косточек кусочков обожженной древесины, древесной коры, листьев (береза?).

Находки обугленной бересты особенно интересны. Они начинают попадать с глубины 60 см от поверхности и наиболее часты на глубине 80 см. Обнаруживаясь обычно отдельными, частью крупными кусками в одном месте, на участках ст/6 в глубине 30 см под грунтом и на высоте 40 см над дном, береста лежала почти непрерывной полосой на длину до 2,25 м, располагаясь параллельно юго-западной стене жилища на расстоянии около 80 см от нее (рис. 5). Такое ее положение и протекционность заставляют считать его остатками сгоревшей и обвалившейся внутрь берестной крыши жилища. Береста сильно покороблена от жара, частью обуглена. Местами она лежала тремя-четырьмя слоями, плотно прилегающим друг к другу, причем положение в локонах каждой пары смежных слоев взаимноперпендикулярное.

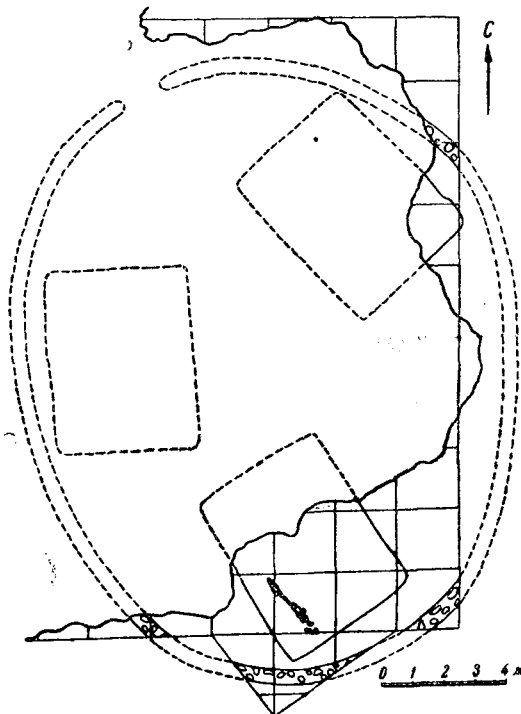

Рис. 5. План изученных частей и реконструкция жилищ и ограды в центральной части Полуденской стоянки

южного угла 1-го жилища при зачистке поверхности материкового грунта была обнаружена древняя канавка шириной в 50 см, заполненная культурным слоем. Она была слабо выгнута от жилища и, исчезнув в юго-восточной стенке раскопа, появилась вновь в юго-восточной части участка ф/6, а затем на участке ф/13, 14 на расстоянии почти метра от стенки 2-го жилища. Она же установлена в юго-западной части раскопа 1945 г. в участке пр/6, на краю карьера. Расположение и направление указанных отрезков позволяют дополнить меньшую, недостающую часть образуемой ими фигуры, разрушенную карьером, и замкнуть их в единое целое в виде овала с большим диаметром в 20 и малым в 16 м, причем остатки жилища оказываются тесно вписанными в этот овал (рис. 5).

Все вышесказанное приводит к выводу, что мы имеем здесь следы прочной деревянной ограды, окружавшей постоянные зимние жилища в центре поселения. Вероятно, между расположенными в шахматном порядке столбами, врытыми в землю, были вдвинуты плотно прилегающие одна к другой тонкие слегы, а чтобы вертикальные столбы не расходились, они скреплялись между собою переплетом из ивовых или еловых прутьев (?), в особенности у верхних концов.

Общий план всего комплекса сооружений реконструируется с относительной достоверностью. Прежде всего это следует сказать о плане ограды (рис. 5). Внутри нее сохранились остатки лишь двух жилищ, но вряд ли приходится сомневаться, что их было больше. Если жилища были минимальных размеров, т. е. имели квадратную форму со стенами длиной в 4,6—5 м, то и тогда внутри ограды без крайней, неправдоподобной тесноты четыре жилища не вмещаются. Поэтому мы в предлагаемой реконструкции помещаем всего 3 жилища, притом не квадратных, а несколько вытянутых, 4,6 × 6 м, что почти не меняет дела (рис. 5). Проход в ограде следует помещать со стороны реки.

Уровень залегания описанных пластов бересты совпадает с поверхностью интенсивного очажного слоя в среднем около 70 см под поверхностью почвы и 40 см над дном жилища. Это обстоятельство позволяет считать указанный горизонт соответствующим моменту гибели жилища, а вышележащую 70-сантиметровую толщу культурного слоя, равномерно окрашенную, без очажных прослоев, расценивать как последующее заполнение впадины уже покинутого жилища. Возможно, что по соседству это время существовали другие жилища.

В сохранившейся части 2-го жилища, в углистом слое, сделана речная находка: фрагмент обожженной бересты с чешколькими сквозными отверстиями и с резными краями украшенными мелкими зубчиками; видимо, этот фрагмент в свое время являлся частью берестяной нашивки — украшения на каком-то более крупном предмете.

Теперь переходим к описанию чрезвычайно интересной особенности, установленной раскопками на Полуденке. На расстоянии 35 см от

В связи со слабым углублением жилищ в землю и наличием продольных углублений вдоль стен во 2-м жилище следует полагать, что жилища имели невысокие вертикальные стены, вероятно бревенчатые. Покрытие было из бересты, положенной в несколько слоев — на два или четыре ската. Возможно, что внутри ограды были также ямы-хранилища на разрушенной карьером площади.

Численность населения каждого жилища, если исходить из этнографических примеров для этой стадии развития, говорящих о большой тесноте, может определяться в 12—16 человек. Следовательно, в трех одинаковых жилищах описанного жилого комплекса обитало всего человек 40 и не более 50. Предполагать наличие на стоянке второго синхронного аналогичного комплекса нет оснований, исходя из характера родовых поселений на этой стадии. За пределами ограды, на площадке перед рекой, обнаружены небольшие ямы, могущие иметь отношение к легким, летним жилищам.

Однако было бы неправильно ставить в зависимость цифру населения внутри ограды с общей площадью распространения культурного слоя: 4000 м². Дело в том, что после разрушения жилищ внутри ограды поселение продолжало существовать, жилой центр его переместился и культурный слой мог в связи с этим частично переместиться на новую, ранее не занятую площадь.

Как бы то ни было, но на Полудёнке мы имеем картину неолитического поселения, центром которого являлись три тесно расположенные четырехугольные бревенчатые полуземлянки, окруженные прочной деревянной оградой. Эти здания служили постоянными, зимними жилищами, и вместе с тем они определяют общее число населения этого поселка, как равное примерно полусотне человек. Вокруг ограды, в особенности на площадке со стороны реки, в летнее время располагались легкие сооружения типа берестяных балаганов или чумов, благодаря чему образование дошедшего до нас культурного пласта захватило немалую площадь.

Обнаруженная на Полудёнке ограда поселения деревянная ограда вокруг жилищ является первым случаем для неолита Европейской России и Сибири, чем определяется большой научный интерес этого открытия. Однако мы знаем, что на этой стадии культуры — на низшей ступени варварства, — судя по данным этнографии, ограждение поселений практикуется достаточно часто. Таковы, например, поселения целого ряда племен индейцев Северной Америки, что не раз заставляло европейцев заниматься их правильной осадой.

Вполне вероятно, что ограда вокруг Полудёнского поселения не должна представлять нам в качестве столь обособленного факта, как это может показаться с первого взгляда. Подобные ограды могли быть и на многих наших неолитических стоянках, подвергавшихся раскопкам, но просто не были раскопками прслежены. Стремление обезопасить, защитить свои жилища нередко видно и у неолитического населения Волго-Окского края. Так, еще В. А. Городцов совершенно правильно подметил, что «если... берег излучист или перерезан под углом впадающими притоками, то стоянки сосредоточиваются в вершинах излучин и углов, получая таким образом естественную ограду с нескольких сторон». На Оке и на озерах Волго-Окской области нередки островные неолитические стоянки, притом расположенные чаще на островах очень небольших размеров; культурный слой на таких стоянках обычно насыщен особенно густо остатками. Перенесение поселений на такие островки трудно объяснить какими-то особыми выгодами для рыболовства по сравнению с береговыми стоянками; в то же время оно имело ряд очевидных и существенных неудобств, и об истинных причинах устройства поселений на изолированных островах не может быть двух мнений.

Одним из наиболее известных примеров такого островного поселения является Дубровицкая стоянка на Оке. Плоская поверхность острова с искусственно укрепленными краями была крайне мала — всего 50 × 60 аршин, и жилища располагались на ней в большой тесноте. Все удобства обитания на берегу, в том числе удобства для изо дня в день ведущейся охоты, были обитателями Дубровицкой стоянки явно принесены в жертву изолированному положению их жилищ на маленьком островке, обеспечивавшему их от внезапного нападения и облегчавшего оборону.

У индейцев потребность в защите являлась первым руководящим началом при определении самого положения поселения. Так, например, в области Огайо острова и мысы застраивались всего охотнее⁶. Без сомнения, ограждение неолитических поселений, в особенности небольших, как Полудёнка, в известной мере диктовалось также стремлением обезопасить жилую площадку от зверей.

Прямоугольная форма жилищ на Полудёнке является здесь неожиданной. На стоянках Среднего Урала жилища уже не раз встречены, и жилищам зауральских стоянок посвящена посмертная работа П. А. Дмитриева⁷. Для поселений горно-озерного района Среднего Урала, принадлежащих к шигирской культуре, достоверно изучены пока лишь три полуземлянки на стоянке «Калмацкий Брод» под Свердловском, относящейся ко времени от 1300 до 700 лет до н. э.⁸ Все три жилища круглые, с диаметром в 6,5—7,5 м. На Горбуновской береговой стоянке, относящейся к

⁶ Ратцель, Народоведение.

⁷ П. А. Дмитриев, Землянки зауральских стоянок, «Материалы и исследования по археологии СССР», II, 1945.

⁸ П. А. Дмитриев, Раскопки стоянки «Калмацкий Брод» на р. Исети, Свердловск, 1934.

той же шигирской культуре⁹, несмотря на очень большую вскрытую площадь, жилищ не обнаружено¹⁰. Казалось бы, что на соседней Полудёнской стоянке, близко по культуре и несколько более древней, жилища должны быть круглыми, как мы имеем это для неолита огромных территорий средней полосы нашей Родины, — но они оказались четырехугольными.

Пытаясь найти аналогии, необходимо упомянуть о прямоугольных полуземлянках Липчинской и 2-й Андреевской стоянок, исследованных также П. А. Дмитриевым. Но оба эти поселения находятся в ином, лесостепном, равнинном районе междуречья Туры и Исети, недалеко от Тюмени, относятся к другой культуре и к более позднему времени, когда здесь могли сказаться влияния соседней степной андроновской культуры.

Недалеко от Полудёнки, но по другую сторону Уральских гор прямоугольные жилища не так давно были открыты Н. А. Прокошевым на Астраханцевской стоянке близ г. Молотова¹¹. Однако и здесь время более позднее, судя по яйцевидной керамике с зубчатым сейменско-турбинским орнаментом, благодаря чему вероятнее, что прямоугольная форма жилищ не имеет здесь глубокого местного генезиса, но являлась недавно заимствованной с юга.

Приходится согласиться с П. А. Дмитриевым, что «в нашем распоряжении нет достаточного материала, чтобы говорить об определенных этапах развития жилищ на Восточном Урале и в междуречье Туры и Исети»¹².

Однако наличие прямоугольных жилищ на наиболее древнем неолитическом поселении Среднего Урала, каким является Полудёнка, позволяет высказать предположение, не является ли эта особенность характерной чертой для обширной территории, лежащей к северу. В этой связи приобретают особый интерес большие четырехугольные землянки, обследованные В. Н. Чернецовым и С. Г. Бочем на Северном Урале в таежной полосе Приобья, в верховьях р. Ляпин, притока Северной Сосвы. Это интереснейшее поселение является одним из наиболее ранних из известных нам памятников этой области и относится к позднему неолиту¹³. Оно расположено на песчаном мысу ныне заросшего озера и «состояло из прямоугольных землянок, от которых осталось около двадцати ям. Некоторые из этих ям выделяются своими размерами. Так, площадь одной составляет 625 кв. м, при длине и ширине по 25 м. Другая примерно равной площади имеет в длину 28 и в ширину 22 м. Три других, несколько меньших, имеют по 20 м в каждой стороне. Прочие землянки не превышают площади в 100 кв. м. Глубина самых больших землянок достигает 3 м». В 1935 г. указанными исследователями была разведана одна из небольших землянок. «В ней обнаружены долота, тесла, стрелы и ножи, шлифованные из твердого сланца, скребочки и отщепы из кремня и кварца. Глиняные сосуды имели яйцевидное днище, выделялись способом налепа и от края до доньшка были сплошь покрыты гребенчатым орнаментом.

Судя по органическим остаткам, обнаруженным в культурном слое, занятиями обитателей землянок были охота и рыболовство, причем едва ли не главнейшим объектом охоты был лось». В сопоставлении с фактами, обнаруженными на близкой по культуре Полудёнке, мы получаем возможность говорить о существовании своеобразной неолитической культуры на обширных пространствах лесного Зауралья, наиболее полно представленной описанным здесь памятником.

Разрешение вопроса о генезисе различных типов жилищ на Урале требует прежде всего нового фактического материала.

⁹ П. А. Дмитриев, Раскопки стоянки «Калмацкий брод» на р. Исети.

¹⁰ Д. Н. Эдинг, Указ. раб.

¹¹ Н. А. Прокошев, Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье, «Краткие сообщения ИИМК», II, 1939.

¹² П. А. Дмитриев, Землянки на зауральских стоянках, 1945.

¹³ В. Н. Чернецов, Очерк этногенеза обских югров, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941.

Х Р О Н И К А

100-ЛЕТИЕ ПОЛНОГО ИЗДАНИЯ КАРЕЛО-ФИНСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «КАЛЕВАЛА»

В феврале 1949 г. исполнилось 100 лет со времени полного издания карело-финского народного эпоса «Калевала». Юбилей «Калевалы» широко отмечался трудящимися Советского Союза. Он превратился в праздник всего советского народа.

21 февраля состоялось торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов в Москве; 23 февраля юбилей «Калевалы» отмечался в Ленинграде и в некоторых других городах Советского Союза. Юбилейные торжества в столице Карело-Финской ССР Петрозаводске длились с 25 по 28 февраля. Приветствовать юбилей замечательного создания поэтического гения карело-финского народа собрались представители большинства братских союзных республик, крупнейшие писатели и ученые нашей страны.

25 февраля в помещении театра Русской драмы состоялось торжественное заседание, на котором Председатель Верховного Совета Карело-Финской ССР О. В. Куусинен выступил с докладом «Основное идейное содержание карело-финского народного эпоса «Калевала». «Проводя юбилейный праздник столетия карело-финского народного эпоса «Калевала», — сказал он, — мы в первую очередь обращаем свои мысли к тем многочисленным народным певцам, которые в древние времена создали бессмертные руны «Калевалы», и к тем, которые от поколения к поколению, в течение многих столетий лелеяли эти поэмы, к тому одаренному народу, среди которого процветала эпическая поэзия «Калевалы». О. В. Куусинен напомнил об антинародных, националистических теориях финляндских буржуазных фольклористов, которые «предпринимали отчаянные попытки доказать, будто бы поэзия «Калевалы» — творчество не народа, а аристократии. Но поскольку в тех местах Карелии, где эпические поэмы были найдены, никогда не существовало ни финской, ни какой-либо иной аристократии, реакционные фольклористы построили особую вспомогательную теорию, согласно которой руны «Калевалы» первоначально якобы зародились в западной Финляндии в позднее средневековье под влиянием католицизма и пелись в кругах верхушки общества, а затем по непонятной причине «эмигрировали» в российскую Карелию». Позже глава финской «школы» фольклористов Крон отодвинул время зарождения рун примерно на полтысячелетия назад, т. е. на конец «викингского периода». «Он сам, — отметил О. В. Куусинен, — объяснял эту ревизию своей теории тем, что в 1918 г., во время гражданской войны в Финляндии, ему мерещилась фантазия о мнимой героической эпохе финских пиратов и к этой эпохе ему тогда представлялось своевременным причислять также чудо зарождения рун «Калевалы». Эта новая «теория» Крона была охотно принята фашиствующими исследователями Финляндии, особенно начиная с того времени, когда среди германских фашистов стал модным языческий культ Вотана». Этой псевдонаучной теории О. В. Куусинен противопоставил марксистское понимание народных рун, согласно которому «в «Калевале» отражается не общество викингов, а совершенно иного рода общество: в ней отражается, в основном, родовое общество первобытно-общинного строя на начальной стадии разложения этого строя, происшедшего на высшей ступени варварства, значит, того периода, который Энгельс называл «эпохой железного века и вместе с тем железного плуга и топора». Анализируя идеологическое содержание рун «Калевалы», О. В. Куусинен демонстрировал его глубоко народный характер и смысл: воспевание труда, трудовых подвигов и трудового мастерства, идея Самопо — великая мечта предков карельского народа о будущности технического прогресса... выраженная в поэтическом образе, который они проецировали в далекое прошлое... мечта о создании такого производственного механизма, который сделал бы возможным освобождение трудящегося народа от непомерной тяжести труда». Совершенно ясно, что такие идеи не могли быть содержанием песен каких-либо скальдов или поэтов-викингов. «Вообще «Калевала» по своему идеологическому содержанию, — сказал далее О. В. Куусинен, — в существенной части представляет собой изображение будущего народа в образах прошлого... Когда задумываешься о том, как было возможно развитие столь прогрессивной по содержанию

народной поэзии, невольно возникает мысль: не мелькала ли в сознании народа левых — членов первобытного родового коллектива — смутная мечта о далеком славном будущем, когда коллективная организация общества будет опираться на производственную технику?». О. В. Куусинен охарактеризовал юбилей «Калевалы» как праздник национальной социалистической культуры Карело-Финской республики и вместе с тем, или, вернее, тем самым — всеобщий праздник культур советских народов.

С приветственным словом от имени Президиума Правления Союза советских писателей выступил лауреат Сталинской премии Леонид Леонов. После него на трибуну взмошел посланец Академии Наук СССР акад. Гордлевский. «Только после Октября, — сказал он, — карело-финский народ обрел свое настоящее счастье. Только с тех пор, как мечтатели-герои «Калевалы», осуществилось в нашей прекрасной советской стране. И вот теперь, оглядываясь назад, благодарные потомки воздвигают памятник знаменитым рунопевцам, которые сложили бессмертную «Калевалу».

От имени украинской делегации выступил писатель Петро Панч, от имени ленинградцев — поэт Виссарион Саянов, от эстонской — заместитель Председателя Совета Министров Эстонской ССР А. А. Вааранди, от грузинской — писатель Шалва Дадияни, от туркменской — лауреат Сталинской премии Берды Кербабаяев, от литовской — К. Р. Корсакас, армянской — писатель Амаяк Сирас, таджикской — писатель С. М. Юсупов, латвийской — С. Я. Рокпеллис, молдавской — А. М. Лазарев. С большим подъемом участники торжественного заседания приняли приветствие великому вождю советских народов Иосифу Виссарионовичу Сталину.

В заключение состоялся большой концерт симфонического оркестра республиканского Радиокomiteта и Государственного национального ансамбля песни и танца Карело-Финской ССР «Кантеле».

26 и 27 февраля гости приняли участие в юбилейной научной сессии Карело-Финской Научно-исследовательской базы Академии Наук СССР. Сессию открыл директор Базы член-корреспондент АН СССР И. И. Горский. «Задача настоящей сессии, — сказал он, — полностью разоблачить фальшивые «теории» буржуазных ученых в их работе о «Калевале». Член-корреспондент АН СССР директор Института истории языка и литературы Карело-Финской базы Д. В. Бубрих выступил с докладом «К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы». Проблема этнической принадлежности рун должна решаться на основе современной марксистской этногенетической теории, сказал Д. В. Бубрих. Руны «Калевалы» созданы древним племенем «корелла» — предком современного карело-финского народа. Научный сотрудник Института В. Я. Евсеев прочел доклад «Пути развития карельских эпических песен». Докладчик шаг за шагом опроверг «теорию» реакционного финляндского фольклориста К. Кройса о некарельском происхождении карело-финских народных эпических песен и доказал специфически карельский характер основных образов и мотивов рун «Калевалы». Исходя из полистадиального характера формирования рун, В. Я. Евсеев дал детальный анализ пути их развития от древнейших времен до наших дней. Научный сотрудник Института М. М. Хямяляйнен прочел доклад «О языке рун «Калевалы». Опровергая утверждения реакционных финляндских фольклористов, видевших в «финизме» карельских рун доказательство их западнофинского происхождения, М. М. Хямяляйнен обратил внимание на «вепсизмы», «русизмы» и заимствования из других карельских диалектов. Таким образом констатируется наличие лексических заимствований из этих языков и диалектов, окружавших ту или иную группу карел, от которой произведены данные записи рун. Заимствования эти обычно фигурируют в так называемых «сюномимических параллелизмах» — парных стихах, составляющих единицу членения рун. Выступление члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского было посвящено анализу реакционной тенденциозности и классовой ограниченности взглядов финляндских буржуазных фольклористов. С докладом «Калевала в России» выступил доктор филологических наук В. Г. Базанов. Доктор филологических наук М. С. Шагинян сделала сообщение о работе над новым русским изданием «Калевалы». Доцент Германского университета Эд. Лаугасте прочел доклад «Роль «Калевалы» в создании «Калевит-поэта», писатель Н. М. Яркола — «Карело-финская советская поэзия и «Калевала», кандидат исторических наук А. М. Ливневский — «Руны «Калевалы» как историко-этнографический источник». Доклады иллюстрировались выступлениями лучших рунопевцев республики — Т. А. Перттунен, А. А. Карельской, М. И. Мяхеевой, А. Ф. Никифоровой, А. Е. Киброевой, Е. Г. Гавриловой и других. Десять певцов рун были награждены грамотами Верховного Совета Карело-Финской ССР.

5—6 февраля состоялись торжества в с. Ухте — центре района Калевалы, названного так в честь великого народного эпоса в 1935 г., в дни 100-летия первого издания «Калевалы». С докладом выступил Заместитель Председателя Совета Министров Карело-Финской ССР И. И. Сюкияйнен.

В дни юбилея вышло в свет новое издание «Калевалы» на финском языке («Kalevalan runoutta») под редакцией и с предисловием О. В. Куусинена, иллюстрированное художниками В. Курдовым, Н. Родионовой и заслуженным деятелем искусств Карело-Финской ССР Г. Стройком. Московское отделение Государственного издательства художественной литературы выпустило новое издание «Калевалы» (перевод Л. Бельского) на русском языке под редакцией М. Шагиняна и В. Казина; вступительная статья написана О. В. Куусинен. Государственное издательство Карело-Финской ССР

в помощь беседчикам в дни юбилея опубликовало брошюру автора настоящего сообщения «Калевала» — великий эпос карело-финского народа» и сборник В. Я. Евсеева «Избранные руны «Архиппа Перттунена». Значительную часть сборника «Карельский фольклор. Новые записи» (составитель В. Я. Евсеев), вышедшего в дни юбилея, занимают переводы карельских народных рун. Институт истории, языка и литературы Карело-Финской Научно-исследовательской базы Академии Наук СССР готовит специальный выпуск «Трудов юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы», в который войдут сверх перечисленных выше докладов следующие статьи и публикации: Х. И. Лехмус «Ленрот — составитель «Калевалы», П. Аристо «Водьские руны» и автора настоящего сообщения «Письма Э. Ленрота к Я. Гроту».

К. Чистов

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ АН СССР В 1948 ГОДУ

Как и в предыдущие годы, в центре внимания Института в 1948 г. стояла подготовка многотомного издания «Народы мира» (отв. редактор С. П. Толстов). Работа велась преимущественно над двумя томами: VII — «Восточная, Южная и Западная Азия» и I, вводным ко всему изданию томом — «Классификация народов мира». Для VII тома написано сотрудниками Института более 20 статей, посвященных народам зарубежной Азии, в том числе монголам, китайцам, японцам, иранцам, народам Индонезии, Индокитая, Индии и др. Том подготовлен в авторской части. Для I, вводного тома проф. С. П. Толстов подготовил статью «Основные этапы истории этнических и национальных образований современного человечества»; проф. Н. Н. Чебоксаровым составлена новая классификация антропологических типов человечества, отражающая итоги многолетних исследований советских антропологов; проф. С. А. Токарев разработал хозяйственно-культурную классификацию народов мира. Кроме новых статей для этих двух томов, коллектив Института провел большую работу по редактированию и подготовке к печати других, ранее написанных томов — «Кавказ», «Австралия и Океания», «Африка» и др. Сдан в производство том «Народы Сибири», ч. I; в 1949 г. все девятитомное издание «Народы мира» будет подготовлено Институтом к печати.

Вторая проблема, занимавшая крупное место в работе Института — «Фольклор Великой Отечественной войны»; на эту тему Институтом подготовлен в авторской части сборник, который содержит 15 статей, посвященных исследованию русского фронтового и партизанского фольклора, а также фольклора периода Великой Отечественной войны других народов Советского Союза — белорусского, латвийского, грузинского, армянского, якутского, киргизского. Кроме того, подготовлен и уже сдан в печать сборник материалов Всесоюзного совещания по фольклору Великой Отечественной войны (издается в специальном выпуске «Кратких сообщений» Ин-та этнографии), со вступительной статьей, освещающей итоги происходившей в декабре 1947 г. дискуссии о методологии сбора и изучения этого вида фольклора; составлено также методическое пособие по собиранию фольклора Великой Отечественной войны.

Всеми секторами Института велась большая работа над двумя сборниками — «Происхождение родовой организации» и «Проблема патриархально-родового строя и военной демократии». Над статьями для этих теоретических сборников работают 24 научных сотрудника разных секторов. Тесно связано со второй темой исследование проф. М. О. Косвена «Переход от матриархата к патриархату»; часть этой монографии закончена в 1948 г. Продолжалась разработка проблемы «Методология этнографических исследований». Проф. П. И. Кушнер, руководитель этой темы, выполняемой коллективом сектора этнической статистики и картографии Института, написал одну из глав исследования — «Сознание этнической общности (национальное самосознание), как этнический определитель». Другую главу «Методы анализа и корректировки европейских переписей в отношении данных языка, национальности и религии» написал старш. научн. сотрудник П. Е. Терлецкий. Из других теоретических исследований следует отметить начатую в 1948 г. работу над коллективными трудами «Фольклор первобытных народов» (происхождение фольклора) и «Русский фольклор как источник для изучения народного мировоззрения» (руководитель — В. И. Чичеров).

Институтом в 1948 г. закончено составление этнографической карты зарубежной Европы масштабом 1 : 2 500 000. На карте показаны 57 национальностей и народностей методом раскраски этнических территорий, с указанием удельного веса основного населения и всех национальных меньшинств; к ней приложена объяснительная записка, где даются сведения о географическом расселении каждой национальности и народности, их численности, языке и основных этнических особенностях. Карта выполнялась секторами Европы и этнической статистики и картографии, под общим руководством П. И. Кушнера. Кроме того, по этому разделу плана велась работа над двумя этнографическими атласами — Западной Европы и Северной Азии.

Ряд научных сотрудников работал в 1948 г. над этнографическими и антропологическими монографиями (окончание которых запланировано на 1949—1950 гг.), посвященными отдельным народам. К этому виду исследований относятся монографии

Л. П. Потапова — «Алтайцы», И. Ф. Симоненко — «Закарпатские украинцы», М. Я. Саманович — «Молдаване», М. Г. Левина — «Антропологический тип японцев», Л. Б. Пак — «Лезгинцы», К. Л. Задыхиной — «Узбеки северного Хорезма», Т. А. Жданко — «Каракалпаки низовьев Аму-Дарьи» и др.

К исследованиям по отдельным проблемам этнографии, антропологии и фольклора следует отнести труды: С. М. Абрамзона «Семейно-брачные отношения киргизов»; Н. А. Кислякова «Брак и семья у иранских народностей»; С. В. Иванова «Рисунки народов Сибири»; Е. В. Гиппиуса «Областные стили мелодики и многоголосья русской и народной песни» и др. Закончили в 1948 г. работу над своими темами: В. И. Чичеров — «Зимний период аграрного календаря», Е. Д. Прокофьева — «Селькупский фольклор», А. А. Попов — «Религия долган», Г. Ф. Дебеч — «Краниология Восточной Сибири».

Кроме перечисленных индивидуальных исследований Институт в 1948 г. начал коллективную разработку двух новых этнографических проблем, весьма актуальных с точки зрения современных задач этнографической науки: «Социалистическая культура и быт колхозов народов СССР» и «Кризис современной буржуазной этнографии». Для первой темы в 1948 г. собран обширный материал экспедициями Института, изучавшими колхозный быт у 18 народов Советского Союза¹. Второй труд будет представлять собой сборник статей (С. П. Толстова, Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехина, Н. А. Бутинова и др.), посвященных развернутой критике методологических основ современных реакционных «школ» американской и западноевропейской этнографии, проповедующих расизм и поставивших себя на службу империализму разработкой практических вопросов колониального управления.

К трудам Института в области истории этнографической науки относится написанная в 1948 г. В. В. Богдановым монография «В. Ф. Миллер, его жизнь и научная деятельность» (1848—1913), а также работа Н. Г. Шпринцин — «Материалы русских экспедиций в Южную Америку». Большим достижением Института по линии публикации работ классиков этнографии является успешная подготовка академического издания трудов Н. Н. Миклухо-Маклая; из 5 томов этого издания уже подготовлены в авторской части коллективом сектора Австралии, Океании и Америки, под руководством С. А. Токарева, три первых тома и ведется работа над 4-м, представляющим собою собрание рисунков и фотографий Н. Н. Миклухо-Маклая; работу над 5-м томом ведет Всесоюзное Географическое Общество; он будет закончен в начале 1949 г. Другой крупной публикацией Института, подготовленной в 1948 г. проф. Н. В. Кюнером и А. Н. Бернштамом, является новое издание книги Иакинфа (Бичурина) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена».

Работы ученого Совета Института этнографии, его научных сессий и заседания секторов отражают значительный рост научной активности его коллектива.

В 1948 г. состоялось 36 заседаний Ученого Совета Института, на которых докладывались работы, имеющие общетеоретический интерес, проводились защиты докторских и кандидатских диссертаций, обсуждались дискуссионные проблемы и решались научно-организационные вопросы. Общее число докладов, обсуждавшихся на Ученом Совете, — 55. В качестве достижения следует отметить, что в 1948 г. в программе заседаний Ученого Совета преобладали вопросы, связанные с научно-исследовательской работой Института и, в частности, с теоретическими проблемами этнографической науки, за счет уменьшения числа заседаний, посвященных защите диссертаций.

В 1948 г. Институт провел несколько специальных сессий Ученого Совета. Выше мы упоминали об одной из них, посвященной обсуждению основных недостатков и задач работы советских фольклористов. Выступающими были подвергнуты резкой критике идеалистические установки в работах проф. Проппа (Ленинградский университет), так называемый функционально-структуральный метод в исследовании бывш. заведующего сектором фольклора Института этнографии проф. П. Г. Богатырева, работы ряда фольклористов, отражающие порочную концепцию А. Н. Веселовского. Сессия, проходившая при широком участии как институтских, так и внеинститутских работников, сыграла большую положительную роль в направлении деятельности сектора фольклора (подробный обзор обсуждения см. в журн. «Советская этнография», 1948, № 3). Другая сессия Ученого Совета была посвящена вопросам этнографии Кавказа. В сессии приняли участие представители Грузинской и Азербайджанской Академий Наук, Дагестанской базы АН СССР, научно-исследовательских институтов и музеев национальных республик и областей Кавказа. Помимо ряда научных докладов сессия обсудила статьи, подготовленные для тома «Кавказ» многотомника «Народы Мира», (отчет о сессии см. в журн. «Советская этнография», 1948, № 4).

В ноябре была проведена сессия Ученого Совета, посвященная рассмотрению научно-исследовательской работы Института этнографии в свете решений известной сессии ВАСХНИЛ. Обсуждение научной проблематики Института и его практической деятельности в свете современных задач советской этнографии происходило при большой активности коллектива. Заседания продолжались три дня, выступающие в прениях подвергли критическому рассмотрению различные стороны работы Института. В де-

¹ См. в настоящем номере журнала статью М. Г. Левина «Полевые исследования Института этнографии в 1948 г.».

кабре 1948 г. трехдневная сессия Ученого Совета обсуждала основные статьи 1-го вводного тома многотомника «Народы мира», посвященные антропологической, хозяйственно-культурной и историко-этнографической классификации народов.

Из заседаний секторов должно быть отмечено открытое заседание (см. отчет в журн. «Советская этнография», 1949, № 1) сектора антропологии, на котором были подвергнуты широкому обсуждению вопросы антропологии в свете мичуринского направления в биологии. Был вскрыт ряд ошибок в трудах советских антропологов и сформулированы основные задачи дальнейшей работы. На заседании группы Общей этнографии было проведено обсуждение учебника проф. Равдоникаса (см. «Советская этнография», 1948, № 4), работ проф. М. О. Косвена («Советская этнография», 1949, № 1) и книги проф. Г. Ф. Дебеца (там же, 1948, № 4). На совместном заседании группы Востока и сектора фольклора была обсуждена книга проф. Жирмунского и Зарифова об узбекском героическом эпосе (см. настоящий номер журнала).

В 1948 г. вышел из печати ряд изданий Института этнографии: 4 номера журнала «Советская этнография» общим объемом в 60 п. л.; «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. IV, содержащий в основном материалы экспедиций Института в 1946 г.; в серия трудов Института этнографии изданы: монография А. А. Попова «Нганасаны», с большим количеством иллюстраций, часть которых многокрасочна, и монография Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР», представляющая собой первое в существующей литературе исследование палеоантропологического материала, собранного по всей территории Советского Союза. Вышли из печати книги: М. О. Косвена — «Матриархат. История проблемы», в которой излагается история проблемы матриархата, начиная от античности; значительное место уделено истории разработки этой проблемы в русской и особенно в советской науке; С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации», изданная в серии научно-популярной литературы и снабженная большим количеством иллюстраций, рисунков, фотографий и карт. Книга характеризует итоги исследований хорезмской археологической экспедиции с 1937 по 1947 г. включительно.

Помимо того в 1948 г. в издании МГУ вышел большой труд (66 п. л.) С. П. Толстова «Древний Хорезм (Опыт историко-археологического исследования)», удостоенный Сталинской премии 1-й степени.

В производстве (Издательство Академии Наук СССР) находятся работы Института: «Краткие сообщения», вып. V и VI (первый из них содержит в основном материалы Северо-восточной экспедиции Института, второй — материалы экспедиционных исследований 1947 г.; сборники Музея антропологии и этнографии, тт. X, XI и XII (продолжающие серию, издававшуюся в довоенные годы и содержащую публикации научной разработки фондов Музея); два тома Трудов института этнографии, содержащие монографию Т. А. Трофимовой «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии» и монографию Е. М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура».

В 1948 г. коллективом Института проведена большая работа по созданию Ломоносовского Музея, организованного в системе Музея антропологии и этнографии АН СССР. Открытие Музея было приурочено к происходившей в Ленинграде в декабре 1948 г. сессии Академии Наук СССР, посвященной истории русской науки.

Значительно расширилась работа Института по подготовке научных кадров. Кроме 25 основных аспирантов в Институте проходят курс 9 аспирантов, прикомандированных научными учреждениями национальных республик СССР. В течение 1948 г. закончили аспирантуру 11 человек.

Кроме аспирантских диссертаций Ученым Советом была проведена в 1948 г. защита четырех диссертаций научных сотрудников Института — двух докторских: В. И. Чичерова — «Зимний период аграрного календаря» и А. Ф. Анисимова — «Вопросы генезиса религии эвенков» и двух кандидатских: З. А. Никольской — «Родовые отношения у аварцев в XIX в.» и Г. П. Васильевой — «Туркменское племя нохурли», а также — диссертаций внеинститутских этнографов: М. С. Долгоносовой — «Учение Тайлора о пережитках», А. Н. Рейсон — Правдина — «Игра и игрушка народов Обского севера», С. И. Макалатия — «Этнография картвельских племен» (отчеты о защите даны в журн. «Советская этнография», 1948, № 4, и 1949, № 1).

Помимо большой научно-просветительной работы, проводимой в Ленинграде Музеем антропологии и этнографии, Институт вел работу по научной пропаганде путем докладов в различных учреждениях и организациях, путем публикации в периодической печати целого ряда статей, рецензий и заметок, а также широкой информации по радио (радио-передачи о работах хорезмской экспедиции, о коми-пермяках, о финно-угорских народах СССР и др.). В течение года Институт получил множество писем из республик Советского Союза — от учреждений и частных лиц — с вопросами из области этнографии (в частности, об этногенезе некоторых народов); на все письма посланы обстоятельные ответы, составленные специалистами, с указанием литературы по интересующему автора письма вопросу. Значительную работу по научной пропаганде провели экспедиции Института, участники которых, как правило, всегда делают доклады и сообщения в районных, областных и республиканских центрах о своих исследованиях в данной местности.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ В 1948 ГОДУ

Начиная с 1945 г., Институт этнографии развернул широкие экспедиционные исследования в самых различных районах нашей страны. Если в первые годы, в начальных этапах работы, исследования ряда экспедиций носили рекогносцировочный характер, то в дальнейшем Институт перешел к монографическому изучению отдельных народов, к длительным многолетним работам в том или другом районе. Работая на протяжении ряда лет, экспедиции смогли не только охватить значительные территории, но и вести исследования по определенному плану, по четко разработанной программе, когда работы каждого экспедиционного сезона составляли непосредственное продолжение предыдущих. Таковы работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Северо-восточной антрополого-этнографической экспедиции, Дагестанской, Закарпатской экспедиций, экспедиции по этнографическому изучению коми (зырян и пермяков) и некоторых других.

В нашем обзоре полевых исследований Института за 1947 г. (см. «Советская этнография», 1948, № 3) мы указывали уже, что при разработке программ экспедиционных работ 1948 г. особое внимание было уделено изучению новых форм хозяйства и быта, социалистической культуре народов нашей страны. Основным методом этого изучения был принят метод монографического описания отдельных колхозов. При стационарном изучении определенного колхоза исследователь может подробно изучить различные стороны культуры и быта, собрать подробные данные по истории данной группы, проследить различные этапы становления новых социалистических форм хозяйства и быта, вскрыть те сложные процессы, в которых развивалась социалистическая по содержанию и национальная по форме культура народа. Как показывает опыт работ 1948 г., этот метод монографического описания отдельных колхозов вполне себя оправдал.

Наш обзор экспедиционных работ 1948 г. мы начнем со Средней Азии.

Хорезмская экспедиция под руководством проф. С. П. Толстова работала, как и в предыдущие годы, в составе археологического и этнографических отрядов. Археологические работы включали стационарные раскопки и широкую разведку обширной территории с применением авиасъемки и комбинированного обследования авиа- и автомаршрутами. Стационарные работы велись в основном на широко известном по раскопкам прошлых лет памятнике III в. н. э. — древней резиденции хорезмшахов дворце Топрак-Кала. Раскопки 1948 г. ознакомили с крупнейшим открытием: обнаружен архив хорезмийских документов III в. н. э., написанных тушью на деревянных дощечках, коже и ткани. По определению С. П. Толстова, большая часть текстов написана крупным хорезмийским уставом, близко напоминающим шрифт хорезмийских монет и стойко хранящим традиции исходного арамейского алфавита. При раскопках дворца Топрак-Кала в 1948 г. обнаружены в ряде комнат скульптурные группы и живописные портреты (открытие памятников монументального искусства относится еще к 1946 г.). Большой интерес представляет открытие остатков мастерской по производству луков и склада оружия, где обнаружены прекрасно сохранившиеся сложные луки, стрелы и детали военного снаряжения.

Другим объектом раскопок явилось городище Алтын-Асар в северной части пустыни Кызыл-Кум на древнем сухом протоке Сыр-Дарья — Куван-Дарья, которое С. П. Толстов относит к сырдарьинским тохарам. Раскопки рекогносцировочного характера производились также на средневековом городище Шемаха, расположенном на плоскогорье Устюрт в Ташаузской области. Разведан и впервые нанесен на археологическую карту целый ряд памятников различного времени.

Этнографические работы Хорезмской экспедиции проводились четырьмя отрядами. Каракалпакский отряд под руководством Т. А. Жданко работал в Куйбышевском и Кара-Узьяском районах (с компактным каракалпакским населением), в Кыпчакском районе (с преобладанием узбекского населения) и Тахтакупырском районе (с казахским, в основном, населением). Работой 1948 г. завершены в основном составление подробной этнографической карты Каракалпакской АССР и сбор историко-этнографических материалов, характеризующих происхождение и этно-культурные связи различных локальных и родоплеменных групп каракалпачков. Для монографического описания был выбран колхоз им. Ахунбабаева в Чимбайском районе, где этнографические исследования проводились и в прошлые годы (см. статью Т. А. Жданко в настоящем номере журнала).

Североузбекский этнографический отряд под руководством К. Л. Задыхиной производил этнографическое изучение узбекского населения в Кунградском и Кыпчакском районах Каракалпакской АССР, а также в Ново-Ургенском районе Хорезмской области УзССР. Южноузбекский отряд под руководством М. В. Сазоновой работал в Хизинском, Ханкинском и Хазараспском районах Хорезмской области, где собирал материал по культуре и быту узбеков Хорезма. Особенно следует отметить собранные отрядом материалы по народному искусству. Проводилось монографическое изучение колхоза.

В 1948 г. в план работ Хорезмской экспедиции было впервые включено изучение туркменского населения Хорезма. Работа эта проводилась четвертым этнографическим отрядом под руководством Г. П. Васильевой в двух районах северо-вос-

точной Туркмении: Дарган-Атинском районе Чарджоуской области и Куня-Ургенчском районе Ташаузской области. Работы в Дарган-Атинском районе положили начало монографическому изучению туркменского населения племени ата, которое предстоит в дальнейшем продолжить. Монографически изучен колхоз «Большевик» в Куня-Ургенчском районе — один из самых крупных и передовых колхозов Туркмении.

Работы этнографических отрядов Хорезмской экспедиции взаимно дополняют друг друга и неразрывно связаны с основными задачами экспедиции — изучением истории Хорезма. Подготовлены и в ближайшее время сдаются в печать Труды Хорезмской экспедиции, первый том которых содержит археологические, а второй этнографические материалы, собранные за последние годы.

Киргизская этнографическая экспедиция под руководством С. М. Абрамзона продолжала исследования прошлых лет и работала в 1948 г. в Джумгалском районе Тяньшанской области. Основной темой было исследование семейно-брачных отношений в прошлом и современных форм брака и семьи в колхозном ауле.

Н. А. Кисляков совершил поездку в район Пенджикента (северный Таджикистан) для дополнительного сбора материалов к готовящейся им монографии «Брак и семья у иранских народов»; исследование колхозного быта проводилось им в колхозе имени Карла Маркса в гор. Пенджикенте. Г. Г. Стратанович продолжал этнографическое изучение дунган, посетив в 1948 г. дунганские поселки Курдайского района Джамбулской области. Е. М. Пешерева была командирована в ряд пунктов Бухарской и Феганской областей УзССР, где ею собран значительный материал по разрабатываемой ею теме «Гонимое производство Средней Азии». Аспирантка института Л. Ф. Моногарова продолжала начатое ею в 1947 г. монографическое изучение изгулемцев. Аспирантка И. В. Захарова работала среди уйгуров Ошской области Киргизской ССР и Андижанской области Узбекской ССР.

На Кавказе в 1948 г. продолжались под руководством Л. Б. Панек работы по этнографическому изучению лезгин. Л. И. Лавров совершил научную поездку в Абхазию и в Черкесскую автономную область, в последнюю — для изучения абазин и местной группы ногайцев.

Аспирантка Ю. В. Иванова была командирована в Приазовский район Запорожской области для изучения группы албанского населения, проживающего в трех селах района. Ею собран интересный материал по истории данной группы, подробно описаны различные стороны культуры и быта и монографически изучен албанский колхоз (с. Георгиевка). Закарпатская экспедиция под руководством И. Ф. Симоненко вела в 1948 г. работы в В. Березнянском, Валовецком и Раховском округах. Большое место в работах экспедиции заняло изучение нового быта закарпатской деревни, разветвляющегося в Закарпатье колхозного строительства. В результате 4-летних исследований экспедиция охватила все районы области и в основном закончила монографическое изучение украинцев Закарпатья, собрав обширные материалы, характеризующие разные стороны их материальной и духовной культуры.

В 1948 г. Институтом была осуществлена Северно-великорусская экспедиция в бассейн р. Онеги. Экспедиция под руководством Г. С. Масловой работала в низовье и среднем течении р. Онеги и в районе Кенозера Архангельской области. Эта территория, являющаяся областью древней славянской колонизации, в этнографическом отношении весьма слабо изучена. Экспедицией собраны интересные материалы по этнической истории края, по народному изобразительному искусству, подробно изучена материальная культура, записан традиционный и современный фольклор. Проводилось монографическое описание колхозов.

Работы Коми-пермяцкой экспедиции под руководством В. Н. Белицер явились непосредственным продолжением экспедиционных исследований, проводившихся в Коми-Пермяцком округе в 1947 г. Основными задачами экспедиции в 1948 г. были, во-первых, обследование южной группы коми-пермяцкого населения, так называемой «иньвенской»; во-вторых, изучение самой северной группы, проживающей на севере Гайнского района, на границе с Коми АССР, и до настоящего времени почти совершенно не исследованной. Монографически описаны два колхоза Коми-Пермяцкого округа.

Центральной темой Сталинградской фольклорной экспедиции, работавшей под руководством В. Ю. Крупнянской, было изучение колхозного фольклора. Работа проводилась в двух районах Сталинградской области: Подтёлковском и Ново-Анненском. В основу работы экспедиции был положен принцип изучения фольклора во всех его связях с реальной действительностью, а не изолированное изучение творчества отдельных мастеров и носителей фольклора, не ограничивая исследования вопросом о судьбах тех или иных фольклорных жанров, искусственно оторванных от конкретной действительности. Это расширило диапазон экспедиционной работы, в которой первостепенное значение приобрели вопросы изучения всех сторон жизни колхозников. Экспедицией записано 500 песен, около 800 частушек, много сказок, собран материал по народному театру, свадьбе и т. д.; участницей экспедиции, работником кабинета Народной музыки Московской Консерватории — К. Г. Свитовой, записано 75 мелодий; привезен значительный иллюстративный материал.

Переходим к экспедиционным работам в Сибири. Северо-восточная экспедиция проводила в 1948 г. исследования в двух направлениях. Научный сотрудник экспе-

диции В. Г. Кузнецова работает в настоящее время среди оленных чукчей бассейна реки Амгуэма. Ее работа на Чукотском полуострове запланирована на 1¹/₂—2 года, что даст ей возможность, овладев языком, обследовать как оленные, так и береговые группы чукчей, сосредоточив внимание на вопросах культурных взаимоотношений этих групп, что является одной из центральных проблем чукотской этнографии, а также на изучении древней социальной организации чукчей. В программе работ центральное место занимает изучение современных форм культуры и быта. Проф. Г. Ф. Дебеч предпринял летом 1948 г. поездку на Подкаменную Тунгуску для антропологического обследования эвенков в целях сравнения их типа с типом ранее исследованных им ламутов. Проложив на лодке маршрут от селения Ванавара до устья реки, он обследовал 150 эвенков (мужчин и женщин); в нижнем течении Подкаменной Тунгуски исследована небольшая группа кетов.

В 1948 г. приступила к работе Таймырская этнографическая экспедиция Института, в задачу которой входит изучение народностей нижнего Енисея, Таймыра и соседних территорий (нганасанов, энцев, ненцев, селькупов, кетов). Б. О. Долгих в течение нескольких месяцев работал среди энцев — небольшой народности, насчитывающей около 400 человек, которые расселены на восточном берегу Енисейской губы. Имеющиеся в литературе сведения об энцах крайне скудны. Б. О. Долгих собраны обширные материалы (в том числе свыше 50 листов записей фольклора), которые впервые освещают вопрос о сложении этой народности и ее этнокультурных взаимоотношениях с соседними группами. Подробно описаны новые формы хозяйства и быта энцев — в недавнем прошлом одной из наиболее отсталых народностей Крайнего Севера. Б. О. Долгих и работавшей под его руководством группой студентов собраны новые материалы по этнографии кетов нижнего течения Подкаменной Тунгуски.

Н. Ф. Прыткова была командирована в Тобольск и Ханта-Мансийск для дополнительного сбора материалов по этнографии хантов. В. В. Храмова совершила поездку к так называемым «заболотным» татарам. Эта группа, живущая по притокам реки Иртыша (Носке, Лайме, Носкинбаше и др.) в труднодоступном по условиям транспорта Вармаклинском сельсовете Тобольского района, совершенно не изучена. Собранные В. В. Храмовой материалы заполняют существенный пробел в этнографии западно-сибирских татар.

Г. М. Василевич продолжала сбор материалов по этнографии, языку и фольклору эвенков, совершив в 1948 г. поездку по районам Урми, Амгуни и Буреи (Кур-Урмийский и Верхнебуреинский районы Хабаровского края).

Таков перечень полевых исследований Института этнографии по изучению народов нашей страны. Помимо этого, Институт принял участие в организации Монгольской экспедиции, работавшей под руководством проф. С. В. Киселева. Ст. научн. сотр. Института К. В. Вяткина руководила этнографическим отрядом экспедиции, работу которого намечено продолжать в 1949 г.

М. Левин

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1948 ГОДУ

В 1948 г. Музеем велась работа по переделке и дополнению существующих экспозиций. Наиболее значительной из этих работ явилась реэкспозиция антропологической галлерей, предпринятая в связи с подготовкой к двухсотлетию юбилею Ломоносовской химической лаборатории и открытием части Ломоносовского музея. На галлерею по-новому были выставлены анатомическая коллекция Рюйша, закупленная Петром I в Голландии, коллекция уродов, собранная по указу Петра в России, а также собрание китайских коллекций Кунсткамеры эпохи М. В. Ломоносова. Вместе с тем велась подготовка к крупным экспозициям на 1949 г. Были разработаны тематические планы экспозиции отделов Передней и Средней Азии, Индии и Индонезии, а также подготовлен к экспозиции зал Передней и Средней Азии.

Как и в предыдущие послевоенные годы, большое внимание в 1948 г. было обращено на учетно-хранительскую работу. Продолжалась работа по переучету коллекций отделов Музея, начатая в 1947 г. Всего с окончившими переучет в 1947 г. закончили эту работу восемь из двенадцати отделов Музея. Таким образом, эта большая работа приближается к концу. Осуществлялись также другие учетно-хранительские работы. В отделах, окончивших переучет, была начата работа по определению безномерных предметов. Начата также работа по уточнению и дополнению старых дефектных описей коллекций, являющихся основными музейными документами. Проводился учет иллюстративного фонда, который в некоторых отделах еще совершенно не разобран и требует длительной и кропотливой работы. Наряду с работой по приведению в порядок иллюстративного фонда в отделах Музея Отделом учета и хранения проведена большая работа по переучету всего негативного фонда, хранящегося в негатеке (свыше 60 000 экз.), переоборудованию ее хра-

нилиш, а также начаты работы по созданию позитивного фонда (отпечатков с имеющихся негативов). Продолжалась работа над составлением, уточнением и перепишкой главной инвентарной книги Музея, дополнением карточных каталогов и многие другие.

В 1948 г. отделами было зарегистрировано 53 коллекции, содержащие 714 этнографических, 1264 антропологических и 4839 археологических предметов, а также 483 иллюстрации. Это — в основном поступления 1946—1947 гг. В 1948 г. в Музей поступило 13 новых этнографических коллекций (800 предметов): большая коллекция (393 предмета), собранная М. Г. Левиным среди айнов, нивхов и ульчей и состоящая в основном из культовых предметов, относящихся к «медвежьему празднику»; коллекция из 100 предметов по северным якутам — культовые вещи, части жилища, упряжь и др. (сборы И. С. Гурвича); собрание предметов (214 экз.), закупленных Н. А. Кисляковым и А. К. Писарчик среди таджиков и узбеков, — мужская и женская одежда, украшения, образцы старинных вышивок и набоечного орнамента, бытовые вещи. Кроме того, в Музей поступили отдельные экспонаты и вещевые комплексы, из которых следует указать коллекцию предметов быта народов Африки (53 предмета); шит и копые, привезенные путешественником Елисеевым из Африки; полный шаманский костюм. В Музей поступила также большая археологическая коллекция (свыше 2500 предметов), собранная С. И. Руденко на Чукотском полуострове.

Научно-просветительным отделом Музея проведена значительная работа по популяризации Музея и привлечению к нему массового зрителя. Было использовано радио; отдел организовал через учителей города экскурсии школьников, а также систематически организовывал из числа приходящих в Музей одиночек экскурсионные группы. В результате в 1948 г. посещаемость Музея по сравнению с 1947 г. повысилась более чем в два раза и достигла 48 000 человек. Отдел проводил показ научно-популярных фильмов и систематически устраивал для посетителей консультации; при отделе создан актив юных посетителей, а также группа «друзей Музея» из числа школьников.

Н. Кисляков

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ М. В. ЛОМОНОСОВА ПРИ ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Одновременно с постановлением Президиума Академии Наук СССР о реконструкции здания б. Кунсткамеры в 1946 г. решено было организовать в этом здании при Институте этнографии АН СССР мемориальный музей М. В. Ломоносова.

Ломоносов с 1741 г. по 1765 г. работал в различных учреждениях Академии Наук, помещавшихся в здании Кунсткамеры: в библиотеке, в физическом и картографическом кабинетах, в астрономической обсерватории, а впоследствии заседал за круглым столом конференц-зала, помещавшегося в 3-м этаже башни. Помимо территориальной связи работы Ломоносова с этим зданием, Музей антропологии и этнографии является преемником части научного наследия, помещавшегося в б. Кунсткамере. И по сей день в стенах Музея этнографии остались этнографические коллекции Дальнего Востока, собранные Петром I, антропологические коллекции, приобретенные им же в 1717 г. у Рюйша, а также коллекции, собранные во время академических экспедиций XVIII в.

8 мая 1947 г. состоялось постановление об организации в составе Института этнографии Музея М. В. Ломоносова. За время, прошедшее с момента постановления, Институтом была проделана огромная работа по собиранию и изучению материалов, относящихся к жизни и деятельности великого русского ученого, и по оборудованию музея. В связи с проведением в Ленинграде зимней сессии Академии Наук 1949 г., посвященной истории русской науки, Президиумом АН СССР решено было открыть музей на базе собранных экспонатов. Несмотря на крайне сжатые сроки и ряд затруднений, обычных при организации нового дела, музей в назначенное время был подготовлен к открытию. Удалось это выполнить благодаря исключительно вниманию, уделенному Президиумом Академии Наук во главе с президентом акад. С. И. Вавиловым, акад. И. В. Гребенниковым, директором Института этнографии проф. С. П. Толстовым, заместителем директора доктором исторических наук Л. П. Потаповым, секретарем парторганизации И. Я. Треноговым, а также сотрудниками Музея: Т. В. Станюкович, Т. В. Побединовой, Г. В. Васильевой и др.

Экспонаты подбирались в Ленинграде и Москве. Часть их получена по распоряжению Президиума АН СССР из ряда академических учреждений. Так, большая Чирнгаузеновская зажигательная линза получена из Физического института в Москве, линза поменьше (так называемая «Шуваловская»), а также микроскоп середины XVIII в. — из Института истории естествознания. Из библиотеки Академии

Наук СССР получены книги (часть из них XVIII в.) и некоторые обстановочные предметы XVIII в., а также большой круглый стол, стоявший в Кунсткамере в конференц-зале. Из Института литературы получены гравюры с портретами Ломоносова и его современников, бюсты Ломоносова, портрет И. И. Шувалова. Архивом АН СССР переданы: мозаичный портрет Петра I, гравюры, литографии, реплики диплома, медные гравированные доски, жетон, полотенца, вышитые к юбилею 1911 г., и многое другое. Из административно-хозяйственного управления Академии получены: барометр, портреты первых президентов и обстановочные предметы из Оптического института — микроскоп и грегорианская астрономическая труба, и Гидро-метеорологического института — зажигательная линза и отражательное зеркало. Фармацевтический институт предоставил во временное пользование пробирные весы и модели аптекарской посуды. Кроме того, по распоряжению Совета Министров СССР от 14 мая 1948 г., разрешено Комитетам по делам искусств и по делам культурно-просветительных учреждений передать Музею М. В. Ломоносова предметы искусства и культуры, связанные с именем великого русского ученого. Таким образом Музею переданы из Государственного Эрмитажа ряд научных инструментов и приборов первой половины XVIII в.: воздушные насосы, гидравлический пресс, реторта, меха, солнечные часы, телескопы, зрительная труба, армиллярная сфера, медали, выбитые в честь Ломоносова, образцы смальт и пр. Из Русского музея получено два портрета Ломоносовской мозаичной мастерской. Из фондохранилища ленинградских парков Музею передана коллекция орловских телескопов. Из Государственного литературного музея в Москве получены бронзовые медали, выбитые к юбилею Московского университета, и книга «Риторика Николая Кауссани», принадлежавшая лично Ломоносову. Московский Государственный исторический музей передал Ломоносовскому музею аптекарскую посуду XVIII в., торговые весы, штофы, портреты потомков Ломоносова, портрет Ломоносова на кости, костяную модель памятника Ломоносову в Архангельске. Атлас российский 1745 г. и гравированные портреты современников Ломоносова. Часть экспонатов приобретена Музеем у коллекционеров и у частных лиц: мозаичный портрет «Александр Невский» работы Ломоносовской мастерской, армиллярные сферы, солнечные часы, барометр с термометром, несколько старинных портретов Ломоносова и его современников, серебряная тарелка и чайник, лично принадлежавшие Ломоносову, мебель и осветительные приборы первой половины XVIII в. Кроме того приобретены старинные гравюры с видами старой Москвы, Петербурга и его окрестностей и с изображениями Ломоносова и его современников. Удалось закупить значительное число книг: сочинений Ломоносова прижизненных (в том числе Волфганговскую экспериментальную физику 1746 г.) и посмертных, ряд книг XVIII в., в том числе арифметику Магницкого, грамматику Смотрицкого, а также книги о Ломоносове. По заказу Музея изготовлен в $1/10$ натуральной величины макет химической лаборатории с полным оборудованием, сделаны копии с живописных и скульптурных изображений Ломоносова.

Таким образом в сравнительно короткий срок было собрано достаточное количество экспонатов для того, чтобы Президиум Академии Наук СССР мог 5 января в 2 часа дня открыть январскую сессию заседанием за старинным круглым столом реконструированного конференц-зала середины XVIII в. Академики советского времени во главе с президентом академиком С. И. Вавиловым заняли те же места, которые академики первого призыва занимали около двухсот лет тому назад. Одно лишь место оставалось свободным — то, где на столе лежала табличка: «Здесь сидел М. В. Ломоносов».

В своем вступительном слове президент сказал¹: «В этом историческом здании, дорогом для каждого советского патриота, Президиум Академии Наук постановил развернуть при Институте этнографии Музей Ломоносова. В этом Музее должны быть собраны предметы, характеризующие жизнь и деятельность великого нашего соотчуженца. Предваряя начало работы сессии Общего Собрания, мы посвящаем сегодняшнее заседание Президиума открытию Ломоносовского музея. Во времена Ломоносова в этом круглом зале, за этим круглым столом могла бы поместиться вся Академия Наук XVIII века. Сейчас это, конечно, невозможно. Академия наша чрезвычайно выросла по числу своих членов, в соответствии с непрерывным огромным ростом советской науки. Открывая Ломоносовский музей в этом здании, освещенном для нас памятью личной работы Ломоносова, Академия Наук выполняет свой старинный долг перед памятью одного из самых замечательных людей нашего прошлого. Только в советское время, по истечении почти двух веков с тех пор, как жил и работал Ломоносов, перед нами начала раскрываться во всей полноте и разительности его научная работа.

Открываемый сегодня Музей Ломоносова должен послужить распространению в широких народных массах знаний о Ломоносове, о его науке. Вместе с тем этот Музей должен быть новым центром для углубленного изучения Ломоносова, для собирания предметов и документов, с ним связанных. Невнимание, небрежность царского правительства к памяти Ломоносова привели к крайнему распылению и даже уничтожению вещей и документов, связанных с его жизнью и деятельностью. Составление Музея оказалось нелегким делом, и Президиум Академии Наук вновь

¹ Помещаем выдержки из стенограммы.

и вновь обращается ко всем советским учреждениям и частным лицам с просьбой о содействии пополнению Ломоносовского музея.

Здание Кунсткамеры, видевшее Ломоносова и других академиков первого призыва, сохранившиеся подлинные предметы петровской Кунсткамеры и коллекций Ломоносовского музея должны навсегда остаться драгоценным памятником истории нашей культуры. Советский народ, вдохновляемый руководством партии во главе с

Рис. 1. Конференц-зал времен Ломоносова в здании Кунсткамеры

великим Сталиным, победоносно преодолевает все препятствия, стоящие на пути к коммунизму. Народ с благодарностью оглядывается на тех передовых людей своего прошлого, которые в тяжелых условиях этого прошлого неустанно растили и развивали нашу культуру.

Слава великому русскому ученому и поэту, первому русскому академику Михайле Васильевичу Ломоносову».

Акад. Н. С. Державин в своем слове ознакомил присутствующих с историей организации Музея Ломоносова, с порядком пополнения Музея экспонатами, с их характером и соответствием назначению Музея. Подбор экспонатов для вновь создаваемого музея является делом весьма сложным, трудным и ответственным, но задача эта выполнена успешно.

Директор института этнографии проф. С. П. Толстов в своем сообщении сказал: «Мне выпала высокая честь от лица коллектива Института и Музея антропологии и этнографии АН СССР приветствовать членов Президиума Академии в этих древних стенах, в том самом зале, за тем самым столом, где 200 лет назад М. В. Ломоно-

сов на конференциях Академии боролся за честь русской науки. Сегодня в этих стенах, где некогда трудился Ломоносов, открывается посвященный ему Музей. На Институте и Музее антропологии и этнографии, выпала честь активно участвовать в его создании. Это не случайно. Не только стенами Кунсткамеры связан наш Институт с Ломоносовской темой. Являясь старейшим учреждением Академии Наук, прямым наследником Петровской Кунсткамеры, имея в своем составе старейший музей на-

Рис. 2. Раздел экспозиции Музея — «Родина Ломоносова»

шей страны, Институт этнографии отметил в этом году 232 года своего существования. Институт и Музей антропологии и этнографии являются хранилищем славных реликвий истории русской науки. Музей Ломоносова занимает почетное и центральное место в его системе, рядом с анатомическими коллекциями, собранными Петром Первым, рядом с коллекциями великих сибирских экспедиций XVIII в., русских кругосветных путешественников XIX в., рядом с замечательными коллекциями русских исследователей северо-западной Америки, рядом с собраниями Миклухи-Маклая, имя которого с гордостью носит наш Институт. Поэтому, когда по инициативе президента — академика С. И. Вавилова на наш Институт была возложена задача создания Музея Ломоносова, мы восприняли это задание как высокую честь для нас, как задание, органически входящее, при всей его специфичности, в профиль нашего Музея, являющееся нашим кровным делом. Задача была сложной и трудной. Она потребовала напряжения сил всего коллектива Института и Музея, широкого привлече-

внеинститутских специалистов, но все же основы Музея заложены. Славные страницы истории русской науки через музейный показ — самый массовый вид научного просвещения — станут достоянием широких масс города и всего Союза.

Я считаю своим приятным долгом отметить с глубокой признательностью ту повседневную помощь, которую оказывал нам в нашей работе инициатор создания Ломоносовского Музея — С. И. Вавилов, входивший во все детали нашей работы. Ему мы обязаны преодолением многочисленных трудностей, стоявших на нашем пути.

Рис. 3. Фарфоровый чайник, принадлежавший лично Ломоносову

То, что сделано — только основы будущего Музея Ломоносова. Освоение помещений вновь отстроенной башни, которая намного расширит площадь Музея, мобилизация новых коллекций, научная разработка наследия Ломоносова в различных, еще недостаточно освещенных в экспозиции областях его деятельности — такова обширная программа предстоящих работ. Но в условиях того внимания, которым наше дело окружено со стороны руководства Академии, мы не сомневаемся, что работа наша будет успешно доведена до конца».

В заключение доклад о Музее М. В. Ломоносова сделал Заведующий Музеем, автор настоящей заметки. В докладе было отмечено, что уже давно назрела мысль о необходимости увековечить имя великого русского ученого созданием музея, посвященного его жизни и деятельности. Царская Россия поставила Ломоносову лишь памятник в Архангельске, да бюсты в Петербурге и в Москве перед зданиями университета. Чрезвычайно скромный музей был организован на родине Ломоносова, на том месте, где был когда-то дом его отца; но музей этот настолько незначителен, что не может считаться мемориальным, так как там не сохранилось ни здания,

ни каких-либо предметов, относящихся к жизни Ломоносова. К двухсотлетию со дня рождения Ломоносова Академия Наук обратилась к Петербургской городской управе с просьбой выделить участок для постройки на нем Института им. Ломоносова, но у городской управы такого участка не нашлось, и Ломоносовский институт не был создан. Устроенная в 1911 г. выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» собрала довольно много экспонатов, характеризующих жизнь и деятельность Ломоносова, однако после закрытия выставки никто не позаботился сохранить экспонаты и создать Музей Ломоносова.

Только в советское время, когда имя Ломоносова становится знаменем русской науки, его научное наследие всесторонне изучается. Имя Ломоносова стало известно широким кругам советского народа, как основоположника великой русской культуры. Экспозиция Музея состоит из следующих разделов:

I. Вводный отдел: коллекции Петровской Кунсткамеры и основание Академии Наук.

II. Музей М. В. Ломоносова: 1) Родина Ломоносова; 2) Годы его учения; 3) Ломоносов и Академия Наук; 4) Конференц-зал середины XVIII в.; 5) Химия и химическая лаборатория; 6) Мозаичные работы; 7) Геология и минералогия; 8) Атмосферное электричество; 9) Электричество; 10) Оптика; 11) Мореходная астрономия; 12) Астрофизика; 13) География; 14) История; 15) Поэзия; 16) Риторика; 17) Грамматика; 18) Образ Ломоносова в современном искусстве; 19) Ломоносов современность.

III. Выставка трудов Ломоносова и основной литературы, посвященной ему. Приведем некоторые из нескольких десятков записей, внесенных в книгу поздравлений участниками январской сессии Академии Наук СССР.

«Огромное впечатление произвела на нас Ломоносовская выставка. С большим благоговением осмотрел зал заседаний и все вещи Ломоносова»
Акад. К. Быков. 6 января 1949 г.

«Ломоносов — наша Академия, и хочется, чтобы то, что мы видели здесь, развивалось и множилось».

Действ. член Академии Наук СССР В. Терновский.

«С чувством большого удовлетворения и с исключительным интересом осмотрел Ломоносовский музей. Кроме уникальных исторических экспонатов, большое внимание привлекает результат творческой работы Музея над созданием обстановки работы Ломоносова. Особенно хорош макет лаборатории. Хорошо было бы развить отдел «Ломоносов — основоположник научных основ металлургии и горного дела». В этот Музей хочется приходить часто, чтобы черпать новые мысли и вдохновение вблизи истоков отечественной науки и русского естественного-научного материализма».

7 января 1949 г. Член-корреспондент АН СССР И. Плассин

«Мысль организовать в Кунсткамере Ломоносовский Музей надо считать счастливейшей. Этот Музей будет иметь исключительное значение для истории русской науки и культуры».

8 января 1949 г. Акад. Л. Шевяков

«Музей чрезвычайно ярко отражает все многообразие замечательной научной деятельности Ломоносова и является прекрасным образцом музея истории науки».

8 января 1949 г. Акад. Григорьев

«Музей оставил большое впечатление и переносит посетителей в эпоху создания М. В. Ломоносовым основных законов естествознания. В Музее подобраны разнообразные образцы научных приборов, с которыми работал М. В. Ломоносов. Особый интерес представляет модель химической лаборатории, выполненной с большой любовью и знанием дела. Пользуемся случаем, чтобы выразить глубокую признательность сотрудникам музея за показ и объяснения».

Акад. Б. Казанский

Действит. член Акад. Наук УССР Член-корр. Акад. Наук СССР
П. Будников

8 января 1949 г.»

«11/1 — 1949. Уже сегодня сведения об открытии мемориального Музея М. В. Ломоносова дошли до всей страны, и я специально приехал, чтобы своими глазами увидеть предметы, которых касалась рука Ломоносова, да еще на том самом месте, где он работал два столетия назад. Восстановленная и возведенная Кунсткамерой башня дополняет общее глубокое впечатление у старейших посетителей».

петербуржцев, как я, которые десятки лет не могли увидеть то, что Советская Академия Наук восстановила в течение двух лет, да еще после нападения фашистских варваров! Самое дорогое в этой восстановленной лаборатории, которая изображена в макете,— это история творческой мысли самого Ломоносова, которая зажгла огни экспериментальной науки. Честь и слава работникам Академии и Музея М. В. Ломоносова.

Заслуженный деятель науки РСФСР проф. Ю. Фролов. Доктор медицинских наук.

К открытию Музея издан Краткий путеводитель.

Р. Каплан-Ингель

СЕССИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДОВ КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАН

2—4 февраля в Ленинграде проходила сессия Института этнографии АН СССР, посвященная изучению современного положения народов колониальных и зависимых стран. Сессия привлекла к себе внимание научных кругов и общественности Ленинграда и Москвы. В ее работе приняли участие научные сотрудники Ин-та востоковедения, Ин-та языка и мышления, Тихоокеанского ин-та, преподаватели, аспиранты и студенты Ленинградского университета, работники Русского музея и другие.

Сессию открыл директор Института этнографии проф. С. П. Толстов, указавший на серьезнейшие задачи, стоящие перед этнографами, изучающими народы колониальных и зависимых стран. Мы всегда должны помнить о том, подчеркнул С. П. Толстов, что Ленин и Сталин рассматривают народы колоний и полуколоний как резерв революции; поэтому разработка проблем, связанных с современным положением этих народов, является важнейшей задачей советских этнографов. Настоящая сессия должна повернуть внимание этнографов, занимающихся народами колониальных и зависимых стран, к вопросам жизни и быта этих народов в условиях все усиливающегося империалистического гнета, к вопросам растущего национально-освободительного движения.

С руководящим докладом на тему «Обострение кризиса колониальной системы империализма и задачи советской этнографии» выступил И. И. Потехин (Ин-т этнографии). Колониальная система империализма, сказал он, переживает глубокий и непреодолимый кризис. Открытая вооруженная борьба против империалистического господства за независимость идет в Индонезии, Индокитае, Бирме, Малайе, Южной Корее. Подходит к концу великая освободительная война китайского народа. Созданы независимые демократические республики Вьетнам и Северная Корея. Англия была вынуждена пойти на предоставление формальной независимости Индии, Бирме, Цейлону. Колониальные империи содрогаются под мощным напором национально-освободительного движения. Национальная буржуазия колоний и зависимых стран сделала еще шаг в сторону сближения с империализмом. Крупная буржуазия наиболее развитых колоний стала на путь прямой измены национальным интересам. Ввиду этого в авангард национально-освободительного движения выдвигается рабочий класс, что ведет к повышению роли коммунистических партий. Во многих колониях и зависимых странах коммунистические партии уже теперь являются организаторами и руководителями национальных демократических сил. «Народы колоний не желают больше жить по-старому. Господствующие классы метрополий не могут больше по-старому управлять колониями¹, указывал товарищ Жданов. Господствующие классы метрополий усиленно маневрируют, изобретают новые формы управления колониями, но эти новые формы на деле оказываются лишь камуфляжем. Господствующие классы метрополий развернули широкое идеологическое наступление, имеющее целью оправдать господство империалистов в колониях, «теоретически обосновать» их политические маневры, ослабить волю колониальных народов к борьбе за независимость. Давно уже разоблачена гнусная, оскорбляющая человеческое достоинство теория «высших» и «нижших» рас, послужившая знаменем фашистской агрессии. Однако за неимением более веских аргументов империалисты все еще на разные лады перепевают эту старую песню. Американская этнография настойчиво развивает теперь «новую», так называемую психологическую теорию расизма. Пропагандисты империализма продолжают утверждать, что народы колоний все еще находятся на стадии первобытности и своими собственными силами не могут выбраться из этого состояния, что они,

¹ А. Жданов, О международном положении, «Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года», ОГИЗ, 1948, стр. 17.

следовательно, нуждаются в империалистической «опеке». В колониях, где еще сохранилась родоплеменная организация, колониальные власти передают часть административных прав родоплеменной аристократии, укрепляют ее социальное положение как своей надежной опоры и выдают это за самоуправление, за «самобытную демократию». Империалисты намеренно преувеличивают племенную раздробленность населения колоний и утверждают, что в колониях нет народов, наций, которым можно было бы предоставить независимость, что с уходом империалистов из колоний в них начнется хаос, начнутся межплеменные конфликты и войны.

Обязанность всех людей науки, советских этнографов в частности, дать ответ этому потоку лжи и демагогии, восстановить истину. Советские этнографы должны показать, что народы колоний задержались в своем развитии не вследствие каких-л. расовых особенностей, а вследствие империалистического угнетения, что эти народы вовсе не являются первобытными и не нуждаются в «опекунах». Советские этнографы должны дать правдивую картину этнического состава населения колоний, показать, что за кажущейся множественностью племен скрываются более крупные этнические образования — группы родственных племен, что в колониальных странах уже сложились народности, превращение которых в нации задерживается империалистическим господством. Советские этнографы должны разоблачить демагогический трюк с «самобытной демократией», показать, что родоплеменная верхушка превратилась в эксплуататоров своего народа, в социальную опору империализма, что расширение административных прав не имеет ничего общего с демократией и самоуправлением народа.

Советские этнографы много сделали для разоблачения реакционной сущности расовых теорий. Разоблачая расистскую теорию германского фашизма в годы второй мировой войны, они внесли свой вклад в дело борьбы против темных сил реакции. Но нельзя на этом успокаиваться. Враг перешел на новые позиции. Американские этнографы-психорасисты пытаются доказать, что у колониальных народов, как у многих других, не принадлежащих к англо-саксонской расе, «несовершенный психологический профиль», что изменить этот профиль своими силами они не могут, что они должны обратиться за помощью к Соединенным Штатам, включиться в «план Маршалла», «маршаллизироваться». Докладчик призвал советских этнографов продолжать борьбу с расистами, преследовать врага и бить его на его новых позициях, стать боевым отрядом антиимпериалистического лагеря, активным участником его борьбы.

В обсуждении доклада приняли участие проф. Д. А. Ольдерогге, С. Р. Смирнов, М. К. Кудрявцев, проф. А. А. Губер, Н. А. Бутинцов, Е. В. Таланова, — указавшие на актуальность поднятых в докладе вопросов. А. А. Губер подчеркнул, что историки колониальных и зависимых стран остро ощущают отсутствие специальных этнографических работ, посвященных характеристике современного положения народов колоний. Для ясного изображения национально-освободительной борьбы необходима совместная работа историков и этнографов.

Далее на сессии были заслушаны доклады, посвященные современному положению народов различных колониальных и зависимых стран. С докладом на тему «Современное положение индейцев США» выступила И. А. Золотаревская (Ин-т этнографии), выявившая безотрадную картину жизни индейцев в условиях резервации. За время колонизации большинство индейцев было истреблено. Остатки упорно сопротивлявшихся порабощению индейцев были загнаны в резервации, где они влачат жалкое, полуголодное существование. Докладчик привел цифровые данные о ходе обезземеливания индейцев, в результате которого большая часть их превратилась в безземельных батраков, работающих у зажиточных белых фермеров. 60% земли, отведенной под резервации, было отнято до войны; в годы войны дополнительно отрезали еще часть индейских земель, якобы на военные нужды. Индейцы платят значительно более высокие налоги, чем «белое» население. Около 75 тысяч индейцев принимали участие во второй мировой войне, из них 40 тысяч находились в действующих войсках, а 35 тысяч работали на военных заводах. В настоящее время правительственные круги США обеспокоены возвращением демобилизованных в резервации, боясь нового взрыва борьбы против расовой дискриминации.

Большинство индейцев лишено избирательных прав под тем предлогом, что они находятся под «опекой» правительства США или не являются налогоплательщиками и т. п. Юрисдикции индейских судов подлежат дела только одних индейцев. Ежегодно большое число индейцев умирает от туберкулеза, так как им почти не оказывается медицинской помощи; чрезвычайно распространены бытовые болезни, в частности трахома. Образование находится в руках католической церкви, полностью подчинившей большую часть индейских школ.

Среди многих племен североамериканских индейцев до прихода европейцев начался процесс их слияния в более крупные народности. Процесс этот был прерван колонизаторами. В настоящее время правительство США всеми мерами старается законсервировать отсталость индейцев, помешать развитию среди них демократического движения, изолировать их от прогрессивных сил Америки.

Еще более тяжелая картина истребления угнетенных народов Южной Америки была представлена в докладе Н. Г. Шпринцин «Положение негров и индейцев Бразилии». Хотя Н. Г. Шпринцин построила свой доклад в основном на материалах

русских экспедиций 1821—1929 гг. (экспедиция Лангсдорфа) и 1914—1915 гг. (экспедиция Манизера), все же большое место в докладе заняла характеристика современного положения негров и индейцев Бразилии. В результате открытия Бразилии и захвата португальцами прибрежной полосы индейцы-аборигены были почти полностью истреблены. Развитие плантационного хозяйства требовало рабочей силы, поэтому из португальских владений в Африке в Бразилию было ввезено большое число негров-рабов. Захват внутренних областей Бразилии повлек за собой дальнейшее обезземеливание индейцев и их порабощение. Истребление индейского населения в течение более чем 400 лет привело к полному исчезновению племен. Современная буржуазная этнографическая литература лицемерно отрицает наличие расовой дискриминации по отношению к индейцам и неграм в латино-американских странах, что опровергается многочисленными фактами и, в частности, материалами, собранными участниками русских экспедиций.

Выступившая с докладом на тему «Индонезийский народ и его борьба за независимость» Л. Э. Каруновская подняла ряд вопросов, которые, однако, полностью не разрешила. Вопреки ложным утверждениям буржуазных ученых о необычайной пестроте населения Индонезии в расовом и этническом отношении, сказала Л. Э. Каруновская, антропологические, лингвистические и этнографические данные показывают, что индонезийский народ состоит из нескольких, численно очень больших малайских народностей и племен, близко родственных по языку, выявляющих глубокое единство в физическом отношении и большое сходство в культуре. Л. Э. Каруновская показала ход захвата колонизаторами земель, начиная с периода деятельности Ост-Индской компании по сегодняшний день, слегка коснувшись национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны и после японской оккупации островов.

Выступивший в прениях проф. С. А. Токарев, отметив интерес, который представляет данный доклад, вместе с тем выразил сожаление, что не услышал ответа на главный интересующий всех вопрос: до какой степени дошел процесс консолидации наций в Индонезии, в частности, как отразился этот процесс на развитии национального самосознания. Подробно остановился на вопросах национально-освободительного движения в Индонезии проф. А. А. Губер, показавший классовый состав современной Индонезии и вскрывший причины поражения Индонезийской республики. А. А. Губер не согласился с утверждением Л. Э. Каруновской о том, что индонезийский народ уже сложился. По мнению проф. Губера, единого индонезийского народа пока еще нет; в Индонезии идет процесс образования нескольких наций — мадурцев, сунданцев, яванцев.

С докладом о восстании гереро и готтентотов юго-западной Африки в 1904—1908 гг. выступил В. Я. Голант. Докладчик показал, что, несмотря на резкое обострение англо-германских противоречий в 1904—1908 гг., германский и британский империализм выступал, по существу, единым фронтом против национально-освободительного движения в юго-западной Африке и Камеруне. Выступивший в прениях И. И. Потехин отметил, что заслушанный доклад показывает, как английский капитал помог германскому подавить восстание угнетенных народов Южной Африки, и разоблачает издавна существующее ложное противопоставление метода немецкого железного кулака методу английского «мягкого» обращения. Однако В. Я. Голант неправильно применяет название «негр», от которого отказалась даже буржуазная литература. Существует негроидная раса, но и она не однородна. Ни в лингвистическом, ни в антропологическом отношении народы негроидной расы не представляют единства. Африканские народы считают название негр оскорбительным, так как оно означает «черный», «темный», а черный цвет кожи превращен империалистами в признак «низшей» расы.

Интересные прения были вызваны докладом Г. Г. Стратановича «Экономика демократического Китая в послевоенные (1945—1948) годы и его ближайшие задачи». Докладчик, слегка затронув вопросы экономики областей Шэньси — Ганьсу — Нинся до создания особого района, подробно остановился на характеристике быта и жизни китайцев, проживающих в районах демократического Китая. Необходимо было в первую очередь разрешить аграрную проблему; была проведена полная конфискация помещичьих земель, скота и орудий труда. Первоначально политика демократического правительства опиралась на поддержку лишь более сознательной части трудящегося населения; доверие более широких масс пришлось завоевывать с большими трудностями, так как реакционные круги, использовавшие религиозные традиции, оказывали сильное противодействие. Были созданы низовые советы. Около 25% крестьян было объединено в трудовые бригады. Был нормирован рабочий день. Налоги были снижены по сравнению с другими районами Китая в среднем в 22 раза. С 1942—1944 гг. в демократическом Китае наблюдается непрерывный рост материального благосостояния трудящихся. Введено минимальное обязательное обучение и организованы политические школы. Новое законодательство внесло существенные изменения в быт женщин; они получили право на развод, вдовам было разрешено выходить замуж по собственному желанию. Все это служило примером для других районов Китая. С начала японской агрессии китайская Красная армия под руководством коммунистической партии подняла национально-освободительную борьбу. Было заключено временное соглашение с Гоминданом; однако после окончания второй мировой войны Гоминдан предательски нарушил это соглашение. Реакционнейшие силы Китая —

правые гоминдановцы пошли на открытую измену интересам своей родины и заключили союз с американскими империалистами. На борьбу против предателей родины поднялись все прогрессивные силы Китая под руководством коммунистической партии. Два года продолжались ожесточенные бои. Время освобождения всего Китая уже недалеко. Расцветающий независимый демократический Китай ярко противопоставляется, как в заключение отметил докладчик, колониальному, пораженному гоминдановскому Китаю.

Выступивший в прениях Н. В. Кюнер отметил отсутствие в докладе характеристики национальной политики в демократическом Китае. С. М. Абрамзон остановился на вопросе о национальных меньшинствах Китая, в частности на положении киргизов в Синьцзяне. Киргизы помогли китайцам в их национально-демократическом движении в Синьцзяне в 1939 г. Когда после окончания второй мировой войны в Синьцзяне были введены гоминдановские войска, среди киргизов широко развернулось партизанское движение. Но борьба была неравной, многие киргизы погибли. Однако недалеко тот день, когда мощное демократическое движение в Китае докатится и до Синьцзяна.

С докладом на тему «Литература и фольклор на языке суахили» выступил И. П. Строганов (Восточный факультет Ленинградского ун-та). Суахили — одна из основных народностей Восточной Африки; язык суахили по своей распространенности (8 млн. чел.) стоит на третьем месте среди языков Африки. Первые исторические хроники, эпические поэмы на языке суахили относятся к XII. Большой интерес представляют исторические хроники и поэмы, знакомящие читателей с историей восточного побережья времен арабской колонизации и с отдельными моментами национального движения народов Восточной Африки против европейской колонизаторов. В качестве примера И. П. Строганов прочла поэму о восстании «маджи-маджи». Фольклорные материалы суахили вскрывают различные стороны их социальных отношений и дополняют наши сведения о предшествующих этапах развития. Но литература суахили в противоположность литературе народов Южной Африки (зулу, коса, сото) пока еще ограничивается отдельными фольклорными сборниками и газетными статьями.

Т. Л. Тютрюмова выступила с небольшим сообщением об амхарской литературе народов Эфиопии и привела ряд интересных пословиц на языке амхара.

Доклад на тему «Хамитская проблема в африканистике» был сделан проф. Д. А. Ольдерогге. Докладчик показал расистские корни хамитской теории: в истории африканских народов хамитам приписывается цивилизаторская роль; хамиты якобы образовали в Восточной Африке государства, ввели скотоводство и другие элементы культуры. Хамиты, по выражению некоторых буржуазных этнографов, «разбудили негров». Антропологи, преимущественно итальянские, английские и германские, пытались доказать наличие «хамитского типа». Хамитская теория была выдвинута в первую очередь языковедами — сперва Лепснусом, затем Карлом Мейнхофом — истинным создателем этой теории. Однако единственным основанием для признания существования общего хамитского языка было наличие в берберских, египетско-коптских, кушитских языках и языке фуль грамматического рода — признак чисто формальный. Проф. Ольдерогге чрезвычайно убедительно показал несостоятельность хамитской теории и привел многочисленные лингвистические, антропологические и этнографические примеры в доказательство того, что ни хамитских языков, ни носителей-хамитов не существует. При этом проф. Ольдерогге развил разработанную им новую лингвистическую классификацию Африки.

Выступивший в прениях проф. Каценельсон (Ин-т языка и мышления) присоединился к мнению проф. Ольдерогге в вопросе о хамитских языках. И. И. Потехин и Е. В. Таланова указали, что лингвистические исследования проф. Ольдерогге имеют очень большое значение, так как они до конца развивают хамитскую теорию, которая «лежала тяжелым грузом на советских африканистах», как заметил И. И. Потехин. Проф. С. П. Толстов, указав на значение доклада Д. А. Ольдерогге, подчеркнул, что перед лингвистами-африканистами стоят в первую очередь две задачи: во-первых, необходимо продолжать исследование связи между банту, суданскими и прочими языками Африки; во-вторых, надо пересмотреть старые принципы лингвистической классификации, для чего потребуются совместная работа лингвистов, историков и этнографов.

Проф. С. А. Токарев выступил с докладом, посвященным проблемам изучения современного положения народов Австралии и Океании. Докладчик отметил трудности, встающие перед исследователем в связи с крайним недостатком источников, причем даже имеющиеся источники нередко оказываются недоброкачественными. Буржуазные исследователи и миссионеры — идеологи империализма стремятся прикрасить современное положение народов Австралии и Океании; но их заявления о «росте благосостояния» этих народов насквозь лживы и имеют целью замаскировать истинное положение туземцев. Все же докладчику удалось выявить правдивую картину бедственного положения даже таких «привилегированных» колониальных народов, как маорийцы Новой Зеландии, не говоря уже об австралийцах, наполовину истребленных и вымирающих. С. А. Токарев подробно остановился на характеристике изменения экономической основы жизни туземцев в условиях подчинения капиталистической системе. В Австралии полностью разрушена основа туземного хозяйства; в Меланезии растет подчинение туземной экономики колониальному капиталу (хищническая скупка копры, трепанга и др., принудительный труд на плантациях).

в Полинезии туземное хозяйство полностью подчинено капиталистическому рынку. Вместе с тем создаются национальный пролетариат и национальная буржуазия. В Океании складываются сложнейшие социальные отношения, где родовые пережитки переплетаются с элементами феодально-крепостнической зависимости и с космопраторско-капиталистическими формами. В Океании имеет место прикрываемая империалистами расовая дискриминация. Чрезвычайно вредное влияние, особенно в новейшее время, оказывают миссионеры.

Значительное место в современном составе населения занимают иммигранты из стран Азии: индийцы, японцы и филиппинцы, ввозившиеся в качестве рабочей силы. Развитию национально-освободительного движения мешает разобщенность населения, связанная с островным положением Океании. Вместе с тем в отдельных местах Океании появляются первые ростки борьбы за независимость (Новая Каледония, Самоа и др.). Среди маорийцев наблюдаются далеко продвинувшийся процесс этнической консолидации. В заключение проф. Токарев остановился на необходимости острой критики фальсифицированной империалистической и миссионерско-поповской литературы, что неотделимо от задачи изучения современного положения народов Океании и Австралии.

На заключительном заседании сессии были заслушаны доклады Е. В. Талановой и Н. А. Бутинова. Е. В. Таланова, выступившая с докладом на тему «Аграрная политика британского империализма в Буганде», показала, как эта политика привела к появлению крупных земельных владений и к обнищанию свободных общинников — батака. 230 семейств владеют в Буганде $\frac{3}{4}$ всей земли. Буганда — африканское государство, превращенное Англией в одну из провинций протектората Уганда. В современной Буганде постепенно складывается пролетариат; это — рабочие хлопкоочистительных и сахарных заводов, плантаций, автотранспорта и портовых. Большой процент в населении Буганды составляют безземельные батраки. Бастующие баганда выставляли ряд экономических и политических требований: повышения заработной платы, прекращения продажи земли европейцам и т. д. Прокламации призывали к борьбе против туземной знати и британского империализма.

Выступивший в прениях И. И. Потехин уделил большое внимание вопросу расстановки классовых сил в национально-освободительном движении в Африке. События 1945 г. в Уганде, как и в других африканских колониях, показывают, что туземное общество раскололось на два лагеря: демократический и реакционный. Туземные помещики, эмиры и султаны, вожди крупных племен уже стоворились с империализмом и отошли от национально-освободительного движения. Но в отличие от таких колоний, как Индия или Индонезия, туземная буржуазия, еще немногочисленная и экономически слабая, находится в демократическом лагере и вместе со всем народом продолжает борьбу за независимость (это, однако, не распространяется на Египет и североафриканские колонии). Рабочий класс, хотя и довольно многочисленный, еще не играет руководящей роли в национально-освободительном движении, но показывает всем трудящимся примеры организованности и сплоченности.

Острой критике современной американской этнографии был посвящен доклад Н. А. Бутинова. Докладчик показал реакционные, расистские взгляды современных американских этнографов, оправдывающих дискриминацию негров в США и прославляющих пресловутый «американский образ жизни». Американская этнография затушевывает наиболее отвратительные стороны этого «американского образа жизни» и пытается теоретически обосновать экспансионистскую политику США. Американский империализм засылает этнографов в качестве разведчиков к свободолюбивым народам, заставляет клеветать на эти народы, приписывая им неспособность к самоуправлению и пр. На ведущее место выходят в настоящее время в США этнографы, связывающие свою теоретическую деятельность с идеями Шпенглера (Рут Бенедикт), Фрейда (Карднер) и откровенно или в завуалированной форме пропагандирующие расистские взгляды.

С заключительным словом выступил директор Института этнографии проф. С. П. Толстов, подведший итоги работы сессии. На сессии, отметил он, были заслушаны разнообразные по тематике доклады, посвященные различным народам колониальных и зависимых стран; к сожалению, не было докладов по Западной Азии и Индии. Институт оказался в состоянии за короткий срок поставить ряд новых вопросов. Однако прения показали, что доклады, подняв интересный материал, не все были в должном направлении разработаны. Все же, если работа будет так же успешно продолжаться (в обеспечение чего руководством Ин-та будут проведены нужные мероприятия), то можно рассчитывать, что советские этнографы справятся со стоящими перед ними важными задачами в области изучения колониальных и зависимых народов.

Участники сессии покинули ее с большим удовлетворением, рассматривая эту сессию как значительный поворот к изучению современного положения народов колониальных и зависимых стран.

М. Райт

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА И. И. ПОТЕХИНА «ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ЭТНОГРАФИИ»

22—23 марта 1949 г. на заседании Ученого Совета Института этнографии был заслушан и обсужден доклад старш. научн. сотрудника института И. И. Потехина «Задачи борьбы с буржуазным космополитизмом в этнографии»¹. Доклад вызвал большой интерес и активное участие присутствующих в его обсуждении.

Открывая заседание, директор Института проф. С. П. Толстов напомнил, что реакционная идея космополитизма является в наши дни ядовитым идеологическим оружием поджигателей новой мировой войны — американских экспансионистов — в их борьбе за мировое господство. Под флагом космополитизма пропагандируется идея единой западной культуры, противопоставляемой культуре «восточного варварства», под которым подразумеваются наша страна и страны народной демократии. Под прикрытием космополитических идей ведется замаскированная пропаганда американской «сверх-нации» — нового издания идеи «высшей расы», под знаменем которой гитлеровцы предприняли свою кровавую и бесславную попытку захватить мировое господство. Естественно поэтому чувство глубокого возмущения, охватившее советских ученых при известии о том, что в нашей стране разоблачена антипатриотическая группа театральных критиков — группа лиц, принявших на себя гнусные обязанности идеологических агентов современной реакции. Перед советскими учеными всех участков идеологического фронта, в том числе и перед представителями этнографической и антропологической науки, стоит задача беспощадной борьбы против проявлений буржуазного космополитизма, какую бы форму он ни принимал и из какого бы источника он ни исходил, задача упорного разоблачения его подлинной сущности, а вместе с тем — вскрытия тех ошибок, а иногда и систем ошибок, которые имеют место у некоторых представителей советской науки. Наряду с этим мы должны разоблачать те проявления низкопоклонства перед буржуазными авторитетами, те тенденции принижения русской, и особенно советской, науки, которые еще не вскрыты нашей критикой, и наметить программу борьбы за восстановление приоритета нашей науки в области разработки этнографических и антропологических проблем.

В развернувшихся по докладу И. И. Потехина прениях Н. Н. Чебоксаров остановился на связи космополитизма с расизмом. В основе расистских построений, сказал он, всегда лежит ложная идея о том, что существует какая-то «высшая» раса, «высшая» группа людей, которая по самой своей природе, по своим биологическим особенностям предназначена для господства над всем человечеством и которая одна только и создает все культурные ценности, где бы они ни проявлялись. Показав историческое развитие и классовую сущность этой космополитической расистской идеи, начиная с учения ее основоположника графа Гобино и до «теорий» идеологов германского фашизма Г. Гюнтера и других, Н. Н. Чебоксаров заострил внимание на современных англо-американских расистских построениях, представляющих собой перепев той же идейки о всемирном господстве «великой» северной расы, носителями которой объявляются теперь североамериканцы, якобы сохранившие в наибольшей чистоте отборные элементы этой расы². От влияния порочных космополитических идей несвободны и некоторые советские исследователи, сказал далее Н. Н. Чебоксаров. В качестве примеров он привел некоторые из работ, доложенных на финноугорской конференции в Ленинграде и опубликованных в сборнике «Советское финноугроведение», т. I, 1948 г. В этом сборнике помещен доклад Д. К. Зеленина «Общие элементы в древних финских и русских костюмах», в котором автор сводит существующие между финноугорскими народами и русским народом культурные связи к заимствованиям теми и другими общих элементов культуры от Западной Европы. Это не только не нашло отпора со стороны участников конференции, но и самый доклад попал в число ее «избранных работ», опубликованных в упомянутом сборнике. На той же конференции были заслушаны и другие доклады, также страдающие космополитическими ошибками, переоценкой значения заимствований, вытекающей из непонимания реакционной сущности космополитических построений, из некритического применения формально-сравнительного метода³. Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости беспощадной борьбы с проявлениями космополитических извращений в работах советских этнографов и антропологов, о необходимости развертывания острой принципиальной критики работ зарубежных авторов, которые в огромном большинстве случаев формалистичны по методу, реакционны по содержанию, проникнуты космополитическими и расистскими идеями. Вместе с тем мы должны развернуть борьбу за приоритет русской науки, в частности заняться серьезной разработкой наследия великих русских революционных демократов — Чернышевского и других — в области антропологии и этнографии. В заключение Н. Н. Чебоксаров остановился на вопросе о границах и условиях применения сравнительного метода в этнографии.

¹ См. настоящий номер журнала, стр. 7—26.

² Подробнее см. М. Г. Левин, Я. Я. Роганский, Н. Н. Чебоксаров, *Англо-американский расизм, «Советская этнография», 1949, № 1.*

³ Подробнее см. статью Н. Н. Чебоксарова «Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов» в настоящем номере нашего журнала.

Сравнения, сопоставления, выделение общих культурных явлений у разных народов, в особенности у народов, исторически связанных, совершенно необходимо. Но, применяя сравнительный метод, мы всегда должны помнить, что, если общие культурные явления изучаются вне связи со всей жизнью народа, то сравнения очень легко переходят в формалистический компаративизм, который в конечном счете всегда ведет к космополитизму.

М. О. Косвен привел в развитие положений докладчика несколько фактов, свидетельствующих о современном состоянии буржуазной этнографии — об отказе от конкретной этнографии и повышенном интересе американских этнографов в отношении тех народов, которые американский империализм стремится включить в сферу своего влияния. Обращаясь к вопросу об изучении истории русской этнографии как одной из важнейших задач советских ученых, М. О. Косвен указал на неисчерпаемое богатство, доставшееся нам в наследство от русской этнографической науки. В качестве примера М. О. Косвен привел русскую литературу о свадьбе у восточнославянских народов, представляющую собой богатейшее собрание, совершенно несоизмеримое с зарубежной литературой на подобные темы. В заключение М. О. Косвен остановился на ближайших задачах советской этнографии, в числе которых он назвал: 1) изучение истории русской этнографии, 2) разработку теоретических проблем, должствующих доказать приоритет и идеологическое превосходство советской этнографической науки, вооруженной великим методом марксистско-ленинско-сталинского исследования, и 3) задачу активной, воинственной, беспощадной борьбы с враждебными нам теориями в области этнографии.

В. К. Соколова привела примеры, указывающие на проявления буржуазного космополитизма в советской фольклористике. Буржуазные фольклористы доказывают наличие международных «бродячих мотивов», «сюжетных схем», переходящих от народа к народу во всем мире; они отрицают национальную специфику народной поэзии, способность трудового народа к поэтическому творчеству. У нас теоретической базой космополитических изысканий служили теории Веселовского, реакционная сущность которых в настоящее время достаточно разоблачена; однако некоторые работы, вышедшие уже в 1947—1948 гг., еще не свободны от этих влияний. Таковы, например, работа проф. Проппа о волшебной сказке и работа В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова об узбекском героическом эпосе, представляющие собой яркие образцы исследования народного творчества с враждебных нам позиций буржуазного космополитизма. В связи с приближением 150-летия со дня рождения великого русского национального поэта А. С. Пушкина, сказала далее В. К. Соколова, перед советскими фольклористами стоит задача раскрыть в полной мере тот интерес, который проявлял Пушкин к народному творчеству, выявить его гениальные высказывания в области фольклористики. Буржуазные космополиты отрицали национальный характер сказок Пушкина, изыскивали их западноевропейские или мировые источники, вопреки фактам утверждая, что Пушкин заимствовал свои сказки у братьев Гримм, у Ирвинга и т. д. Наша задача дать достойный отпор этим космополитическим бредням, показать подлинный национальный характер пушкинских сказок, раскрыть идейный смысл и всю художественную прелесть пушкинских образов.

Выступление проф. Богатырева не удовлетворило Ученый Совет. Он не сумел дать развернутой критики своих прежних ошибок, попрежнему считая, что единственнейшим недостатком его работ является злоупотребление термином «функция», и сводя, таким образом, идейную связь его «функционально-структурального метода» с «функциональной школой» современной реакционной зарубежной этнографии к вопросу терминах.

Б. И. Богомолов посвятил свое выступление вопросам историографии фольклористики, отметив, что в разработке этих вопросов наблюдается непростительное отставание. Нередко еще наши исследователи подходят к новым проблемам и материалам с устаревшими теориями и методологией; в учебных курсах и программах еще охраняется старая схема, в соответствии с которой история русской фольклористики реподавалась как единая линия академической школы, по существу своему реакционной, а линия революционно-демократической, являющаяся основной в развитии нашей отечественной науки, игнорировалась. Эта концепция либерально-буржуазных историографов, которая до сих пор еще не преодолена, насквозь пропитана космополитизмом. Самое возникновение русской фольклористики трактовалось либерально-буржуазными авторами как следствие проникновения в Россию сравнительного метода Римма. Вся деятельность Белинского и других занимавшихся исследованием народного творчества отбрасывалась как якобы ненаучная. Белинский и другие революционные демократы, внесшие огромный вклад в русскую фольклористику, игнорировались, в истории нашей науки выбрасывалось как раз то, что составляло ее ценность.

Между тем для революционных демократов в их работах по народному творчеству всегда была характерна борьба против космополитизма. Белинский рассматривал народную поэзию как явление глубоко национальное, присущее данному народу, противопоставляя эту точку зрения взглядам представителей официальной идеологии и полуофициального лагеря славянофилов, которые пытались стереть национальное своеобразие русского народного творчества. Уже тогда в реакционной науке зарождался тот компаративизм, который позднее стал в ней господствующим методом. Задача советских фольклористов, ведя непримиримую борьбу против буржуазного космополитизма,

создать подлинно научную историографию русской фольклористики, выявив огромную роль революционно-демократической линии ее развития.

Б. И. Шаревская привела примеры, подтверждающие тот факт, что в американской этнографии идеи космополитизма используются для утверждения мирового господства американских монополистов. В этих целях американская культура выдается за высшее достижение, которому должны следовать все другие народы. Так, например, главы школы изучения современных общин Ллойд Юриер в своей книге «Американизация иммигрантов» пытается доказать, что попадающие в Америку представители различных национальностей представляют собой лишь сырье, которое предстоит перебрать «облагораживающей» переплавке в американском тигле. При этом имеет место явная фальсификация: вместо изображения действительно существующей, характерной для данного народа культуры тенденциозно подбираются отживающие черты быта, пережитки старой, отвергнутой самим народом идеологии. Этот же метод и изображения пережитков прошлого вместо современной культуры народов применял представителями англо-американского империализма и в Африке. Во многих случаях колониальные власти поддерживают консервативные элементы в культуре того или иного народа, так как им выгодно утверждать влияние той незначительной прослойки родовой или феодальной знати, которая проводит политику колониальной администрации, предавая интересы собственного народа.

В. И. Чичеров подчеркнул, что буржуазный космополитизм — характерная черта различных школ в фольклористике и этнографии. В работах Буслаева и других представителей академической школы, в том числе и Веселовского, космополитизм выявляется как один из самых ярких показателей их реакционной направленности. В обанженном виде космополитизм предстает перед нами в теории «бродячих сюжетов», и в наши дни еще не изжитой. С этой теорией генетически связана и теория «снижения культурных ценностей», согласно которой народ творчески бесплоден, а создателями культуры являются господствующие классы. Эта теория, провозглашенная еще В. Миллером, а в 20-х годах нашего века получившая новую разработку в «Трудах Ганса Наумана, и до настоящего времени имеет хождение в зарубежной литературе. Достаточно назвать, например, слависта Траутмана, живущего в советской зоне Германии, который в своей недавно вышедшей книге пытается доказать аристократическое происхождение русских былин; или лорда Раглана, заявляющего, что и французские народные песни, и типы построек, бытующие в провинции, и народные танцы созданы не народом, а привиты ему господствующими классами. Подобные взгляды имеют хождение и в странах народной демократии. Недавно в Софии вышла книжка некоего Бицилли, клеветнически утверждающего, что русская литература и русский фольклор перенесены с Запада и развивались путем схождения вниз, в народ, из дворянских верхов. Мы должны особенно внимательно отнестись к отголоскам этой теории «сниженной культуры», еще встречающимся в работах наших исследователей. В. И. Чичеров указал на необходимость критического пересмотра работ в области историографии фольклористики и особенно сказковедения, где буржуазно-космополитические концепции получили особое развитие. Так, в области сказковедения одним из основных пособий до сих пор остается составленный Аарне и дополненный Андреевым, насекое проникнутый космополитизмом указатель сказочных сюжетов, в котором сказки классифицируются на основе чисто формалистического анализа. Наша задача заново пересмотреть историографию науки и дать марксистско-ленинский анализ этнографических и фольклорных материалов.

М. Я. Салманович подробно остановилась на задачах Института в отношении широкой публикации работ, заостренных против враждебных нам теорий и развязывающих основные проблемы этнографии, антропологии, фольклористики. Факты указывают на наличие враждебных влияний в странах новой демократии. Так, например, в Польше пользуются признанием работы реакционного антрополога Чекановского. Необходимо развернуть острую и углубленную критику реакционных теорий, публику критические рецензии не только в специальном этнографическом журнале, но и в общей печати. Наряду с этим необходимо широко популяризировать достижения советской науки. То и другое окажет существенную помощь и научным работникам стран народной демократии, переживающим трудный момент выработки новой идеологии. Специалисты — этнографы, фольклористы, антропологи — должны писать популярные работы для распространения в массовой печати. Большую роль в борьбе с буржуазным космополитизмом и другими реакционными теориями должно сыграть подготовляемое Институтом издание «Народы мира». Ближайшая задача Института — скорее завершить это издание и обеспечить его высокий методологический уровень.

Проф. С. А. Токарев отметил, что докладчик правильно указал на роль этнографии в борьбе против космополитизма, ибо, если последний по самому своему существу является отрицанием национальной самобытности и своеобразия, то этнография — наука, назначение которой изучать национальные особенности, выявлять их в генезисе, истории и развитии. Это не значит, что представители отдельных этнографических школ не скатывались на позиции космополитизма. На этих позициях стояли представители эволюционной школы — Тэйлор и другие, — изучавшие явления культуры в отрыве от их носителей — тех или иных народов. Еще ярче проявляется космополитизм в теории культурных кругов, в учении культурно-исторической школы. Проф. Токарев заявил далее о своем несогласии с тезисом докладчика о близкой связи между космо-

политизмом и расизмом, ибо, с точки зрения проф. Токарева, космополитизм отрицает национальные особенности, расизм же, напротив, увековечивает их, выводя их из биологических особенностей людей. Расизм, заявил проф. Токарев, был одно время главной опасностью, но для современного англо-саксонского империализма он оказался слишком слабым оружием, и идеологи современной реакции перешли к более замаскированному, но более действенному оружию — космополитизму, борьба с которым представляет собой в настоящее время важнейшую задачу.

М. Г. Левин указал, что перед советскими антропологами стоят те же задачи, что и перед этнографами, — задачи борьбы за приоритет нашей отечественной науки, борьбы со всякими проявлениями низкопоклонства перед буржуазными псевдоавторитетами, непримиримой борьбы с различными реакционными течениями и в первую очередь с расизмом, свившим себе прочное гнездо в антропологии зарубежных стран. Между космополитизмом и расизмом, безусловно, имеется тесная связь. Хотя расистские взгляды современных американских антропологов иногда искусно вуалируются, тем не менее их писания наскавозь проникнуты все теми же идеями мирового господства «высшей» расы или нации, якобы, являющейся создательницей и носительницей культуры, идеями неполноценности других народов и рас, благотворного воздействия войн на человечество, неизбежности вымирания или уничтожения отдельных народов в ходе так называемого естественного отбора и т. д. Не говоря уже об откровенно расистских писаниях типа брошюры сенатора Билбо, даже на первый взгляд невинные упражнения в расовой систематике, сухие антропологические таблицы и схемы имеют все ту же расистскую направленность, ибо авторы их призваны выполнять социальный заказ заправил Уолл-стрита. То же мы видим и в литературе других буржуазных стран. Перед советскими антропологами стоит задача разоблачения всевозможных фальсификаций, выявления их истинной сущности, их политической направленности. Расистская идеология теснейшим образом связана с общими философскими течениями в зарубежной биологии, в частности с реакционными идеалистическими постресениями вейсманизма-морганизма, сущность которого была вскрыта на августовской сессии ВАСХНИЛ. Советские антропологи обязаны беспощадно бороться со всяческими проявлениями этих метафизических, идеалистических воззрений, противопоставляя им наши взгляды, основанные на материалистической диалектике Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. В нашей антропологической литературе совершенно недостаточно рассматривалась с критических позиций вопрос о применении вариационно-статистических приемов для разработки антропологических материалов. Здесь далеко еще не преодолено влияние английской школы биометриков, выросшей из махистской концепции крайнего реакционера Пирсона, так ярко разоблаченного В. И. Лениным. В полной мере стоит перед советскими антропологами задача разработки истории русской антропологии, опровержения распространенного в буржуазной литературе взгляда, будто русская антропология лишь усваивала достижения зарубежной науки. Мы должны показать приоритет русской антропологии, которая на протяжении всей своей истории выступала как носительница наиболее передовых идей в антропологической науке. Достаточно вспомнить работы Чернышевского, специально посвященные вопросам антропологии, до сих пор не получившие у нас полного освещения. Необходимо также приняться за составление нового учебника по антропологии, в котором все вопросы были бы разработаны с марксистских материалистических позиций. Необходимо дать серию популярных работ по антропологии, в которых были бы с наших позиций разъяснены актуальные вопросы антропологической науки и дан достойный отпор всякого рода расистским теориям.

После заключительного слова докладчика С. П. Толстов подвел итоги обсуждения. Он отметил огромный интерес, вызванный докладом И. И. Потехина, вскрывшего исторические корни космополитизма в этнографии, показавшего различные его проявления и поставившего перед советскими учеными ряд актуальнейших задач. Проф. Толстов остановился далее на отдельных вопросах, вызвавших полемику. Неправ С. А. Токарев, считая космополитизм и расизм противоположными явлениями. Нельзя ставить знак равенства между немецким расизмом и современным американским космополитизмом, но нельзя и противопоставлять их, ибо это лишь разные проявления одной и той же идеологии воинствующего империализма, претендующего на господство над всем остальным миром. Проявления буржуазного космополитизма в нашей стране мы рассматриваем как порой невольное, а порой и целеустремленное смыкание с агентурой англо-американского империализма. Они выражаются в низкопоклонстве перед западной культурой, в национальном нигилизме по отношению к нашему народу, в отрицании тех высоких достижений, которые имела в прошлом русская культура и которыми еще больше вправе гордиться наша советская страна. Американские космополиты утверждают, что в США перешел центр мировой цивилизации, к которой должны примкнуть все народы, что эта мировая, панэйкуменальная, по выражению Кробера, культура охватывает весь мир и всем остальным народам предстоит ей подчиниться. В Западной Европе космополитизм тоже в ряде случаев проявляется в форме низкопоклонства перед этой «квинт-эссенцией западной цивилизации», каковой якобы является культура США. Если германские расисты строили свои теории, исходя из биологического сходства или различия, то американские космополиты строят такую же по существу расистскую концепцию на основе психологического, культурного родства. Существуют различные каналы, по которым яд космополитизма протаскивается

в народные массы. Так, например, в отношении народов Средней Азии и Закавказья растленная идеология космополитизма проявляется в идеях пантюркизма, паниранизма, панисламизма, в пропаганде единства мусульманской культуры, в лишении народов, в первую очередь Советского Востока, их национального своеобразия. Подобное же проявление космополитизма в форме панфиннизма мы усматриваем в союзе в Ленинграде в 1947 г. научной конференции по финноугорским народам и издании специального сборника трудов по советскому финноугроведению. Советского финноугроведения, как единой комплексной науки, не может быть; финноугорские народы связаны лишь некоторой, довольно отдаленной общностью языка. Еще Н. Я. Марр указал, что степень близости финноугорских народов меньше, чем индоевропейских, — ж никоим в голову не пришло бы созывать конференцию по комплексному изучению индоевропейских народов. Естественно, что советская общественность финноугорских народов была возмущена тенденцией создать такую комплексную финноугорскую науку, идущую, с одной стороны, по пути выхолащивания культуры каждого отдельного народа, а с другой, — по пути искусственного соединения их в какую-то финноугорскую общность, противопоставляемую не только в лингвистическом, но и в историческом и культурном отношении русскому и другим народам СССР. На этой конференции был заслушан насквозь космополитический доклад Д. К. Зеленина, и этот факт, как и представление бывшим докторантом Института Барагом проэникнутой космополитизмом диссертации, требует нашего особенно пристального внимания, ибо здесь дело касается непосредственно кадров самого Института. Присутствующих здесь не удовлетворило выступление П. Г. Богатырева, — бывшего, кстати сказать, научным руководителем Барага, — ибо проф. Богатырев склонен свести свои ошибки к порою ной терминологии. Мы вправе требовать от советского ученого, чтобы он до конца продумал свои ошибки и откровенно заявил о них, тем более, когда они связываются с реакционной школой функционализма, представляющего собой серьезную опасность поскольку она пользуется некоторым влиянием среди части этнографов стран народной демократии. Проявления функционализма имеют место и в Польше, и в Чехословакии, и патристический долг П. Г. Богатырева требовал бы от него до конца облачить реакционную сущность этой школы, а не маскировать свою идейную связь с ней фразами о терминологии. В заключение С. П. Толстов поддержал выдвинутое докладчиком предложение о создании в Институте научной комиссии по истории русской этнографии и указал на необходимость в планах на ближайшие годы предусмотреть развертывание работы по историкоэтнографии.

* * *

4 апреля И. И. Потехин повторил свой доклад на общем собрании коллектива сотрудников ленинградской части Института; в собрании приняли участие многие этнографы Ленинграда. Выступавшие в прениях подвергли критическому анализу буржуазно-космополитические, объективистские, компаративистские ошибки, имеющие место в работах некоторых советских этнографов и фольклористов.

Указав на наличие ошибок компаративистского характера в своих ранних работах, С. М. Абрамзон отметил, что многие советские этнографы, стоявшие на ошибочных позициях, отдавали дань укоренившимся буржуазным взглядам, порою апологетически воспринимая воззрения своих учителей Богораза, Штернберга, Кагарова и других. Хотя у Л. Я. Штернберга имеются прекрасные работы, в которых он проводил материалистические взгляды, тем не менее в ряде его трудов нашли отражение вредные буржуазные теории, в частности, — теории космополитического характера. Наиболее ярким проводником космополитической идеологии С. М. Абрамзон считает Е. Г. Кагарова, который в своих работах, и особенно в библиографических обзорах, иногда под видом критики буржуазной литературы, проповедывал преклонение перед буржуазным Западом. Принижая значение этнографии вообще, и особенно советской этнографии, он конструировал «новую» теорию об «этнических формациях». Этнографию Кагаров определял как науку о морфологии и культуре человеческого сообщества, под которым он подразумевал первобытные народы и некоторые слои народов близких к первобытности. Реакционность этих построений ясна. Увод этнографов в сторону изучения первобытности долгое время довел над работниками Института в тот период, когда его возглавлял академик В. В. Струве, и позднее, при И. Н. Винокове, продолжающем и по сие время оставаться при своих взглядах. Говоря о серьезных космополитических ошибках Д. К. Зеленина, С. М. Абрамзон подчеркнул, что они не единичны, а представляют собой систему взглядов. В работах Д. К. Зеленина культура русского народа представлена как сплошное заимствование то из Рима и Византии, то от финнов, то с Запада вообще. Примечательно, что единственный сводный труд по этнографии русских изпечатан Д. К. Зелениным на немецком языке. Сама систематизация восточных славян в этой работе более чем сомнительна; культура же их даже в мелочах, с точки зрения автора, не самобытна. Космополитической и буржуазно-объективистской является и серия библиографических обзоров Д. К. Зеленина. Наша задача объявить жесточайшую борьбу всей системе ошибочных взглядов Зеленина.

М. А. Сергеев в своем выступлении остановился на глубоко ошибочных попытках представить марксистами В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга. Говоря о глубоко, еще не изжитом влиянии этих исследователей на советских этнографов,

М. А. Сергеев вместе с тем отметил, что ими дан ряд весьма ценных работ по конкретным вопросам этнографии народов Амура и Сибири. Это отнюдь не значит, что в области теоретических построений и методологии они в какой-либо мере являются для нас авторитетами. Существует распространенная точка зрения, что к концу своей жизни В. Г. Богораз совершил поворот к марксизму, что у него следует учиться молодым этнографам. Это совершенно неверно. В своем докладе в Коммунистической Академии по вопросу о марксистском методе в этнографии и в последующих работах (о классовом расхождении чукчей-оленьеводов и др.) он дал лишь яркие образцы грубого, вульгарного материализма, игнорируя сущность диалектики общественных явлений. Глубоко идеалистичны и воззрения Л. Я. Штернберга. Так, по его мнению, гилляки живут, руководимые «родовым духом». Давая прекрасную картину пережитков, Л. Я. Штернберг объяснил их наличие верой в духов, боязнь их обидеть. Рассматривая проникновение на север русских, В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг видели в нем только глосное завоевание, грубую силу, покорявшую слабых, — не давая ни одного примера мирного сожительства, дружественных отношений русских с местными народностями, глубоко искажая политическую историю народов севера. Живя в эпоху Энгельса, Ленина, Богораз и Штернберг прошли мимо марксизма. Мы обязаны сейчас подойти к их трудам критически и сказать ясно: да, материал их ценен, но метод порочен и остался таким до конца.

Д. А. Ольдерогге указал на исключительную важность стоящей перед коллективом Института задачи подготовки сводного труда по истории зарубежной и еще в большей мере русской этнографии. Подбирая материалы для такой работы, сказал Д. А. Ольдерогге, «я сначала относился к зарубежным этнографам как к коллегам; однако уже с первых моментов моей работы такое отношение пришлось отбросить. Особо показателен журнал «American Anthropologist», являющийся боевым органом Уолл-стрита». Далее Д. А. Ольдерогге отметил слабое вовлечение в критическую работу сотрудников сектора Сибири и Востока, хотя эта работа была бы очень полезна и для их личных изысканий, порой отражающих вреднейшие построения культурно-исторической школы и других реакционных течений в этнографии, проникавших к нам через посредство В. Г. Богораз, известного неустойчивостью своих взглядов. Влияние Богораз и Штернберга — явление чрезвычайно порочное, требующее решительного преодоления.

С. В. Иванов, отметив своевременность постановки вопроса и ценность доклада, говорил о практических выводах в плане пересмотра готовой и подготовляемой научной продукции Института с тем, чтобы изжить и предупредить возможные космополитические, компаративистские, формалистические ошибки. Наша наука, сказал С. В. Иванов, за 30 лет прошла большой путь. Отошел в прошлое тип кабинетного ученого, аполитичного, проповедующего служение «чистой науке» как «искусству для искусства». Преодоление этой аполитичности, политической отсталости давалось не легко. Многим казалось, что изучаемые явления — это одно, а острые политические проблемы — другое. Даже овладевая марксистским методом, мы зачастую работали в отрыве от жизни, над темами весьма малой актуальности. Становление колхозного строя, социалистическое переустройство советской Средней Азии и Сибири открыли нам новые широкие перспективы служения народу. К стыду многих этнографов следует сказать, что не они шли в ногу с жизнью, а жизнь пришла к ним и вовлекла их в общий ход событий.

К. А. Четкарев говорил о компаративистских ошибках и вредном влиянии на молодых фольклористов чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского, М. К. Азадовского и других. Остановившись на примере докладчика относительно докторской диссертации Барага, К. А. Четкарев подчеркнул, что вина и всего коллектива Института, и Ученого Совета в том, что этот искатель «мировых сюжетов» подвизался в Институте в течение нескольких лет.

Аспирант Института т. Нуров свое выступление посвятил критике ошибок С. М. Абрамзона. Приводя цитаты из «Счерков культуры киргизского народа» (1946 г.) Г. Нуров заявил, что в представлении С. М. Абрамзона «киргизская культура состоит из лоскутков и не имеет национальной основы». Переоценивая заимствования с Востока и Запада, С. М. Абрамзон, по мнению Г. Нурова, сводит влияние русской культуры к посреднической роли или к мелочам вроде побелки стен, применения занавесей и т. п. В работе С. М. Абрамзона имеет место и переоценка роли ислама, идеализация старины, провозглашение эпоса «Манас» могучим родником, питающим киргизскую художественную литературу. Духовная культура киргизского народа рассматривается С. М. Абрамзоном с позиций теории единого потока, а взаимоотношения между великим русским и киргизским народами изображаются только как отношения колонизаторов и колонизуемых. Резюмируя, т. Нуров заявил, что он считает эту работу С. М. Абрамзона в ряде мест ошибочной и в целом вредной. Однако ряд выступавших и докладчик в заключительном слове отметили необоснованность этой критики. Приводившиеся Г. Нуровым цитаты выхватывались им из общего контекста. Освещение этногенеза киргизского народа, в состав которого вошли различные народности и племена древности и раннего средневековья, было принято т. Нуровым за проповедь заимствований.

М. А. Каплан говорила о стойкости вредных влияний теоретических взглядов

В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберга даже на третье поколение этнографов, в результате чего она в своей работе о нанайской сказке была склонна рассматривать процесс сложения сказок как процесс, восходящий к мифотворчеству.

Г. Г. Стратанович привел материалы, показывающие прислужническую роль английской этнографии, в полной мере проявившуюся, например, в плане создания практического руководства по колониальной политике в странах Востока. Говоря о вредоносности космополитизма, т. Стратанович на примерах одной из диссертаций и постановки преподавания на кафедре этнографии Ленинградского гос. университета показал, что благодушное отношение к космополитизму является часто не менее порочным, чем сам космополитизм.

К. Л. Задыхина указала на ту широчайшую перспективу, которая открылась перед этнографами изучением социалистической современности. Плодотворность и огромную значимость этой работы продемонстрировала недавно прошедшая в Москве сессия, посвященная изучению культуры и быта национальных колхозов Советского Союза.

В своем выступлении М. Г. Левин убедительно показал процесс деградации зарубежной антропологии. Зарубежный книжный рынок заполнен реакционнейшей расистской, по существу фашистской, литературой, теснейшим образом связанной с космополитизмом — этой идеологией американского империализма. Борьба против космополитизма, как и борьба против всяческих извращений в нашей науке, не кратковременная кампания, это задача нашей повседневной деятельности. Нередко недостаточно критическое отношение к работам зарубежных авторов снижает ценность трудов наших исследователей. Так, С. И. Руденко в своей работе, посвященной эскимосской проблеме, некритически принял схемы американских археологов (Коллинза, Рейни и др.) и вследствие этого неправильно осветил целый ряд вопросов. Между тем на основе этой работы экспонирована вводная часть выставки Музея антропологии и этнографии — «Северная Америка»; эту экспозицию следует пересмотреть и переделать.

Н. А. Кисляков заявил, что выступавшие недостаточно касались основной проблемы дня — борьбы с космополитизмом, которым грешили не только В. Г. Богораз, но и многие другие, например А. М. Золотарев. Н. А. Кисляков отметил значительные заслуги М. О. Косвена в показе незаслуженно забытых русских ученых (Добрякова, Шашкова и др.).

С большим интересом собравшиеся выслушали выступление молодого чешского этнографа Нагодила. Он дал характеристику той идейной борьбы, которая развернулась в настоящее время среди этнографов Чехословакии, и отметил рост влияния марксистского направления в чехословацкой этнографической науке.

Л. П. Потапов свое выступление посвятил выяснению корней тех формалистических, объективистских и космополитических ошибок, которые имеют место у части советских этнографов. Это — тлетворное влияние Западной Европы и Америки, того капиталистического окружения, в котором находятся СССР и страны народной демократии. Проводниками этого влияния были В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, учителя многих из присутствующих. До сих пор нет ни одной попытки разбора их философских взглядов, концепций, идейно-теоретических основ. Если о В. Г. Богоразе часто говорят как о человеке, теоретически крайне неустойчивом, то Л. Я. Штернберг постоянно характеризуется как человек твердых воззрений. Штернберг как этнограф, полезный исследователь хорошо известен: ценности его работ этого типа умалить не следует. Но есть и другой Штернберг, читавший лекции молодежи, в которых заявлял, что марксизм неприемлем, что это «одностороннее учение». В статье «Современная этнология» он с удовлетворением отмечал: «та же Америка готовит для нас, русских, сводный труд по этнографии азиатской части РСФСР». С подлинным буржуазным объективизмом он приводил в качестве новейших достижений, будащих научную мысль, различные буржуазные теории — от Гребнера до Малиновского, ставя последнего на одну доску с гордостью русской науки Миклухо-Маклаем. И лишь одну страничку он счел возможным уделить отечественной этнографической науке, да и то с тем, чтобы упрекнуть ее в отсутствии глубины. Наша задача, подчеркнул Л. П. Потапов, состоит в развенчании культа Штернберга и Богораз, еще встречающегося у ряда этнографов и расцветшего махровым цветом на кафедре этнографии Ленинградского университета. Как на одну из основных причин ошибок Л. П. Потапов указал на недостаточное, неглубокое овладение марксистско-ленинской теорией рядом этнографов, особенно старой школы.

Ряд выступавших (Л. П. Потапов, С. В. Иванов, Д. А. Ольдерогге, К. Л. Задыхина, Г. Г. Стратанович, Н. А. Кисляков, С. М. Абрамзон) останавливались на положении с преподаванием этнографии в Ленинградском университете. Наиболее детальным и ярким было выступление доцента М. С. Долгоносовой. На ряде примеров она показала, что, несмотря на признание Министерством высшего образования непригодными программ кафедры этнографии ЛГУ, здесь попрежнему царит культ Штернберга и Богораз. Преподавание ведется в полном отрыве от социалистической действительности. На кафедре открыто и апологетически пропагандируются реакционнейшие представители современной американской этнографии. Руководитель кафедры проф. И. Н. Винников апологетически преподносит взгляды реакционера Дьюи («Ум первобытного человека»), единственным критическим замечанием по адресу которого было указание на то, что это реакционный ученый. Курсом «Введение в этнографию»

студенты уже с первого года обучения дезориентируются. Им внушается представление об этнографии как о науке, обращенной в прошлое, — науке о пережитках. Советская этнографическая наука для кафедры этнографии ЛГУ не существует. Такое положение более совершенно нетерпимо и требует срочного изменения.

Отвечая в заключительном слове на вопросы, поставленные в отдельных выступлениях, И. И. Потехин еще раз подчеркнул, что аполитичность, буржуазный объективизм, компартистизм — проявления враждебной нам идеологии. Многие ошибки, допускаемые в трактовке этнографических явлений, связаны с формальным, недостаточно глубоким пониманием принципа партийности в науке. Об этом говорит благодушное отношение к проявлениям космополитизма, к совершенно нетерпимому положению на кафедре этнографии ЛГУ, недостаток мужества в борьбе с этими вредными явлениями у преподавателей кафедры — членов коллектива Института этнографии (Иванов, Попов). Нужно твердо знать, что партийность в науке означает подлинную объективность и научность. Помня нашу ответственность перед родиной, мы должны беспощадно бороться с различными ошибочными концепциями.

Закрывая заседание, С. П. Толстов подчеркнул, что путь к преодолению вскрытых ошибок лежит прежде всего в углубленном изучении и освоении марксизма-ленинизма. Среди этнографов старой школы раздавались голоса об отрицании этнографии, о затухании интереса к ней и т. п. Жизнь опровергла эти утверждения. Последние наши работы в области изучения социалистической культуры и быта народов СССР, в области изучения современного толжения народов колониальных и полуколониальных стран ярко показали жизненность и политическую значимость нашей науки.

В принятые по докладу И. И. Потехина резолюции включен ряд конкретных предложений (о скорейшем создании научной истории русской этнографии антропологии и фольклористики, об активизации теоретической работы в этих областях науки, об окончании в текущем году многотомника «Народы мира», об оказании всемерной помощи прогрессивной части этнографов стран народной демократии в их борьбе против реакционных течений, за утверждение принципов советской этнографии и др.).

О. Корбе, Г. Стратанович

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ «УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС»

16 ноября 1948 г. на совместном заседании секторов фольклора и Средней Азии Института этнографии состоялось обсуждение книги В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекский народный героический эпос». С докладом выступила В. К. Соколова, указавшая, что книга Жирмунского и Зарифова должна быть решительно осуждена, так как она содержит активную пропаганду враждебного марксизму компартистического метода. Узбекский народный эпос авторы рассматривают с позиций буржуазного космополитизма; они нагромождают множество параллелей из героического и сказочного эпоса восточных и европейских народов, и в этом хаотическом нагромождении обломков эпоса всех времен и народов совершенно тонет идейное содержание и национальное своеобразие узбекского героического эпоса. Действительной конкретной истории развития узбекского эпоса, теснейшим образом связанной с историей узбекского народа, анализа его идей и образов в книге нет, реальное историческое содержание народного эпоса полностью игнорируется. Схематизм и антиисторизм, идущие от концепции А. Н. Веселовского, пронизывают всю книгу. В итоге у читателя создается совершенно извращенное представление, — что различные произведения узбекского эпоса лишь случайные вариации одних и тех же пресловутых «бродячих мотивов» и «сюжетных схем» или же перепевы сюжетов персидской средневековой литературы.

В обсуждении книги приняли участие научные сотрудники Института этнографии и других учреждений.

Т. А. Жданко в своем выступлении отметила, что книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова, как попытка исследования двумя крупными специалистами национального героического эпоса узбеков во всем его своеобразии, была встречена этнографами с большим интересом. Эпос — богатейший источник для изучения истории культуры, быта, мировоззрения создавшего его народа. Книге предпослано содержательное введение, в котором авторы освещают историю узбекского эпоса в тесной связи с этногенезом узбекского народа и характеризуют огромную собирательскую работу, проведенную фольклористами в Узбекистане после Великой Октябрьской социалистической революции. Очень интересна для этнографов первая глава книги — об узбекских народных сказителях; жаль только, что в ней отсутствует описание обстановки, в которой происходят в настоящее время выступления народных бахши и шаиров (на колхозных и семейных праздниках и т. д.). Основные же главы книги не могут удовлетворить читателя. Обширная глава «Эпический репертуар» представляет собой перечень произведений узбекского эпоса в форме краткого сухого спекта каждого произведения, не дающего представления о богатстве и национальном

своеобразии узбекского эпоса. Исследованию, предпринятому авторами, следовало предпослать сборник подлинных произведений, а не схематичный перечень их сюжетов. Сопоставления авторами узбекского эпоса с одноименными произведениями других народов проводятся формально, исключительно по линии сюжетов. Так, например, указывается, что основное отличие алтайской версии «Алпамыша» от узбекской — в отсутствии сюжета героического сватовства, брачных и стязаний (стр. 76). Версии других народов также характеризуются авторами лишь путем сопоставления сюжетных схем, без учета национальных черт, обусловленных различными историческими судьбами и формами быта отдельных народов. Гл. «Общая характеристика узбекского эпоса», как и все исследование, проникнута формализмом и компаративизмом. Авторы, следуя методу Веселовского, в своем анализе игнорируют связь эпоса с конкретной исторической обстановкой, о которой они сами ко всему во вступительных разделах глав. Фактически книга не дает представления о национальном узбекском эпосе. Следует признать, что компаративистский метод Веселовского, враждебный ленинско-сталинскому учению о национальной культуре, принизил всю книгу, в высшей степени отрицательно повлияв на ее качество и научное значение.

Б. И. Богомолов (Академия общественных наук) указал, что разбираемая книга в своей основной части является типичным примером компаративистского исследования и наглядно показывает несостоятельность и научный вред этого метода. Книга посвящена узбекскому эпосу, но в действительности она не дает представления ни об этом эпосе в целом, ни об отдельных его произведениях. Прекрасное целостное знание национального эпоса раздроблено на отдельные элементы, кирпичики, превращено в развалины. В книге дан какой-то хаос элементов узбекского эпоса и эпосов других народов. Применяя компаративистский метод, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов полностью отрицают цельность и национальную специфику художественного произведения в народном творчестве. Более того, они по существу отрицают и народное, национальное творчество, вслед за Веселовским рассматривая фольклор как случайное сцепление вечных «бродячих мотивов». Авторы книги слепо последовали за Веселовским. Более того, ссылаясь только на него одного, они тем самым пропагандируют его, выдавая за высший научный авторитет. Она не раскрывают на основе эпоса исторически развивавшиеся чаяния и ожидания узбекского народа. Как весь содержание книги, так и в своем определении задач изучения эпоса народов СССР они ориентируют наши национальные кадры фольклористов на применение компаративистского метода, в корне чуждого подлинной науке.

Проф. С. П. Толстов отметил, что выступавшие до него товарищи правильно указали основные методологические пороки книги тт. Жирмунского и Зарифова, которая является не только образцом применения методологии Веселовского, но и активной пропагандой ее. Стремление всюду найти параллели, нагромождение бесчисленных примеров — только запутывают читателя и создают неверное представление об узбекском эпосе. Все его элементы даны разрозненно, его национальная специфика оказалась сначала растворенной в каком-то «степном» эпосе, а затем в эпосе мирового. Авторы не обращают внимания на идейное содержание эпоса, а оперируют голыми сюжетными схемами, в результате чего различные национальные произведения рассматриваются как вариации одной и той же сюжетной схемы, как различные стадии одного и того же сказания (например, узбекский цикл о Гороглы и азербайджанский — о Кёр-Оглы). А между тем перед нами произведения народов с различной историей, различным социально-экономическим укладом, различными задачами, стоявшими перед ними, и различным отношением к ним. Их образы отражают чаяния и ожидания конкретного народа, конкретного исторического периода, а тт. Жирмунский и Зарифов этого не учитывают и эти чаяния и ожидания не раскрывают.

Самый перечень и пересказ сюжетов узбекского эпоса в книге неполноценен и со стороны, о ряде произведений и циклов авторы совсем умалчивают, другие же представляют в неверном свете. Героический эпос, несомненно, является очень важным источником при изучении этногенеза. Узбекская нация окончательно сложилась только после Великой Октябрьской революции, в состав ее вошли разные этнические элементы, среди них значительное место занимают потомки древнейших оседлых земледельческих народов не тюркского происхождения, живших на территории современного Узбекистана. Между тем, тт. Жирмунский и Зарифов анализируют в узбекском эпосе только тюркский пласт, и притом позднейший, древнейший же согдийско-хорезмийский слой ими совершенно игнорируется, что ведет к искажению перспективы. Во всеузбекском масштабе самый популярный богатырь — Рустам, это действительно национальный герой и пришел он отнюдь не из персидских книг, как то полагают тт. Жирмунский и Зарифов. Распространение же «Алпамыша» ограничено, он сохраняется лишь у тех узбеков, которые до недавнего времени сохраняли родоплеменное деление. В плане одностороннего литературного влияния Навои (вернее дурных лубочных переработок) рассматриваются и «Фархад и Ширин», тогда как эти образы действительно созданы узбекским народом и любимы им.

Таким образом все, что не относится к тюркскому элементу, тт. Жирмунский и Зарифов или замалчивают, или сводят к позднему персидскому влиянию. Незатронуты совершенно связи с таджикским эпосом. К уже отмеченным порокам разбираемой книги следует прибавить своеобразный пантюризм.

Книга «Узбекский народный героический эпос» не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. Узбекского героического эпоса в ней нет, все разложено на мотивы и тонет в бесконечных параллелях. Остается только пожалеть, что такая книга выпущена, и надеяться, что тт. Жирмунский и Зарифов дадут новое исследование в ином плане.

Проф. Е. В. Гиппиус согласился с выступавшими до него товарищами, вскрывшими основные пороки книги тт. Жирмунского и Зарифова, и остановился в своем выступлении на теоретических вопросах. Метод, называемый тт. Жирмунским и Зарифовым сравнительно-историческим, в действительности не является ни историческим, ни сравнительным. Мы не отрицаем, сказал проф. Гиппиус, сравнительный метод, но мы отрицаем позитивистский метод формалистических сопоставлений схем, из которых выхолащивается содержание. Веселовский и его последователи изучают только формальные аналогии, понимаемые ими как черты общности всех национальных культур. Сравнительный метод в нашем понимании — это предварительная лаборатория, которая должна помочь выявить различия, выделить национально своеобразные, оригинальные черты анализируемого произведения, исследование же должно заключаться в том, чтобы эти особенности исторически объяснить. Нужно говорить о действительном творчестве народа, а не превращать народных певцов в более или менее искусных комбинаторов готовых мотивов и схем. В работе проф. В. М. Жирмунского привычка рассматривать фольклор как комбинирование мотивов приводит на деле к отрицанию творческих способностей народа. Подобное декларирование народного творчества на словах и подмена его на деле комбинированием и разложением имеется и у других наших фольклористов, и с этим надо повести решительную борьбу.

Проф. П. Г. Бобатырев указал, что для ознакомления с узбекским эпосом желательно иметь не сухой и часто односторонний конспект, а самые художественные произведения. В книге тт. Жирмунского и Зарифова самая ценная глава — о сказателях, но и здесь перед исследователями узбекской народной поэзии стоят еще большие задачи и прежде всего изучение роли коллектива.

В. И. Чичеров в заключительном слове подвел итоги обсуждения. Единодушное осуждение вредной в методологическом отношении книги, сказал он, свидетельствует о том, что большинство советских фольклористов освобождается от пороков методологических установок, разделявшихся ими в прошлом. Отказывается от этих установок и сам проф. В. М. Жирмунский (как это видно из изложения его выступления в «Вестнике Ленинградского университета»). Нужно прямо сказать, что, несмотря на издание данной книги, исследования об узбекском героическом эпосе нет. Проф. В. М. Жирмунский ориентировался на Веселовского, так же как ориентировались на него и многие другие фольклористы. Фразы о необходимости изучать фольклор под социально-политическим углом зрения в книге есть, но они остаются только декларацией, весь же материал исследуется компаративистским методом, значительная часть узбекского эпоса авторами просто отброшена. Вся книга состоит из сопоставлений. Анализа идей и образов узбекского народного эпоса по существу в ней нет. Авторы проходят мимо высказываний Маркса о греческом эпосе, а ведь Маркс со всей убедительностью показал, что греческий эпос мог возникнуть только в конкретных условиях древней Греции и представляет своеобразное и неповторимое явление. Эти замечательные указания надо всегда помнить, нельзя изучать эпос в отрыве от жизни народа, от конкретной исторической обстановки, которая его порождает. В исследовании же тт. Жирмунского и Зарифова жизнь остается в стороне, она, по их собственной терминологии, является фоном, на котором бродят «вечные» сюжетные схемы. Чужие источники затемняют идеи и образы, характерные для узбекского народа на определенном этапе его исторического развития. Стадиальность в книге устанавливается абстрактно и механически, эпос рассматривается «вообще», и из всей книги логически вытекает вывод, что нового — советского эпоса быть не может. Ведь все изложение стремится доказать, что ничего нового народом создано быть не может, существуют лишь вечные традиционные схемы.

Книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова должна быть решительным образом осуждена как вредная, противоречащая методологии марксизма-ленинизма.

В. С.

СЕССИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЧЕСКОЙ И МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ

В ноябре 1948 г. в Научно-исследовательском институте краеведческой и музейной работы проходила расширенная сессия Ученого Совета, в которой приняло участие свыше 300 человек. Сессия была посвящена вопросам коренной перестройки экспозиции краеведческих музеев.

В докладе «Об основных принципах построения экспозиции краеведческих музеев» директор Института проф. Ф. Н. Петров, критически анализируя существую-

щую экспозицию этих музеев, указал, что часто она не является краеведческой, а отражает лица края и его социалистического преобразования, что строится она не на подлинниках музейного значения, а на вспомогательном материале, вследствие чего теряет конкретность, убедительность и способность воздействия на посетителей. Вскрыв причины этих недостатков, докладчик изложил программу перестройки музеев, указав на необходимость усиления показа социалистического переустройства края. В связи с этим предложено, во изменение существующей структуры краеведческой экспозиции, создавать два отдела по советскому периоду, один из которых будет показывать историю края за советский период, другой — современное состояние социалистического хозяйства и культуры края и перспективы его развития. Отделы, посвященные показу советского периода, призваны занять центральное, ведущее место во всей экспозиции.

Иные принципы кладутся в основу построения экспозиции отдела истории дореволюционного периода. Этот отдел должен дать цельное представление об историческом прошлом края с древнейших времен до февральской буржуазно-демократической революции включительно. При этом история края должна быть показана как составная часть истории нашей Родины. В экспозиции, посвященной истории края дореволюционный период, должны выявляться конкретные местные особенности исторического процесса в соответствии с марксистско-ленинской периодизацией истории СССР. Недопустима стандартизация содержания экспозиции, отрыв его от конкретного развития данного края. Экспозиция должна быть построена на музейных материалах на подлинниках.

Повышению идейно-воспитательной роли музейной экспозиции был посвящен доклад П. И. Галкиной. Анализируя экспозиции пяти центральных музеев Москвы (Государственного исторического, Музея революции СССР, Музея истории и реконструкции Москвы, Биологического музея им. К. А. Тимирязева и Дарвиновского), докладчик показал, что музеи еще не создали экспозиций, построенных с должным соблюдением принципа партийности, обладающих заостренной идейной направленностью, которая перекликалась бы с важнейшими задачами современного социалистического строительства. Все разделы экспозиции должны быть пронизаны идеями коммунистического воспитания, советского патриотизма и борьбы с низкопоклонством перед иностранщиной. Другой общий недостаток, выявленный в Историческом музее и свойственный отделам истории краеведческих музеев, — это фрагментарность экспозиции, отсутствие последовательного показа исторического процесса. Особенно серьезным problemом является отсутствие в Государственном историческом музее показ XX века. В краеведческих музеях экспозиция отделов истории тоже часто обрывается на XVI—XVIII вв., реже на конце XIX в., и почти никогда не доводится до эпохи империализма и подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Недолжного показа и истории советского периода. Эти недостатки музейной экспозиции вызваны слабо развернутой и не систематически проводимой научно-исследовательской работой музеев. Ряд других названных недостатков связан с тем, что экспозиционный материал не подвергается тщательному научному и политическому анализу, научно-исторической проверке.

К числу первоочередных задач докладчиком отнесено установление деловой связи между центральными музеями с краеведческими и с музеями Союзных республик. Особую актуальность приобретает сейчас изучение края, накопление и обобщение материалов по истории социалистического строительства на местах.

При изучении экспозиции центральных музеев выявилась настоятельная необходимость рационального перераспределения и обмена музейных фондов путем частичной передачи экспонатов и целых коллекций (особенно дублетных) из одного музея в другой.

Давно назревшей проблемой является необходимость формирования общественного мнения по основным принципиальным вопросам музейного дела. Отсутствие единых мнений по коренным вопросам музейного строительства приводит к тому, что музейные работники, не имея методических руководств с утвержденными общепризнанными установками, создают экспозиции эмпирически, кустарно, часто без применения даже общеизвестных правил и принципов. Нужна правильная, научно разработанная методика музейного дела. Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы запланировал на 1949 г. разработку двух руководств: «Основы музейного дела» и «Основы краеведения».

С докладом о научно-исследовательской работе краеведческих музеев выступил К. А. Соловьев, который рекомендовал музеям всестороннее изучение своего края, его природы, социалистического строительства и изыскание на местах сырьевых ресурсов для оказания этим помощи советскому народному хозяйству. При музеях необходимо создание краеведческого и научного актива.

Вопросы собирательской деятельности музеев были рассмотрены в докладах проф. В. К. Гарданова, Г. Н. Серебренникова и Н. Н. Плавильщикова.

Проф. Гарданов отметил, что за последние годы экспозиции строились на материалах не музейного, а вспомогательного значения, типографски размноженных, вследствие чего фонды музеев почти не пополнялись подлинниками (пример — собирательская работа Алтайского музея за 1947 г.). Между тем в экспонировании подлинников и заключается специфика музейного показа. Докладчик обратил особое вни-

мание на необходимость изучения имеющихся фондов и на важность научного описания коллекций и отдельных экспонатов. Проф. Гарданов возбудил вопрос о проведении ежегодных экспедиций по собиранию, в частности, этнографических материалов, ценных предметов старинны, народного быта и творчества.

Отделы социалистического строительства наиболее бедны экспонатами, говорил другой докладчик, Г. Н. Серебренников, и собирательская работа по этому периоду крайне слаба. Кроме того, фонды по советскому периоду малочисленны и неполны. Подлинно музейные материалы (вещевые и документальные) в Рязанском областном музее составляют лишь десятую часть его фондов. Крайне необходима планомерная, систематическая собирательская работа.

Сессия уделила большое внимание методике и формам массовой культурно-просветительной работы музеев (доклады ст. научного сотрудника Государственного исторического музея О. Т. Козловой и директора музея Татарской АССР В. М. Дьяконова).

Большой интерес вызвали доклады Г. Л. Малицкого и проф. Ф. Н. Петрова об изучении истории музейного дела в СССР. Г. Л. Малицкий опроверг буржуазные теории, пытающиеся доказать, что возникновение музеев и их развитие присуще якобы лишь эллинистической культуре и западному средневековью. Докладчик на основании научных исследований показал наличие прототипов музейно-собирательской работы в нашей стране задолго до появления музеев на Западе и доказал приоритет русской культуры в создании специализированных музеев (Музей этнографии, Музей сельского хозяйства, Мемориальный музей-галерея полководцев Отечественной войны 1812 г. и др.).

Проф. Ф. Н. Петров в своем докладе об изучении истории музеев советского периода рассказал о забытом участии В. И. Ленина в сохранении и реставрации памятников национальной культуры. Докладчик отметил, что характерной чертой советских музеев является их массовое возникновение и развитие, служение задачам формирования марксистско-ленинского мировоззрения, задачам социалистического строительства в нашей стране.

Большое внимание уделено было Сессией вопросам показа этнографического материала в музейной экспозиции. Соответствующий доклад был сделан заместителем директора Института этнографии М. Г. Левиным. Проследившая этнографическую работу краеведческих музеев за годы советской власти, докладчик остановился на ее основных положительных и отрицательных сторонах. В работе этнографических музеев тяжело сказалось вредное влияние школы М. Н. Покровского с ее вульгарным социологическим схематизмом. Это привело во многих краеведческих музеях к свертыванию экспозиций этнографических отделов, к низведению этнографического музейного материала лишь к роли иллюстрации социологических схем, к вытеснению вещного этнографического материала вспомогательным — плоскостным, иллюстративным. К краеведческим музеям предъявляются справедливые требования показать современность, успехи социалистического строительства, выступить с пропагандой текущих задач края, области, района. Неумение связать показ этнографических материалов с выполнением этих требований приводило к закрытию этнографических отделов, к ликвидации этнографической работы. В настоящее время этнографический материал в большинстве краеведческих музеев свернут и в экспозиции не используется, собирательская работа в области этнографии почти не ведется, так как музейные работники недоучитывают значения этнографического материала как исторического источника. Между тем этнографические материалы имеют важное значение при изучении истории народов, в частности, вопросов этногенеза. Основываясь на знакомстве с экспозициями отделов истории краеведческих музеев, использующих этнографический материал, докладчик указал, что материал этот выступает здесь только как иллюстрация отсталых форм хозяйства и быта в прошлом, тяжелого положения крестьянства, угнетения национальных меньшинств царизмом. Показ же творчества народа, его национальной культуры, отраженных в различных областях хозяйства и быта, в народной архитектуре, технике, искусстве, — не находит себе места в музейной экспозиции. Глубокие исторические корни национальной культуры предостерегают забвению. М. Г. Левин поставил вопрос об обязательном привлечении этнографического материала в экспозицию краеведческих музеев; там, где фонды музея позволяют, надо организовать самостоятельные этнографические отделы. Основным принципом построения этнографической экспозиции является последовательно проводимый историзм.

Вопросы изучения современности не привлекали должного внимания при теоретико-этнографических исследованиях и при собирании этнографического материала. Следуя старой, неправильной традиции, этнографы ограничивали в основном сферу своего изучения архаическими формами, пережитками, искусственно выделяя из культуры народа лишь те элементы, которые представлялись исследователю наиболее типичными, «исконными». Такая архаизация искажала подлинную картину быта, превращала зачастую этнографические материалы в собрание раритетов. В этом пренебрежении к новым явлениям отражался формализм исследования, забвение важнейшего положения, что каждое явление должно изучаться не в отрыве от других, а в его связях и опосредствованиях. Только всестороннее, доведенное до современности изучение культуры и быта народа дает возможность вскрыть диалектику раз-

виятия отдельных явлений, осветить их происхождение, правильно понять сущность так называемых этнографических пережитков. М. Г. Левин привлек внимание участников сессии к показу на конкретном этнографическом материале новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Советского Союза. Этнограф должен показывать новое в колхозной жизни: новые формы расселения, планировки, народной архитектуры, новые формы семейного быта, художественного творчества и т. д.; показать национальную специфику в этих новых формах, вскрыть те народные традиции, которые, меняя свое социальное содержание, входят в новый быт, и те пережитки прошлого, с которыми новое вступает в борьбу. Этнограф — не регистратор фактов, а активный борец с пережитками в быту и сознании людей.

Докладчик иллюстрировал это следующими примерами. Массовое, стандартное жилищное строительство в национальных районах в ряде случаев велось без учета местных особенностей быта и местных традиций, механически переносило стандартные формы центральных русских районов в иные исторически сложившиеся условия, что приводило к нежелательным результатам. Этнограф должен подсказывать архитектору, местные традиции, познакомить его с наилучшими образцами резных украшений, росписи жилища, активно вмешаться в архитектурное оформление и планировку жилищ того района, который он изучает. Местная швейная промышленность должна учитывать вкусы населения, считаться с привычным в данном районе покроем, характером орнамента и т. д.; и здесь помощь этнографа очень существенна. В изучении и показе современности, сказал М. Г. Левин, краеведческие музеи должны стать активными участниками борьбы за новые социалистические формы культуры и быта, показывать народное творчество во всем его многообразии.

В прениях выступило 32 участника сессии: Н. Г. Рындыонский (ст. научный сотрудник Государственного исторического музея), С. С. Тиханович (Московский областной музей), С. В. Трончинский (зав. Музейным сектором Ленинградского отдела Культпросветработы), член-корреспондент Академии Наук СССР А. И. Яковлев, А. Г. Гиллер, В. Л. Венюков (начальник Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР), Н. Р. Левинсон (Гос. исторический музей) и др. Начальник Управления музеев И. П. Кряжин охарактеризовал состояние краеведческих музеев в послевоенный период.

На заключительном заседании Сессии выступил заместитель председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР И. Г. Клабуновский. Он отметил отставание музейного дела в стране. За последние годы в музеях подлинно музейные экспонаты не находят должного места. Заполнение стен экспозиционных зал сотнями документов, вырезок из газет и журналов, фотографий и многочисленных текстов, которые ни читать, ни смотреть физически невозможно, стало распространенным явлением в краеведческих музеях, в особенности в отделах социалистического строительства. Картина великого преобразования края за советский период в большинстве музеев остается не раскрытой. Тов. Клабуновский сослался при этом на пример Пензенского краеведческого музея, в экспозиции которого не видно самого главного — Пензенской области. Показ родного края затерялся здесь в пестром наборе картинок, типграфски размноженных и не имеющих отношения к данному краю. В Горьковском музее в экспозицию включено лишь примерно 3% всех вещевых материалов, имеющихся в музее, а 97% их лежат в хранилищах. Тов. Клабуновский призывал музейных работников к критическому разбору давно устаревших, но еще действующих установок в музейном строительстве, идущих от первого музейного съезда (1930 г.). Он сослался при этом на журнал «Культурно-просветительная работа», положивший начало критическому пересмотру отживших структур и методических установок в музейном деле¹. И. Г. Клабуновский предостерег музейных работников от опасности стандартизации экспозиции краеведческих музеев. В каждом музее должна быть своя экспозиция, свои, свойственные данному краю экспозиционные материалы, посредством которых и может быть выявлено подлинное лицо края со всеми его особенностями. Тов. Клабуновский высказался за собирание этнографического материала и экспонирование его в музеях.

Тов. Клабуновский коснулся недавнего решения Союзного правительства об охране историко-культурных памятников в стране, в котором указано, что «все находящиеся на территории Союза ССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства» и что «государственные музеи являются основным хранилищем коллекций памятников культуры». Отсюда задача музеев — систематически изучать памятники культуры, собирать сведения о них через книги, архивные документы, археологические раскопки и иными путями, чтобы поставить надлежащим образом их охрану и использование их в культурных целях.

Сессия приняла общую резолюцию по всем заслушанным докладам, одобряющую рекомендуемые принципы перестройки краеведческих музеев (с принятыми дополне-

¹ См. статью П. Галкиной и И. Иванецкого в журн. «Культпросветработа», 1948, № 7.

ниями) и определяющую направление дальнейшей деятельности Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы, с перечислением его основных задач в 1949 г. Сессия одобрила создание при Институте литературной и этнографической секций для методического руководства работой краеведческих музеев в соответствующей области, а также возобновление издания «Трудов» Института.

П. Галкина

ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕМЕСЕЛ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В залах Академии художеств СССР в 1948 г. была показана Всесоюзная выставка художественной промышленности и народных художественных ремесел. Множество произведений, собранных на выставке, демонстрировали достигнутые за последние годы творческие успехи мастеров народного декоративного и прикладного искусства и ряда художников-профессионалов, работающих в текстильной, легкой и местной художественной промышленности. Экспонаты выставки убедительно свидетельствовали о росте мастерства, о творческой фантазии, о постоянном стремлении мастеров совершенствовать свои произведения, расширять тематику, углублять содержание своих работ. Выставка подробно ознакомила зрителей с тем, что сделано ценного в области народного художественного текстиля (в строчке-вышивальном производстве, набойке, батике, трикотажном и золотошвейном деле, кружевоплетении, тканье и т. д.), ковроделия, керамики, фарфора, фаянса, стекла, художественной обработки дерева, камня, кости, металла, кожи, в области миниатюры на папье-маше и декоративной росписи.

За годы Советской власти в Москве было много выставок народного декоративного искусства. Только за время Великой Отечественной войны было организовано пять больших выставок. Всем памятна первая всесоюзная выставка — «Победа», с большим успехом прошедшая в залах Государственного музея восточных культур в 1946 г. Всесоюзная выставка 1948 г. показала новый шаг вперед многочисленной армии одаренных мастеров народного декоративного и прикладного искусства. Об этом поступательном движении рассказывали многочисленные экспонаты выставки по разделам народного творчества.

Особенно заметен творческий рост у художников миниатюры и декоративной росписи. Великолентное созвездие селений-мастерских русских художественных лаков — село-академия Палех, родоначальник живописи на папье-маше подмосковное село Федоскино, поселок Мстёра, село Холуй — были представлены рядом выдающихся работ своих мастеров.

Среди многочисленных композиций, исполненных миниатюристами, особенно большое впечатление производили портретные изображения В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Блестящи по цветовой насыщенности, остры по рисунку тонкие миниатюры палешан, с упорством и творческим горением работающих над большими и сложными темами, черпающих образы для своих произведений в нашей современности, в героике военных лет, в истории великого русского народа, в песнях, фольклоре, в дореволюционной и советской русской литературе. Большого внимания заслуживают произведения народного художника РСФСР И. Маркичева (ларец «Сказание о граде Китеже»), заслуженных деятелей искусств И. Вакурова (шкатулка «Плач Ярославны»), А. Котухина (ларец «Руслан и Людмила»), мастеров Д. Буторина (шкатулка «Грозный под Ревелем»), А. Дыдыкина, П. Чалунина и других.

Миниатюристы подмосковного села Федоскино, бережно хранящие и совершенствующие традиции реалистического письма, выступили на выставке и как коллекционеры-интерпретаторы, и как мастера традиционных сюжетов (таковы их «Птицы-тройки», «Кремль» и пр.), и как оригинальные художники. Композиции М. Папенова, М. Пашинина, С. Тардасова, В. Липицкого и других, исполненные «по-сквозному» (прием лессировки) и «корпусным» письмом, полны подкупающей правды народного искусства. Таковы: красивая коробка «Окрестности Федоскино» Д. Орлова; жанровая работа «С покоса» М. Папенова; многофигурная композиция «Советское крестьянство» С. Рогатова и ряд других произведений. Особо следует отметить большую композицию «Тридцать лет Советской власти», выполненную мастерами М. Чижовым и С. Тардасовым; ларец — безусловная удача художников и новое доказательство того, что федоскинцы успешно работают как творцы оригинальных композиций.

Поселок Мстёра, где создает миниатюры на папье-маше большой коллектив артели «Пролетарское искусство», занял в разделе русских художественных лаков ведущее место. Близкие по стилю к палешанам, мастера Мстёры И. Морозов, Ф. Шилов, И. Фомичев, Е. Зонина, М. Петрова, Е. Юрин и другие, являясь замечательными композиторами и колористами, выполнили ряд высокохудожественных произведений. Героика и романтика социалистической действительности, образы

истории великого русского народа, песенные, былинные, фольклорные темы в орбите внимания мастеров Мстёры. Привлекали внимание на выставке тонкая многофигурная композиция И. Морозова «Воссоединение Украины с Россией в 1654 г.», орденская коробка работы лучшего орнаменталиста артели Е. Юрина: целый ряд полных динамики, образных, звучных по цветовому решению миниатюр на темы войны, победы, героического труда и социалистического быта: «Праздник в колхозе» И. Фомичева, «Во имя Советской Родины» Ф. Шилова, «Триумф Победы» Н. Антоновского, «За Родину» М. Петровой и другие произведения, в которых чувствуется биение пульса современности. Чувство нового, сегодняшнего дня органично для художников Мстёры.

Небольшой коллектив художников Холуя, среди которых ведущими являются такие известные мастера, как В. Пузанов, показавший оригинально решенный ларец «Сказка о царе Салтане», А. Костерин, создавший многофигурную композицию «Едут, едут по Берлину наши казаки», и переехавший из Мстёры Н. Н. Клыков, экспонировавший шкатулку «Сказка о золотом петушке», пополнился группой одаренной молодежи. В. Белов, Ю. Кастерина, Н. Бабурин, Б. Тихонравов представили на выставку несколько произведений, в которых чувствуется присущие Холуе гиперболичность образа, повышенная декоративность, локальность цветовых решений, смелое вживание в тему. Ученики достойно продолжают и развивают традиционные стилиевые приемы своих учителей.

Замечательный старый мастер А. Гогин представительствовавал на выставке по-московскую деревню Жестово — крупный очаг декоративной росписи на металле.

Изделия декоративистов огненно-черно-золотой хохломской росписи (вазы, бочата, сахарницы, солонки, миски, столы для игры в шахматы, детская мебель и т. д.), созданные плеядой талантливых орнаменталистов города Семенова — Н. Чкаловой, А. Муравьевым, Н. Киевой, Е. Жирновой, Е. Сенинковой и другими, свидетельствуют о том, как богата народными талантами советская Родина.

Мастера декоративной росписи Российской Федерации, Узбекистана, Украины, Таджикистана, в частности, усто Юсуф Рауфов, показавший смело решенное декоративное панно с оригинальным линейно-растительным узором, — с успехом решают задачу создания нового, советского орнамента. Элементы и мотивы новой орнаментики видны во многих произведениях, причем эти орнаментальные композиции полны национального своеобразия. В затейливую вязь традиционного цветистого геометризованного и растительного узора мастера вводят новые элементы — хлопок, колосья пшеницы, подсолнух, красные маки, советские эмблемы и т. д. Это позволяет говорить о создании национального советского орнамента, о чем красноречиво свидетельствуют, кроме произведения Ю. Рауфова, работы узбекских мастеров А. Касымджанова, З. Ходжаева, Ю. Тохтахаджаева и других.

Особенно характерны в этом отношении кружева, вышивки, набойка, глады, ковры и гобелены. На выставке было несколько ковров, паласов и гобеленов с портретными изображениями и многофигурными и орнаментальными композициями. Ковроткачи Украины, Армении, Грузии, Туркмени, Узбекистана, прибалтийских республик, работающие над тематическими коврами, успешно преодолевают трудности перевода в ковровую технику чуждых им до революции методов реалистического изображения. Судя по отдельным произведениям: гобелену «И. В. Сталин» работы эстонского художника Я. Лоод; многофигурному украинскому гобелену «Воссоединение Украины», исполненному по эскизу художника Д. Шавыкина мастерами Денисенко, Бойко, Иванец, Кибзуй и Голованенко; работам грузинских и туркменских ковроткачей: портретному ковру с изображением И. В. Сталина работы армянского мастера Я. Каранфеляна, — мастера начинают находить те приемы изображения, которые позволяют органически включать центральное поле ковра портретом или тематической композицией в божовые коймы, исполняемые в орнаментальном плане. Декоративность, красочность, колоритическая цельность nabliдаются в большинстве тематических ковров.

Среди многочисленных экспонатов по разделу металла особое внимание привлекали произведения златокузнецов аула Кобачи: и прекрасно исполненная мастером Г. Кишевым пластина с портретным изображением И. В. Сталина, и ювелирно-тонкая резьба, гравировка, инкрустация на шашках, кинжалах, кумганах, вазах других произведениях М. Чапкаева, А. Магомедова, И. Ильякова, Ш. Мунгиева, Р. Алиханова и многих других. Оригинально решенную большую сканную коробу для орденов с финишным портретом генералиссимуса И. В. Сталина в центре серий гербов представил мастер Н. Карасев. От кубанцев, великоуступцев, ростовчан стремятся не отставать мастера скани из Красного села: В. Каренти, М. Волков, Н. Новиков и мастера нового очага сканного дела в поселке Мстёра — Шадрин, Качетова, Шапурин, а в художественной обработке металла, выполненной различными видами техники, — замечательные мастера Грузии Г. Хандамашвили, А. Джикия, Г. Г. Ликишвили, Армении — Р. Степанян, А. Кадонян, В. Ацагорцян и другие. Характерным для каждого из художников, работающих в области обработки металла, является постоянное стремление к расширению тематики, к совершенствованию старых и созданию новых видов изделий, к творческой переработке традиционных орнаментальных мотивов, в которые включаются новые, советские элементы.

Эти же стремления мы наблюдаем и у многочисленной семьи талантливых

мастеров-керамистов. Экспонированные на выставке вазы, игрушки, столовые и чайные сервизы, кувшины разных форм и размеров, квасники и т. д., созданные русскими мастерами (особенно оригинальны по силуэтам поливные квасники скопинских мастеров И. Максимова и М. Ташеева), гончарами Украины (изделия гуцульских и опошнинских художников Д. Головки, Д. Коломиец, З. Охримович, М. Сердюченко), мастерами Литвы (Микенасом, Ионасом и др.), Эстонии, Грузии и других республик, — ярко показали творческий рост художников из народа. Декоративность, цветовая насыщенность, пластичность — отличительные признаки творчества славных мастеров гжельского керамического куста: Николаева, И. Бессарабовой, Т. Дунашевой, показавших на выставке несколько произведений своего сложного и трудного искусства. Поэтичны и красочны изделия из глины дымковских мастериц О. Коноваловой, Г. Кошкиной, В. Косс, В. Пенкиной.

Прекрасные работы показали мастера художественной обработки кости, произведения которых привлекают своей содержательностью и виртуозной техникой исполнения. Образы В. И. Ленина и И. В. Сталина, темы замечательной социалистической действительности, история, природа, быт советских людей — в поле зрения мастеров, стремящихся к высоким достижениям искусства социалистического реализма. На выставке были показаны произведения одаренных мастеров резьбы: москвичей М. Ракова и С. Евангулова, холмогорцев М. Синьковой, П. Черникович, тобольчанина В. Денисова, представителей далекой окраины Советского государства — Чукотки — Онно, Красновой и других. Были на выставке и новые имена — Ф. Викулов, В. Синицких, П. Карахан, И. Верещагин и другие, произведения которых свидетельствуют о том, что в среде известных далеко за пределами Родины мастеров художественной резьбы по кости вливаются свежие одаренные силы.

Среди огромного количества текстильных художественных изделий радовали глаз образные панно, и декоративные ткани, исполненные в тончайшей технике золотшвейного мастерства, глади, росписи, кружевоплетения, вышивки, созданные многочисленными мастерами народного творчества ряда союзных республик.

Многочисленные экспонаты демонстрировали виртуозные приемы художественной обработки дерева: орнаментальной резьбы — ажурной, на проем, заovalной, рельефной, выемочной и т. п., объемной скульптуры малых форм, инкрустации, мозаики. С гуцульскими искусниками-инкрустаторами перекликались замечательные мастера насечки по дереву металлических узоров из Дагестанского аула Унцукуль. Широко было представлено на выставке творчество мастеров Латвийской ССР — В. Икситиса, А. Ука, А. Силиньш, Д. Паудис и других, Кировской области (капокорешок), шемогодских резчиков по бересте, резчиков по дереву из подмосковной деревни Богородское и Загорска. Большие многофигурные композиции богородской резьбы «Колхоз», «Руслан и Людмила», образные, пластичные, тонкие по моделировке, изящные по силуэту, — показали новый шаг вперед искусства народной объемной реалистической резьбы.

Следует отметить замечательное искусство художественной обработки кожи мастерами Эстонии и Латвии и новое явление в народном творчестве — освоение мастерами Грузии такого капризного материала, как пластмасса. Внедрение новых материалов в народные промыслы нужно приветствовать и всемерно поощрять.

Выставка с большой полнотой обрисовала современное состояние народных художественных промыслов и непрерывающийся творческий рост мастеров народного декоративного и прикладного искусства.

Николай Соболевский

ВЫСТАВКА «ПОЛЬСКОЕ НАРОДНОЕ ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕМЕСЛА»

Выставка польского народного искусства и художественных ремесел, организованная Государственной Третьяковской галлереей в залах Академии художественных наук (Москва) в ноябре 1948 г., ознакомила широкие круги советского зрителя с народным творчеством современной демократической Польши. Представленные на выставке образцы тканей, керамики, дерева — преимущественно работы последних, послевоенных лет. Они рисуют художественный облик польского народа и дают представление об особенностях художественного творчества населения отдельных областей, в том числе и воссоединенных; в частности, некоторые образцы на выставке отражают творчество кашубов. Выставка показала своеобразие польского современного народного искусства (уходящего корнями в древние народные традиции) и вместе с тем его глубокие исторические связи с другими народами, в частности с русским, украинским и белорусским.

Внимание этнографа привлекала представленная на выставке одежда (изготовленная в основном в начале XX в.), из которой были показаны 13 комплексов и

значительное число отдельных деталей. Представленные 3 комплекса мужской одежды отличны один от другого. I. Одежда краковянина состоит из: 1) типичной польской (характерной также для белоруссов) рубашки из холста, с прямыми вставками на плечах, собранной у ворота, снабженного отложным воротником; рукава собраны у обшлага и у плеча; 2) суконных голубых брюк; 3) кафтана из белого сукна с красными отворотами; 4) безрукавки того же кафтанный покрою (но без рукавов) из черного сукна, с красными отворотами и украшениями из зеленых шерстяных кистей; 5) широкого кожаного пояса с отделкой из металлических бляшек; 6) маленькой шляпки с бархатным околышем и павлиньим пером. II. Ловичская мужская одежда (Варшавское воеводство) состоит из: 1) сорочки того же типа, что и у краковчан; 2) брюк из оранжевой полосатой шерстяной ткани; 3) черной суконной куртки, перехваченной широким цветным полосатым кушаком; 4) черной шляпы с полями. Своеобразен III комплекс — одежда жителя Татр (Закопане, Краковское воеводство): холщевая мужская сорочка отличается нашивкой узких полос на плечах и скрепляется на груди серебряной фибулой; суконные белые штаны с вышивкой разноцветной шерстью аналогичны по покрою «ноговицам» южных, западных и частью восточных славян (украинцев), известным и венграм. Овчинная (мехом внутрь) безрукавка тип украинского «кiптара» (с аппликацией из цветного сафьяна), широкие кожаные пояса с тисненым узором, металлическими украшениями и несколькими застежками, кожаная обувь типа «постолов», деревянный орнаментированный топорик — все это сближает одежду подгальского горца с одеждой горных украинцев, сохраняющих немало древних общеславянских элементов.

Женская одежда была представлена комплексами из Варшавского, Лодзинского, Познанского, Силезского и Краковского воеводств. Она более однотипна и состоит из следующих частей: 1) сорочки с прямоугольными вставками из той же ткани на плечах и с отложным воротником (вариант более поздний — сорочка на кокетке, с открытым воротом и короткими до локтя рукавами — имеется в костюме краковчанки); 2) юбки; 3) корсажа или безрукавки, иногда пришитой к юбке (юбка с лифом или корсажем близка к типу белорусского «андарака», к литовскому «сиенас»); 4) своеобразного передника (иногда очень короткого), чаще, как и юбка, из яркой полосатой шерстяной ткани; 5) накидки (нередко дополняющей наряд) из куска шерстяной полосатой ткани, собранной у шеи; 6) головного убора женщин — тюлевого чепца или платка. Девичий головной убор был представлен курпевским убором в виде высокой твердой плоскости, обтянутой черным бархатом, украшенной искусственными цветами и полукругом огибающей переднюю часть головы. Этот своеобразный убор в основе своей восходит к общеславянскому типу девичьих головных уборов. По ряду деталей, характеру украшений, особенно расцветке, каждая область отличается одна от другой. Посетителей выставки поражала сочность красок, разнообразие и искусство в сочетании цветных полос на юбках, которые могут сравниться с искусством литовских крестьянок в этой области.

Богато были представлены тканые изделия (покрывала на кровать, ковры, дорожки и др.) домашнего изготовления и как продукция художественного ремесла. Обращали на себя внимание закопанские художественные ткани и ковры из д. Сокулка Белостокского воеводства. Сокулские ковры отличаются приятной мягкостью красок (выполняются они чаще в два цвета) и характеризуются растительно-геометризованной орнаментацией. На центральном поле ковра (имеющем неширокую кайму) ритмическими рядами расположен орнаментальный мотив, чаще — дерево или ветка. Нередко при этом поле ковра разбито на полосы или квадраты. Выполняются эти ковры переборной техникой. Были на выставке и «килимы», из которых интересен «килим» (тканый паласовый техникой) из Закопана с орнаментацией из фигур животных: оленей, баранов, неизвестных крылатых четвероногих существ, расположенных горизонтальными рядами.

Кроме текстиля, на выставке была значительно представлена керамика из Люблинского, Келецкого, Ржешувского, Варшавского, Белостокского, Гданского, Лодзинского воеводств. Это — кувшины, двойные горшки, миски, тарелки и др. Для этнографии очень любопытны сосуды яйцевидной формы (с крышкой), из красной глины (без поливы), с выдавленным волнистым орнаментом (Варшавское воеводство) и черная неглазурованная посуда из Белостокского воеводства. Однако преобладали обливная посуда: это белые обливные сосуды (Люблинское воеводство) с орнаментами в виде изящной ветки с птичкой. Гданская обливная посуда характерна коричневой, синей, зеленой расцветкой фона, на котором расположены узоры исключительно растительного характера, с особенно частым мотивом тюльпана. Гданская посуда более вычурна, нередко — это вазы различной формы и даже части чайного сервиза. Показана была и ильженская глиняная скульптура (Келецкое воеводство), представляющая главным образом животных и птиц, иногда в виде свистулек. Интерес вызвали лепные фигурки с применением разноцветных натуральных глин, покрытых бесцветной глазурью.

Меньшее место на выставке заняло дерево. Резьба по дереву была представлена своеобразной деревянной раскрашенной скульптурой (Ржешувское воеводство), изображающей человеческие фигуры, как, например, «девушка с узелком на спине», «крестьянин в шляпе» и т. д. Это — светские сюжеты в народной деревянной скульптуре, в которой в прошлом преобладали образы религиозного характера. Роспись

маслом по дереву была представлена на сундуках, покрытых пышной растительной многоцветной орнаментацией, в которой преобладающим мотивом является вазон в различных вариантах. Роспись печи и внутренних стен жилища (из Домбровского повета Краковского воеводства), воспроизведенная на бумаге, имеет немало общего с подобной росписью украинцев и словаков.

Акварели на бумаге в виде декоративного панно (изображающего цветы, среди которых помещены две фигуры барашков) из Краковского воеводства и изображения бытовых сцен из Варшавского воеводства выполнены в духе народной традиции. Особый вид живописи — живопись на стекле, преимущественно на фольклорные сюжеты, обязательный «Яносик» с разбойниками — была дана из Закопаня (Краковское воеводство). Этот вид искусства, как и богато представленное на выставке искусство вырезания из бумаги, типичны для Польши. «Wycinanki» — вырезки узоров из бумаги для украшения жилища — изготавливаются польскими крестьянками повсеместно, но особенной красотой отличаются курпевские (Варшавское воеводство) и ловичские (Лодзинское воеводство) вырезки, которые были экспонированы на выставке. Среди них выделялись две группы различных по сюжету и стилю: первая группа — курпевские одноцветные вырезки — бордо, синие, темнозеленые и других цветов, с подложным белым фоном, имеют характерную орнаментацию. Эта отрасль искусства связана со сравнительно новым материалом (бумагой), но вместе с тем в ней разрабатываются древнейшие общеславянские мотивы; розетка, в бесчисленных вариантах которой проявляется богатство творческой изобретательности польских крестьянок; мотив дерева (иногда с розеткой на вершине), с птицами по бокам на ветках (чаще всего с петухами) или же дерево в сочетании с женскими фигурами в колоколообразных юбках, расположенными то на дереве, то по его сторонам. Тратовка изображений условна: они как бы геометризуются и отдаленно по своему стилю напоминают подобные сюжеты в севернорусской народной вышивке. Вторая группа — ловичские вырезки, близкие стилистически к росписи; это — многоцветные, как бы мозаичные композиции из цветов; затем — яркие бытовые сцены на тему «свадьба» и «прядильница», выполненные с этнографическими подробностями и бытовыми деталями, напоминающие курпевские акварели.

На выставке было показано немало других предметов польского прикладного искусства, на которых не будем подробно останавливаться: это вышивки (преимущественно гладью), вязанье, токарные и резные поделки из дерева, плетеные из ивовых ветвей и сосновых корней и соломы, ювелирные изделия из Закопаня, игрушки. Любопытна деревянная игрушка в виде коня с повозкой (работа деревообделочной школы в Закопане), аналогичная русской игрушке. Конь имеет традиционные «яблоки», а коляска отмечена «солярными» знаками, напоминающими изображение колеса.

Выставка ознакомила советскую общественность с искусством и этнографией польского народа, менее известными нам, чем искусство и этнография других славянских народов. Показав своеобразие национального искусства демократической Польши, выставка вместе с тем ярко отразила общие черты в культуре польского и других славянских народов, указывающие на глубокие исторические связи этих народов.

Художественные образцы, собранные на выставке, оставили впечатление о радостном оптимистическом характере польского народного искусства и о его реалистических традициях. Выставка продемонстрировала достижения польского народа в области художественных ремесел. Был показан особый раздел образцов и моделей, созданных с целью повышения качества ремесленной продукции.

К открытию выставки был выпущен подробный путеводитель по ней: «Каталог выставки польского народного искусства и художественных ремесел» (М., 1948).

Г. Маслова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТОМСКЕ

С конца прошлого века, после С. М. Чугунова, оставившего богатое антропологическое наследство, антропологией в Томске долгое время никто не занимался. Только в 1934 г. в Томском государственном медицинском институте автором настоящей заметки был организован антропометрический кабинет при кафедре нормальной анатомии. Автор два года читал курс антропометрии, занимался сборанием и обработкой материалов по физическому развитию школьников и студентов г. Томска. В Гос. университете он же читал курс «Анатомическое введение в антропологию»¹.

Толчком к дальнейшему развитию антропологии послужило открытие в 1939 г. при Томском университете историко-филологического факультета. При университете благодаря энергии проф. К. Э. Гриневича были объединены усилия студентов и научных работников, заинтересованных в изучении исторического прошлого Томской области (проф. А. П. Дульзон, доц. Г. М. Трухин, З. Я. Бояршинова, доц. Н. С. Ро-

¹ См. «Антропологический журнал», 1936, № 3.

зов). Еще в трудных условиях Великой Отечественной войны начались планомерные археологические раскопки в окрестностях г. Томска (1944—1946 гг.). В них принимало участие большое число студентов Университета и Педагогического института. Результаты работ опубликованы в солидном сборнике «Басандайка», вышедшем в 1948 г. В сборнике помещена статья Н. С. Розова «Череп из курганов с «Басандайка». Антропологический материал, добытый при раскопках, невелик, плох сохранности, поэтому и статья носит характер предварительного сообщения.

В 1946 г. археологические, лингвистические и антропологические исследования были перенесены на р. Чулым. Под руководством проф. А. П. Дульзон большой отряд студентов исследовал 32 кургана около д. Тургай Минаевского сельсовета Асиновского района Томской области. Помимо богатого археологического и лингвистического материала проф. А. П. Дульзон доставил в Томск остеологическую коллекцию в количестве 24 черепов и 590 других костей скелета, которая в настоящее время систематизирована и обработана.

Экспедицией А. П. Дульзон было положено начало разработке проблемы этногенеза чулымских татар, являвшихся, наряду с томскими татарами, аборигенами Томского края. Летом 1947—1948 гг. работы на Чулыме были продолжены. В 1948 г. Томский университет организовал большую комплексную экспедицию на Чулым для изучения производительных сил Асиновского, Пышкино-Троицкого и Молчановского районов Томской области. В состав Чулымской экспедиции входил археологический антропологический отряд под руководством автора. Группа студентов — историков, биологов вместе с молодым археологом аспирантом Е. М. Пеняевым продолжала раскопки в районе д. Тургай. Помимо курганов и городищ раскопано старинное татарское кладбище на «Ясашной горе» около д. Нижняя Курья. Е. М. Пеняевым и В. С. Синяевым составлена археологическая карта памятников, расположенных по р. Чулыму от с. Асино до устья реки. На карту нанесены впервые 110 местонахождений памятников, причем некоторые из них представляют собой крупные комплексы объединяющие городища, селища, могильники и т. д. (д. Тургай, Смолокуровка, Десятово). Антропологические сборы количественно выразились в новой коллекции, состоящей из 24 черепов и 231 кости скелетов. Измерено 70 чулымских татар, сохранившихся в небольшом числе до последнего времени. Выяснены места их расселения, степень смешения с русскими, собраны материалы по истории заселения района р. Чулыма в последние десятилетия, сделаны фотоснимки.

В результате 3-летней работы Томский университет в настоящее время располагает значительным материалом для суждения о физическом типе «дорусского» населения (татар) нижнего течения р. Чулыма. В 1949 г. работы будут продолжаться по среднему течению Чулыма и в нижнем его течении, где, судя по имеющимся данным, проходил раньше «рубеж» между тюркскими и угрофинскими группами населения.

В дальнейшем должны быть изучены народности, живущие по верхнему и среднему течению р. Оби и ее притоков. Конечная задача исследований — на основании литературных данных (Дебел, Трофимова, Ярхо и др.) и собранного экспедиционным путем оригинального антропологического материала составить сводку об антропологическом составе населения Западной Сибири. Эта задача может быть разрешена при условии подготовки собственных кадров антропологов в Сибири.

Большим достижением следует считать утверждение в 1948 г. Министерством высшего образования при Биологическом факультете Томского гос. университета кафедры антропологии. Нужда в исследователях-антропологах и в пропаганде антропологических знаний в Сибири остро ощущается. Студенты проявляют большой интерес к этой новой для них области знания. При кафедре организован антропологический кружок, на заседаниях которого зачитываются доклады на антропологические темы. Под руководством пишущего эти строки студенты активно участвуют в организации антропологического музея. В нем в настоящее время собран почти весь палеоантропологический материал г. Томска (132 черепа и около 1000 костей скелетов). Однако часть полученного материала нуждается в дополнительной паспортизации.

Большое внимание уделяется пропаганде антропологических знаний. Кроме выступлений студентов, автором в 1948 г. прочитано 20 лекций и докладов по вопросам антропо- и расогенеза.

Но антропология в Сибири переживает трудный организационный период. Необходимо помощь центральных и местных организаций и советской общественности для укрепления и развития антропологической науки в Томске, для чего в первую очередь нужны квалифицированные кадры из центра, специальная литература и оборудование.

Н. С. Розов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О СОВЕТСКОМ ФИННОУГРОВЕДЕНИИ

В «Советской этнографии»¹ появилась добросовестно и интересно написанная статья Н. Н. Чебоксарова «Некоторые вопросы изучения финноугорских народов СССР (по поводу одной научной конференции)». Статья посвящена рассмотрению сборника «Советское финноугроведение»², отражающего часть работ 1-й научной конференции по вопросам финноугорской филологии (в связи с вопросами истории и этнографии финноугорских народов). Н. Н. Чебоксаров — не лингвист, и с его стороны вполне естественны вопросы, звучащие в части случаев, как упреки. Эти вопросы требуют ответов.

1

Народы, называемые финноугорскими, связаны между собой только по языковым признакам. Это ни в ком из советских ученых не вызывает ни малейшего сомнения. В то же время любой отдельный финноугорский язык должен изучаться в связи с историей соответствующего народа. Отрыв языка от того, на чем он растет, — вещь, в советской науке совершенно не допустимая. Против этого отрыва всегда горячо протестовал Н. Я. Марр.

Эти два положения определяют существо советского финноугроведения. Это — лингвистическая научная дисциплина, не отрывающаяся по линии каждого из народов, говорящих на финноугорских языках, в отдельности от вопросов, интересующих и историков (собственно-историков, археологов, этнографов и т. д. вплоть до антропологов, поскольку они занимаются этногенетическими проблемами), и тем самым разбивающая свою лингвистическую скорлупу.

Нам не вполне понятно, почему Н. Н. Чебоксаров смущается моментом «комплексности» в работе советского финноугроведения. Эта «комплексность» простирается на каждый из народов, говорящих на финноугорских языках, в отдельности. Без такой «комплексности» нечего и пытаться строить советскую науку. Было бы совсем не по-советски совершенно изгнать из работ конференции и со страниц ее печатного органа историю, этнографию и другие смежные науки, касающиеся отдельных финноугорских народов. Никакой иной комплексности в работах советского финноугроведения не было, нет и не может быть. Не удивительно, что Н. Н. Чебоксаров принужден констатировать, что историко-этнографические выступления в первом томе сборника «Советское финноугроведение» располагаются по отдельным финноугорским народам.

Может показаться, что иную комплексность вводят выступления по проблемам отношений между русским народом, с одной стороны, и финноугорскими народами, взятыми каждый в отдельности, — с другой (имеем в виду выступления вроде статей В. В. Мавродина «Русское многонациональное государство и финноугорские народы» или Д. К. Зеленина «Общие элементы в древних финских и русских костюмах в первом томе «Советское финноугроведение»). Но такое впечатление неверно. Кстати сказать, подчеркивание связей между русским народом, с одной стороны, и финноугорскими народами, взятыми каждый в отдельности, с другой, — имеет не только научное значение.

С мыслью Н. Н. Чебоксарова о том, что советский финноугровед должен быть служителем чистой лингвистики («финноугроведение — чисто лингвистическая

¹ См. «Советская этнография», 1948, № 3.

² Сборн. «Советское финноугроведение», 1, Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948.

дисциплина, изучающая языки финноугорских народов в их становлении, дальнейшем развитии и взаимодействии с языками других систем»³. Разрядка наша.—Д. Б.), никак нельзя согласиться, если мыслить так, как мыслил Н. Я. Марр.

2

Советское финноугроведение подходит к вопросам истории отдельных финноугорских народов не только пассивно (в порядке пользования указаниями собственно-историков, археологов, этнографов и т. д.), но и активно: лингвистические материалы нередко наталкивают на выводы исторического значения.

Здесь необходимо указать на одно обстоятельство, до сих пор известное только лингвистам, а работникам других гуманитарных наук, как оказывается, пока еще не известное. В первой половине и в середине XIX в. изучение финноугорских народностей стояло в России очень высоко, но к началу XX в. оно упало. Лингвистика в советское время выправила это положение. О советской исторической науке этого сказать нельзя. История прибалтийско-финских народов оказалась у нас в самом плачевном состоянии. Этим положением вещей широко воспользовались в Финляндии. Уже несколько десятилетий там усиленно разрабатывается теория, согласно которой племя корелы (отождествляемое там с современным карельским народом) сложилось из выходцев из западнофинляндского племени еми — того самого, которое составило (если не по названию, то по существу) ядро финского народа. Выводы из этой теории ясны. В разработке этой теории подвизались археологи (Тальгрэн и др.), лингвисты (Кеттунен и др.) — без использования, впрочем, лингвистических данных, наконец, историки. Многостороннее издание «Suomen historia» («История Финляндии», где большой второй том, трактующий, в частности, «карельскую проблему», написан известным реакционером Яккола) ставит все точки над i.

Как подходит к «карельской проблеме» наши враги, — это, к величайшему сожалению, осталось совершенно неизвестным нашим историкам. В книге С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородские времена»⁴ мы находим ссылки на какие угодно гипотезы о происхождении карел, кроме выдвинутых позднее 1890 г. и кроме созданных нашими врагами.

Есть и другие многочисленные свидетельства о том же. Укажем хотя бы на «Схематическую карту к истории Карелии в IX—XI вв.», приложенную к упомянутой книге С. Гадзяцкого. На этой карте сумь оказывается на севере Финляндии, еми — на южном побережье и т. д. Все это абсолютно неверно. Не только географическое положение, но и границы племен Финляндии в разные исторические эпохи прекрасно известны и совершенно не соответствуют карте. В последующей литературе дело сложилось еще хуже. В только что вышедшей первой книге «История СССР» под редакцией М. Н. Тихомирова карта С. Гадзяцкого получила добавление: еми указана не только на южном побережье Финляндии, но и... на Свирь. То же добавление оказывается на карте, содержащейся в только что вышедшем томе Большой советской энциклопедии, посвященном специально СССР. Дальше идти некуда. Выходит так, что наши историки ставят карел даже в более близкое отношение к еми, чем финляндские.

Совершенно естественно, что наше финноугорское языкознание, в достаточной мере осведомленное в прибалтийско-финских вопросах вообще, не могло ждать, когда наши историки всерьез займутся прибалтийско-финскими проблемами. Широко поставленные и широко проведенные работы по диалектам Карелии в полной мере выяснили две вещи: 1) речь племени корелы никак не может быть сведена к речи еми VI—VIII вв.; 2) речь современного карельского народа отражает его сложное происхождение — из основных частей племен корелы и значительных частей племен веси (в широком смысле⁵). Разумеется, в состав карельского народа вошли и лопские элементы, но только на началах языковой ассимиляции.

Этническая антропология полностью поддерживает указанные нами положения, в корне разрушающие разрабатываемую в Финляндии теорию. Мы очень рады были прочитать об этом в статье Н. Н. Чебоксарова. Он пишет: «Выводы Д. В. Бубриха, сделанные на основании лингвистических данных, хорошо согласуются с данными других исторических дисциплин, в частности этнической антропологии... Очень вероятно, что в процессе формирования антропологического состава карел отразилось их происхождение из двух племенных групп, намеченных Д. В. Бубрихом: северо-западной — собственно-карельской и юго-восточной, связанной с древней весью и современными вепсами»⁶.

³ «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176.

⁴ Петрозаводск, 1941.

⁵ Мы называем здесь весью не только белозерскую весь, но и всех, кто называл себя Vepsä.

⁶ Все это никак не снимает факта близкого языкового родства карел и финнов, коренящегося в близком языковом родстве древних суми, еми, корелы и веси. Мы протестуем не против факта, а против превратного его освещения.

3

Следуя учению Н. Я. Марра в одном, мы следуем ему и во всем другом.

И. И. Мещанинов формулирует установки учения Н. Я. Марра следующим образом: 1) речь развивается в неразрывной связи с мышлением; 2) речь развивается в непрерывной связи, через мышление, с обществом; 3) речь развивается в едином языкотворческом процессе; 4) речь развивается скачкообразно из стадии в стадию. Этим установкам мы верно следуем.

Но учение Н. Я. Марра состоит не из одних только установок. Им проделана колоссальная работа по освещению общего процесса глоттогонии. Им сделано исключительно много по прослеживанию архаических доиндоевропейских, дофинноугорских, дотюркских, досемитических и т. д. связей между языками Афревразии.

К несчастью, Н. Я. Марр скончался раньше, чем успел довести свою работу до конца. Относительно поздними горизонтами речи он не успел заняться вплотную. Высказываний по индоевропейским языкам, приобретшим уже характер индоевропейских, и по языкам других систем, приобретшим уже соответствующий характер, у него мало. Одно время после кончины Н. Я. Марра было модно применять к относительно поздним горизонтам речи ту методику, какую Н. Я. Марр применял к архаическим горизонтам. Но это было грубым нарушением принципов работы самого Н. Я. Марра, который никогда не смешивал разных стадий развития речи. К таким грубым нарушениям до сих пор склонны многие, не следящие за ходом развития советской лингвистики. Но в самой советской лингвистике эти грубые нарушения уже вполне изжиты. Разумеется, это связано с тяжелым трудом доработки того, что не успел закончить Н. Я. Марр.

Финноугорское языкознание в отношении наследия Н. Я. Марра находится в особенно трудном положении. Н. Я. Марром написано довольно много об архаической подготовке финноугорской речи и об ее архаических связях, особенно с Кавказом. Но собственно финноугорские горизонты развития финноугорских языков им совсем не затрагивались. Особенно больно это ощущается в области развития структур финноугорских языков.

Так как советское финноугорское языкознание работает в собственно финноугорских горизонтах развития финноугорских языков, то вполне понятно, что оно имеет очень мало случаев ссылаться на Н. Я. Марра в вопросах, выходящих за рамки установок. Может быть, произошло бы хорошее впечатление, если бы мы вносили в изложение приятную долю смещения относительно позднего с архаическим. Но, право же, мы слишком уважаем Н. Я. Марра, чтобы ради приятности изложения хотя бы чуть-чуть изменять его требованию строго различать стадии развития речи.

Не скроем, что в отдельных вопросах мы не соглашались с Н. Я. Марром. Мы склонны трактовать некоторые этнические термины в среде финноугорского по языку населения не в архаических, а в позднейших планах. Так, мы не можем согласиться со связыванием названий *коми* и *Suomi* (в чем мы имеем поддержку со стороны всех рабистиков коми), а это, вместе с новыми материалами, неминуемо приводит нас к новому освещению и пермских, и прибалтийско-финских (с лопарскими) этнических терминов. Такого рода несогласия с Н. Я. Марром, разумеется, совершенно неизбежны по самому ходу развертывания его дела.

4

Н. Н. Чебоксаров совершенно прав, когда ставит вопрос: как же конкретно следует представлять себе историческое существо и исторические судьбы финноугорских языков? В рецензируемом им сборнике, который отнюдь не вмещает в себя всю сумму выдвигаемых советским финноугорским языкознанием положений, об этом ничего нет: дело касается вещей, давно известных каждому советскому финноугроведу.

Прежде всего, несомненно общих положений.

Как доказал Н. Я. Марр, развитие языков идет от множества к единству (схема: пирамида, стоящая на основании, Δ), а не наоборот (схема: пирамида, стоящая на вершине, ∇). Но значит ли это, что любая пара или группа языков должна рассматриваться только под знаком схождения? Нет, не значит.

Материальные схождения между языками вырабатываются только при относящемся к той или иной эпохе контакте между коллективами — носителями этих языков. Если контакт между коллективами длится, материальные схождения между языками укрепляются и нарастают. Если контакт между коллективами расторгается, материальные схождения между языками вступают в полосу разрушения. Таким образом, существуют процессы материального схождения и материального расхождения языков. Общее количество явлений схождения преобладает над общим количеством явлений расхождения, так как человеческие коллективы делаются все крупнее и связи между ними все теснее.

В качестве фактора, влияющего на общее движение от множественности языков к единству, играет большую роль языковая ассимиляция, т. е. распространение языков из одних человеческих групп в другие. Языковая ассимиляция в очень большой мере содействует изжитию множественности языков. Сравним хотя бы языковые «карты» Передней Азии IV—III тысячелетий до н. э. и наших дней или языковые «карты»

Средиземноморья I тысячелетия до н. э. и современную. Языковой ассимиляции придается тем большее значение, что она окончательно устраняет в языках расовую основу.

В финноугорских языках имеются и словарные и грамматические сходства. Количество первых составляет много сотен случаев. Что касается вторых, то они проникают в основы грамматики в целом. Замечательно, что сходные слова составляют своего рода систему, прямо обрисовывающую культурное состояние на пороге эпохи металла. Раскрывается картина обитания в теплой полупустыне, охоты с помощью лука и стрел, рыболовства с помощью довольно сложного ассортимента срудий, скромнейших начатков животноводства и земледелия, экзогамно-родовых отношений и т. д.; металл выступает в поле зрения в украшениях. К этому прибавляются некоторые географические показатели. Раскрывается картина климата со снегом и льдом зимою, растительность южного пояса лесной полосы, животного мира бассейна Волги без низовья⁷.

Совершенно ясно, что накануне металла где-то в бассейне Волги еще не сошел со сцены контакт между языками, в котором определился финноугорский характер этих языков, выработка на определенной ступени развития множества общих лексем и общих основ грамматики⁸. В условиях контакта эти языки были, разумеется, ближе друг к другу, чем оказались позднее, когда контакт расторгся. Преувеличивать эту близость, однако, нельзя. Отчетливо прощупываются, хотя (за дальностью «расстояния») и не в полной мере прослеживаются, различия между этими языками. Этому последнему обстоятельству в «Советском финноугроведении» уделяется большое внимание! В то же время, как об этом говорит множество общих лексем и общие основы грамматики, они должны были длительно контактировать между собой по преимуществу. Добавим, что состав контактирующих языков был подвижный. Ни о каком финноугорском «праязыке», т. е. языке — общем предке финноугорских языков, не может быть и речи. Сходства обеспечивались задолго начавшимся контактным развитием¹⁰.

Позднее мы находим языки финноугорской системы разбросанными на разных территориях и весьма друг от друга отделившимися. Перемещение финноугорской речи следует связывать меньше с миграциями, чем с языковой ассимиляцией. Не подлежит сомнению, что лопари стали пользоваться одной из разновидностей финноугорской речи только несколько тысячелетий назад — в лопарской фонетике отражаются фонетические «перебои», объясняющиеся переходом финноугорской речи в новую среду (появление задержки артикуляции согласных при определенных условиях, исчезновение шипящих согласных, сокращение числа гласных и т. д.). Многое говорит и за то, что только с некоторых пор стали пользоваться финноугорской речью также прибалтийские финны, с одной стороны, и угры, — с другой. Нельзя ручаться даже за весь состав волжско-камских финноугорских народов. Особенный интерес представляют в данном отношении прибалтийские финны. Такие совсем не финноугорские явления, как различение долгих и кратких гласных (в области фонетики) или согласование определения с определяемым (в области грамматики), сближают прибалтийско-финскую речь с литово-латышской и заставляют думать, что этническая среда, в которой утвердилась прибалтийско-финская речь, была сродни той, где утвердилась литово-латышская речь. Вместе с тем такое явление, как падение шипящих согласных, аналогичное лопарскому (хотя и иначе протекшее), заставляет думать, что дело осложнилось вхождением кое-каких этнических элементов из числа тех, которые представлены в лопарях. Обстоятельства ассимилятивного продвижения финноугорской речи к Балтийскому морю начинают понемногу разясняться. Но здесь мы на этом не можем остановиться.

Вряд ли надо говорить, что разрушение древнего финноугорского языкового контакта было связано с установлением контактных отношений с новыми «партнерами». Но времена были уже не архаические, языки в своей структуре, а отчасти и в лексике, утеряли архаическую пластичность. Поэтому контактные отношения с новыми «партнерами» с некоторых пор стали выражаться преимущественно в так называемых заимствованиях, т. е. приближаться к тем порядкам в отношениях, которые господствуют в настоящее время.

5

Несколько слов о заимствованиях.

Архаические общности между языками и заимствования из языка в язык весьма легко отличимы одни от других. Лингвистика имеет в своем распоряжении много точных и испытанных средств для их различения. Поскольку дело касается заимствования, она имеет возможность не только выделить их, но и хронологизировать — в относительных, а обычно и в приблизительных абсолютных датах. Так, например, финно-

⁷ Заметим между прочим: нет старых финноугорских названий вневолжских рыб, например, угря и лососевых, — ср. Л. С. Берг, Названия рыб и этнические взаимоотношения славян, «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 67 и сл.

⁸ Разумеется, финноугорские языки никогда не контактировали только между собой.

⁹ См. всю первую главу нашей статьи «Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР», Сборн. «Советское финноугроведение», I.

¹⁰ Идея контактного развития выдвинута нами в 1946 г. и уже получает хождение в советской лингвистике.

угорское *u...* *t...*—вода или финноугорское *m...* *t...*—мед или финноугорское *u...* *l...*—соль по целому ряду признаков не могут быть признаны заимствованиями из каких-либо индоевропейских языков, а должны быть отнесены в план архаических общностей. Но вот прибалтийско-финское *hernes*, *herne(h)*—горох должно быть признано заимствованием из литво-латышского источника (ср. лит. *žirnis*—горох; литво-латышские *ž* и *š* отражаются на прибалтийско-финской почве закономерно как *h*), так как морфология прибалтийско-финского и литво-латышского слов отчетливо литво-латышская. Время заимствования, по фонетическим данным,—незадолго до н. э.

Чтобы в вопросе о заимствованиях не было неясностей, надо подчеркнуть, что, скажем, литво-латышские и древнегерманские заимствования в прибалтийско-финских языках являются современниками греческих заимствований в латинском языке и латинских заимствований в древнегерманских языках и протекали в той же Европе. Если в последних случаях специалист умеет прекрасно отличать заимствования от архаических общностей, то это же наблюдается и в первых случаях.

Из сделанных, начиная с третьей четверти прошлого века балто-финских и германо-финских сближений, многие неправильны. Но некоторая их часть бесспорна. Как известно, ни Ф. Энгельс, ни К. Маркс отнюдь не обвиняли лингвистическую науку даже третьей четверти прошлого века в неточности. Наоборот,—высказывания классиков марксизма на этот счет общезвестны.

С тем, что получается в результате изучения заимствований в прибалтийско-финских языках, приходится самым серьезным образом считаться¹¹. Априорные соображения, конечно, не могут противопоставляться фактическим данным.

6

Остался один момент, самый трудный. Мы имеем в виду языки и диалекты родоплеменных обществ. Дело совсем не так просто, как это представляется Н. Н. Чебоксарову.

Сначала несколько общих замечаний.

Род и племя имеют первичные и вторичные признаки. Первичный признак рода, сложившийся, конечно, на хозяйственной основе,—экзогамия. Первичный признак племени как общественой единицы—связь родов на началах взаимного восполнения в экзогамно-брачных отношениях. Где род, там и племя. Вторичные признаки рода и племени удобнее всего охарактеризовать, исходя из вторичных признаков племени (вторичные признаки рода в определенной мере с ними соотносительны). Ко вторичным признакам племени относятся, кроме хозяйственных и производных от них связей, неразрывных с брачными, еще следующие, указываемые Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Собственная территория племени, трактуемая как единая территория, а не просто как совокупность территорий отдельных родов (места поселения—значительная область для охоты и рыбной ловли—пограничная «пустыня»).

Собственное имя племени. Дело касается не таких «самоназваний», как «человек», «настоящий человек» и т. п., а имени племени в собственном смысле этого термина.

Особый, лишь этому племени свойственный диалект. Племя и диалект по существу совпадают. Исключения наблюдаются лишь в случаях, когда два ослабевших племени слились в одно.

Общие религиозные представления (мифология) и обряды культа.

Совет племени для обсуждения общих дел, состоящий из сахемов и военных вождей отдельных родов, а иногда и общий глава племени—один из сахемов, на данную должность избранный.

Определенные права племени по отношению к родам, осуществляемые советом племени, в частности право вводить в должность избранными родами сахемов и родовых вождей, а также право смещать их, даже против желания рода.

Ничто не говорит за то, чтобы вторичные признаки рода и племени возникали все одновременно с первичными. Поэтому род и племя в начале развития (а они развиваются, как и все в мире) могут существенно отличаться от рода и племени в конце их развития, в предклассовую эпоху. В особых условиях—в условиях разбросанности родов на больших расстояниях друг от друга, например, на севере—появление некоторых вторичных признаков племени может очень задерживаться¹².

Ирокезские род и племя вступили уже в полосу, когда появился союз племен. Греческий род и племя известны нам в предклассовую эпоху. То же можно сказать о кельтском и германском роде и племени. Все это—род и племя у верхнего конца своего развития и притом в условиях, благоприятствующих сложению всей полноты вторичных их признаков. Но на более низких ступенях развития и в особых условиях картина не может быть той же, что у ирокезов.

Во времена Ф. Энгельса этнографические данные были еще не богаты. Особенно

¹¹ Не следует только воспринимать вещи неверно. Так, искажающее слово «все» оказалось в статье Н. Н. Чебоксарова (на стр. 179, 2-я строка снизу), если не вследствие корректурной ошибки, то в силу неверного восприятия вещей со стороны автора.

¹² О значении разбросанности или скученности населения см. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 118 (по изд. 1947 г.).

трудно дело обстоит с нашим севером (Ф. Энгельс соприкоснулся с ним только в вопросе о групповом браке у гиляков). Характеристика рода и племени у начала их развития и в особых условиях была еще невозможна. Очевидно, надо вести работу дальше.

Теперь обратим внимание на следующие явления.

Как известно, у многих народов сохраняются пережитки различия мужского и женского языков или диалектов. Есть случаи (особенно в Америке) очень яркие. Но чаще перед нами случаи разных степеней смягченности — вплоть до небольших фонетических различий.

Далее: как известно, у многих народов сохраняются рассказы, где герой ездит за женой к людям, живущим на свой особый лад и говорящим на своем особом языке или диалекте. Вспомним хотя бы «Калевалу». Герон Калевалы (это одна из двух «стран», описываемых в «Калевале») ездит за женой в Похьолу. Как ни связаны Калевала и Похьола в брачных отношениях, но в каждой из них свои порядки и своя «власть». Да и говорят в них по-разному — в Похьоле говорят «по-лопарски» (см. два места в руне XII)¹³.

Что же это такое? В брак вступали ведь представители не разных племен, а разных родов (или выросших на их основе фратрий). Выходит так, что у родов, связанных брачными отношениями, когда-то были разные порядки, разная «власть» да и разные языки или диалекты.

К указанным явлениям нельзя отнестись легко. Те или иные пережитки различия мужских и женских языков или диалектов имеются во всех пяти частях света. Рассказы о герое, едущем за женой в «страну», где свои порядки, своя «власть» и свой язык или диалект, существуют повсеместно. Никак нельзя свести все это к какому-нибудь особым случаям. Тем более нельзя подвести все это под марку чего-нибудь позднейшего. Все это не что иное, как отражение селой древности, когда род и племя соотносились иначе, чем у ирокезов. Конечно, с течением времени все это приспособилось к новой обстановке, обросло отражениями позднейших эпох. Рассказы о сватовстве в чужом роде, живущем своими порядками и подчас оказывающемся враждебным, обросли чертами позднейших отношений между племенами и народами, разукрасились преувеличениями и фантастическими вымыслами.

Совсем не трудно представить себе род и племя у начала их развития или в особых условиях. Два рода связаны брачными отношениями. Значит ли это обязательно, что они уже успели сложить вместе свои территории, выработать название, охватывающее их обоих, выработать общий язык или диалект, выработать общие религиозные установления, создать регулярно функционирующий общий совет старейшин и т. д.? Нет, совсем не значит. Все это впереди, а пока этого еще нет. Поскольку роды связаны брачными отношениями, они уже составляют племя. Но это совсем не ирокезское племя. Племя пока является по существу союзом «суверенных» родов. До сосредоточения «суверенитета» в племени еще далеко.

Было бы совершенно неправильно думать, что брачные отношения между родами обрастают новыми явлениями очень быстро. Каждый «суверенный» род очень долго держится за свой «суверенитет». Этот «суверенитет» — не шутка. Для сосредоточения «суверенитета» в племени нужны не десятки и не сотни и не тысячи лет, а целые стадии развития. Насколько упорно род борется за свой «суверенитет», видно хотя бы в языковой области: ведь различие мужской и женской речи дает себя знать по сей день даже у культурнейших народов (например, на Кавказе).

Весьма важно отметить, что, пока племя является по существу союзом «суверенных» родов, оно имеет еще слабую внутреннюю связь. Между «суверенными» родами, составляющими племя, временами возможны военные конфликты (как между Калевалой и Похьолой). «Суверенные» роды, составляющие племя, могут попадать в разные исторические «переплеты» и совсем отрываться друг от друга. Само собой понятно, что, отрываясь друг от друга, они, каждый в отдельности, должны найти себе новых «партнеров» в брачных отношениях, т. е. либо примкнуть к другим племенам — союзам «суверенных» родов, либо составить с подобными им оторвавшимися родами новые племена того же рода. В ходе времен перегруппировки «суверенных» родов по племен-

¹³ Чтобы не было недоразумений, надо указать, что такое в «Калевале» «Лапландия». Это — вовсе не Лапландия в привычном для нас смысле, а просто относительно северные места. Такое понимание «Лапландии» у прибалтийских финнов, если не первоначально, то возникло очень рано в процессе продвижения на север, когда местности, раньше бывшие лопарскими, по уходе оттуда лопарского населения продолжали трактоваться как «лопарские». В г. Орешке северный конец называли Лопским концом, хотя лопарей у Невы не было уже задолго до XIV в. В Карелии лизвики и людики называют «лопарями» всех собственно-карел, собственно-карелы бассейна р. Суны называют «лопарями» всех более северных собственно-карел, собственно-карелы берегов Сегозера используют название «лопарей» для карел в направлении Ондозера и севернее и т. п., и только наиболее северные собственно-карелы прилагают название «лопарей» к настоящим лопарям; некоторые группы собственно-карел называют «лопарями» и себя. В административной практике термин «Лопские погосты» (охватывавший все погосты в Средней и Северной Карелии) удерживался и тогда, когда никаких лопарей в этих местах не было.

нам могут происходить и неоднократно — ведь начало верхнего палеолита, когда возникли родо-племенные порядки, отделено от нас приблизительно 50 тысячами лет!

Здесь место объяснить, почему мы так заинтересованы в мысли, что племя когда-то было союзом «суверенных» родов и соответственно роды могли пользоваться разными языками или диалектами.

Существует два подхода к разъяснению исторического существа систем языков, входящих в доклассовые времена. Один подход характеризуется выдвинутым идеей происхождения системы языков на основе расчленения языка — общего предка, так называемого праязыка. Этот подход упорно держится в буржуазной науке. Другой подход характеризуется выдвинутым идеей происхождения системы языков на основе скрещения (или смешения) языков. Этот подход разработан Н. Я. Марром.

Если мы встанем на точку зрения исконной организации родо-племенной жизни по ирскескому типу, мы никак не поймем явлений языкового скрещения (смешения), создавших, согласно советской точке зрения, системы языков. В самом деле: племена (пока дело не дошло до союзов племен) связаны между собой довольно слабо. Брачных связей нет. Прием в племя чужаков составляет редкое явление. Включение в племя женщин истребленного племени составляет явление исключительное. Покорения племен племенем еще не существует. К тому же обменные связи между племенами еще слабы и их правильности ничем не гарантируется. В этой обстановке скрещение (смешение) языков невероятно.

Но если мы встанем на точку зрения первоначального устройства племени как союза «суверенных» родов, все становится для нас понятно. В течение веков, тысячелетий и десятков тысяч лет возникает много явлений перегруппировки «суверенных» родов по племенам и при каждой такой перегруппировке в связи вовлекаются дотоле не связанные «суверенные» роды, и это в самых различных комбинациях. Хотя в каждый данный момент каждое племя имеет строго определенный состав, но в ходе времени эти границы теряют свое значение. Создается обстановка, не только благоприятствующая скрещению (смешению) языков, но и прямо его обуславливающая.

Как видно, точка зрения первоначального устройства племени как союза «суверенных» родов не только оправдывается приведенными выше соображениями, но и прямо неизбежна, если держаться линии учения Н. Я. Марра.

Не возможно ли, однако, что в конце концов мы попадаем в антиэнгельсовский тупик? Нет, ничего похожего на это нет. Взвесим следующее. Ф. Энгельс, по состоянию знаний своего времени, не мог выдвинуть идеи языкового скрещения и всего соответствующего комплекса идей. Н. Я. Марр, по состоянию знаний своего времени, умноженных его личным научно-исследовательским трудом, смог углубиться в прошлое и выдвинуть эту идею. Противоречит ли учение Н. Я. Марра положениям Энгельса? Нет, не только не противоречит, но развивает их дальше. Далее, Ф. Энгельс, по состоянию знаний своего времени, не мог развернуть картины древних отношений между родом и племенем. По линии учения Н. Я. Марра эта древняя картина разворачивается. Противоречит ли утверждение этой древней картины учению Энгельса? Нет, не противоречит, а развивает его. Сказав «А», надо сказать и «Б».

Напрасно Н. Н. Чебоксаров приписывает изложенные «еретические» мысли только пишущему эти строки. Последний лишь впервые разворачивает всю нить соответствующих рассуждений, но идея принадлежит не ему.

В статье «Новое учение о языке на современном этапе развития» в том же томе «Советского финноугроведения», который рецензирует Н. Н. Чебоксаров, И. И. Мещанинов очень ясно говорит о языках родовых ячеек или языках отдельных родов¹⁴.

Пишущий эти строки идет по путям Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова. Поэтому в своем докладе на финноугроведческой конференции он говорил о родовых языках, а в статье, отражающей этот доклад, писал о родовых диалектах¹⁵. Вместе с тем он, обсуждая сложение финноугорской системы языков, ориентировался вообще на «суверенный» род и слабо связанное, неустойчивое, меняющее свой состав племя. Племени он не мог отрицать — кому же это придет в голову, когда речь идет об экзогамных родах? Но он отрицал сложение организованных племенных форм жизни (т. е. форм, определяемых нарастанием всей совокупности вторичных признаков вплоть до совета старейшин). Н. Н. Чебоксаров разницы между этими двумя вещами не заметил.

У финноугроведов есть особые основания для утверждения «суверенного» рода в неустойчивом племени в эпоху сложения финноугорской системы языков. Финноугорские языки по всему их складу — северные языки. Конечно, Поволжье, с географической точки зрения наших дней, не входит в состав Севера. Но в свое время оно по формам производства и по всему жизненному укладу примыкало к Северу. А Север с его малой заселенностью и разбросанностью населения, чрезвычайно благоприятствует задержке в выработке вторичных признаков рода и племени.

И вот приходится констатировать две вещи.

¹⁴ И. И. Мещанинов, Новое учение о языке на современном этапе развития. Сб. «Советское финноугроведение», I, стр. 17.

¹⁵ Термин «родовые диалекты», как оказалось, в лингвистической среде доходчивее и родит меньше недоразумений, чем термин «родовые языки». В тексте статьи, по корректурной оплошности, термин «родовые языки» дважды оказался невыправленным.

1) В финноугорских языках обнаруживается полный «набор» старых терминов родовой жизни, включая термины родства, и в то же время нет ни одного старого термина организованной племенной жизни. Термины организованной племенной жизни все без изъятия разъясняются как возникшие относительно поздно (во II или I тысячелетиях до н. э.) из хорошо прослеживаемых своих и иноязычных источников.

2) У финноугорских народов нет достоверных старых племенных названий. Некоторая часть племенных названий остается темной, что неудивительно. Но большинство разъясняется как возникшие относительно поздно (в Поволжье во II или I тысячелетиях до н. э., в Прибалтике в I тысячелетии до н. э. или в I тысячелетии н. э.) из хорошо прослеживаемых источников. Поскольку эти племенные названия относительно поздно происхождения, они разъясняются в согласии с указаниями Ф. Энгельса, которые являются чрезвычайно важными¹⁶. Одно из двух: либо в финноугорскую древность еще вообще не возникало племенных названий (как не возникло племенных названий, охватывающего Калевалу и Психолу), либо они были настолько неустойчивы, что легко исчезали без уловимых следов.

Мы убеждены, что этнографы, если они будут руководствоваться идеей Н. Я. Марра о стадильности применительно к отношениям между родом и племенем (как лингвисты руководствуются этой идеей применительно к явлениям речи), со своей стороны не замедлят подтвердить указанное. Нам представляется, что большой не изученный еще материал может быть найден на нашем Севере. Укажем хотя бы на лопарей-саамов, о которых можно судить не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и с точки зрения XVI—XVII вв. (материалы есть). Мы могли бы изложить некоторые наблюдения и сейчас, но опасаемся сделать при этом ряд промахов: лингвист в этнографии это приблизительно то же, что этнограф в лингвистике. Поэтому мы предпочитаем подождать, что выяснит насчет лопарей-саамов этнографы.

Выступление Н. Н. Чебоксарова не во всем удачно. Установки нового учения о языке на современном этапе развития ему не вполне известны. Вопрос об отношениях между родом и племенем на разных стадиях развития сложнее, чем он думает; в этом вопросе никак нельзя не считаться с соображениями лингвистов, и его окончательное разрешение — дело предстоящей совместной работы ученых разных специальностей в области гуманитарных наук.

В то же время очень многие указания Н. Н. Чебоксарова справедливы. Нашу статью «Советское финноугорское языкознание» следовало бы расширить, включив туда в частности, конкретные указания о времени, месте и порядке формирования финноугорской системы языков. Нашу статью «Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР» тоже следовало бы расширить, начав ее с главы об архаических истоках и связях языков финноугорской системы, как их обрисовывает Н. Я. Марр. Полезно было бы где-нибудь в книге разяснить вопрос о разных заимствованиях в финноугорских языках, ибо этот вопрос пересматривался, часть заимствований признана, но некоторые и отвергнуты¹⁷. В общем, в статьях пишущего эти строки слишком много ориентации на людей, находящихся в курсе работ советского финноугроведения, и слишком мало ориентации на широкий круг читателей. Ряд недостатков справедливо указан и в других статьях.

К ошибкам советского финноугроведения надо относиться не без снисхождения (что признает и Н. Н. Чебоксаров, написавший свою рецензию в очень мягких тонах): эта новая советская научная дисциплина, весьма сложная, растет в очень быстрых темпах, а следовательно, в ней особенно много случаев не только для достижений, но и для ошибок.

В области методологии советское финноугроведение не столько на словах (зловредно мало, — может быть, к ущербу популярности), сколько на деле стремится следовать установкам Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова, ни на секунду не сбываясь на вульгаризацию. Оно тщательно блюдет престиж советской науки. Оно резко заострено против зарубежных и устарелых отечественных теорий. В дальнейшем своем развитии оно нуждается в помощи не только лингвистов (эта помощь есть), но и работников смежных гуманитарных специальностей.

Рецензия Н. Н. Чебоксарова открывает путь к сотрудничеству с работниками других научных дисциплин, а значит, обещает помощь с их стороны. Рецензию эту финноугроведы приветствуют.

Д. Бубрих

¹⁶ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 104 (по изд. 1947 г.).

¹⁷ В этой связи следует заметить, что совершенно сдвинулось наше прежнее представление о «Калевале». Об этом мы сообщим в своем выступлении на столетнем ее юбилее.

ЕЩЕ РАЗ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ФИННОУГОРСКИХ НАРОДОВ

1

В настоящем номере «Советской этнографии» помещена статья чл.-корр. Академии Наук СССР Д. В. Бубриха «О советском финноугроведении»¹, представляющая собой ответ на мой критический обзор работ конференции по изучению финноугорских народов, состоявшейся в Ленинграде в конце января и начале февраля 1947 г.² В своем ответе Д. В. Бубрих затрагивает целый ряд актуальных научных проблем, связанных не только с финноугроведением как крупным разделом советского языкознания, но и с важнейшими вопросами истории первобытного общества, археологии, этнографии и даже этнической антропологии. Речь идет о первичных и вторичных признаках рода и племени, о причинах и времени их формирования, о территории и эпохе складывания финноугорских народов, о роли работ Н. Я. Марра для конкретных проблем истории финноугров и их соседей, о самом содержании «финноугроведения» и об участии советских ученых различных специальностей в его конструировании.

Уже самый перечень этих вопросов говорит о том, что моя рецензия нашла отклик среди советских финноугроведов и побудила одного из их видных представителей высказаться по многим темам, недостаточно полно освещенным на самой конференции и вызвавшим недоумение, а подчас и возражения со стороны этнографов и антропологов, работающих по финноугорским народам. В конце своей статьи Д. В. Бубрих подчеркивает, что «финноугроведы приветствуют» мою рецензию, так как она «открывает путь к сотрудничеству с работниками других научных дисциплин, а значит, обещает помощь с их стороны». Нет сомнения, что советские этнографы и антропологи в свою очередь могут приветствовать выступление Д. В. Бубриха, которое свидетельствует о желании финноугроведов работать над сложными проблемами истории финноугорских народов в контакте со всеми советскими учеными, интересующимися этими проблемами. А ведь в такой совместной, коллективной работе, сочетающейся с принципиальной критикой и самокритикой, — лучший залог успеха, неуклонного, хотя и трудного движения вперед по пути построения подлинно научной истории народов СССР, истории, достойной нашей великой эпохи строительства коммунизма!

2

Однако большинство вопросов, поставленных в моей рецензии, и после ответа Д. В. Бубриха остаются неразрешенными.

Начнем с самого содержания «финноугроведения» в понимании организаторов Ленинградской конференции. Д. В. Бубрих напрасно приписывает мне мысль, что «советский финноугровед должен быть служителем чистой лингвистики», и упрекает меня в том, что я будто бы смущаюсь «моментом комплексности в работе советского финноугроведения»³. Ни в разбираемом обзоре, ни в других своих печатных трудах и устных выступлениях я нигде и никогда не высказывался против комплексного изучения финноугорских (как и всех других) народов. Напротив, советские этнографы и антропологи (в их числе и автор настоящей статьи) уже на протяжении многих лет ведут комплексную работу по изучению народов СССР и зарубежных стран, широко используя для своих научных выводов не только собственно этнографические и антропологические, но также исторические (в самом широком смысле слова), археологические, географические, а отчасти и лингвистические материалы.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Имея в виду только работы, непосредственно касающиеся финноугорских народов, уместно вспомнить о соответствующих главах из недавно вышедшей книги Г. Ф. Дебеца⁴, о его же статьях, посвященных антропологическому составу вепсов и мордвы-эрзя⁵, о трудах В. Н. Чернецова по этногенезу манси и хантов⁶, об антропологическом изучении этих же народов Т. А. Трофимовой и автором настоящей статьи⁷, о его же работах по этногенезу коми⁸, о статьях В. Н. Белицер по этнографии удмуртов и

¹ См. стр. 189—196 настоящего журнала.

² Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176—185.

³ Стр. 189 настоящего номера журнала.

⁴ «Палеоантропология СССР», М.—Л., 1948, см. в особенности §§ 15—17 гл. II, §§ 28—30 гл. III, §§ 42—43 гл. IV.

⁵ Г. Ф. Дебец, Вепсы, Ученые записки МГУ, вып. 63, 1941; его же — Антропологический очерк бытш. Лукояновского уезда, там же.

⁶ См., например, его статью «Очерк этногенеза обских югров», «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 18—28.

⁷ «Антропологическое изучение манси», там же, стр. 28—37.

⁸ «Этногенез коми в свете антропологических данных», там же, стр. 54—58; «Этногенез коми по данным антропологии», «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 50—80.

бесермян⁹. Конечно, работы эти не свободны от недостатков и в настоящее время не во всем удовлетворяют самих авторов. Но везде красной нитью проходит мысль, сформулированная С. П. Толстовым еще в 1940 г., о том, что для разрешения проблем этногенеза «требуется координированная работа ученых различных специальностей: историков, археологов, этнографов, лингвистов, антропологов»¹⁰. К сожалению, как раз лингвисты принимали в этой плодотворной коллективной работе наименьшее участие. Не случайно в лингвистических докладах, заслушанных на Ленинградской конференции, лишь в самой минимальной степени использовались исторические (а тем более археологические и этнографические) данные для освещения таких вопросов, как место и время формирования финноугорских народов или причины и эпоха распространения финской речи в Прибалтику. Не случайно также к работам конференции не были привлечены очень многие археологи, этнографы и антропологи, на протяжении ряда лет ведущие исследования среди финноугорских народов.

3

Таким образом, ни о каком отрицании необходимости комплексного изучения финноугорских народов не может быть и речи. Следует полностью согласиться с Д. В. Бубрихом, что «без такой комплексности нечего и пытаться строить советскую науку»¹¹. Но комплексное изучение отдельных финноугорских народов это совсем не то, что конструирование особой комплексной дисциплины «финноугроведения», имеющей объектом своего изучения не только языки, но также историю культуры и быта финноугорских народов в целом. Сам Д. В. Бубрих справедливо подчеркивает, что «народы, называемые финноугорскими, связаны между собой только (разрядка наша.— Н. Ч.) по языковым признакам»¹². Но раз так, то всякая попытка установить специфическое финноугорское единство вне сферы языка должна неизбежно вести к признанию мнимой «панфинской» историко-культурной общности и к искусственному отрыву финноугорских народов от их иноязычных соседей. А ведь именно такова «научная установка» реакционных финляндских ученых, вызвавшая заслуженную отповедь со стороны Д. В. Бубриха¹³.

На протяжении многих десятилетий финские буржуазные этнографы, начиная с Сиреллиуса и Гейкеля и кончая Манниненом и Рэнком, старались проследить «общие элементы» в культуре финноугорских народов, почти полностью игнорируя черты культурного сходства между этими народами и их славянскими, балтийскими и тюркскими соседями или же рассматривая подобное сходство как результат односторонних поздних заимствований. Такое положение, «нормальное» для капиталистических Финляндии, Венгрии или Эстонии первых десятилетий нашего века, совершенно нетерпимо в Советском Союзе, где в основе любого научного исследования лежит ленинский тезис о том, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁴. Постоянная «оглядка» на языковую общность финноугорских народов привела финскую буржуазную этнографию к шовинизму и замкнутости, борьба с которыми является прямым долгом советских ученых.

Очень показательно, что в самой молодой из «финских» советских республик — в Эстонской ССР — эта борьба уже ведется силами самих эстонских ученых. Этнография эстонского буржуазного периода, — пишет проф. Х. Моора, — имела языковую основу, используя в качестве главных исторических источников данные финноугорской лингвистики. В связи с этим область интересов этнографов не выходила за пределы финноугорских народов. Между тем, согласно советской концепции, этнография является отраслью исторических наук... Советская точка зрения значительно расширила поле зрения эстонской этнографии, которая уже приступила к изучению исторических связей нашей народной культуры с культурой соседнего русского народа. Эта работа вскрывает новые интересные факты. Так оказывается, что эстонский этнографический материал содержит общие элементы не только с таковым непосредственно прилегающих русских областей, но и с культурой более отдаленного от Эстонии белорусского народа»¹⁵.

Надеемся, читатель простит нам эту длинную цитату: уж очень метко — не бровь, а прямо в глаз — бьет она по всяким попыткам снова ограничить все это

⁹ «К вопросу о происхождении бесермян», Труды Ин-та этнографии, I, 1941, стр. 183—193; «К вопросу о происхождении удмуртов», «Советская этнография», 1941, № 4, стр. 103—125.

¹⁰ «Итоги совещания по этногенезу народов Севера», «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941, стр. 3.

¹¹ Стр. 189.

¹² Там же.

¹³ Стр. 190.

¹⁴ В. И. Ленин, Письмо к Инессе Арманд, 30/XI 1916 г., «Большевик», 1949, № 1, стр. 41.

¹⁵ Н. Моора, Eesti etnograafia nõukogulikult ülesehitamisest, Eesti rahva muuseumi aastaraamat, I, Tartu, 1947 (цит. по русскому резюме, стр. 200—201).

роннее изучение финноугорских народов узкими рамками искусственно созданного «комплексного» финноугроведения, включающего не только лингвистику, но также историю, археологию и этнографию финноугров. Вместе с Д. В. Бубрихом мы приветствуем творческое сотрудничество советских ученых разных специальностей в деле изучения финноугров, вместе с ним радуемся, когда финноугроведы развивают свою «лингвистическую скорлупу» и выходят на широкую историческую дорогу. Но одновременно предостерегаем: не забывайте «конкретного опыта истории», не создавайте комплексной науки для изучения комплекса, которого нет, но который надо было выдумать нашим врагам, злейшим врагам трудящихся масс самих финноугорских народов! Конечно, языковое сходство финноугорских народов требует своего исторического объяснения. Но сама ограниченность этого сходства, подчеркиваемая и Д. В. Бубрихом, прямо указывает на то, что общие явления в финноугорских языках складывались в древнейший период их истории. По существу исторические вопросы, связывающие всех финноугров, ограничиваются вопросами их происхождения. Напротив, проблемы, общие для финноугров и их «киноязычных» соседей, приобретают все большее и большее значение по мере приближения к современной эпохе. Археологические, этнографические и даже антропологические материалы, почти совершенно игнорируемые Д. В. Бубрихом, позволяют проследить тесные культурные связи финноугров с восточными славянами, летто-ливовцами и восточноевропейскими тюрками по крайней мере с первых веков н. э., т. е. со времени, когда все перечисленные этнические группы находились в процессе формирования специфических особенностей культуры и языка. Несомненно, что особые пути исторического развития обских угров, пермских, волжских и балтийских финнов в значительной степени обусловлены разным характером их взаимодействия с окружающими народами, в первую очередь с русскими. Именно поэтому работы, посвященные культурной истории финноугров, в рамках «комплексного финноугроведения» оказываются или глубоко порочными (вроде «космополитического» доклада Д. К. Зеленина), или касающимися лишь отдельных (а не всех) финноугорских народов (вроде докладов В. В. Мавродина или С. В. Бахрушина).

4

Значительный интерес представляет второй раздел статьи Д. В. Бубриха, иллюстрирующий беспорочное положение о том, что «лингвистические материалы нередко наталкивают на выводы исторического значения»¹⁶. Приходится действительно удивляться отставанию советской исторической науки в деле изучения финноугорских народов, особенно ранних периодов их становления и развития. Вредная путаница с емью и корелой, проникшая не только в научно-популярную книгу С. Галяцкого, но и в учебник истории М. Н. Тихомирова и С. С. Дмитриева, не делает, конечно, чести нашим историкам. К сожалению, примеры крайне неточной географической локализации финноугорских народностей на исторических картах, приведенные Д. В. Бубрихом, не являются исключительными. В том же учебнике Тихомирова и Дмитриева на карте «Восточная Европа в XII и первой половине XIII века» племя «печора» без всякого основания отождествлено с коми, в то время как «пермь», беспорочно бывшая предками коми (как зырян, так и пермяков), с ними не связывается. Удмуртов на этой карте нет совсем, хотя о них под именем «вада» упоминается в таком замечательном памятнике русской письменности XIII в., как «Слово о погибели Руския земли»¹⁷. Зато к востоку от мошки точно локализованы весьма сомнительные «буртасы». На другой карте («Русское государство в 1462—1600 гг.») коми оказываются уже между Вымью и Камой: выходит, что они переселились сюда с Печоры, тогда как в действительности имел место диаметрально противоположный процесс¹⁸.

Вернемся, однако, к статье Д. В. Бубриха, третий раздел которой посвящен значению работ акад. Н. Я. Марра для советского финноугроведения. В том, что передовые советские языковеды стремятся творчески, а не догматически развивать учение Н. Я. Марра, у нас нет оснований сомневаться. Верно, конечно, и то, что: «Н. Я. Марром написано довольно много (правильнее сказать: очень много.— Н. Ч.) об архангелской подготовке финноугорской речи и о ее архангелских связях, особенно с Кавказом». Но совсем непонятно, почему советское финноугроведение «имеет очень мало случаев ссылаться на Н. Я. Марра в вопросах, выходящих за рамки установок»¹⁹. Пусть Н. Я. Марр мало занимался изучением «собственно финноугорских горизонтов развития финноугорских языков». Но разве советские финноугроведы сознательно ограничивают свою работу изучением только этих, сравнительно поздних горизонтов? Кто же, как не советские лингвисты, должен разрабатывать вопрос о самом происхождении финноугорских языков, об «архангелской подготовке финноугорской речи» (говоря словами Д. В. Бубриха)? Ведь одно из основных положений учения Н. Я. Марра заключается в том, что история любой языковой системы может быть правильно освещена только при условии анализа ее связей с языками других систем. В специальных лингвистических вопросах нам надо быть особенно осторожными. Все же хочется

¹⁶ См. стр. 190.

¹⁷ «Памятники древней письменности», т. LXXXIV, СПб., 1892.

¹⁸ См. М. Н. Тихомиров и С. С. Дмитриев, История СССР, т. I, карта 9.

¹⁹ Стр. 191.

надеяться, что наши языковеды реально поставят перед собой проблему происхождения финноугорских языков и используют при ее разрешении не только установки Н. Я. Марра, но и богатейшие фактические материалы, заключающиеся в его работах.

Отнюдь не смешивая относительно позднее с арханческим (против чего правильно предостерегает Д. В. Бубрих), можно и должно изучать конкретные исследования Н. Я. Марра, посвященные истории отдельных языков и их групп. Очень трудно согласиться с мыслью, что для советского финноугроведения имеют только установочное, а не конкретное значение такие работы Н. Я. Марра, как «Чуваши — яфетиды на Волге», «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык», «Первая выдвигенческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев», «Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий», «Суоми-карельские и сомех-картские языки» и т. д.²⁰ Многие языковые связи, прослеженные Н. Я. Марром, хотя и сложились в глубокой древности (до формирования финноугорских языков), но продолжали сохранять реальное значение в исторически обозримые эпохи вплоть до средних веков. К числу таких связей принадлежат бесспорно финно-чувашские корреспонденции в Волго-Камье и весьма вероятно связи тех же приволжских и прикамских народов с Кавказом.

5

Мы подошли вплотную к одному из центральных вопросов советского финноугроведения — к вопросу об историко-географической обстановке формирования финноугорской языковой общности. В своем критическом обзоре я указывал, что хотя этот вопрос и был поставлен в докладе Д. В. Бубриха на Ленинградской конференции, но его разрешение носило крайне абстрактный, «внеисторический» и «внегеографический» характер²¹. В своем ответе на мою рецензию Д. В. Бубрих конкретизирует картину формирования финноугорской языковой общности, указывая, что она сложилась на пороге металлической эпохи в бассейне Волги (без низовья) в результате длительного контакта между многочисленными языками смежных территориальных групп населения южной части лесной полосы, живших в теплых полужемлянках, занимавшихся главным образом рыболовством и охотой с помощью лука и стрел, и уже знакомых со «скромнейшими» начатками животноводства и земледелия²².

Несомненно, характеристика процесса формирования финноугорской языковой общности, данная Д. В. Бубрихом в его последней статье, более определена, чем построения на ту же тему в докладах на конференции, оторванные от времени и пространства. Все же целый ряд недоуменных вопросов, связанных с этой важнейшей проблемой, остается без ответа и после ознакомления с разбираемой статьей.

Поразительно прежде всего, что Д. В. Бубрих пытается решить комплексную проблему формирования финноугорских народов и языков исключительно на основании лингвистических данных, совершенно игнорируя материалы исторических дисциплин и в первую очередь археологии и этнографии, которым принадлежит здесь если не решающее, то во всяком случае очень веское слово. Ни в первом томе «Советского финноугроведения», ни в статье Д. В. Бубриха не упомянуты многочисленные работы А. В. Збруевой, Н. А. Прокошева, А. П. Смирнова, М. В. Талицкого, В. Н. Чернецова, А. В. Шмидта и других советских археологов, имеющие прямое отношение к неолитическим и металлическим культурам Волго-Камья, а следовательно, и к проблемам финноугорского этногенеза.

Игнорируя при реконструкции культурно-бытовых особенностей древнейших финноугров все данные кроме чисто языковых, Д. В. Бубрих, по существу, оказывается стоящим на позициях так называемой «лингвистической палеонтологии» в домарровском понимании этого термина. А ведь это как раз то, против чего страстно выступал еще великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский. «Все, что с неимоверными усилиями, — писал он, — успевает добыть историческая филология для объяснения первобытной жизни, сообщает нам этнография в живых, простых, ясных рассказах»²³. Сравнивая роль филологии и этнографии в изучении первобытной культуры, Чернышевский отдаст предпочтение последней. «И верность и полнота, — подчеркивает он, — на стороне этнографии. Поэтому-то она должна быть главнейшей предводительницей при восстановлении древнейших периодов развития народов»²⁴. Хорошо известно также, что Н. Я. Марр всю свою жизнь вел неутомимую борьбу за изучение истории языка в связи с историей материальной культуры. И в настоящее время не потеряло своего установочного значения сформулированное им еще в 1925 г.

²⁰ Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, Этно- и глоттогония Восточной Европы, М.—Л., 1935.

²¹ Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы изучения финноугорских народов в СССР, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 178.

²² Стр. 192.

²³ Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. I, 1906, стр. 225.

²⁴ Там же, стр. 225—226. — Своевременно вспомнить, что высказывания Чернышевского о переоценке роли сравнительного языкознания для древнейшей истории народов были прямо направлены против формалистической немецкой «школы» братьев Гримм и их последователей, игнорировавших при изучении первобытной культуры этнографические и археологические материалы.

положение: «...с судьбой предметов вещественной культуры не может быть разлучена разработка словесных материалов»²⁵.

По утверждению Д. В. Бубриха, финноугорская языковая общность складывалась «на пороге металла» в бассейне Волги. «Порог металла» в этой части Восточной Европы — это II тысячелетие до н. э., время расцвета таких культур бронзового века, как фатьяновская, сейминско-турбинская и абашевская. Развитие этих культур обусловлено выделением земледельческих и особенно скотоводческих племен, тесно связанных со своими южными, степными соседями, а также возникновением мощного очага ранней металлургии в Приуралье. Связывать «фатьяновцев», «сейминцев» или «абашевцев» с какими-либо из современных этноязыковых групп (хотя бы на стадии их формирования) очень рискованно. Даже тысячелетием позднее, в скифскую эпоху, этническая карта Восточной Европы была настолько своеобразной, «что идентификация северных народов, называемых Геродотом, с современными — невозможна, если... искать их двойников ныне в самостоятельных отдельных народах»²⁶. Как же согласовать эти бесспорные положения с тезисом о формировании финноугорской языковой общности во II тысячелетии до н. э.? Неужели общность эта сложилась на полтора тысячелетия раньше, чем славянская, возникшая в III — II вв. до н. э.?²⁷. Если на финноугорских языках уже говорили во времена киммерийцев (а именно так получается у Д. В. Бубриха), то к какой эпохе относятся проследженные Н. Я. Марром связи между Волго-Камьем и Кавказом, Волго-Камьем и Средиземноморьем, связи, носящие архаический «дофинноугорский» характер?

Все эти вопросы остаются без ответа. Да и трудно на них отвечать, оперируя только лингвистическими данными. Но если данные эти сопоставить с археологическими, историко-географическими и палеоантропологическими, то картина может разясниться. Второе тысячелетие до н. э. действительно было эпохой великих событий в Восточной Европе, связанных с переходом от низшей к средней ступени варварства, а в конце периода и с развитием в Причерноморье предпосылок для зарождения военной демократии. Межплеменное разделение труда и выделение подвижных скотоводческих групп, несомненно, сопровождалось многочисленными племенными скрещиваниями, которые в Волго-Камье носили характер взаимодействия между лесными охотничье-рыболовческими племенами и тяготевшими к лесостепи и степи мотыжными земледельцами-скотоводами. Именно в эту эпоху в рамках яфетической стадии глоттогонии должны были существовать культурные и языковые связи Волго-Камья с южными областями: Причерноморьем, Кавказом и Средней Азией. Археологически связи эти подтверждались неоднократно: последним словом советской науки являются здесь открытия С. П. Толстова, установившего переживание во II — I тысячелетиях до н. э. в культурах шигирского типа в Приуралье традиций древнехорезмийской (кельтеминарской) культуры²⁸. Антропологически скрещивания лесных и степных племен нашли отражение в смешении восточных (сибирских) монголоидных элементов с южными (черноморско-каспийскими) европеоидными типами²⁹. Лингвистически этим процессам должны были соответствовать широкие взаимодействия «яфетических» предков будущих финноугров с синтадиальными предками, с одной стороны, урало-алтайских народов Западной Сибири, с другой же стороны, — древнейших племенных групп Юго-восточной Европы и Юго-западной Азии: от киммерийцев до древних хорезмийцев, а может быть и до доиндоевропейских народов Индии³⁰.

Учитывая не только лингвистические, но и историко-археологические данные, само формирование финноугорской языковой общности можно предположительно отнести к I тысячелетию до н. э. (а вовсе не к «заре металла», которая в рассматриваемой области «взошла» примерно на тысячу лет раньше), когда в Прикамье, на северо-восточной периферии еще наполовину яфетического «скифского мира» сложилась мощная и яркая ананьинская культура, влияние которой простиралось на востоке до Зауралья, на севере до Белого моря, на западе до Балтики и Скандинавии³¹. Носители ананьинской культуры, вероятно, представлявшие собой своего рода ядро «протофиннов», через скифов были культурно-исторически тесно связаны с предками других этнических групп населения нашей Родины: восточных славян на западе и юго-западе, различных народностей Кавказа и иранцев — на юге и юго-востоке. К сожалению Д. В. Бубрих как в своих докладах на финноугорской конференции, так и в ответе на мою рецензию ничего не говорит о времени и конкретном характере этих древних связей, которые хотя и предшествовали складыванию финноугор-

²⁵ Н. Я. Марр, По поводу русского слова «соло» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII века, Избр. раб., V, 1935, стр. 67.

²⁶ Н. Я. Марр, Скифский язык, Избр. раб., V, М.—Л., 1935, стр. 210.

²⁷ А. Д. Удадьцов, Основные вопросы этногенеза славян, сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 7—8.

²⁸ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 71.

²⁹ См. там же, работы, указанные в примечании.

³⁰ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 73—74.

³¹ А. В. Збруева, Происхождение ананьинской культуры, «Краткие сообщения, ИИМК», IX, 1941, стр. 37—42.

ских народов, но были необходимой исторической предпосылкой такого складывания. Вместо реально существовавших в I тысячелетии до н. э. племенных групп населения Восточной Европы у Д. В. Бубриха фигурируют абстрактные «родовые финноугорские диалекты, развивавшиеся в контакте»³². Хотя Д. В. Бубрих и утверждает категорически, что «для нас нет финноугорского «праязыка»³³, но совокупность «родовых диалектов» неизвестного происхождения, рассматриваемых вне связи с памятниками материальной культуры и вне хронологически определенного взаимодействия с соседними языками, по существу мало отличается от такого праязыка. Ведь и представители буржуазного индоевропейского языкознания не отрицают наличия многих диалектов в пресловутом индоевропейском праязыке!

Стремясь вскрыть причины и конкретно-историческую обстановку формирования финноугорских языков, необходимо основное внимание сосредоточить, во-первых, на изучении археологических памятников, которые могут пролить свет на характер материального производства и общественных отношений восточноевропейских племен в I тысячелетии н. э., и, во-вторых, на продолжении исследований Н. Я. Марра по древнейшим племенным скрещениям, игравшим огромную роль в истории любой языковой системы. Очень вероятно, что постепенное распространение финноугорской речи среди племен лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири было обусловлено подобными скрещениями, которые стимулировались культурным воздействием «ананьинского металлургического очага» на соседние области Зауралья, Поволжья, Беломорского и даже Балтийского бассейнов. Не следует, конечно, культурно-языковое взаимодействие подменять массовыми переселениями, для которых в таежной зоне не было никаких исторических предпосылок. Вполне правдоподобными представляются соображения Д. В. Бубриха о вторичном, хотя и сравнительно раннем, проникновении финской речи к берегам Балтики. Теснейшие антропологические и культурные связи прибалтийских финнов с северными русскими и летто-литовцами, не сводимые к поздним заимствованиям, свидетельствуют в том же направлении.

6

Последний (шестой) раздел статьи Д. В. Бубриха посвящен вопросу, который справедливо назван «самым трудным»³⁴. Это вопрос о языках и диалектах родоплеменных обществ. Соображения Д. В. Бубриха о соотношениях между родом и племенем на ранних стадиях их развития, несомненно, представляют определенный научный интерес. Особого внимания заслуживает мысль о «суверенности» древнейших родовых групп, сравнительно слабо связанных друг с другом хозяйственно и культурно. Однако соображения эти не дают оснований для пересмотра учения Энгельса о племенном (а не родовом) характере первоначальных диалектов, а тем более языков. Основой формирования тех и других могли быть, очевидно, только территориальные группы человечества, а такими в первобытном обществе были лишь племена, вне которых невозможно представить и существование экзогамных родов. Н. Я. Марр всегда говорил о племенных (а не о родовых) скрещениях, не только возможных, но и обычных при первобытно-общинном строе.

Остановимся подробнее на аргументах, которые Д. В. Бубрих выдвигает в пользу своей гипотезы о существовании родовых диалектов. Один из таких аргументов — сохранение у многих народов (особенно в Америке) особых мужских и женских языков. Сами по себе подобные факты общеизвестны, но толкование их Д. В. Бубрихом вызывает серьезные возражения. Резко выраженные различия между речью мужчин и женщин в пределах одной этнической группы встречаются очень редко и, как правило, имеют сравнительно позднее происхождение, связанное со слиянием уже сложившихся, совершенно самостоятельных племен. Наиболее известный случай такого рода — это особый язык женщин на островах Вест-Индии, отмеченный еще испанскими мореплавателями в конце XV в. Хорошо известно, что вест-индские женщины говорили на языке ароваков, в то время как мужчины употребляли караибскую речь. Такое двуязычие возникло исторически незадолго до появления в Америке европейцев в процессе завоевания воинственными караибами Вест-Индии и поголовного истребления ими мужского аровакского населения (при сохранении туземных женщин, часто отсутствовавших у самих караيبов, переселявшихся на острова с Южноамериканского континента). Совершенно ясно, что к гипотетическим родовым языкам явления эти не имеют никакого отношения.

В других случаях различия между мужскими и женскими языками (правильнее сказать — «говорами») оказываются совершенно ничтожными, часто сводясь к едва уловимым фонетическим нюансам. Я не знаю ни одного случая, когда различия между «половыми» говорами по своему характеру соответствовали бы различиям между территориальными диалектами того же языка. Вопрос еще требует детального исследования, но при настоящем уровне наших знаний о мужских и женских говорах нет никаких оснований видеть в них пережиточно сохраняющиеся остатки родовых диалектов. Причины возникновения «половых» говоров надо, по всей вероятности,

³² Д. В. Бубрих, Сравнительная грамматика финноугорских языков в СССР, «Сов. финноугроведение», I, стр. 47.

³³ Там же.

³⁴ Стр. 193.

искать в характерном для первобытно-общинного строя половозрастном разделении труда и в связанном с ним обособлении женщин от мужчин.

Вполне прав Д. В. Бубрих, когда он пишет, что «у многих народов сохраняются рассказы, где герой ездит за женою к людям, живущим на свой особый лад и говорящим на своем особом языке или диалекте»³⁵. Однако такие дальние поездки, как правило, совершаются к людям другого племени. Все признаки посещения земли другого племени (а не рода или фратрии своего племени) носят и поездки героев «Калевалы» — Вайнемейнена, Илмаринена и Лемминкейнена в северную Похьолу³⁶. Резкий географический контраст между Калевалой и Похьолой, исключаяющий их близкое соседство, хорошо подмечен М. Шагинян в ее последней статье о карело-финском эпосе³⁷. Отнюдь не отождествляя Похьолу со страной лопарей (в современном смысле), мы имеем все основания видеть в ее обитателях людей другого племени, чем сыны Калевалы. Такой же характер дальнего путешествия «в страну даков диких» — представителей чужого племени (а не рода или фратрии) — имеет и знаменитое сватовство Гайаваты к Миннегате³⁸. Аналогичный мотив поисков жены в соседней племенной группе использовал латышский народный поэт Я. Райнис в своей эпической песне «Вей, ветерок», где описывается сватовство видземских парней к девушкам из Курземе³⁹. Число примеров можно было бы увеличить во много раз, но все они говорят об одном: везде, где речь идет о путешествии за женой к людям, говорящим на другом языке, следует предполагать межплеменные браки.

Непонятно, почему подобные браки так смущают Д. В. Бубриха, который прямо заявляет, что до возникновения союзов племен брачных связей между племенами не может быть⁴⁰. Вряд ли это справедливо. При слабой «оформленности» древнейших племен границы между ними должны были быть очень подвижными, текучими. Территориально-родовые группы в пограничных «контактных» зонах могли переходить от племени к племени и уже во всяком случае скрещиваться между собой. Подобные отношения еще недавно (в XIX в.) наблюдались у австралийцев, где одни и те же фратрии и роды встречались среди разных племен. Языковые различия не препятствовали этим процессам. Нередко соседние племена говорили на близких диалектах. Но даже если этого не было, межплеменные браки не являлись редкими исключениями. Интересно, что женщины, взятые из «иноязычных» племен, часто долгое время объяснялись знаками со своими мужьями. Для признания большой роли языковых скрещений в первобытном обществе нет никакой необходимости прибегать к сомнительной гипотезе «родовых диалектов», тем более, что все конкретные этнографические данные решительно свидетельствуют против нее. Не случайно А. Ф. Анисимов, единственный этнограф, принимавший участие в заседании Сектора финноугорских языков ИЯМ, на котором обсуждалась моя рецензия, поддержал по вопросу о родовых диалектах нашу точку зрения⁴¹.

7

В своем ответе на мою рецензию Д. В. Бубрих ничего не сказал о моей критике доклада Д. К. Зеленина и некоторых других работ, помещенных в «Советском финно-угроведении». По отношению к статье Зеленина такое молчание особенно странно, так как основные «выводы» этой статьи вызывают глубокое возмущение у советских ученых, возмущение, которое очень остро ощущается в наши дни, когда борьба с буржуазным космополитизмом стала одной из основных задач передовой науки в СССР и в зарубежных странах. Космополитический характер доклада Зеленина, отмеченный в моей рецензии, прямо свидетельствует о том, что в изучении финноугорских народов до самого последнего времени не были изжиты влияния буржуазных концепций, не имеющих ничего общего с подлинной наукой о происхождении финноугров и об истории их культурного взаимодействия с великим русским народом. Чего стоит, например, такое рассуждение Д. К. Зеленина: «русский и финский народы в течение многих веков переживали одни и те же моды — культурные международные влияния, и это обстоятельство сделало многие элементы их национальной культуры общими, одинаковыми...»⁴². Если учесть, что источником моды у Зеленина, как правило, является Западная Европа, то получится чудовищный «вывод»: культурная общность русских и финнов зависит от того, что те и другие воспринимали западные моды.

³⁵ Стр. 194.

³⁶ «Калевала», пер. Л. П. Бельского, под ред. Д. В. Бубриха, «Academia», 1933, руны 7, 12, 13, 18, 19, 26, 27, 30, 38, 39.

³⁷ М. Шагинян, «Калевала», «Новый мир», 1949, № 1, стр. 206—207.

³⁸ Лонгфелло, Песнь о Гайавате, пер. И. А. Бунина, СПб., 1903, X, Сватовство Гайаваты, стр. 97—108.

³⁹ Я. Райнис, Вей, ветерок, пер. Н. Асеева, Рига, 1948.

⁴⁰ Стр. 195.

⁴¹ См. протокол заседания Сектора, финноугорских языков ИЯМ от 12/X 1948 г.

⁴² Д. К. Зеленин, Общие элементы в древних финских и русских костюмах, «Сов. финноугроведение», I, стр. 90.

В своей статье Д. К. Зеленин не ограничивается подобными утверждениями, носящими клеветнический характер по отношению к русским и другим народам СССР, но пытается обрисовать самые способы распространения мод. «Кому подражали?» — спрашивает он. И отвечает: «Далеко не всегда своим ближайшим соседям; столь же часто пленным и купленным рабам, заезжим купцам, которых встречали в торговых центрах». В роли переносчиков мод — и в области материальной культуры, и в области фольклора — выступают те же «пленники, рабы, странники, купцы»⁴³. Если верить Зеленину, выходит, что своего, самобытного, оригинального у народов СССР почти ничего и не было: во всяком случае наиболее яркие и красочные элементы культуры оказываются заимствованными от иноземных «пленников, странников и купцов». Трудно поверить, что к подобным заключениям мог прийти советский ученый, который должен знать о давних и глубоких культурно-исторических связях между славянскими и финскими народами Восточной Европы, о своеобразии и самобытности культуры каждого из этих народов, прошедших свой особый исторический путь развития, о благотворном влиянии русской народной культуры на культуру финноугров, о классовом характере западноевропейских мод, которым широкие трудящиеся массы (особенно сельские) всегда оказывали сопротивление.

Нетрудно видеть, что «установки» Зеленина находятся в вопиющем противоречии со сталинским учением о нации и особенностях национальных культур. «Советские люди считают, — говорил И. В. Сталин, — что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»⁴⁴. Вряд ли надо много говорить о том, что конкретные этнографические материалы, в частности материалы, относящиеся к восточнославянским и финским народам, буквально на каждом шагу подтверждают эти положения, в то же время убедительно свидетельствуя против космополитических домыслов о «широком движении мод» как основной причине культурных аналогий между народами. Мы вправе обратиться с вопросами к организаторам финноугорской конференции: как могло случиться, что доклад Д. К. Зеленина был включен в план ее работы, как могло случиться, что доклад этот не только не получил отпора на самой конференции, но и появился в ее «Трудах», как, наконец, могло случиться, что Д. В. Бубрих в своем ответе на мою критику обошел полным молчанием выступление Зеленина?

Некритическая переоценка культурно-исторической роли заимствований прослеживается и в некоторых других статьях «Советского финноугроведения». Ярким примером здесь может служить работа В. И. Лыткина «Происхождение древнепермской азбуки», только вскользь упомянутая в моей рецензии. Итогом этой работы является «сенсационный» вывод о том, что Стефан Пермский при создании древнепермской азбуки «брал начертания греческого алфавита XIII — XIV вв., наиболее отдаленные от соответствующих букв славянорусской азбуки»⁴⁵. Таким образом по Лыткину оказывается, что Стефан сознательно избегал пользоваться русскими буквами при составлении алфавита для коми и прививал последним греческие начертания. Однако «открытие» это, исторически мало вероятное, плохо согласуется с фактическими данными, которые определенно указывают, что «в основе начертаний пермских букв лежат начертания славянских букв, главным образом, уставного и, отчасти, полууставного письма». Лишь «в некоторых случаях (когда не было соответствующих русских образцов. — Н. Ч.) можно предполагать учет начертаний букв греческого алфавита»⁴⁶. Хорошо еще, что произвольные построения В. И. Лыткина, искажающие историческую действительность, были на самой конференции опровергнуты А. С. Сидоровым!

Несомненно, что космополитические «срывы» в работах финноугорской конференции, наиболее ярко проявившиеся в докладах Д. К. Зеленина и В. И. Лыткина, связаны с тем, что подавляющее большинство советских ученых-лингвистов, работающих над проблемами истории финноугорских народов, остались вне конференции. Языковеды же, составляющие ядро конференции, очевидно, не поняли до конца, куда ведут построения, подобные зеленинским «пан-европейским» (если не «панглобальным») модам. Путь к устранению самой возможности подобных «срывов» в будущем лежит через тесное сотрудничество советских исследователей различных исторических и лингвистических дисциплин, вооруженных марксистско-ленинской методологией и неуклонно проводящих в своей творческой работе большевистский принцип партийности в науке. Как и Д. В. Бубрих, я хотел бы закончить свою статью призывом к такому сотрудничеству, неразрывно связанному с освоением и дальнейшим развитием богатейшего научного наследия Н. Я. Марра — как в области языковедения, так и в области истории материальной культуры.

Н. Чебоксаров

⁴³ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 88, 89.

⁴⁴ И. В. Сталин, Выступление 1 апреля 1948 г. на обеде в честь финляндской правительственной делегации.

⁴⁵ В. И. Лыткин, Происхождение древнепермской азбуки, «Сов. финноугроведение», I, стр. 239.

⁴⁶ А. С. Сидоров, Коми письменность эпохи раннего феодализма, Там же, стр. 245.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

С. Н. Давиденков, *Эволюционно-генетические проблемы невропатологии*, Л., 1947, 382 стр.

Объемистая книга профессора Давиденкова состоит из двух частей: «Вариации норм» и «Патологические вариации». В каждой части имеется 4 обширные главы, состоящие из большого количества параграфов. Книга импонируется общим заглавием и внешним построением глав.

Нас, естественно, прежде всего заинтересовала 3-я глава первой части «Высшая нервная деятельность и эволюция», которую мы и разберем. Здесь автор, как он пишет, делает попытку оценить высшую нервную деятельность человека с точки зрения ее исторического развития. Автор заранее считает, что эта попытка окажется несвободной от ошибок, может быть значительных. Он не ошибся в своем предположении: эта глава построена целиком на методологических ошибках.

Всю главу автор посвящает доказательству предлагаемой им гипотезы, которая должна объяснить выдвигаемый им же «парадокс нервно-психической эволюции». Суть последнего в том, что мозг человека, наиболее совершенный по сравнению с мозгом животных, «должен был бы работать четче и бесперебойнее всех предшествующих, менее совершенных нервных систем, ибо, иначе, как бы он вообще мог произойти, и главное — как бы он мог одержать решительный верх над своими конкурентами в межвидовой борьбе за существование? Другими словами, мы должны были бы ожидать, что человек с его наиболее совершенным мозгом должен был бы выработать тип нервной системы наиболее совершенный, то есть максимально сильный, уравновешенный и подвижный. А между тем..., как легко срывается гладкая работа этого, казалось бы, наиболее совершенного органа! Вся эта масса слабых и недостаточно подвижных нервных систем, легко срывающихся при жизненных трудностях, стоит в кажущемся противоречии с неизбежной логикой эволюции. В еще большей мере то же касается подвижности нервных процессов... Какие-то элементы инертности оказываются распространенными в человечестве чрезвычайно широко и чуть не поголовно» (стр. 94). Уже в этом посылочном рассуждении совершенно игнорируется специфика человека и, в частности, деятельности его мозга, который является продуктом не только биологической эволюции человека, но и труда, т. е. социальной сущности его.

Выдвигаемому автором положению предшествуют рассуждения в двух первых главах о двух типах нервной системы: слабом — инертном и неуравновешенном и сильном — подвижном, уравновешенном типе. Последний, по мнению автора, более совершенный в эволюционном развитии. Развитие функции подвижности нервной системы имело особое значение в процессе эволюции млекопитающих и человека. По гипотезе автора, «несовершенство» человеческой психики зависит, во-первых, от «сравнительно очень недавнего усиленного развития некоторых из этих функций (а мы знаем, что филогенетически юные функции — как и органы — обладают повышенной изменчивостью), а во-вторых, производным прекращения естественного отбора, который человек преодолел, как только он стал по-настоящему человеком».

Наиболее молодыми из современных функциональных свойств нервной системы являются, по Давиденкову, современная форма сверхподвижности корковых клеток и развитая вторая сигнальная система, уравновешенная с первой. Эти функции особенно индивидуально вариabильны, причем часты именно неблагоприятные вариации высшей нервной деятельности.

Основная концепция автора, которую он дальше подробно развивает, заключается в том, что существенным фактором большого количества неблагоприятных вариаций было прекращение в человеческом обществе естественного отбора (стр. 115).

Эволюция человека на стадиях питекантропа — синантропа и неандертальца проходила, по автору, под действием естественного отбора. Последний «начал, очевидно, ориентироваться теперь — в противоположность всему тому, что было раньше, — на социально-трудовую сущность вновь появившегося существа, усовершенствуя те органы, которые на этой фазе эволюции оказались необходимыми — головной мозг и руку» (стр. 111). Естественный отбор, по автору, прекращался не только постепенно, но и поэтапно. Сначала прекратился отбор на физическое развитие и лишь затем — на умственное (стр. 126). Автор односторонне трактует прекращение естественного отбора просто как затухание процесса, а не как диалектическое «снятие» его социальным развитием человечества. Поэтому он метафизически принимает поэтапное прекращение естественного отбора. Нельзя же принимать всерьез изолированную реакцию на внешнюю среду, сначала тела («физическое развитие»), а затем мозга («умственное развитие»), оторванно друг от друга. Ведь развитие тела, в частности его грацилизация, шло только благодаря трудовой деятельности, вследствие которой одновременно развивался и мозг. Ведь нервная система — неотъемлемая часть организма, которая обеспечивает целостность его и является посредником между организмом и средой, одинаково осуществляя их.

Понимание ориентировки естественного отбора на ранних стадиях развития человечества на социально-трудовую сущность может завести к далеко идущим выводам. Ведь усовершенствование органов труда — мозга и руки — это уже не естественный отбор, а профессиональная выучка, т. е. социальное явление. Почти три четверти века прошло с тех пор, как Энгельс писал: «Рука, таким образом, является не только органом труда, она также и продукт его. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, и благодаря все новому применению этих переданных по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой степени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини» (Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1941, стр. 7). Если не учитывать этого, то, доведя рассуждения Давиденкова до логического конца, можно договориться, что профессиональный отбор в наше время, как и степень развития культурности вообще, — тоже естественный отбор. Но это уже типичный социал-дарвинизм и вытекающий из него расизм.

В объяснении процесса эволюции человека и его нервной системы во всей ее вариационности автор стоит на позициях формальной генетики, придавая ведущее значение образованию мутаций и накоплению рецессивных признаков. При этом близко родственные брачные связи, которые были, вероятно, характерными для неандертальской стадии, Давиденков, как и полагается формальному генетику, считает могущественным фактором прогрессивной эволюции человека. Здесь же нужно отметить, что, собственно, вся книга имеет в своей основе формально-генетические концепции. Особенно это касается тех разделов книги, где речь идет о патологических вариациях. Законами формальной генетики автор пронизывает все свои рассуждения как об общих вопросах невропатологии, так и многочисленные приводимые им частные случаи.

Однако, не отвлекаясь, будем продолжать разбор третьей главы. Четыре параграфа ее автор уделяет разбору последствий прекращения естественного отбора. Основным последствием прекращения естественного отбора является, по автору, то, что наряду с лицами, обладавшими сильной, уравновешенной нервной системой, стали сохраняться (благодаря защите коллектива) и размножаться гораздо шире, чем раньше, лица со слабой, неуравновешенной нервной системой. Этим автор объясняет свое мало обоснованное, по нашему мнению, предположение о значительном распространении на заре человечества «инертных элементов, которые в большей или меньшей степени еще и теперь могут быть прослежены у многих людей...» (стр. 128). В этом Давиденков и видит разгадку выдуманного им же «парадокса нервно-психической эволюции». Давиденков становится на позицию евристов (а может быть, и не сходит с нее), которые ведь и считают, что распространение болезней, в том числе и нервных, и является результатом прекращения действия на человека естественного отбора.

Давиденков, находясь в плену формальной генетики, привлекая множественность наследственных факторов, становится на ортогенетические позиции, когда говорит, что «эволюция высшей нервной деятельности еще в течение какого-то периода продолжалась и после того, как естественный отбор полностью прекратился» (стр. 129). Ведь несомненно, что эволюция высшей нервной деятельности у человека продолжается непрерывно в результате его общественного развития. Это связано с все более усложняющимися процессами труда и освоением все более сложной техники, с все большим развитием науки и ее обобщений. Давиденков же ставит вопрос: «не могла ли эволюция высшей нервной деятельности выйти за пределы непосредственной полезности для вида» (стр. 129). Что же! Эволюция мозга шла ортогенетически, как бы по слишком сильно заведенной пружине, независимо от общего развития как отдельного индивида, так и всего человечества? Хотя Давиденков и делает всякие оговорки, но широко распространяется на тему о легком выходе высших психических функций «за пределы полезности для отдельной особи». В подтверждение этого он опять, как махровый евгеник, пишет: «Выдающиеся умы, ...никогда не обладали, по сравнению со средне одаренными людьми, повышенными шансами оставить после себя многочисленное потомство, тем более, что нередко они просто-напросто сами погибли в результате своих психических «преимуществ». Способность к логическому рассуждению и обладание выдающимся умом в практической жизни большей частью было невыгодно». Автор пытается дать этому биологическое и генетическое объяснение, не понимая простой вещи, что непризнание многих передовых мыслителей и деятелей является результатом классовой борьбы, приводящей часто к гонениям, а иногда и просто к физическому уничтожению таких передовых умов. И только по этой, а не по какой-либо биологической причине многие гениальные люди не оставили потомства.

Дважды на стр. 130 автор говорит о вредности абстрактного мышления для человека (!), а наличие его объясняет опять-таки чисто биологически лишь якобы неустраивающей прочностью коррелятивных связей. К этому формальный генетик сводит все «великие завоевания человеческого духа», как он сам выражается. С чрез-

мерным развитием абстрактного мышления автор ставит в связь и значительные отклонения от нормы и нервных вариантов. «А так как имеются все основания подозревать, что эти вредные факторы образовывались в человечестве уже очень давно, чрезвычайно вероятно, что от них не был свободен и доисторический человек. Если это так, имеются основания дать еще более пессимистическую оценку этого периода человеческой предистории, когда нервные аномалии и связанные с этим нервные срывы, еще ничем не ограничиваясь в своем проявлении, могли широко развиваться в молодом человечестве, наложив свой отпечаток на всю духовную культуру того времени, а также на долгие последующие тысячелетия» (стр. 130; подчеркнуто нами.— В. Г.). Эту длинную цитату мы привели, чтобы показать, как методологически неправильные исходные позиции автора и биологизация общественных отношений приводят его к неправильным идеалистическим выводам. Последние весьма детально излагаются в трех последних параграфах главы, посвященных разбору последствий прекращения естественного отбора, чем автор хочет объяснить и происхождение религии. Хотя Давиденков и делает несколько оговорок о значении социальных факторов, о том, что физиология высшей нервной деятельности может осветить лишь некоторые детали проблемы, это по существу не изменяет идеалистической сущности его гипотезы.

Автор сопоставляет известные нам сведения о древних людях верхнего каменного века с культовыми представлениями и действиями у современных, отсталых по культуре народов. Последних он метафизически трактует как «зашедших в исторические тупики и застывших в фиксированных формах жизни» (стр. 132). Давиденков здесь безоговорочно принимает взгляд буржуазных социологов, которые отсюда и делают реакционнейшие выводы о высокой миссии цивилизованных государств, т. е. оправдывают колониальные захваты и эксплуатацию малокультурных народов и даже прямое истребление их. Ведь это прямой расизм.

Анимизм, по Давиденкову,— это лишь универсальная логическая ошибка, с которой человечество начало историю своей духовной культуры (стр. 134; подчеркнуто автором). Автор считает, что первобытный человек обладал развитым логическим мышлением и сознательно создавал религию, допустив при этом лишь логическую ошибку. Автор соглашается с мнениями, что в развитии анимизма играл роль страх первобытного человека перед внешним миром, но оспаривает, что страх этот является следствием недостаточности знания им природы.

Давиденков обращает внимание на магические действия, прямо направленные на природу, и присоединяется к мнениям, что они возникли до анимизма. «Ритуал, хотя и бессмысленный, вполне достигал цели, ради которой он предпринимался» (стр. 138). И, вот, различные ритуальные действия, в частности культ «инау» («посла к духам»), хорошо известный этнографам, автор пытается объяснить только физиологически. Страхи первобытного человека Давиденков идентифицирует с фобиями нервно или психически больных, а ритуальные действия, вплоть до обрушения себе пальцев, он считает вовсе не такими глупыми, ибо человек «на самом деле (стр. 139) освобождал себя таким образом от угнетавших его эмоций». Страх же перед природой, по Давиденкову, зависит не от социальных причин (недостаточное еще знание и бессилie перед ней), а от распространения, в результате прекращения естественного отбора, наименее приспособленных, с более инертной нервной системой. Недаром даже слово страх Давиденков берет в кавычки (стр. 139), предпочитая ему слово фобии, как более привычное для невропатолога. Отсюда происхождение магии Давиденков представляет, повидимому, как распространение навязчивых действий при нервных заболеваниях. «Отдельные магические приемы образовались случайно (подчеркнуто автором) у отдельных людей, в связи с наличием случайных индивидуальных условных связей (подчеркнуто нами.— В. Г.), а затем распространялись на большие или меньшие социальные группы». Чтобы не было сомнения в его концепции, автор на следующей странице вновь повторяет: «Возникнув у какого-нибудь индивидуума в силу случайных особенностей его личного анализа, они (магические приемы.— В. Г.) вслед за тем распространялись по другим членам коллектива, оформляясь в более разработанные ритуальные формы и в конце концов узаконивались в качестве уже готовой и надолго застывшей формы первобытной религии» (стр. 140). То, что теперь для нас — болезнь, то для примитива — реальные опасности с реальной охраной от них. Поэтому «невротические реакции первобытного человека должны были не только не подавляться, но, наоборот, подвергаться своеобразному «культу», что в конце концов приводило к организации неврозов в определенные большие системы» (стр. 141). Застойность же этих религиозных систем зависит от того, что фобии вырастают не из патологических, воображаемых, а из реальных опасностей природы. И опять — сожаление автора о прекращении естественного отбора, хотя и облеченное в диалектическую форму развития. На стр. 141 мы читаем: «Так человечество начало расплачиваться за собственную победу. Прекращение естественного отбора, бывшее само блестящим достижением эволюции, могло заключать в себе одновременно и предпосылку для широкого распространения крайних, неблагоприятных вариантов нервной системы. Масса слабых, неуравновешенных и особенно инертных людей, склонных к нерешительности, сомнениям и тревоге, могла нало-

жить свой отпечаток на длинную последовавшую эпоху и потребовать постепенной компенсации этого дефекта, но уже идущей по другой новой линии...»

Итак, концепция автора вполне ясна. Это — идеалистическое перенесение биологических (физиологических) закономерностей на социальную жизнь.

Не останавливаясь на первоначальном этапе развития религии, Давиденков говорит о более высокой фазе оформленного анимизма, шаманства, когда выступают уже особые «специалисты по сношению с духами». Он считает, что шаманский транс совершенно идентичен истерии. И то и другое является результатом того, что «два наиболее поздних приобретения высшей нервной деятельности человека — его исключительная подвижность и согласованные сигнальные системы — были больше всего разболтаны при свертывании естественного отбора, причем именно в этих двух отношениях неблагоприятные крайние варианты нормы особенно далеко вышли из своих прежних берегов» (стр. 144). Таким образом, шаманство, по автору, — это культ истерии. Автор ошибается, считая, что развитие шаманства характерно для родового строя. Ведь все классические формы шаманства были изучены в Сибири у народов, стоявших на ступени развития родового строя.

Дальнейшая судьба народов была, по автору, различной. «Вследствие различия сложных историко-географических условий отдельным ветвям человечества удалось в дальнейшем развитии выработать какие-то компенсаторные нормы, позволившие им преодолеть невротический кризис ранней предистории, в то время как другие ветви, находившиеся в менее благоприятных условиях, легко могли зайти в своеобразный культурный тупик и надолго остановиться в своем прогрессе...» (стр. 147). В племенах же, вышедших из застоя, прогресс, по автору, осуществлялся по линии организации поведения (разрядка автора). «Все поведение индивидуума стало меньше определяться врожденными свойствами нервной системы, а больше — социальными требованиями коллектива» (стр. 148). К нервной системе предъявляются новые требования, в результате чего появляется «воспитание» — «тренировка» ее, которая продолжается до настоящего времени. «Испорченный в свое время генотип при этом процессе блокируется в своем проявлении, генетически, однако, не меняясь. Однако проявление неврозов все больше и больше затрудняется». «Неврозы уходят в подполье» (стр. 153).

И вот, подходя к концу всех своих рассуждений, Давиденков полностью смыкается с идеалистическим учением буржуазного психиатра Зигмунда Фрейда, которым в 20-х годах увлекались некоторые и у нас. Упершись в учение Фрейда, Давиденков приносит ему ряд комплиментов, хотя и пишет, что не согласен с ним в двух пунктах: о внутреннем механизме фобий и представлении невроза как возврата к примитивной психологии дикаря. Давиденков считает, что, наоборот, «примитивный коллектив характеризуется экспансией и культом невротических механизмов» (стр. 154). Это различие концепции Давиденкова с Фрейдом несколько не умаляет идеалистической сущности обоих.

В ряде мест, в частности на стр. 149, Давиденков пишет, что «не хотел бы, конечно, преуменьшить роль социально-бытовых и хозяйственных отношений в человеческой предистории». Однако, какое место отводится общественным факторам развития, видно из дальнейшего, где автор продолжает: «...помимо географических условий и случайных (подчеркнуто нами. — В. Г.) исторических событий», на результат этого процесса влиял «прежде всего тот психофизиологический материал, который был важным субстратом прогресса» (стр. 149). Конечно, в процессе общественного развития человечества телесная организация людей и обусловленное этим отношение их к природе имеют значение. Об этом писали Маркс и Энгельс уже сто лет назад в «Немецкой идеологии». Но в концепции Давиденкова ведущим является не социальное развитие психически нормального человечества, а усиление патологического состояния его нервной системы вследствие прекращения естественного отбора.

Из всего сказанного следует, что автор всю свою концепцию строит на неизменности пресловутого генотипа, на ухудшении его вследствие прекращения естественного отбора, на неизменности после прекращения последнего человеческой психики, которая, как и вся психофизиология нервной системы, не развивается с развитием человеческого общества, а только тренируется, уводя в подполье все неблагоприятные выражения ее. Автора не могут спасти ссылки на диалектический материализм, на роль труда в процессе очеловечивания обезьяны и для развития человеческого общества. Автор совершенно не учитывает, что религия развивается на определенной стадии развития производительных сил и производственных отношений и является их извращенным отражением. По концепции автора, над всем современным человечеством довлее психофизиологическая неустойчивость его нервной системы, вследствие прекращения естественного отбора.

Разобранная нами глава написана всецело под влиянием идей реакционной буржуазной науки. Многообещающее заглавие книги не должно усыплять бдительность советского читателя к пропаганде идеализма, который в ней проводится.

НАРОДЫ СССР

В. Евсеев. *Избранные руны Архипа Перттунена*, Петрозаводск, 1948, 74 стр.

Одним из замечательных певцов, от которых Э. Лённрот записывал руны в 1834 г., был Архип Перттунен, спевший около 60 рун. Имя этого певца руны в результате работ Лённрота стало известно всему научному миру. Рецензируемый сборник содержит 8 рун и 7 песен из поэтического наследия Архипа Перттунена, род которого прославился как хранитель древнего карело-финского эпоса. Из семьи Перттуненов вышли и другие певцы руны — хорошими певцами были его отец, сестра, сын, а одна из певцов руны из семьи Перттуненов принимала участие в наши дни в юбилейных торжествах, отмечавших столетие полного издания «Калевалы». Перевод текстов сделан В. Евсеевым под заметным влиянием старого перевода Бельского, но живее и проще. В нем имеются недостатки. Можно, например, указать на постоянное употребление слова «герой», а на стр. 20 — «витязь» для самых обыденных ситуаций, что вряд ли можно признать удачным; на приверженность к устаревшим формам слов вроде «младой», «дева» и т. п. Но в целом перевод вполне приемлем.

Книга открывается вступительной статьей В. Евсеева о «певце руны Архипе Перттунене». В ней дается биография Перттунена, земледельца и рыболова, характеристика его творчества. Историко-материалистический подход к эпосу не чужд автору, как можно судить по одному абзацу его статьи, где он затрагивает множество важных и актуальных проблем (хотя и не дает сколько-нибудь развернутого освещения их). Он пишет: «Руны Архипа Перттунена имеют огромное историко-познавательное значение. В них нашли свое отражение самые разнообразные явления жизни. Из руны Архипа можно почерпнуть интересные сведения о быте родовой общины, первобытной материальной культуре материнского и отцовского родов. Охота, рыболовство, земледелие — все это изображено в рунах Архипа Перттунена. В рунах Архипа Ивановича дается не менее яркая картина и более поздних общественных отношений, связанных с социальным неравенством, с элементами домашнего рабства. Труд, приносящий счастье народу, прекрасно воспел Архип, как воспета им и борьба героев руны за это счастье, олицетворенное в образе Сампо» (стр. 9). Больше к этой стороне руны Евсеев не возвращается и сосредоточивает основное внимание на рассмотрении формальной стороны руны («повторах», «поэтических параллелизмах», «постоянных эпитетах», «звуковой стороне», «ритмике», «аллитерациях» и т. п.).

Увлечение формой особенно ощутимо потому, что В. Евсеев не делает попытки связать поэтику руны и песен с идейной стороной «Калевалы», с содержанием руны. В ряде случаев его оценки спорны. Он, например, приводит неизвестно почему произведший на него впечатление отрывок «о безымянной болезни», от которой пол и потолок гнили под больным (стр. 9), как образец высокохудожественного образа, и не обращает надлежащего внимания на имеющееся в материалах множество действительно полноценных и социально-острых образов. В. Евсеев не отмечает органической связи художественных образов руны с трудовым опытом народа. Так, приведя как пример «частного случая параллелизма-сравнения» стих из руны о Кавкомьели, где тот «ко-варному Роутусу»

Голову с плеч отсекает,
Режет как ботву от репы...

(стр. 8),

автор не связывает это сравнение с привычными хозяйственными и бытовыми деталями (репа — основной овощ на Севере в дореволюционное время) и оставляет без внимания следующий стих, связанный уже с рыболовством:

Как чешуйку у рыбешки...

(стр. 51).

Значение «Калевалы» как художественного эпоса и как историко-этнографического источника очень велико. В этой народной поэме отражены национальные черты карело-финского народа. Фантастические образы «Калевалы» отразили мечту трудового народа о лучшем будущем, о «чудесах машинной техники» (по выражению О. В. Куусинена в юбилейном докладе «Основные идеи народного эпоса «Калевала», 21 февраля 1949 г.), о победе трудового народа Калевы над темными силами Похьолы. Так, чудесная мельница Сампо сама мелет в изобилии зерно, избавляя людей от тяжелого труда, а в одном из других вариантов — из нее появляются не только мука, но и соль, бывшая ценным ввозным продуктом, и «деньги», под которыми, как полагает О. В. Куусинен, следует подразумевать меха, служившие в древности денежной единицей.

Особого внимания заслуживает то, что подвиги героев «Калевалы» в основном — трудовые подвиги, как это и должно было быть в эпосе трудового карело-финского народа. Кейретуйнен, силач и красавец, догоняет на лыжах способного пробежать «по всей вселенной» чудесного лося, похвалившись, что

Нет таких зверей на свете,
Кто бы не был мной обогнан
На Калевы сына лыжах.

Охота показана в увлекательной динамичности, с рядом живых бытовых штрихов: в беге опрокинул на огонь котел с варевом у лапландцев, и это сопровождается лаем собак, плачем детей и смехом женщин. Охотник ставит свои лыжи на твист (обычный способ охоты за лосем, так как лось выдерживает охотника на лыжах, но лось проваливается и скоро выбивается из сил). Со свойственным эпосу гиллизмом, когда Кейретуйвен, оттолкнувшись лыжными палками, пускается в погоню за лосем,

Первый раз он лыжей двинул —
Тотчас же из виду скрылся,
Как скользнул еще второй раз —
Тут его не стало слышно.
С третьим разом попадает
...К лосю прямо он на спину

(стр. 45—47).

Вейнемейнен, чтобы получить свою будущую жену, совершает по требованию «Похьолы старухи» три подвига: пашет поле, запрягает (объезжает?) на меже неукротимого жеребца и ловит огромную щуку, для чего сам превращается в щуку (отметим, кстати, что чудесный жеребец в рунах Перттунена вообще боится коня — коня для пахоты). Чтобы добыть из страны Похьолы Сампо, которое уже «в землю вкоренилось», Вейнемейнен принимается «зыпахивать» его корни: пень на обычной пашне — «пожоге» в Карелии, где некогда существовало подсеговое земледелие (стр. 18). Ильмаринен — искусный кузнец, его лучшие произведения — мельница Сампо; другие же чудесные предметы, выкованные им, — золотой конь и дева — не удовлетворяют его самого, и он снова бросает их в горнило. Характерен диалог в руне «Состязание женихов», заимствованный, несомненно, из свадебного обряда: лукавые, уклончивые ответы жениха о цели прихода даются в форме иносказаний, содержание которых берется из окружающей трудовой жизни. Вейнемейнен отвечает Анникки-островитянке, сестре другого жениха, что он 1) отправил охоту за лебедями и гусями (Анникки обличает его, что ее отец брал с собой охоту собаку на цепи, лук и стрелы); 2) на лов лососей (Анникки возражает, тогда бы в челне его лежали сети); в третий раз он говорит правду (стр. 28).

Этнографический анализ рун «Калевалы» со всей очевидностью доказывает, что взгляды буржуазных ученых, утверждавших, что этот эпос не принадлежит карело-финскому народу. «Калевала» насыщена подробностями труда и быта карел. Органическая связь быта народа и его поэзии — одно из доказательств ее местного происхождения. Насыщенность «Калевалы» этнографическим материалом огромна: руну как бы сотканы из этой ткани. Даже небольшое число рун, помещенных в цензурируемой книге, позволяет осветить ряд явлений материальной культуры Карелии в современных эпохе, когда там были записаны эти руну. Много говорится в них о способах и средствах передвижения, что объясняется тем, что «Калевала» полна действиями, чрезвычайно динамична: герои ее устремляются то на подвиги, то в погоню за кем-либо, то едут добывать невесту и т. д.

Летом все на лодках легких,
А зимой на лыжах скользких

(стр. 63).

Часто упоминаются также «пестрые», «узорные» санки (расписные?). Столкновение Вейнемейнена и юного Евкахайнена произошло оттого, что при встрече их санки на дороге их дуги столкнулись и «гужи переплелись» (стр. 23).

Близкое знакомство певца рун с управлением лодкой сказывается в описании езды на лодке, различных деталей ее устройства, инвентаря. Общее место в рунах Архипа Перттунена — сравнение с хвойным лесом мачты с поднятыми парусами.

На корабль заходит старец,
Он по палубе проходит,
Паруса он поднимает,
Будто сосны на горюшку
Мачты сухостойным лесом.
В синем море он несется,
Сидя за рулем горбатым

(стр. 26).

Своим гребцам Вейнемейнен приказывает подняться на мачту лодки, чтобы осмотреть окрестности: восток, запад и «берег Похьы» (стр. 20). Чтобы отдалить погоню, он бросает в воду кусочек кремня, и камень становится «скрытым островом под водсю», с которого раскалывается лодка преследователей. У старухи из Похьы превратившейся в орлицу, он отшибает когти рулем — лопатой, поднятой из воды (стр. 21—22). Девушка из страны «Мякялы» превращается в лошадь, чтобы Вейнемейнен, чтобы он мог перебраться за море, т. е. была перевозчицей (стр. 42).

В изгнании, Кавксмьели пристает к острову, и местные жители помогают ему «лодку затянуть на сушу», чтобы она обсохла (стр. 53).

Рыболовство в рунах Архипа Перттунена отразилось очень полно и разнообразно, причем в них сохранены и популярные рыбацкие поверья и легенды, — например, о русалке в образе рыбы, пойманной и отпущенной рыбаком. В той же руне о Лемминкйенене отразилась легенда и происхождении некоторых пород рыб и морских млекопитающих:

Он в кита преобразился,
Что едят одни лишь шведы,
Господа жарким считают,
А попы — так лучшим блюдом.

В основе этого замечания певца лежит действительное различие в обычаях скандинавских стран, где мясо китов и тюленей употреблялось в пищу, и России, где его не употребляли, считая «поганым»; надо думать, социальная верхушка карело-финского народа также стала употреблять его в пищу, подражая шведам, поэтому замечание певца имеет острый социальный смысл, осуждая отход от родных обычаев (стр. 64). В стране Маналы, откуда никто не может возвратиться, железные брат и сестра прядут железные — медные нити и вяжут из них сети, которыми перегораживают реку, чтобы задержать Вейнемейнена, проникшего к ним; однако вещей Вейнемейнен превращается в железную змею и проскальзывает сквозь сеть (стр. 43). Лов рыбы дан очень живо и конкретно. Лемминкйенен поймал рыбу-русалку, удя «на мысу туманном» медной удой с серебряной леской (обычное приукрашивание в фольклоре орудий труда). Странную рыбу, попавшуюся на крючок, он бросает «на дно лодки», сравнивая ее с местными породами рыб — тайменем, сягом, шукой, лососем — и отмечая отличия. Он сожалеет, что у него нет с собою режущих инструментов — мотыги или «резака для прутьев», чтобы разрезать рыбу и приготовить в пищу.

Бегло касаясь других сторон действительности, отраженной в рунах Перттунена, можно отметить особенности природы Карелии: водопады, пестрые камни, березу, ольху, вереск, ель и сосну, болота, морской лед; из фауны: тетерок, кукушек, белок, горностаев, волков и медведей и т. д. Жилище представлено рубленой избой, иногда еще курной, баней, в которой моются шелком, полом с «мостками» посредине. Из женских домашних работ упоминается стирка белья на морском берегу, топка печи, метенье пола и т. п. Одежда жениха — рубаха с золотистым поясом, суконная одежда. Неоднократно встречается варка праздничного пива, упоминаются моменты свадебного обряда.

Внимательное сличение приемов народной медицины, обычаев, упоминаемых в различных рунах, вероятно также дало бы возможность установить их этнографическую основу. Не менее плодотворными оказались бы и исследования общественных отношений более ранней исторической эпохи, следы которой видны в рунах. Такова, например, легенда о «деревне людоедок, где героев топят жены», повидимому, относящаяся к «амазонским легендам»; терминология родства (о чем говорит и автор книги); плата за невесту, обычная в одних местностях и отсутствующая в других, особенности общинной жизни и многое другое.

Так же насыщены образами рыболовства, охоты, домашнего хозяйства и песни Архипа Перттунена, помещенные в рецензируемой книге. Особенно характерен образ трудолюбивой девушки, которую мать советует выбирать в невесты своему сыну, правила поведения на общественном пиру и др. Этот раздел назван автором «Лирика», что нельзя признать удачным, тем более, что первые два номера связаны с жанром охотничьих заговоров; одной из этих песен Архип Перттунен предпослал нечто вроде воспоминаний о том, как охотились прежде.

«Избранные руны Архипа Перттунена» — ценная книга, изданная к юбилею «Калевалы». Но все же она оставляет чувство неудовлетворенности — не только потому, что анализ рун, данный В. Евсеевым в его статье, недостаточен и не сосредоточивает внимание читателя на главном, а преимущественно из-за неполноты публикации художественного наследства этого замечательного певца. Советская общественность вправе ждать полного издания рун, записанных от Архипа Перттунена и его сына Михайла. Это — крупнейшие мастера народного искусства, и их творчество должно стать широко известным.

Р. Липец

Väinö Kaukonen, *Kalevala ja todellisuus*. Eraitteita kielen-kaeytön ongelmia Helsinki, 1948, 210.

Современное состояние финской (скандинавской) школы фольклористов ярко раскрывается на примере опубликованной в 1948 г. монографии финского буржуазного ученого В. Кауконена об отношении «Калевалы» к действительности. Основные положения этой работы не являются чем-то случайным для автора. Многие его утверждения уже даны в предшествующем его двухтомном исследовании «Vauhan Kaleva-

lap kokooppa», изданном в 1939 и 1945 гг. Финляндским литературным обществом. Сознание невозможности вывести из тупика финляндскую фольклористику окончательно привело ее представителя В. Кауконена к агностицизму, характерному и для его предшественников. Согласно его мнению, финская историко-этнографическая школа имеет основание утверждать, что «Калевала» в качестве формы проявления творчества Э. Лённрота, является сомнительным источником древней истории Финляндии. На деле такое утверждение относится в разряд «сомнительных» источников не только свод Лённрота, но и более широкий и значительный документальный материал — записи рун от рунопевцев.

«Некоторые исследователи, — пишет В. Кауконен, — например, Вейне Сальминен, пытались написать историю древней поэзии финнов, хотя ни с одной из древних финских рун они не знакомы; они стремились выдать устную поэзию прошлых столетий за западно-финскую древнюю поэзию, а также пытались объяснить содержание и сущность неизвестных нам рун разных народов. В разных кругах верили в то, что найдена Похьола «Калевалы» или руническая Похьола, но загадка Сампо осталась вечно спорным вопросом» (стр. 197). Во всех этих случаях, по мнению В. Кауконена, речь идет о тех древностях «Калевалы», в которых нет «действительной древности», но налицо имеются «безусловно единичные» субъективные представления личности, проявляющиеся в речи и прочих видах индивидуальной деятельности того или другого субъекта. Признавая принципиально невозможным познание некогда существовавших фольклорных образов, считая, что любые наши представления об отсутствующих в записи фольклориста древних версиях песен всегда субъективны, В. Кауконен скатывается в болото субъективного идеализма, точнее, — агностицизма, отрицавшего объективное существование действительности. «Переход от описываемого в руне происшествия к действительным историческим событиям, — пишет В. Кауконен, — невозможен и приводит к неразрешенным противоречиям. Это сказывается в руне о похищении Сампо» (стр. 129). В другом месте он заявляет, что «обобщение всегда остается субъективным. Объективно никогда не будет возможно выяснить, что такое руна о Сампо» (стр. 141). С этими положениями связано отрицание В. Кауконеном разницы между фольклорным произведением в записи от сказителя и его литературной обработкой, принадлежавшей перу поэта.

«Исполняемая Архипом Перттуненом руна о Сампо, — пишет В. Кауконен, — это такое же произведение, как и поэма Э. Лейно «Туури» и «Калевала» Элиаса Лённрота... Руна Архипа Перттунена — нечто целое, не сводимое к простой сумме художественных образов. Ни один из его стихов не является стихом более древней руны. Ценность руны Архипа Перттунена для исследований по археологии, древней истории и этнографии несколько не больше, чем ценность «Калевалы» (стр. 78—80). Согласно концепции В. Кауконена, руна А. Перттунена, как и «Калевала» Лённрота, имеет ограниченное значение даже при ее рассмотрении в свете результатов, достигнутых в исследованиях по археологии, древней истории, этнографии, лингвистике. С их помощью, по Кауконену, можно осветить лишь «возникновение эстетической иллюзии». Для В. Кауконена пути развития карельского эпоса существуют лишь в наших субъективных представлениях. Кауконен не верит в возможность объективного познания действительности, научной реконструкции истории карельских эпических песен. «Древность эпоса «Калевалы», — пишет В. Кауконен, — не является действительной древностью, она лишь некое субъективное представление, которое отделяется от чувственно воспринимаемой действительности тройным и непроходимым барьером» (стр. 191). Кауконен согласен признать действительной древностью — и то условно — лишь такие записи эпоса, которые произведены тысячи лет назад, и лишь в том случае, если эти записи не являются формами проявления поэзии, а «объективно» отражают события и быт своего времени. Согласно В. Кауконену в процессе изучения происхождения рун многих рунопевцев выяснение прямых факторов, влияющих на их развитие, невозможно, так как над предполагаемой картиной прошлого этих рун всегда довлеет субъективное предположение исследователя. Исхода из такого предположения, опровергаются другие гипотезы, но объективно ничто не утверждается (стр. 179). Кауконен утверждает, что даже самое обоснованное предположение о том, что могло произойти, не дает права считать, что это действительно произошло. Он не желает видеть, что между таким предположением и выяснением действительных происшествий существует принципиальная разница. Он отрицает объективно существующее представление о действительности. Утверждая реакционную философию субъективного идеализма в приложении к изучению рун «Калевалы», утверждая мистическую непознаваемость «Калевалы», В. Кауконен, как и ряд других буржуазных филологов, пишет (например, на стр. 199) о действительности, которая не была поэзией, и о древней поэзии «Калевалы», которой, якобы, никогда не было. Свою составленную из локутсков берклианства, агностицизма Юма, обрывков махизма и заплатанную открыто не названными новейшими американскими «теориейками» половинчатую концепцию финский фольклорист В. Кауконен пытается защитить отдельными достижениями филологической науки. Однако В. Кауконен сам знает, что его концепция обречена остаться «его субъективным представлением». Не спасает автора и половинчатое признание наличия славянских влияний в карело-финских народных рунах (стр. 168—169).

Отрицание возможности исторического изучения фольклорных явлений стражает общее состояние современной буржуазной науки, для которой характерна боязнь исто-

рического анализа, так как он вскрывает обреченность буржуазии на гибель. Монография В. Кауконена еще раз подтверждает порочность современной буржуазной науки. Наука о народном творчестве может быть выведена из тупика лишь советскими фольклористами.

В. Евсеев

С. П. Толстов. *По следам древнехорезмийской цивилизации*, АН СССР, Научно-популярная серия, М.—Л., 1948, 323 стр., со многими таблицами, иллюстрациями в тексте и картой маршрутов экспедиции.

Имя С. П. Толстова — неугомимого археолога, открывшего перед нами целый новый культурный мир — древнехорезмийскую цивилизацию, видного этнографа, автора ряда важных работ по этногенезу, истории, культуре народов СССР, известно и за пределами узкого круга специалистов.

Весной 1948 г. вышла большая работа С. П. Толстова «Древний Хорезм», подводящая итоги предвоенным годам исследований в Хорезме. Этот капитальный труд, имеющий не только узкий интерес для археологов и историков Средней Азии, но и ставящий ряд важнейших общесторических проблем, нашел уже отражение в печати, и, несомненно, к нему не раз вернуться советские историки и археологи.¹ Советское правительство высоко оценило этот труд, присудив автору Сталинскую премию 1-й степени.

Читатели «Древнего Хорезма» выражали сожаление по поводу того, что по различным обстоятельствам книга задержалась выходом и отразила лишь работу Хорезмской экспедиции в довоенные годы. Но прошло всего несколько месяцев, и мы уже располагаем новой книгой С. П. Толстова, рассказывающей и о работах Хорезмской экспедиции Академии Наук СССР за 10 лет (1937—1947) и последовательно излагающей нам историю этой интереснейшей страны в том виде, в каком она воссоздается в результате работ Хорезмской экспедиции и, прежде всего, ее бессменного начальника — С. П. Толстова.

Книга вышла в научно-популярной серии Академии Наук СССР. Нужно прямо сказать, что эта серия, созданная по инициативе Президента Академии Наук академика С. И. Вавилова, является весьма ценным начинанием. Работы, входящие в эту серию, могут быть названы научно-популярными в лучшем смысле этого слова. Так, например, рецензируемая книга не только строго научна, но и дает новый, принципиально важный исторический материал «из первых рук», в изложении самого исследователя, а не компилятора-популяризатора. В то же время эта книга является и популярной, так как в ней увлекательно, просто и ясно изложены порой очень сложные научные построения, важные события истории народов нашей Родины.

Книга распадается на две неравные части: первая — «Путешествие в Древний Хорезм» (стр. 7—62) и вторая — «Летопись мертвых городов» (стр. 65—316). Завершается книга небольшим заключением (стр. 317—323).

Первая часть посвящена рассказу об археологическом изучении средней Азии, основных его задачах, о достижениях советских археологов (гл. I — «Страницы потерянной книги») и особо — о работах в Хорезме. Рассказ о трудах и исследованиях Хорезмской экспедиции АН СССР дан в очень живой повествовательной форме, где необходимые фактические данные — даты, названия местностей, имена — перемежаются с живо изложенными легендами каракалпаков и туркмен (гл. II — «Ворота Древнего Хорезма»), с отрывками из подлинных дневников экспедиции с красочным описанием пустынного пейзажа, живописных развалин, романтических полетов над солончаками, барханами, землями древнего орошения на маленьком, верном, неутомимом ПО-2 (гл. III — «В призрачной стране» и гл. IV — «Полет через тысячелетия»).

Читая описание работ экспедиции год за годом, нельзя не оценить по заслугам широкий размах работ, хорошую организацию, позволявшую Хорезмской экспедиции в краткий срок — за семь полевых сезонов — обследовать сотни памятников — от неолита до XVII в., произвести ряд стационарных раскопок большого масштаба и обобщить огромный накопленный материал. Нужно особо отметить умелое сочетание впервые примененных в таких масштабах авиаразведок с разведкой наземной и тщательным и scrupulous изучением отдельных решающих памятников. Здесь нет необходимости перечислять последовательно этапы работ экспедиции — от первых разведок 1937 г. на «землях древнего орошения» между Гульдурсуном и Султан-Уиздагскими горами и до интенсивных раскопок последних лет «трехбашенного замка» Топрак-кала, давшего изумительные памятники хорезмийского искусства III в. н. э., и широких авиаразведок за пределами Хорезмского оазиса на Усть-Урте, на Узбое, в междуречье Аму-Дарья — Сыр-Дарья. Достаточно будет сказать, что первые четыре главы вводят читателя в круг изучаемых вопросов, знакомят с памятни-

¹ См. рецензию А. Ю. Якубовского в газ. «Культура и жизнь» от 30.XI.1948 г., рецензии акад. В. В. Струве в «Вестнике древней истории», А. Н. Бернштама в журн. «Изв. АН СССР, Серия истории и философии», М. М. Дьяконова в журн. «Вопросы истории».

ками, детальный разбор которых будет дан в последующих главах, со специфической сложной и увлекательной работы археолога в трудных условиях пустыни.

Основной частью книги является, бесспорно, часть вторая, где с большим искусством, на фоне последовательного изложения истории Хорезма автор дает подробное научное описание важнейших памятников, предлагая свою интерпретацию как археологических материалов, так и данных письменных источников, порой давая весьма широкие обобщения, далеко выходящие за пределы истории Хорезма да и всей Средней Азии. Глава V, носящая название «Эра Сиавуша», начинается с воссоздания картины жизни человека в низовьях Аму-Дарьи в глубокой древности. Здесь С. П. Толстов опирается на открытые им культуры, относящиеся к неолиту, бронзовому и раннему железному веку. На примере неолитической кельтеминарской культуры (стоянка Джанбас-4) С. П. Толстов убедительно показывает, что этнические и культурные связи древних насельников Хорезма (IV—III тысячелетия до н. э.) «...ведут нас, вопреки традиционным представлениям об этнической стороне древнейшей истории Средней Азии, не на юг, а на север — в Казахстан, Сибирь и северо-восточную Европу» (стр. 71).

Очень важным является установление С. П. Толстовым для Хорезма роли «...посредствующего звена между миром древних цивилизаций Среднего Востока и отдаленным гиперборейским севером, которая так ярко выступает впоследствии» (стр. 72). С. П. Толстов хорошо восстанавливает уровень общественного развития кельтеминарцев — оседлых охотников и рыболовов, живущих родовыми общинами. Естественно, что для столь ранней стадии развития общества мы не можем установить этническую принадлежность древних обитателей Хорезма. Это утверждает и сам автор на стр. 72, однако далее (стр. 73—74) он излагает, правда, с большими оговорками (стр. 74), теорию о возможной роли кельтеминарцев как посредствующего звена между этническими группами, говорившими, с одной стороны, на угорских языках, а с другой стороны, — на языках мунда и дравидских. От изложения этой теории, которая требует еще дальнейшей разработки и серьезного обоснования в специальной работе, можно было бы воздержаться в сводной работе того типа, как разбираемая нами книга, тем более, что автор больше уже не возвращается к этой теории.

Весьма интересна рисуемая С. П. Толстовым картина дальнейшего развития человеческого общества на территории Хорезма: он сопоставляет две обнаруженные им культуры бронзового века, существующие в Хорезме в течение II тысячелетия до н. э., — тазабагыбскую и суярганскую. Если первая из них, характеризующаяся микролитонидным инвентарем и, по видимому, уже скотоводством (возникающим еще на предшествующей стадии) и мотыжным земледелием, является естественным развитием кельтеминарской культуры, то вторая указывает на несомненные южные связи (Анау) и говорит, вероятно, о проникновении к середине II тысячелетия до н. э. в Хорезм какого-то нового этнического элемента. С. П. Толстов склонен считать этот новый этнический элемент племенами восточной ветви народов яфетической системы языков (стр. 78—79).

Далее С. П. Толстов делает попытку этимологизации слова Хорезм, как Харри + зем «земля (страна) народа Хварри, или Харри», связывая этих «харри» с переднеазиатскими хурритами. Нужно сказать, что эти сопоставления весьма гипотетичны, равно как и сопоставления хеттов с массагетами. Автор и сам чувствует это, говоря, что «...очень трудно сказать здесь что-нибудь определенное» (стр. 81). Может быть и здесь, как и в вопросе о угорско-дравидских связях, следовало бы в книжке такого типа проявить большую осторожность.

Гораздо более убедительными кажутся нам приводимые С. П. Толстовым сообщения по поводу, как он говорит, «третьего этапа хорезмийского этногенеза» (стр. 86 и сл.), связанного с появлением на исторической арене племен, говоривших на индоевропейских языках (для Хорезма — рубеж II и I тысячелетий до н. э.). С. П. Толстов считает, что на территории Хорезма сталкивались три обширные области древних индоевропейских племен: индоиранская, фрако-киммерийская и сакская причем, добавим мы, преобладающим элементом в дальнейшем этногенезе народов Средней Азии, несомненно, оказался элемент сакский.

С. П. Толстов приурочивает к этому этапу древнейший цикл легенд Авесты, связанный с Сиавушем и Кей-Хосровом и ставит знак равенства между легендарной страной древнеиранских преданий Айрьянем-взджо и Хорезмом. В этой связи он рассматривает и сохраненное нам хорезмийским средневековым ученым Бируни предание о приходе в Хорезм божественного героя Сиавуша и начало летоисчисления, падающего на XIII в. до нашей эры.

Археологически эта эпоха представлена пока еще очень слабо. К началу I тысячелетия С. П. Толстов относит смену суярганской культуры амирабадской, относящейся уже ко времени раннего железа. Автор считает, что здесь мы уже имеем дело «с далеко зашедшим бытовым обособлением парных семей, еще живущих под общей кровлей, но уже не объединенных общим очагом, место которого занимают устойчивые, вытянутые в одну линию семейные очаги» (стр. 89—90, описание жилища стоянки Джанбас-7).

Важным моментом, отмеченным С. П. Толстовым, является отсутствие на этой стадии заметного развития ирригации, столь характерной для дальнейших периодов истории развития общества в Хорезме.

Пожалуй, наибольшей заслугой С. П. Толстова перед отечественной наукой является открытие памятников античного Хорезма. С. П. Толстов сумел на огромном добытом им материале доказать существование в Средней Азии рабовладельческого общества и яркими штрихами воссоздать облик богатейшей культуры этой большой эпохи. Следующая глава и посвящена этой теме. Глава VI — «Священная Кангха» — открывается блестящим анализом так называемых «городищ с жилыми стенами» (Калалы-гью № 1 и Кюзели-гыр).

С. П. Толстов доказывает, что эти городища являлись «поселениями рода или группы родов» (стр. 95), и удачно сопоставляет общество времени «городищ с жилыми стенами» с обществом, рисуемым нам древнейшими пластами Авесты. В этой же связи С. П. Толстовым весьма удачно привлекается известный рассказ Страбона о массагетах (XI, I, 6—7), заимствованный им, как предполагают, у Гекатея Милетского.

Ко времени «городищ с жилыми стенами» (т. е. к VIII—VI вв. до н. э.) относится создание основной ирригационной сети древнего Хорезма. С. П. Толстов полагает, что для этого необходимо: «...наличие сильной централизованной государственной власти и широкого применения подневольного труда, которым, в обстановке исследуемой эпохи, мог быть только труд военнопленных рабов» (стр. 103).

На основании этих соображений С. П. Толстов приходит к выводу о правильности гипотезы Маркварта о существовании в Хорезме в доахеменидское время могущественного государства. С. П. Толстов рисует это государство как сильное рабовладельческое, «сочетающееся, однако, с продолжающей функционировать и даже сохраняющей родовые и матриархальные традиции общиной» (стр. 103).

Очень интересны и заслуживают всяческого внимания попытки локализовать основные племена, входившие в массагетскую конфедерацию (хорасми, айасиаки, сакараваки, дербики, тохары, асии и аттасии). Так, мне думается, что, помимо хорасмиев, локализация которых была ясна и ранее, можно теперь считать установленной локализацию для середины I тысячелетия до н. э. сакараваков, асиев и, возможно, тохаров. Для окончательного решения вопроса о тохарах необходимо провести широкие раскопки на Джеты-асаре, памятниках, открытых Хорезмской экспедицией в 1946 г. в районе Куван-Дарьи — древнего южного протока Сыр-Дарьи.

Дав анализ событий истории Хорезма в VI—IV вв. до н. э. и взаимоотношений Хорезма с державой Ахеменидов и Александром Македонским (стр. 105—111), С. П. Толстов переходит к описанию ряда замечательных памятников времени расцвета древнехорезмийской цивилизации (IV в. до н. э.—I в. н. э.), когда Хорезм, по словам автора, представлял собой «...могущественное государство, освободившееся от ахеменидского ига и занимающее выдающееся место на политической карте Средней Азии» (стр. 113).

Весьма важным в историческом отношении является прослеживаемый С. П. Толстовым для этого времени тип поселения. Это «...с одной стороны — город со сплошной внутренней застройкой, а с другой — отдельно стоящий дом — массив, выступающий как основная форма сельского поселения» (стр. 114).

Интересно сделанное С. П. Толстовым наблюдение, что в городах (Джанбаскала, Топрак-кала) отмечается двучленное деление застройки: в первом случае мы имеем всего два больших жилых массива, а во втором случае городская застройка разрезана главной улицей, по сторонам которой стоят по четыре дома-массива. Как известно, С. П. Толстов уже неоднократно выступал в печати с теорией, повторяемой им и в рецензируемой книге (стр. 115—116), о том, что такой тип застройки отражает фратриальное деление племени... Если с этой частью гипотезы С. П. Толстова можно было бы согласиться, хотя и она вызывает серьезные возражения, то вряд ли убедительной может показаться вторая часть этой гипотезы (стр. 116), где автор стремится этой же дуальной организацией племени объяснить и дуализм зороастрийской религии.

Четко проводимый дуализм в зороастризме окончательно складывается уже в позднее время, когда зороастризм превращается в догматическую «имперскую» религию. Ранние иранские культы, легшие затем в основу религии зороастризма и известные нам по ахеменидскому времени, не несут на себе черт этого дуализма. Вряд ли можно проследить такой строго проводимый дуализм и в древнейших частях Авесты.

Весьма ценными являются страницы, посвященные анализу памятников материальной культуры, относящихся к этому периоду. Благодаря интерпретации этих памятников мы по-новому смогли взглянуть теперь и на ряд материалов, добытых в других местах Средней Азии, Афганистана и северной Индии. Анализ этих памятников, данных С. П. Толстовым, поможет советским исследователям правильно решить ряд кардинальных вопросов, связанных с античной эпохой в истории ряда народов, ныне населяющих Среднюю Азию. Отмечу здесь, что передовые европейские ученые начинают все больше и больше прислушиваться к голосу советских исследователей и, в частности, хронологические схемы и определение памятников, даваемые С. П. Толстовым, все чаще и чаще применяются как руководящие европейскими учеными. Правда, эти ученые ограничиваются лишь признанием этих достижений советской науки, оставляя без внимания (за некоторыми счастливыми исключениями) самое главное, а именно социальный анализ археологических памятников, используемых как необходимое звено в цепи построений, воссоздающих жизнь человеческого общества прошлого.

Большой экскурс, посвященный тохарам и введенный автором в изложение в связи с анализом памятников Джесты-асарской группы (стр. 123—140), уже упомянутых нами выше, содержит еще очень много спорного. Для окончательного решения ряда затронутых там вопросов необходима еще большая работа.

Заканчивается глава изложением событий политической и культурной истории Хорезма и прилегающих областей Средней Азии в III в. до н. э.—III в. н. э., кангюйского и кушанского периодов, по терминологии С. П. Толстова.

Не имея возможности подробно останавливаться в краткой рецензии на эти интересные страницы, я позволю себе лишь затронуть здесь некоторые вопросы, которые мне кажутся спорными.

Нельзя, как мне кажется, целиком согласиться с идентификацией Кангхи-Кангюя с Хорезмом. Сам автор (стр. 145) пишет: «Возможно, Кангха — несколько более широкое понятие, чем Хорезм», однако в дальнейшем уже безоговорочно признает Кангху Хорезмом.

Другой, менее существенный момент касается серии «загадочных» монет Герая, широко распространенных по всей Средней Азии, но чеканившихся, очевидно, в Бактрии. По поводу этих монет существует целая литература, причем лучшей из работ, посвященных этой теме, является работа советского нумизмата, покойного А. Н. Зографа².

Многие исследователи считают Герая кушанским князем, предшественником кушанской династии Кузулы Кадфиза, правившим в Бактрии. В науке установлено, что чекан Герая восходит к чекану греко-бактрийского царя Евкратиды, но не непосредственно, а через какие-то, до сих пор бывшие неизвестными, посредствующие звенья. С. П. Толстов предполагает, что Герай был «вассалом кангюйского царя» на том только основании, что найденная в 1940 г. на Топрак-кале монета «безымянного царя», которого С. П. Толстов считает царем Кангюя, также подражает чекану Евкратиды. С. П. Толстов утверждает, что «...так как монеты из Топрак-калы значительно ближе к общему прототипу, есть все основания предполагать, что чеканка Герая является имитацией не непосредственно чеканки Евкратиды, а хорезмско-кангюйской чеканки I в. до н. э.» Разумеется, С. П. Толстов прав, когда он говорит, что чекан Герая не восходит непосредственно к чекану Евкратиды. Однако посредствующим звеном между этими чеканками, несомненно, служит не чекан «безымянного царя», а варварский «евкратидовский» чекан Бактрии II—I вв. до н. э.³ Таким образом, и чекан «безымянного царя» и чекан Герая восходят к чекану Евкратиды через посредство промежуточных звеньев, но не зависят один от другого, так что нет никаких оснований считать Герая вассалом «безымянного царя».

Можно было бы остановиться еще на некоторых разногласиях между автором и рецензентом, но они могут иметь интерес лишь в кругу узких специалистов. Гораздо важнее отметить очень ценную попытку анализа внутренней социально-экономической истории Кушанской империи, данную С. П. Толстовым на основе изучения жилого строительства кушанского времени (стр. 159—160). Автор весьма убедительно показывает, как распадается традиционная родовая община, как из нее выделяется немногочисленная, но могущественная землевладельческая аристократия. Очень важно и другое явление, тонко подмеченное автором: «Суверенитет городской общины уступает место имперскому суверенитету: уже не укрепленные, полунезависимые города, а воздвигнутые центральным правительством и занятые гарнизонами постоянной армии империи крепости охраняют границы оазиса от степных племен враждебных государств» (стр. 159).

В конце этой главы С. П. Толстов, говоря об упадке кушанского могущества, приводит в качестве одного из документов возрождающейся самостоятельности Хорезма первые монеты с хорезмийскими легендами, относящиеся к рубежу II и III вв. н. э. Это — древнейшие из дошедших до нас памятников хорезмийской письменности. Как известно, в сезоне 1948 г. С. Н. Толстов обнаружил при раскопках замка Топрак-кала целый ряд ценнейших документов на древнехорезмийском языке, что несомненно, открывает новую страницу в изучении языков, культуры и истории народов Средней Азии.

Раскопки замка Топрак-кала, относящегося к III в. н. э., вообще дали исключительно ценный материал для понимания культуры и искусства Хорезма и не только одного Хорезма. Этим раскопкам и посвящена глава VII — «Сокровищница трех башенного замка».

Эта глава читается с захватывающим интересом. Перед читателем встает замок — резиденция хорезмского царя, огромное здание своеобразной сырцово-архитектуры с множеством помещений, украшенных монументальной скульптурой живописью. Открытие этих памятников хорезмского искусства является одним из

² А. Н. Зограф, Монеты «Герая», Ташкент, 1937.

³ Ср. A. Cunningham, Numismatic Chronicle, 3-rd Series, vol. IX, 1889, plate XII, № 8. Подобные же оболы были найдены автором этих строк во время раскопок могильника на урочище Туп-хона Гиссарского района Сталинабадской области Таджикской ССР. Подробнее о могильнике Туп-хона и проблемах, выдвигаемых раскопками этого памятника, см. «Труды Таджикско-Советской археологической экспедиции», т. I (печатается).

самых блестящих результатов плодотворной деятельности Хорезмской экспедиции. И скульптура и живопись, хотя и несут на себе некоторые черты сходства с искусством соседних стран — Согда, Восточного Туркестана и Северного Причерноморья, столь своеобразны и самобытны, что заставляют в полный голос заговорить о значительности и величии культуры народов Средней Азии и окончательно разбивают вредную теорию о том, что Средняя Азия была окраиной, периферией, «филиалом» Ирана.

Открытые С. П. Толстовым монументальная скульптура и живопись III в. перекликаются со скульптурой и живописью дворца Бухар-худатов в Варахаше, открытого В. А. Шишкиным и с полным основанием относимого С. П. Толстовым к V в. (стр. 217), а теперь и с росписями храмов древнего Пянджикента, открытыми А. Ю. Якубовским в 1948 г. (VII в.). Мы можем теперь с уверенностью сказать, что в скором времени сумеем составить себе ясное представление о монументальном изобразительном искусстве народов Средней Азии в дофеодалное время. Еще десять лет назад эта огромная область культуры народов Средней Азии была нам вовсе неизвестна.

Глава VIII — «Эра Африга» — посвящена малоисследованному, бурному периоду кризиса и распада рабовладельческого общества Средней Азии — IV—VIII вв. н. э. В этот период внутри среднеазиатского общества вызревает новый феодальный уклад, которому в IX—X вв. суждено было одержать решительную победу и стать господствующим. С. П. Толстов шаг за шагом прослеживает эти перемены, опираясь, прежде всего, на материалы своих исследований над изменениями в типе жилищ поселений, в распространении и характере ирригационной системы. Но в сочетании с данными археологии С. П. Толстов искусно использует и скудные письменные свидетельства, рисуя широкую картину, убедительную в своих основных чертах, но не свободную от некоторых увлечений.

Завоеванию Хорезма арабами и раннефеодалному периоду посвящена глава IX — «Мятеж Хурзада». Весьма убедительной и хорошо объясняющей важные политические и социальные сдвиги этого времени является интерпретация С. П. Толстовым мятежа Хурзада в Хорезме, как своеобразного «антифеодалного движения маздакитского типа» (стр. 224). Мне кажется, что С. П. Толстов совершенно правильно объясняет рассказы об «общности жен» у маздакитов и соответствующие мероприятия Хурзада как стремление общины вернуться к древним формам группового брака и уничтожить гаремы аристократии. Он отвергает не только реакционные объяснения этих важнейших явлений, даваемые такими учеными, как датчанин Артур Кристенсен, но и стыдливый отказ от анализа этих фактов ссылкой на то, что до нас не дошло изложение этих событий лишь из уст врагов маздакитов и подобные рассказы объясняются лишь клеветой⁴.

Чрезвычайно интересной является гипотеза о политическом объединении на короткий срок в VIII в. Хорезма с Хазарией, однако этот вопрос еще требует специальной доработки и дополнительной аргументации, чтобы быть окончательно решенным.

Глава X — «Время Бируни» и XI — «Величие и падение Хорезма» — доводят рассказ о судьбах Хорезма до монгольского завоевания.

В главе X особенно важны страницы, посвященные развитию феодального города, обусловленного расцветом городской ремесленной промышленности. С. П. Толстов, разбирая этот существенный момент социальной истории Средней Азии, вносит ряд поправок в принятую в советской науке теорию Бартольда — Якубовского о развитии среднеазиатского средневекового города (стр. 240). Наряду с «классическим» делением города на арк, шахристан и ремесленные предместья — рабады — существовало и иное членение города и, как показывает Толстов, далеко не всегда победа феодального способа производства ведет к запустению шахристана и переходу основой жизни города в рабады.

Далее С. П. Толстов дает широкую картину экономических связей Хорезма с соседними странами и особенно с Восточной Европой.

Совершенно новыми и по привлекаемому материалу и по его трактовке являются страницы, посвященные огузам и их городам (стр. 244 и сл.).

Совершенно ново освещение, даваемое С. П. Толстовым событиям конца X в. в Восточной Европе (стр. 252 и сл.) и роли в этих событиях славян, булгаров, хазар, огузов и Хорезма, требует, конечно, специального разбора со стороны историков Древней Руси; рецензент не считает себя достаточно компетентным в этом вопросе. Во всяком случае в этом построении еще очень много гипотетического, требующего дальнейшей проверки и уточнения.

В связи с работами Хорезмской экспедиции на юго-восточном Устюрте над памятниками раннего средневековья стоит открытие большой караванной дороги,

⁴ См. A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, стр. 339—340; Ю. А. Солодухо, *Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI века н. э.*, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 136. Взгляды рецензента на этот вопрос отражены в его статье «Древний Иран (автореферат)», «Вопросы истории», № 1, 1946.

шедшей вдоль западного берега Аральского моря из Хорезма в Восточную Европу и оборудованной прекрасными каменными караван-сараями и выложенными камнем колодцами.

Один из таких караван-сараяев, а именно Белеули, представляет собой совершенно исключительный в своем роде памятник архитектуры XI в., заслуживающий специального изучения.

Глава XI посвящена сложению, краткому расцвету и катастрофической гибели государства хорезмшахов XII—XIII вв. В этой главе особый интерес представляет раздел, посвященный социальной структуре этого государства и его культуре, построенный целиком на материалах, добытых экспедицией. Заканчивается глава описанием монгольского нашествия и гибели государства хорезмшахов.

Последняя глава — XII — называется «Тайна Узоя» и посвящена важной проблеме, над разрешением которой наука билась уже несколько десятилетий.

Согласно преданиям, сохранным нам разными авторами, Аму-Дарья дважды в исторические времена впадала в Каспийское море, а не в Аральское, как обычно.

И если к рассказам о первом из этих двух отклонений Аму-Дарьи наука относится скептически, считая это легендой, то второе, произошедшее, якобы не так давно — в XIII в., причем в свое нынешнее русло Аму-Дарья вернулась в конце XVI в., многие историки, в том числе и В. В. Бартольд, склонны были признать реальным.

Однако географы и геологи, обследовавшие Сарыкамышскую впадину и Узбой (предполагаемое старое русло отклонившейся Аму-Дарьи) склонялись к тому выводу, что нет никаких оснований утверждать, что Узбой мог когда бы то ни было быть руслом Аму-Дарьи.

Авиаразведка в сочетании с наземными обследованиями, проведенная Хорезмской экспедицией в 1947 г., подтвердила правоту географов и геологов.

Теперь благодаря трудам С. П. Толстова можно с уверенностью утверждать, что в связи с разрушением ирригационной системы нижней Аму-Дарьи во время монгольского завоевания излишек вод пошел по одному из протоков — Дарьялыку — в Сарыкамышское озеро, но не далее. Хорезмская экспедиция обнаружила вдоль Дарьялыка и по берегам Сарыкамышской впадины следы довольно интенсивной земледельческой деятельности и городской жизни XIV—XVI вв., но на Узбое — только следы пашен полукочевых туркмен. Обнаруженные Хорезмской экспедицией развалины довольно крупных городов — Вазира, Терсека, Янгисехра (Адака), углубленное изучение которых началось в 1948 г., дадут нам представление о совершенно неизвестной доселе городской культуре этой западной окраины Хорезма в позднесредневековое время. Насколько нам известно, раскопки 1948 г. на городище Шемаха-кала уже дали важные в научном отношении результаты.

Проблемы Узоя, как правильно отмечает С. П. Толстов (стр. 308), «...должны уйти из ведения историков и остаться сферой географов, геологов и археологов-первобытников».

Необходимо, заканчивая обзор этой книги, отметить ее хорошее оформление: отличная четкая печать, прекрасно выполненные фотографии и штриховые рисунки, наглядные карты, яркие и соответствующие натуре цвета таблиц росписей. Нужно только пожалеть, что на большинстве таблиц не указан масштаб изображенных архитектурных сооружений и предметов материальной культуры.

В заключение можно привести слова самого автора (стр. 317):

«Летопись мертвых городов древнего и средневекового Хорезма еще пестрит пробелами, полна нерасшифрованных страниц. Но пусть несовершенная, она все же существует, и мы ее прочли».

«Вещи еще раз сказали свое слово там, где молчат письмена».

«Три большие эпохи истории Хорезма прошли перед нами, в том числе две, о которых десять лет назад не было известно ничего, или почти ничего. Историческая картина третьей, хотя и достаточно щедро освещенная письменными памятниками, обогатилась новыми деталями, позволяющими углубиться в смысл событий, глубже понять сокровенные тайны внутренних процессов развития общества, скрывающихся за калейдоскопом дат и имен, мелькающих на страницах хроник, и за казуистической терминологией юридических документов».

Мы можем сказать больше: С. П. Толстову удалось дать увлекательную картину огромной и разнообразной деятельности Хорезмской экспедиции, показать в ярких образах важнейшие этапы истории столь любимого им Хорезма. Ему удалось не только собрать грандиозный археологический материал, но и заставить его заговорить, рассказать о таких сторонах социальной жизни давно ушедших народов, о каких мы раньше и не мечтали узнать.

Выводы, сделанные С. П. Толстовым, важны не только для истории Хорезма, пусть заметной, но все же небольшой части территории нашей великой Родины. Выводы и открытия С. П. Толстова имеют первостепенное теоретическое значение, обогащая наши сведения о закономерностях развития рабовладельческого общества в условиях искусственного орошения и соседства кочевой степи, о переходе общества от рабовладельческой формации к феодализму, о роли и значении пережитков общинно-родового быта в условиях восточных обществ и помогая решению многих других вопросов.

Особенно же важны труды С. П. Толстова для историков и археологов, работающих

над историей народов Средней Азии. За последние годы работа археологов в среднеазиатских республиках особенно оживилась. Их трудами за последние 10—15 лет открыт нам совершенно новый мир древних культур народов Средней Азии, культур самобытных, богатых, сыгравших немалую роль в истории человечества. Работы Хорезмской экспедиции — не единичное явление. Сейчас почти все республики Средней Азии охвачены исследованиями, которые ведут большие археологические экспедиции, ставящие перед собой принципиально важные, серьезные проблемы истории народов Средней Азии. Среди них хорезмская, — пожалуй, сейчас самая большая по размаху работ, — занимает почетное место, но рядом с С. П. Толстовым работают в Южной Туркмении М. Е. Массон, в Узбекистане — Я. Г. Гулямов и В. А. Шишкин, в Казахстане и Киргизии — А. Х. Маргулан и А. Н. Бернштам, в Таджикистане — А. Ю. Якубовский. Год за годом стираются белые пятна с археологической карты, все яснее читается «летопись мертвых городов», все в большем блеске встает перед нами культура народов, населяющих наши среднеазиатские республики.

М. Дьяконов

А. А. Попов, *Нганасаны*, вып. I, Материальная культура, АН СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. III, М.—Л., 1948, 122 стр. + 36 табл. иллюстраций.

Рецензируемая книга составляет часть большого труда известного советского этнографа, специалиста по народам северной Сибири. А. А. Попов изучал нганасан в течение нескольких лет: в первый раз в 1930—1932 гг., попутно с изучением долган, и второй раз в 1936—1938 гг., специально занимаясь нганасанами. Таким образом, перед нами итог долголетней работы исследователя, зарекомендовавшего себя по другим своим трудам тщательностью и точностью своих описаний, особенно в области материальной культуры и техники отсталых в прошлом народов северной Сибири.

Народы северной Сибири представляют большой интерес для этнографической науки. Вместе с тем изучены они далеко не достаточно. Список литературы, в которой в большей или меньшей степени затронуты вопросы этнографии нганасан, приведенный в редакционном предисловии, насчитывает всего 11 названий, из которых книга «Тавгийцы» принадлежит перу того же А. А. Попова, являясь результатом его предварительных наблюдений в 1930—1932 гг. Вся остальная литература о нганасанах или написана не специалистами и содержит только отдельные и не всегда проверенные факты и беглые наблюдения, или касается только отдельных вопросов, например, фольклора, родового состава, статистики и т. д.

Нганасаны представляют особенно большой интерес для этнографии даже по сравнению с другими народами северной Сибири. Достаточно сказать, что это самая северная народность СССР и, следовательно, всей Азии. Кроме того, до недавнего времени это была одна из самых отсталых народностей Сибири. В их культуре имелись чрезвычайно архаичные пережитки, которые могли бы служить ценным источником для реконструкции ряда элементов первобытной культуры, особенно в арктической и субарктической зоне эйкумены. В нганасанах, как наиболее северном народе Сибири, скорее всего можно ожидать найти потомков самых древних обитателей северной Азии, хотя и ассимилированных более поздней по времени своего проникновения на север самоедской культурой, но тем не менее сохранивших ряд элементов своего древнего, доленеводческого быта.

Книга А. А. Попова, помимо кратких редакционной статьи и предисловия автора, состоит из 7 глав: 1. Географическая среда. Историческая справка. Расселение. 2. Годовой хозяйственный цикл. Охота и рыболовство. 3. Оленеводство. Средства передвижения. 4. Орудия и процессы производства. 5. Жилище. Утварь. Стойбище. 6. Пища. 7. Одежда.

Уже этот перечень затронутых книгой А. А. Попова вопросов показывает, что она должна представлять всестороннее описание материальной культуры нганасан и, таким образом, заполнить тот пробел, который до сих пор существовал в этнографии. Действительно мы находим в рецензируемой книге массу фактов, ряд тщательных списаний производственных процессов, орудий труда, бытовых предметов и способов их употребления, ряд бытовых сцен по всем перечисленным выше вопросам. Весь изложенный в книге материал дополнен рисунками и зарисовками отдельных предметов (более 200, в том числе более 40 в красках), схемами, чертежами и фотографиями. Поэтому представление по основным затронутым автором темам получается достаточно полное. Книга А. А. Попова будет полезна и этнографам, занимающимся народами Сибири, и исследователям, работающим в области общих вопросов истории первобытной культуры или в области сравнительного анализа материальной культуры народов арктической и субарктической зон Азии, Европы и Америки.

Достоинством метода А. А. Попова при изложении им этнографических фактов является то обстоятельство, что материал в подавляющей его части дается совершенно конкретно, вплоть до мельчайших технических и бытовых деталей. Нельзя отказать А. А. Попову не только в умении описать этнографические явления, но и в умении видеть их. Поэтому рецензируемая книга не только дает многочисленные и необходимые факты, но и воссоздает общую атмосферу быта народа, что часто представляет наибольшую трудность для автора этнографического произведения. Этнографы-профессионалы смогут также оценить труд автора, затраченный на выявление и обработку всех приведенных А. А. Поповым данных.

Сам автор не подводит итогов своей работы. Основные общие положения, вытекающие из книги А. А. Попова, можно свести к следующему. Хотя нганасаны были, и, вероятно, уже давно, оленеводами, в их хозяйстве доминировала охота на дикого северного оленя, дополняемая охотой на линных гусей, рыболовством, а последнее время и охотой на песцов. Нганасаны, будучи оленеводами, тем не менее устойчиво сохраняли приемы и традиции пеших охотников на дикого северного оленя. При этом основными, наиболее эффективными способами охоты на диких оленей в прошлом были коллективные охоты при переправах оленей через реки, на озерах и с помощью специальных кожаных сетей. Коллективные формы охоты на гусей преобладали и до последнего времени.

Материальная необеспеченность нганасан в прошлом, отмечаемая А. А. Поповым, их весенние голодовки, помимо социально-экономических причин, действовавших до коллективизации, имели своей причиной также то обстоятельство, что в их хозяйстве сохранялись в пережиточной форме черты хозяйства чуть ли не неолитических охотников на дикого северного оленя, для которых оленеводское хозяйство даже в той экстенсивной форме, в какой оно существовало у них, было делом сравнительно новым, и они еще не могли извлечь всех заключенных в нем потенциальных возможностей для улучшения своего благосостояния. Главным образом это происходило, вероятно, вследствие отмечаемого А. А. Поповым традиционного предпочтения интересов оленеводства интересам охоты на дикого оленя.

В некоторых отношениях хозяйство нганасан, особенно вадеевских, носило еще натуральный характер. Между самими нганасанами обмен существовал главным образом в его архаичной форме в виде обмена подарками. Сохранились обычаи равного раздела добычи при коллективной охоте и уступки части добычи соседям при индивидуальной охоте. Но уже в сношениях с соседними долганами и якутами обмен продуктов охоты и оленеводства носил характер меновой торговли, хотя не вполне эквивалентной. Кроме того, существовали целые отрасли охоты, например, на песца, продукция которой — песцовые шкуры — шли исключительно для сбыта. Наконец, наряду с пережитками первобытно-общинных отношений у нганасан на базе оленеводства возникло классовое расслоение и различные формы эксплуатации крупными оленеводами своих малоопленных соплеменников. Иногда это делалось в скрытой форме «взаимопомощи», а иногда и в совершенно обнаженной — в виде найма пастухов и отдачи оленей в пользование за определенную плату.

В настоящее время, конечно, все это отошло в прошлое. Нганасаны объединились в колхозы. Хозяйство нганасанских колхозов ведется по производственному плану, заранее учитывающему все возможности и нужды колхоза и направляющему его хозяйство на еще большее расширение его производственной мощи и дальнейшее улучшение благосостояния колхозников. В нганасанские колхозы внедряется новая техника. Охотники нганасаны сейчас для охоты на диких оленей вооружены дальнобойными карабинами, рыбаки — неводами. В охоте на песца применяется усовершенствованная корытная пасть и различного типа клепаны. В оленеводстве внедряются научные методы, организована ветеринарная помощь, организовано проводится отел оленей, организовано дело сохранения теллят. Нганасанские колхозы не забывают о своих обязательствах перед государством и выполняют и перевыполняют планы сдачи рыбы и пушнины. Колхоз «Ленинский путь» Вадеевского кочечевого совета, руководимый нганасаном — коммунистом Восипте Асанду, к 7 ноября 1948 г. выполнил план на 173%, а взятое на себя обязательство сверх плана — на 231,5%. За столь успешную работу Хатангский исполком райсовета и районный комитет ВКП(б) вручили этому колхозу переходящее Красное знамя района. Колхоз «8-й Съезд Советов» Авамского кочевого совета (председатель правления нганасан Ламкуптэ Чунанчар) выполнил план пушногоготовок I квартала 1943 г. на 222,2%, колхоз «Имени О. Ю. Шмидта» Таймырского кочевого совета (председатель нганасан Танделю Порбин) — на 107,6%. Отдельные охотники нганасаны дали еще лучшие результаты. Набяку Турдагин выполнил план добычи пушного зверя в I квартале 1948 г. на 519%, Енгутэ Порбин — на 480%, Чухоптэ Момде — на 421%, Таси Порбин — на 404% и т. д.

Отходит в прошлое и старый быт нганасан. Колхозный трудодень пришел на смену первобытному делению добычи. Колхозные бригады и звенья заменили прежние группы чумов на стойбищах. Сейчас у нганасан зимой начинают преобладать нартенные чумы (балки) с железной печкой вместо прежних дымных и холодных шестовых чумов. Внедряется одежда общесоветского типа. Вырос культурный уровень нганасан. Почти все дети школьного возраста охвачены учебной в школах-интернатах. Растут кадры советских и общественных работников нганасан. Молодой нганасан Намбу Чунанчар заведует сейчас отделом кадров Авамского райкома ВЛКСМ и

ведет большую общественную работу в районе¹. Несколько молодых нганасан в качестве солдат Советской Армии принимали участие в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Конечно, предстоит еще многое сделать. Но по сравнению с тем, чем были нганасаны в прошлом, хотя бы даже с тем периодом, когда у них работал А. А. Попов, можно констатировать огромный прогресс, и нет сомнений, что в ближайшие годы вековая отсталость нганасан будет ликвидирована.

Таким образом, материал, изложенный в книге А. А. Попова, никоим образом не рисует сегодняшнего дня нганасан. Это, впрочем, оговорено и в предисловии. От этого, конечно, историко-этнографическое значение книги А. А. Попова не уменьшается, так как многое из того, что он зафиксировал в ней, сейчас наблюдать уже невозможно и, таким образом, эти факты могли быть утеряны для науки.

Но насколько в книге А. А. Попова сильна ее описательная часть, настолько слабы историческая и аналитическая. Собственно говоря, анализа почти нет, а там, где имеются такие попытки, они по меньшей мере неудачны. Да и даются они от случая к случаю, иногда совершенно неожиданно и с малообоснованными, чтобы не сказать наивными, выводами. Много возражений вызывает и историческая справка (стр. 11—12).

На стр. 11 мы читаем: «По предположению М. А. Кастрена, предки нганасанов представляли часть самоедских племен, некогда обитавших на юге Сибири, в Саянах. Возможно, что в образовании нганасанской народности принимали участие и более ранние насельники Таймырского края, по всей вероятности пришедшие с востока...» От первой фразы создается впечатление, что автор считает, будто части самоедских племен Саян непосредственно вошли в состав нганасан. Кастрен, в частности, этого не утверждал в отношении нганасан, а оперировал (и не всегда удачно, по нашему мнению) только созвучием названий некоторых энецких и саянско-самоедских племен и родов. Самоедский язык и элементы самоедской культуры пришли к предкам нганасан, вероятно, главным образом от энцев и частью от ненцев, а к энцам и ненцам они пришли очень сложным путем, и даже среди этих двух самоедских народностей очень трудно выделить составные элементы, которые по своему происхождению можно было непосредственно возвести к самоедам Саян. Конечно, за автором остается право считать нганасан или часть их прямыми потомками саянских самоедов. Но в таком случае ему было бы лучше сослаться на Г. Н. Прокофьева, действительно находившего в нганасанском языке слова из самоедского языка Саянского нагорья, которые в ненецком языке отсутствуют².

То, что в составе нганасан имеются потомки аборигенных племен северной Сибири, что часть предков нганасан пришла на Таймыр с востока, это несомненно, и на этом А. А. Попову следовало бы сделать ударение, а не на переселении (как получается из его контекста) предков нганасан с Саян. Но раз автор затронул вопрос о происхождении нганасан, ему следовало бы указать на тунгусские элементы в составе предков нганасан, что является бесспорным фактом, на который указывали А. Ф. Миддендорф, Г. Н. Прокофьев и др. В частности, как раз предки вадеевских нганасан, среди которых А. А. Попов главным образом собирал материалы, вошедшие в рецензируемую книгу, а также семья Уранныка Око, в чуме которого А. А. Попов, по его собственному утверждению (стр. 82), прожил более года, и предки всего рода Око в XVII и XVIII вв. были тунгусами.

Ниже, на той же 11 стр., А. А. Попов правильно утверждает, что предки нганасан в XVII в. распространялись южнее современного расселения нганасан. Но по крайней мере первый из его аргументов по этому вопросу неудачен. Из того обстоятельства, что в первой половине XVII в. предки нганасан платили ясак соболями, нельзя делать заключение, что они тогда жили в лесной зоне. В ясачных книгах этого времени как раз зафиксированы жалобы предков нганасан на отсутствие соболя

¹ Кстати, Намбу Чунанчар, когда он в сентябре 1938 г. впервые пришел в школу, был сфотографирован вместе со своими товарищами и родителями. Этот снимок помещен в книге А. А. Попова (табл. I, фотография 3). Намбу Чунанчар — крайний справа в последнем ряду. В центре (с непокрытой головой) сидит Кондюэ Турдагин, бывший тогда председателем Авамского кочевого совета, первый нганасан-коммунист, много сделавший для организации этой первой нганасанской школы и вообще для подъема культуры своего народа и для развертывания социалистического строительства. Третий слева в последнем ряду — отец Намбу Чунанчара Чута Чунанчар. Автору этих строк в январе 1949 г. пришлось прожить несколько дней в одной комнате с делегатами Авамского района на Таймырской окружной конференции ВЛКСМ. Среди делегатов был и Намбу Чунанчар. Трудно было узнать в этом культурном, хорошо и со вкусом одетом, прекрасно владеющем русским языком, очень жизнерадостном молодом человеке, делюно выступавшем в качестве одного из участников прений на конференции, — смущенного неумытого мальчика в поношенном сокуе, которого вместе с его оверстниками, преодолевая сопротивление консервативно настроенной части нганасан, 10 лет назад привез в школу на Летовье Кондюэ Турдагин.

² «Язык и письменность народов Севера», вып. 1, 1939, стр. 55.

в их безлесной земле и указывается на то, что им приходится покупать соборей для уплаты ясака у русских промышленных людей. Поэтому уже в середине XVII в. ясак с нганасан взимался не соборями, а оленьими ровдугами. Автору в данном случае лучше было бы сослаться на встречи русских с предками нганасан именно «на Хете реке», на предания нганасан и долган, записанных самим А. А. Поповым, из существование к югу от Хеты «Самоедского» хребта, на то, что в первой половине XVII в. предки нганасан так и назывались «Хетской самоедьей», и т. д.

Сведения А. А. Попова о том, что предки нганасан еще в XVII в. проживали к востоку от Хатанги, и предания нганасан о приходе части их предков с востока из-за Хатанги имеют документальные подтверждения. В челобитной упоминаемого А. А. Поповым сотника Ивана Патрикеева, находящейся среди тех же мангазейских копий Миллера, которые цитирует А. А. Попов, прямо указано, что в 1631 г. большая часть «тавгов» жила в районе устья Анабара³, а в челобитной других служилых людей упоминается о встрече с «самоедьей» в том же районе в 1649 г.⁴ Но на эти данные А. А. Попов почему-то не нашел нужным сослаться.

Не точно утверждение А. А. Попова о том, что предки нганасан «не легко подчинились русским». Есть документальное свидетельство о том, что предки нганасан сами предложили принять русское подданство, опасаясь каких-то других племен (вероятно, оленекских тунгусов). Восстание же 1666 г., на которое ссылается А. А. Попов, нельзя рассматривать как эпизод из времени подчинения предков нганасан русскому государству. Около 1634 г. обложение ясаком составных элементов позднейших авамских нганасан было закончено, и до восстания, таким образом, они в течение 30 с лишним лет более или менее исправно платили ясак. Причины этого восстания неясны. Вероятно, сыграли свою роль обычные злоупотребления ясачных сборщиков, а также голод, который претерпевали предки нганасан в этом году. Но если уж автор коснулся восстания предков нганасан, то наряду с восстанием 1666 г., совершенным предками позднейших авамских нганасан, следовало бы упомянуть и о восстании в 1683 г. тунгусов — предков вадеевских нганасан, получившем гораздо более широкий резонанс, вследствие по которому дошло до Москвы и вызвало специальный царский указ, определивший политику местных властей по отношению к народам северной Сибири.

Помимо некоторых разобранных выше обобщений из раздела «Историческая справка», А. А. Попов выставляет на протяжении своей книги еще три общие положения.

На стр. 69 утверждается, что «техника у нганасанов, по сравнению с их соседями долганами, стоит на более низком уровне и заключается в обработке дерева, кости, железа и кожи». У долган «техника» тоже заключается в обработке этих самых материалов. Дело, очевидно, в том, что техника обработки этих материалов у долган стояла на более высоком уровне и продукция получалась лучшего качества. Но об этом дальше не сказано, и читателю предоставляется самому сравнивать технику долган и нганасан. Имея работу А. А. Попова «Техника у долган», это сравнение сделать не трудно, но, конечно, лучше было бы, если бы это сопоставление было сделано самим автором.

Второе обобщение на стр. 108 утверждает, что «нганасанская одежда весьма своеобразна и по своему виду сильно отличается от одежды соседних народов. Наиболее оригинальной представляется нганасанская обувь... больше нигде не встречающаяся, насколько мне известно».

Но на стр. 122 автор пишет: «Судя по преданиям, до своего прихода на данную территорию нганасаны носили одежду, во многом отличную от современной; последнюю они, по их словам, заимствовали у своих соседей — энцев. В прежнее время, согласно преданиям, мужские парки были с разрезом, т. е. такие, какие носят теперь только женщины. Это лишний раз свидетельствует о том, что до своего появления на Таймырском полуострове нганасаны жили в южных районах Сибири, где еще до сих пор встречается мужская одежда с разрезом». Первые фразы стр. 122 опровергают утверждение автора на стр. 108. И действительно одежда нганасан, в том числе и обувь, неотличима от одежды и обуви энцев маду. И вообще почти по всем элементам материальной культуры нганасаны и энцы маду очень сходны. Последняя фраза автора на стр. 122 слишком упрощает вопрос. Тунгусы и юкагиры веками живут в северной Сибири и все-таки носят одежду с разрезом спереди. Нганасанские предания, вероятно, указывают на связь предков нганасан до их появления на Таймыре именно с тунгусами и юкагирами и едва ли имеют в виду отдаленные южные районы Сибири. Между временем начала распространения самоедов с Саян на север и образованием нганасанской народности дистанция такого размера, и столько за это время произошло ассимилятивных и этногонических процессов, что базировать южно-сибирское происхождение пришедших на Таймыр с востока предков части нганасан на одежде с разрезом у этих предков по меньшей мере неубедительно.

Изложенным выше и ограничиваются общие заключения, к которым пришел

³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 21, л. 149.

⁴ Там же, л. 227. Кстати, название соседней Анабару реки Попигай, вероятно, нганасанское: фа (> па > по) — бигай («лесная река»).

А. А. Попов. Как видим, они немногочисленны и почти все вызывают сомнения или даже противоречат друг другу.

Конечно, богатый фактический материал в известной степени сглаживает эти недостатки, и книга принесет много пользы специалистам, но многое в ней нуждается в оговорках, а с выводами автора по большей части согласиться нельзя.

Переходим к некоторым замечаниям по фактическому материалу, изложенному в книге А. А. Попова.

На стр. 13, в описании кочевков нганасан Таймырского кочевого совета и на карте показано, что эти нганасаны летом кочуют в бассейне реки Верхнего Таймыра; на стр. 45 автор утверждает, что таймырские нганасаны живут почти оседло у самого озера Таймыр. В действительности на озеро Таймыр ходят только нганасаны Вадеевского кочевого совета. Центром наибольшего скопления нганасан Таймырского кочевого совета летом является устье р. Логаты. На карте же А. А. Попова как раз этот пункт остается в стороне от показанных им маршрутов кочевков таймырских нганасан.

В отношении номенклатуры частей нганасанской народности А. А. Попов делает шаг назад по сравнению с существующей литературой. Нганасаны делятся сейчас на три кочевых совета: Аламский, Таймырский и Вадеевский, а раньше они делились на два племени (волости, «родовые управления») — авамских нганасан и вадеевских нганасан («самоедов»), и, кроме того, существовал отдельный род нганасан — Око или «долган-самоедов». Авамский кочевой совет состоит из авамских нганасан и группы энцев; Таймырский кочевой совет — из авамских нганасан, большей части рода Око и группы вадеевских нганасан; Вадеевский кочевой совет — из большей части вадеевских нганасан, значительной группы авамских и меньшей части рода Око. Поэтому, когда автор называет Уранныка Око вадеевским нганасаном (стр. 91) в специальной этнографической книге, написанной по материалам 1932—1938 гг., это читать просто неловко. Это — нганасан Вадеевского кочевого совета, но не вадеевский нганасан. Название таймырские нганасаны автор употребляет без всяких оговорок наряду с авамскими и вадеевскими, тогда как эта группа выделилась и оформилась в отдельный кочевой совет только около 1928 г., а деление нганасан на авамских и вадеевских восходит к XVII в. Автору следовало бы так и писать — нганасаны такого-то кочевого совета или заранее объяснить, что под названием авамский, вадеевский, таймырский он понимает принадлежность к кочевому совету в 1930—1938 гг. Надо сказать, что сами нганасаны, видимо, разбирались в этом лучше. Тот же Ураннык Око, рассказывая эпизод из жизни нганасана Бору Кокары и его жены шамчики (стр. 94), говорит, что он «был вадеевским нганасаном, но потом ушел к таймырским», т. е. не смешивает происхождение этого вадеевского нганасана с его принадлежностью в момент своего разговора с А. А. Поповым к Таймырскому кочевому совету. Помимо авамских, таймырских и вадеевских нганасан, в книге А. А. Попова упоминаются еще какие-то «глубские» нганасаны (стр. 91). Можно только предполагать, что это какая-то часть нганасан Вадеевского кочевого совета, кочевавшая около озера Таймыр, но такой группы нет в описании кочевков и расселения нганасан.

В описании расселения и кочевков нганасан, кроме указанных выше, имеется еще один существенный недостаток. Называя реки, озера и урочища, по которым кочуют нганасаны, А. А. Попов некоторые из них называет по-нганасански, другие по-русски, третьи по-якутски, тогда как нганасаны имеют свои названия для почти всех известных им рек, озер и т. п. Так, река Дудышта ими называется Нямы или Авам, р. Луктах — Дёгодё, р. Новая — Хэтудома, Волчья — Нгулесюда и т. д. В книге о нганасанах следовало бы дать нганасанскую топонимику, указав в скобках соответствующие им русские и якутские названия.

Крупным недостатком работы А. А. Попова является то обстоятельство, что, называя по тому или иному поводу имена отдельных нганасан, он не называет их фамилий (соответствующих родам) и не указывает родственных отношений между упоминаемыми им лицами. При соблюдении этого условия многие сообщенные им факты могли бы дать материал для дополнительных выводов. Нет фамилий, например, молодых охотников Недяку и Нгорбие в описании сборов их на охоту (стр. 28). Относительно последнего мы знаем из других мест книги, что это сын Уранныка, т. е. из рода Око. Нет фамилий в описании случаев дележа добычи на стр. 52, где названы Неяку, Недяку (не одно ли и то же это лицо?) и Динте. Только в эпизоде с Нгорбие, поскольку он из рода Око, можно заключить, что он отдал свою добычу члену другого рода, так как упомянутый здесь Бульчу принадлежал к роду Нгойбо. На стр. 93 неизвестно, кто сосед Бульчу, но дававший ему доли из добычи. Здесь же ниже автор приводит интересные данные о подарках, полученных семьей Уранныка Око, но нет никаких данных о родовой принадлежности лиц, давших эти подарки. Мы можем лишь догадаться, что «дядя Гиндиште», давший 3 шкуры, «младший брат», давший 10 шкур, принадлежали тоже к роду Око. К этому же роду принадлежал и «приятель» (! ?) Уранныка Сидите, давший 1 шкуру. Только «родственник» (! ?) Черие, тоже давший 1 шкуру, принадлежал к роду Купчик, из которого была взята жена Уранныка. Таким образом, из 15 шкур, полученных Уранныком, 14 получены от членов своего рода и 1 от родственника по жене. Но у А. А. Попова об этом не сказано ни слова.

На стр. 89 приведен план зимнего стойбища, названы имена нганасан, входивших в стойбище, но опять не указаны ни их роды, ни родственные отношения. В то же

время анализ состава стойбища, с точки зрения родовой принадлежности семей, входивших в него, оказывается очень интересным. Семьи Уранника и Сидипте принадлежали к роду Око, семьи Бульчу и Таймы — к роду Нгойбо. При этом род Нгойбо состоял только из этих двух семей и, таким образом, целиком входил в данное стойбище. Кто такой Джатобие, нам не известно, но возможно, что это тоже член рода Око. Так или иначе, стойбище на р. Новой 4 мая 1937 г. включало большую часть рода Око, кочевавшую среди вадеевских нганасан, и весь вадеевско-нганасанский род Нгойбо. Но автор об этом опять-таки ничего не говорит.

На стр. 16 и 17 в описании занятий нганасан по сезонам пропущена заготовка тальника на топливо в сентябре — январе. В этот период для нганасанских стойбищ были характерны фигуры одной или двух-трех женщин, идущих из тундры к чумам, каждая с большой ровно обрезанной вязанкой «тальника» за плечами.

Вызывает сомнение утверждение автора о том, что поколки у нганасан принадлежали определенным родам (стр. 36). Члены рода Нинонде жили во всех трех нганасанских кочевых советах и даже среди энцев. Иметь какое-либо отношение к поколкам Нгамсу-дико и Сятага-мыла на р. Таймыре этот род в целом не мог. Так же обстояло и с большинством остальных нганасанских родов, за исключением двух родов вадеевских нганасан, состоявших: один (Нёрхо) из одной семьи, а другой (Нгойбо) — из двух. Поколки находились во владении группы семей и отдельных семей. Как показывают приведенные А. А. Поповым данные, отдельные поколки (футуда) находились во владении нескольких семей, принадлежащих к разным родам. А. А. Попов приводит пример даже продажи поколки одним нганасаном якуту без всякого указания участия в этом акте рода продавца (стр. 36). Далее, на стр. 53 читаем: «У таймырских нганасанов, в хозяйстве которых рыболовство имеет значительный вес, право собственности на рыболовные угодия существует. У них каждая рыболовная виска считается коллективной собственностью, хотя хозяином ее номинально является кто-либо из наиболее опытных рыболовов». Здесь, конечно, следовало бы дать примеры, отражающие подобные отношения, связанные с рыболовными угодиями, а также показать состав таких групп-совладельцев.

Автором совершенно не объяснены и не проанализированы причины меньшего развития охоты на дикого оленя и большего развития рыболовства у нганасан Таймырского кочевого совета по сравнению с нганасанами Авамского и Вадеевского кочевых советов (см. стр. 45, 47, 53). Едва ли это не личное впечатление А. А. Попова. Его следовало бы подкрепить хотя бы данными о добыче диких оленей и рыбы во всех нганасанских кочевых советах. Но автор на всем протяжении книги избегает пользоваться какими бы то ни было статистическими данными, кроме численности нганасан по кочевым советам и площади последних.

В связи с вопросом о верховой езде на оленях у нганасан (стр. 59) можно указать, что в прошлом, на памяти взрослых нганасан в 1934—1938 гг., они привозили места охоты туши диких оленей, перебросив их через спину домашних оленей без седел. Это, видимо, один из самых архаичных способов использования оленя для транспорта. Неудовлетворение вызывает то обстоятельство, что нганасанский способ езды на оленях в санках автор сравнивает только с долганским. Здесь следовало бы указать, что способ запрягания оленей и способ езды на оленях в санках у нганасан является общесамодским, т. е. таким же, как у энцев и ненцев. На этой же 59 стр. бивни мамонта ошибочно названы клыками. Здесь же следовало бы указать, что держатели вожи («кукарки») бывают и металлические, часто очень нарядные, и при этом двух разных типов — круглые и в виде фигурной пластинки.

В связи с описанием А. А. Поповым нганасанских оленьих санок хотелось бы поставить вопрос о необходимости выработать для них номенклатуру, которая была бы общепринятой в этнографических работах на русском языке. А. А. Попов называет оленьи санки нартами, а нарты, встречающиеся у нганасан, кошевками (стр. 89). Основная разница между санками и нартами заключается в том, что санки не имеют связок из ремней и веревок и их конструкция основана на системе пазов. Наоборот, в нартах пазы играют подчиненную роль, а все устройство нарт основано на связывании их ремнями или (у русских и коми) веревками. Другими словами, прототип санок мог быть сделан только металлическим орудием, а нарты — каменным. Русский язык старожилов северной Сибири четко различает санки и нарты по указанному выше принципу, и нет основания от этой номенклатуры отказываться. Слово же «кошевка» употребляется для некоторых типов нарт долганами и якутами, но не собственно русскому языку в северной Сибири.

Тип санок нгадюмэ или консобиз (стр. 62) бытует до сих пор и у энцев и представлял у них основной тип зимних женских и аргишних санок, так же как и у нганасан. Описанный на стр. 66 способ массовой ловли оленей окружением их людьми, держащими растянутые арканы, применяется не только весной и не только нганасанами, а всегда, когда необходимо поймать сразу много оленей. Отделившиеся сыновья не «придумывают» себе новые тамги для оленей, а обычно пользуются старой тамгой отца, лишь слегка изменив ее. Поэтому тамги не только братьев, но и членов одного рода обычно похожи одна на другую.

В описании инструментов для выделки шкур (стр. 75—76) пропущены два типа скребка бака. Один из них представляет несколько расширяющуюся к лезвию железную пластинку, узкий конец которой вставлен в середину рукоятки, но не проходит ее

насквозь; второй — напоминает описанный А. А. Поповым тип бака, но с тем отличием, что его заточенное с двух сторон лезвие совершенно прямое.

В описании чума (стр. 79—88) А. А. Поповым пропущены такие конструктивные детали, как три шеста симка и два или четыре (в зависимости от числа семей, обитающих в чуме) шеста куне. При этом, хотя в описании симки не названы (две из них, впрочем, упомянуты на стр. 83 как «жерди у входа»), но на рисунке на стр. 85 имеются все три симки. Это те шесты, на которых (как это хорошо видно на этом детальном рисунке) висят на петлях (тиэ бини) два горизонтальных шеста (тиэ); на последних покоятся палки (фотонба), на них висят крюки (фо), к которым подвешены чайник и котел. Но на планах чумов на стр. 87 симки, стоящей за очагом против входа, нет. Что касается шестов куне, то ими бывают обычно самые прочные шесты, которые ставятся позади женского места в чуме. Каждая женщина хозяйка имеет свой куне (как и минимум 1—2 симки), и поэтому, если в чуме живут 4 семьи, то и куне тоже четыре — две направо и налево, не доходя очага, и две направо и налево за очагом. На пол чума на тех местах по сторонам очага, где сидят люди, кроме цыновки из хвороста, стелются также цыновки из травы (нюота). Площадь чума делится на четыре главные части: два бобо («места») направо и налево от входа, ния — пространство между входом и очагом и сын (дыра) за очагом между ним и задней симкой, за которой находится отверстие для тяги. Затем уже бобо делится, как указано у А. А. Попова, на мужские и женские места. «Кармашки» на нюках (стр. 82), в которых вставляют шесты для подъема нюка при постройке чума, называются дей-коу («нюка уши»). Нюки у нганасан имеют специальные названия: внутренние — нилепта, внешние — дюдюпта. Когда чум покрывается еще третьим слоем нюков, они называются бондупта. Специальное название имеет веревка, которой обвязывают нюки снаружи, — мадэ кодыму, дверь — нгуа, шарус, которым покрывается чум сверху, — дей туги, и т. д.

На плане стойбища (стр. 89) указан нартыный чум, но в тексте этот тип жилища не упомянут. Поскольку нартыный чум для нганасан представляет новый тип жилища, вошедший у них в употребление в самые последние годы, на нем следовало бы остановиться подробнее.

Очень жаль, что А. А. Попов нигде не затрагивает вопроса о существовании в прошлом и о конструкции вешал для сушки мяса дикого оленя и изготовления юколы из рыбы. Последнее время нганасаны пользовались поставленными друг на друга санками, что и отмечено А. А. Поповым (стр. 96). Но в старину, когда нганасаны были безоленьными или малооленьными охотниками, эти вешала имели большое значение в их жизни. Река Логата, центр кочевания нганасан Таймырского кочевого совета, даже свое название получила от того, что «вся она была уставлена вешалами». Эти вешала были различной конструкции, и один тип их вошел, видимо, в качестве конструктивной части в состав чума. Это — шесты симки вместе с горизонтальными шестами тиэ. При этом иногда в чуме бывало несколько рядов тиэ, привязанных друг над другом, чтобы на них можно было разместить для сушки и копчения больше мяса и рыбы.

В главе об одежде совершенно не описаны и не упомянуты суконные сокуи нганасан, хотя они часто встречаются на фотографиях, приложенных к книге, и следовало бы о них упомянуть как о новшестве в одежде.

Так же, как в отношении терминологии средств транспорта, можно поставить вопрос о терминологии в отношении одежды. Мужскую нганасанскую одежду лу А. А. Попов называет малицей, а верхнюю замную одежду физ — совиком, т. е. пользуется здесь западносибирской терминологией, на Таймыре не известной, так как здесь нганасанское лу называют паркой, а физ — сокуем. Но для нганасанской обуви файму А. А. Попов пользуется местным термином бакары, хотя для того, чтобы быть последовательным, ему следовало бы файму тоже называть по-западносибирски пимами. Поскольку нганасанское лу и ненецкая малица и внешние и, вероятно, генетически имеют мало общего между собой, то называть лу малицей, по нашему мнению, неудачно. Не случайно русский язык северных старожилов и говорящих по-русски нганасан и энцев употребляет в отношении их различные термины. Также и название сокуй имеет гораздо более широкое распространение по сравнению с названием совик, которое бытует лишь в области распространения ненцев и то не везде. В описании женской одежды пропущен кармашек для трута на левом плече; здесь женщины хранят трут, чтобы он был всегда сухим.

Досадным недочетом является то, что в книге А. А. Попова отсутствует большинство нганасанских терминов для частей одежды, украшений, постельных принадлежностей, прически и т. п. Например, у женской нганасанской парки или, как ее называет А. А. Попов, «шубы» квадрат, вшитый в верхней части спинки парки между лопаток, называется сулкуду, квадрат посреди спинки ниже сулкуду — моку, квадраты на плечах, правее и левее сулкуду — соудэйтэ, окрашенная охрой ровдуга подмышками и частью на плече — калату, вставки между калату, моку и соудэйтэ на боку — кыйчэ и т. д. Не приведены нганасанские названия кольца и пластинки, употреблявшихся при стрельбе из лука, некоторых деталей санок и других предметов.

Издана книга хорошо, прекрасно исполнены рисунки, в том числе и рисунки в красках; несколько бледновато только воспроизведены фотографии.

Указанные недочеты, конечно, снижают общие высокие достоинства фактического материала книги А. А. Попова, но тем не менее в ней мы находим детальные опи-

сания таких интересных для этнографической науки и уже исчезнувших в наше время способов охоты, как поколка и охота с сетью на диких оленей. Останутся в науке и описания других производственных процессов и циклов, многочисленные описания предметов материальной культуры. Уникальным материалом являются рисунки и схемы А. А. Попова. В целом книга несомненно представляет собой крупное явление в этнографической литературе о народах северной Сибири.

Б. Долгих

В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*. М., Гос. изд-во художеств. литературы, 1947, 519 стр.

Прекрасный, насчитывающий многовековую историю эпос узбекского народа стали записывать и изучать только после Великой Октябрьской революции. Перевода его на русский язык нет, да и на узбекском языке многие из произведений, разбираемые В. М. Жирмунским и Х. Т. Зарифовым, еще не напечатаны. Очень важны также характеристики бахши — узбекских народных певцов, хранителей традиционного эпоса и создателей новых советских дастанов. Отсюда понятен интерес к данной книге как у фольклористов и этнографов, так и у широких кругов советских читателей. Однако возлагаемых на нее надежд книга проф. В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова не оправдывает и вызывает лишь справедливое возмущение. Перед нами яркий образец «исследования» национального эпоса с враждебных нам позиций буржуазного космополитизма.

Действительной конкретной истории развития узбекского эпоса, теснейшим образом связанной с историей узбекского народа, в книге нет, история подменяется абстрактным понятием стадий, рассматриваемых в мировом масштабе, реальное историческое содержание национального эпоса полностью игнорируется. Этот космополитизм и антиисторизм идет от концепции А. Н. Веселовского, которая и определила направление данной работы (не случайны здесь и постоянные ссылки на А. Н. Веселовского, как на высший научный авторитет). Антинаучный, враждебный марксизму ленинизму компаративистский метод все время пропагандируется в книге, причем гг. Жирмунский и Зарифов настаивают на необходимости его применения и расширения. Они полагают, что существенной предпосылкой для правильной постановки всех вопросов изучения эпоса — его зарождения, исторического развития, распространения, репертуара, идейного содержания и художественной формы, — является широкое сравнительное изучение, выводящее исследователя национального фольклора за пределы материала узко национального. Сравнительное исследование подсказывается уже самим фактом международного распространения эпических сюжетов» (стр. 491—492). И дальше: «Наконец, рамки сравнительного исследования национального эпоса должны быть расширены до пределов эпоса мирового» (стр. 495).

Правда, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов говорят об эпосе как отражении мировоззрения и идеалов народа, а заканчивая книгу, пишут: «Раскрытие смысла героических образов, созданных народом в его многовековой истории, их живого социального звучания и воспитывающего значения для нашей героической эпохи — это первая и основная задача работы фольклориста над эпосом. Выполнить эту задачу — значит донести до нашей современности героическое прошлое народа в творческом преображении искусства» (стр. 496). Однако эта важнейшая задача самими авторами ни в какой степени не выполнена, идейный смысл образов узбекского героического эпоса ими не раскрыт. Общие фразы, рассуждения о благородстве и патриархальной простоте эпоса, об его демократизме, конечно, ничего не дают. В книге нет художественных образов во всей их целостности и конкретности, не показан, какой именно эпохе и какой социальной группе эти идеи и образы принадлежат. Все внимание исследователей направлено на формальное сопоставление отдельных сюжетных схем и мотивов, они стремятся найти наибольшее число параллелей, а для этого расщепляют целостное художественное произведение на отдельные составные элементы и оперируют абстрактными сюжетными схемами и мотивами (при этом они и принципиально считают, что изучить нужно не произведение и даже не сюжет в целом, а каждый мотив в отдельности — см. стр. 67). В результате получается хаотическое нагромождение элементов из художественных произведений всех веков и народов, в котором совершенно тонет узбекский эпос. Десятки параллелей приводятся на каждой странице книги (см., например, на стр. 85—91 длинный перечень произведений на сюжет «муж у жены на свадьбе» от Гомера до наших дней — современные народные песни о возвращении солдата, — а дальше вариации того же сюжета, объединенные с сюжетом «героического сватовства» и т. д.). Параллели указываются ко всем эпизодам, ко всем деталям и даже таким, каких в узбекском эпосе нет. Так, передав пророчество сорока святых о судьбе города Гороглы Чамбил — «враг не возьмет его, но в день страшного суда его возьмет вода» (стр. 209); авторы начинают гадать: «возможно мы имеем дело здесь с одним из вариантов распространенных в мировом фольклоре сказаний о потонувших городах (святой город Китеж в русских сказаниях, Винета, Атлантида и др.» — стр. 209), хотя легенда о гибели Чамбила не записана (да и вообще существует ли она?).

В таком же космополитическом духе написана и важная, долженствующая быть основной глава об идеях и образах узбекского эпоса. В ней нет узбекских

национальных героев, нет идей. Верные компаративистскому методу, тт. Жирмунский и Зарифов рассматривают и героя как сумму неких элементов, причем речь идет о герое вообще, а не о конкретном герое определенного произведения. На целых страницах перечисляются эпитеты, характеризующие героя, сравнения и т. п., описывается его вооружение, конь и все это по черточкам, по кусочкам берется из дастанов разного времени, разного содержания. Нет и здесь недостатка в сопоставлении с героями эпоса и сказок всех времен и народов, так что в итоге узбекский национальный герой совершенно пропадает, сливаясь с абстрактным образом некоего мирового эпического героя. Таков же и абстрактный образ героини вообще. Правда, авторы указывают, что на смену богатырской дэвы героических дастанов в романических дастанах приходит далекая принцесса, перс, но этот новый образ героини появился, оказывается, исключительно под влиянием образов персидской литературы. «В народных романах создается чисто литературная традиция идеального женского образа, пленительного романтическим сочетанием женственной прелести и воинской доблести, но уже не связанного непосредственно с бытовой действительностью» (стр. 345).

Подобно тому как все произведения узбекского эпоса оказались лишь вариациями одних и тех же «вечных» сюжетных схем, так и все образы оказываются похожими друг на друга вариациями. Тенденция к абстрагированию и схематизации у тт. Жирмунского и Зарифова настолько велика, что даже разные по времени создания, классовой принадлежности и внутреннему содержанию образы, играющие в произведении различную роль, рассматриваются ими как вариации одного образа. Так, на стр. 393 говорится, что образ старухи в узбекском эпосе имеет много вариантов: добрая старая женщина, помогающая герою и иногда усыновляющая его; бытовая тип сводни; коварная придворная; колдунья и т. п. и, наконец, сверхъестественное существо вроде нашей Бабы-яги. Ясно, что все эти разнообразнейшие образы объединяет только их возраст, и это дает возможность исследователям говорить о каком-то образе «старухи», не вдаваясь в анализ существа каждого образа в отдельности.

Происхождение большинства «бродячих» мотивов и образов (если только они не идут от письменной литературы) относится тт. Жирмунским и Зарифовым к глубочайшей древности и связывается с религиозными представлениями. Ссылаясь на Веселовского, они выводят происхождение поэзии у всех народов из религиозного магического обряда, мифа и утверждают, что в дальнейшем эти первоначальные религиозные представления ослабевают и исчезают, мотивы же и сюжетные схемы продолжают жить, странствовать по всему свету, а художественные произведения всех народов есть лишь та или другая их комбинация. На все лады повторяется в книге формалистическое положение Веселовского о сказке, как случайном сплелении разных бродячих мотивов. В качестве примера можно указать хотя бы на стр. 380, где говорится о развитии сказки: «Рассматриваемая с исторической точки зрения сказочная фантастика развилась из мифологического мышления древних народов, из мифа и обрядности... Однако в сказке древние мифы обломки и элементы мифов уже утратили свое первоначальное познавательное содержание и стали занимательным вымыслом, который не претендует на историческую и бытовую реальность... Отсюда возможность относительно свободного развития сказки, заменяющей и комбинирующей традиционные мотивы, конечно, в определенных рамках прочно сложившейся традиции, обязательной для народного искусства; с другой стороны — заимствования и широкий международный обмен в области сказочных мотивов и сюжетов, воспринимаемых рассказчиком и его слушателем как занимательное повествование, а не как местное народное предание или верование. Этот международный (при всем их национальном своеобразии) характер сказочной фантастики обогащает узбекские романтические дастаны целой сокровищницей сюжетов, мотивов и образов...». Все эти идеалистические, космополитические рассуждения, противоречащие ленинско-сталинскому учению о национальной культуре, не имеют ничего общего с подлинным научным изучением национального эпоса и принесут читателю только вред. А. М. Горький в своих статьях и выступлениях с большой убедительностью вскрыл истинный смысл народных сказочных образов, показал материалистический характер сказочной фантастики, тесно связанной с реальной действительностью и обусловленной трудовой деятельностью народа; тт. Жирмунский и Зарифов игнорируют эти замечательные высказывания и воскрешают идеалистические теории о религиозном происхождении поэзии и поэтических образов, причем начисто отрицают их национальный характер и своеобразие, вызываемые различными историческими условиями жизни народов.

Идеалистически трактуются тт. Жирмунским и Зарифовым и дальнейшее историческое развитие эпоса, который, оказывается, живет по своим собственным неизменным законам, общим для всех народов и независимым от окружающей действительности. Ссылки на эпические законы в книге встречаются постоянно, образ развивается так, а не иначе, потому что так требует сюжет, а не жизнь. Например, в азербайджанском сказании отца Кёр-Оглы ослепляют, когда герой уже взрослый юноша и может мстить за отца, в узбекском же сказании о Гороглы (рассматриваемом как дальнейшая стадия развития сказания о Кёр-Оглы) ослепление отца происходит до рождения Гороглы. Объясняется это различные законами эпоса: «туркменский и узбекский варианты, следуя законам эпоса, переносят это событие к мо-

менту рождения героя, окружая тем самым его появление на свет ореолом трагического страдания и элементом чудесного» (стр. 320). По тем же законам эпоса Гороглы из смелого джигита и певца, «благородного разбойника», мстящего угнетателям народа, превращается в идеального монарха, и ему приписываются различные сказочные подвиги. Между тем, уже из пересказа, данного в книге, ясно, что азербайджанский эпос «Кёр-Оглы» и узбекский «Гороглы» не имеют ничего общего кроме некоторых имен и эпизодов и их нельзя рассматривать как различные стадии одного и того же сказания; это — самостоятельные произведения разных народов, порожденные различной исторической и бытовой действительностью. Для тт. Жирмунского и Зарифова социальная действительность является лишь фоном, на котором развертываются международные сюжеты, она наполняет иногда бродячие мотивы и образы, но не порождает, не определяет их. Напрасно искать в эпосе и отражения истории народа, ибо, «как всегда, история, прошедшая через устное народное предание, переосмысливается в соответствии с поэтической идеологией народных масс и перестраивается по законам народного эпического творчества» (стр. 122—123). Несомненно, что народ изображает исторические события и исторических деятелей по-своему, но он дает им свою оценку, в разбираемой же книге эпос как источник для изучения истории узбекского народа не существует, он отрывается от родной почвы и растворяется в эпосе мировом.

Тт. Жирмунский и Зарифов все время, вольно или невольно убеждают читателя, что народные певцы, создавая свои произведения, черпают идеи, сюжеты и образы не из окружающей действительности, а из международного фонда: традиции и книжных источников. В узбекском эпосе оказываются два слоя — древнейший, героический, являющийся комбинацией традиционных, общих для всех народов, чаще всего пережиточных мотивов, и средневековый романтический, возникший под литературным влиянием. Тт. Жирмунский и Зарифов считают, что на определяющую роль в его образовании сыграли так наз. «народные книги», восходящие в конечном итоге к персидским источникам. «С другой стороны, — продолжают они, — узбекский романтический эпос широко черпает и из народной сказки, в особенности из сказки волшебной, с ее романтическими сюжетами и авантюрно-героической фантастикой. Если через посредство «народной книги» узбекский эпос обогатился поэтической романтической средневековой персидской литературой, то через сказку в эпос проникает богатое и разнообразное наследие бродячих мотивов и сюжетов, распространенных в мировом фольклоре» (стр. 133). На долю самостоятельного творчества узбекского народа, как видим, ничего не остается и узбекские народные певцы, о талантливости и творческой одаренности которых так хорошо говорится в первой главе, по сути дела оказываются лишь комбинаторами одних и тех же схем и мотивов.

В изложении тт. Жирмунского и Зарифова поражает бедность узбекского эпоса. Все время повторяются одни и те же мотивы и образы, кочующие из сказания в сказание и различные отдельных произведений сводятся в конечном итоге к различной комбинации этих мотивов. Так дастан об Ядгаре, сыне Алпамыша создан по мнению исследователей лишь в силу генеалогической циклизации и не содержит по сравнению с «Алпамышем» ничего нового. «Молодой Ядгар, уже известный из второй части «Алпамыша», должен был получить свою эпическую биографию и узбекский сказитель, сложивший о нем дастан, удовлетворил запросам своих слушателей с помощью новой комбинации знакомых мотивов, заимствованных из старого сказания об Алпамыше» (стр. 109). И дальше: «Ядгар» не содержит по сравнению с «Алпамышем» никаких идейных или стилистических новшеств» (стр. 448). Но ведь «Алпамыш», как справедливо указывают авторы, — древнейшее эпическое произведение, созданное еще в условиях родового строя: как они утверждают этот сюжет существовал уже в XI в., а возникновение «Ядгара» они относят ко времени гораздо более позднему (не ранее XVI в.). Если это так, то как могло случиться, что крупнейшие изменения, происшедшие в жизни народа, не коснулись сознания народных певцов и они не внесли в свое произведение никаких новых идей? И кого могла заинтересовать эта новая комбинация уже не соответствующих изменившейся социально-экономической действительности идей и образов? Но по мнению исследователей певцы идут не от жизни, а от литературной традиции, поэтому-то они и видят в каждом произведении все те же старые сюжетные схемы — героическое сватовство, брачные поездки и т. п. При анализе сюжетов мы постоянно встречаемся с такими замечаниями: «наиболее типичную схему такой брачной поездки за далекой красавицей дает «Гули-Хирамон» (стр. 237); в поэме «Бало-Гардон» «основные действующие лица и ситуации заимствованы из дастана «Юнус-пери». Сказитель воспроизводит в новой комбинации понравившиеся и ставшие популярными мотивы этого дастана» (стр. 230) и т. д.

В итоге после прочтения всей книги у читателя создается ложное впечатление необычайного однообразия узбекского эпоса. Всюду довлеет традиция, от которой нельзя отступить ни на шаг. Идеология эпоса раскрывается только в традиционных мотивах и образах, «личный почин сказителя может проявиться лишь в рамках сложившейся традиции» (стр. 427), подвиги героя «закреплены в традиционных мотивах и сюжетных схемах» (стр. 427) и т. д. И эта эпическая традиция, созданная в отдаленные времена, в «эпический век», так и не изменяется. Правда, авторы говорят о романтическом эпосе, появившемся в период феодализма, но оказывается, что «разрыва традиции не происходит и на этой ступени развития народного эпического

мастерства. В целом романические дастаны, при всех новшествах, остаются в общих рамках народного эпического стиля» (стр. 446). Не происходит, оказывается, этого разрыва и в советскую эпоху. Т.т. Жирмунский и Зарифов клеветают на народ и народных сказителей, говоря, что народному сознанию доступны только традиционные эпические формы и мотивы, они не видят принципиального отличия советских дастанов от старых, не видят нового качества советского героического эпоса. Они утверждают, что «это новый эпос советской эпохи сложился, как и старый эпос, в процессе устной импровизации неграмотных народных певцов и соединяет традиции старой народной эпической поэзии, ее типические формы и стиль с новыми идеями и социальными темами нашего времени» (стр. 461). Отсюда становятся возможными и утверждения в роде того, что в поэме «Хасан-батрак», изображающей советскую действительность и новые отношения между людьми, сказитель берет новеллистический сюжет, примыкающий к традиции романической повести о несчастной любви типа «Тохир и Зухра» и только придает ему оптимистическую, счастливую развязку. Подобные рассуждения имеют целью убедить читателя в том, что советский национальный героический эпос не существует, да и вообще не может быть создан.

Вывод может быть только один — вредная книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова должна быть осуждена самым решительным образом.

В. Соколова

А. П. Окладников, *Русские полярные мореходцы XVII в. у берегов Таймыра*. Приложение Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке. Изд. Главсевморпути, М.—Л., 1948, 157 стр.

Замечательные археологические раскопки, сделанные в 1940—1941 гг. у восточного побережья Таймырского полуострова на острове Фаддея и в заливе Симса, — множество разнообразных вещей и принадлежностей русской торгово-промышленной экспедиции, снаряженной, как выяснили исследования, не позднее 1617 г., — по-новому освещают ряд вопросов прошлого нашего Севера и историю русского полярного мореплавания. В результате находок на острове Фаддея и в заливе Симса бесспорно установлен приоритет русских полярных мореходов в плавании Северным морским путем в Восточную Сибирь в обход полуострова Таймыра, самой северной оконечности Азии, за 260 лет до шведов во главе с Норденшельдом.

«Русские полярные мореходцы XVII века у берегов Таймыра», популярная книга доктора исторических наук А. П. Окладникова, в качестве руководителя экспедиции Арктического института, посетившего в 1945 г. места находок, посвящена всестороннему рассмотрению открытий на острове Фаддея и в заливе Симса. Основанная на глубоком анализе материальных находок и наблюдений, сделанных самим автором на месте раскопок, книга А. П. Окладникова, рассчитанная на массового читателя, представляет несомненный интерес для специалистов историков, географов, археологов и этнографов. Рассматриваемая работа состоит из семи глав. Первая глава посвящена характеристике материальной культуры русских XVII в. и их торговой и промысловой деятельности, раскрывающейся по материалам находок. Особый интерес представляют восстановленные реставраторами костюм древнерусских полярных мореходов, кожаная обувь на высоком каблуке, вооружение, рукоятка ножа с надписью владельца, вырезанной славянской вязью, коллекция монет, охотничьи и рыболовные принадлежности, наконец, полный ассортимент товаров для обмена: металлическая посуда, железные изделия, иглолки, ткани, голубые бусы, свинец и олово для украшений, медные и серебряные шерстни и т. д. В последующих главах автор устанавливает по данным произведенных им раскопок предполагаемое направление движения экспедиции и обстоятельства ее гибели. В свете таймырских находок автору удалось по-новому осветить древнерусскую мореходную культуру. Нельзя не согласиться с автором, что такие находки, как солнечные часы, компас, шахматы, надпись, вырезанная на месте зимовки, свидетельствуют, что среди рядовых русских мореплавателей-промышленников XVI—XVII вв. были люди не только грамотные но и достаточно знающие мореплавание. Затронутый автором в заключение вопрос о прогрессивной роли русского народа на Крайнем Севере представляет исключительный интерес для этнографа. Ряд вещей из находок — сухожильные нитки, предохранительный щиток для пальца при стрельбе из лука, предметы оленьей упряжи — указывают на некоторую связь мореходов с туземной культурой Севера. В то же время некоторые предметы из тех же находок, несомненно русского происхождения, в силу традиции и застойности быта сохранились в настоящее время только у народов Севера — инкрустированные оловом рукоятки ножей у долган (искусство оловянной инкрустации, как и само олово несомненно занесено русскими), литые бронзовые зеркала с изображением кентавра, подобные зеркаловидной бляхе с кентавром с острова Фаддея, встречаются у всех народов Севера за исключением чукоч и коряков, старые узколезвийные якутские топоры повторяют образцы с острова Фаддея, зимние жилища долган в виде четырехугольных срубов сходны с зимниками русских промышленников XVII в. и избушкой в заливе Симса. Все это, как и примеры, приводимые проф. А. П. Окладниковым из области духовной культуры якутов и долган, свиде-

тельствует об огромном длительном прогрессивном воздействии русской культуры на племена Крайнего Севера.

В заключение следует отметить ясность и доступность изложения. Данная в приложение к книге статья Б. О. Долгих — первая публикация таймырских находок, помимо описания реликвий, знакомит читателя с обстоятельствами их открытия.

И. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Пальм Датт, *Индия сегодня*, М., 1948.

Главной заслугой рецензируемой книги является ее политическая заостренность и марксистская критика как империалистической политики Англии, так и предательской роли индийской буржуазии, стремящейся всеми силами подавить безудержный рост политической сознательности трудящихся масс, руководимых коммунистической партией страны. Как в предисловии к книге, так и в отзывах и рецензиях на нее неоднократно отмечалась большая ценность изложенного в ней исторического материала и важность публикуемых документов, подобранных автором с глубоким знанием дела.

Задачей данной рецензии является оценка историко-этнографического материала книги, который охватывает собой ряд вопросов, крайне интересных для каждого ученого, занимающегося проблемами жизни и деятельности многонационального населения Индии.

Пальм Датт анализирует недостатки существующей в стране земельной системы, описывает современное положение крестьян, вскрывает причины их обнищания, задолженности и массовых голодовок. Он показывает, как под влиянием капитализации страны рушатся старые устои сельских общин, как разоряются миллионы ремесленников и подрываются основы старых социальных институтов, как стремятся в города разоренные крестьянские семьи и в какие тяжелые условия капиталистической эксплуатации попадают они на промышленных предприятиях, как гибнут в однокомнатных жилищах городов (Бомбея и др.) тысячи детей рабочих и как страдают индийские женщины под тройным гнетом непосильного труда, религии и голода. Автор вскрывает причины взаимной изоляции туземных княжеств, являющихся одним из столпов британского империализма в Индии, и показывает, как лицемерно «не вмешивается» Англия во внутреннюю их жизнь и как страдает от рабства и нищеты их население.

Говоря о кастах и религиях, дробящих население страны, которым буржуазная наука приписывает роль «извечных» факторов, Датт подчеркивает исторически сложившееся единство всего индийского населения; оно настолько неопровержимо, что даже официальная историческая школа Англии вынуждена признать, что оно «берет верх над бесчисленным различием крови, цвета, языка, одежды, образа жизни и сект» (стр. 295). Датт показывает, как тщательно стараются англичане культивировать все вредные пережитки феодализма, способствующие их политике «разделяй и властвуй», и как безудержно растет в Индии движение сопротивления против консервации устарелых социальных институтов (каст, неприкасаемости и т. п.).

Говоря о языках Индии, Датт вскрывает политику дистрибутивности, проводимую англичанами и в этом вопросе. Он выявляет абсурдность английских статистических данных, включающих в себя даже такие языки, на которых говорят 3—4 человека, и все это ради поддержания мифа о непреодолимой многоязычности Индии. Автор пишет, что, например, у всех языков Северной Индии есть общая основа, служащая залогом полного взаимного понимания между населяющими ее народами. Он с иронией говорит о том, что по мере необходимости сами англичане признают, что 222 пресловутых языка Индии не являются препятствием ни в армии, где все приказы пишутся на хиндустани, ни в вопросе индийского рынка, где трудности многоязычия тоже вполне преодолимы (стр. 304).

Так же критичен Пальм Датт и в краеугольном вопросе этнографии и истории — в вопросе о национальностях Индии. Цитируя работу И. В. Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос», он пишет о том, как протекает в Индии процесс формирования отдельных национальностей; он вскрывает фальшивую сущность деления индийского населения на нации по религиозному признаку и показывает, как индийский народ требует от своего правительства административного передела страны на базе интересов растущих национальностей. Ставя в пример национальную политику Советского Союза, автор требует демократического решения национального вопроса в отношении народов Индии.

В целом книга является очень нужным трудом, анализирующим важнейшие вопросы политической и экономической жизни современной Индии.

Н. Гусева

Садек Хедаят, *Фольклор или народные знания*, журн. «Сохан», год издания второй, №№ 3—6, Эсфанд 1323 — Хордад 1324 (март — июнь 1945), Тегеран.

За последние годы среди широких кругов иранской интеллигенции наблюдается большой интерес к изучению народного творчества и к сбору материалов, касаю-

щихся примет, поверий, обычаев и культовых действий, народных праздников, а также других сторон быта своего народа. Это нашло свое выражение в рецензируемой работе иранского писателя и ученого Садека Хедаята. Он не впервые выступает на поприще иранской этнографии и фольклора. Изданные им в 1931—1933 гг. две небольшие книжки — «Афсане» (Сказки) и «Нейрангистан» (Страна волшебства, страна чудес) положили начало сбору и публикации в Иране материалов по этнографии и фольклору, а также явились источником для позднейших работ западноевропейских ученых, посвященных изучению иранского народного творчества и быта.

Как обстояло дело со сбором и публикацией этнографических и фольклорных материалов в Иране еще в двадцатых годах текущего столетия, можно судить по следующим словам безвременно скончавшегося ираниста Ю. Н. Марра: «Необъяснимым казалось мне отсутствие работ по-персидски, суммирующих сведения по фольклору. При обилии журналов и газет, в которых печатается масса статей, так или иначе касающихся Персии, по истории, литературе, географии, искусству, странным кажется, что нельзя найти ни одной заметки об обычаях или суевериях... Вы найдете сведения о них скорее у европейских ученых»¹.

Рецензируемая работа Садека Хедаята состоит из четырех разделов; каждый из них напечатан в отдельной книжке журнала «Сохан». Для этнографа и фольклориста непосредственный интерес представляют первые два раздела работы, на которых я останавлиюсь несколько подробнее.

Третий раздел посвящен вопросам методики сбора этнографических и фольклорных материалов, а четвертый — латинизированному алфавиту, придуманному самим автором, с помощью которого он предлагает производить записи текстов. Этот раздел более интересен для лингвистов, чем для фольклористов.

В начале своего введения автор останавливается на термине «фольклор» и на истории распространения этого термина в большинстве европейских стран. Пытаясь определить границы фольклористики как науки, автор смешивает фольклор с этнографией и утверждает, что первоначально под фольклором понималось лишь устное творчество, затем понятие фольклор стало трактоваться шире, и в него было включено все народное творчество и народные знания, а также обычаи, связанные с рождением, свадьбой и другими важнейшими моментами жизни. Фольклор характеризует собой дух народа, является источником литературы и изящных искусств. Поэтому в настоящее время в культурных странах придается особое значение собиранию и изучению фольклора. К сожалению, образованные иранцы, говорит автор, гораздо лучше знакомы с общественной жизнью европейцев, чем с жизнью и творчеством своего родного народа. Автор обращает внимание читателей на универсальность культурных явлений, в частности памятников устного народного творчества, и указывает, что культурное наследие иранского народа является составной частью общечеловеческой культуры.

Среди иранской общечеловеческой культуры интерес к народному творчеству и сбору фольклорных материалов возник, по словам автора, после выхода в свет его книги «Нейрангистан» (1933). Вскоре после этого был организован Музей народоведения в Тегеране. Однако организация этого Музея явилась жалкой попыткой подражания чужим образцам, как и многое другое, что было сделано в то время. В Музее было собрано некоторое количество различных костюмов и других экспонатов. Однако все они не были документированы, и посетитель не мог получить представления ни о народе, которому принадлежал тот или другой предмет, ни об его образе жизни, нравах и обычаях. Музей имел возможность приобретать бытовые предметы среди племен и народов Ирана; однако вместо них заказывались дорогие, шитые золотом костюмы знати эпохи Каджаров и т. п. На основании инструкции, разосланной на места органам народного образования, Музеем были собраны с помощью учащихся и педагогов многочисленные записи этнографического и фольклорного характера. Но большая часть этих записей оказалась дефективной; в них отсутствовали указания на время и место записи, на лицо, давшее сведения, и т. д.; при записях текстов не сохранены местные особенности языка. В довершение всего указанные документы были переписаны начисто лицом, совершенно не знавшим местных диалектов, а оригиналы уничтожены. Несмотря на все недостатки в работе Музея, в его лице все же существует центр, объединяющий всю работу по сбору фольклорных и этнографических материалов.

Далее автор перечисляет работы по фольклору и этнографии, содержащие персидские тексты, среди которых упоминаются «Образцы персидского народного творчества». В. А. Жуковского, а также работы Р. А. Галунова, посвященные иранским народным зрелищам. Из числа ненапечатанных материалов Садек Хедаят указы-

¹ Ю. Н. Марр, Автобиография Мирзы Мохаммеда Кермани и его работа о поверьях и обычаях, связанных с «красной средой», «Известия АН СССР», 1927, № 5—6, стр. 468.

вает на упомянутые выше записи, принадлежащие Музею народоведения, а также на материалы, собранные популярным в Тегеране рассказчиком сказок по радио Собхи². Что касается трудов на европейских языках, то наиболее полным является книга Н. Massé «Croyances et coutumes persanes», Paris, 1938. Масэ включил в свою книгу все существенное из работ Хедаята «Нейрангистан» и «Афсане», а также при- влек и некоторые другие материалы, в частности свидетельства различных путеше- ственников, посетивших Иран. Автор упоминает также книгу Дональд Свэн «The Wild Rue», изданную также в 1938 г., в которой иранский фольклор рассма- тривается с точки зрения ислама. Перечисляя затем еще несколько книг, содержащих образцы устного народного творчества, автор указывает на работы советских иссле- дователей А. А. Ромаскевича (иранцы), И. И. Зарубина (белуджи) и А. Н. Болды- рева (таджики). В заключение автор подчеркивает, что если в ближайшее время не будут приняты решительные меры по сбору полевых материалов, то многие образцы народного творчества, а также поверья и обычаи будут утрачены для науки, поскольку большие перемены в жизни народов Ирана ведут к быстрому ис- чезновению этих памятников.

Второй раздел работы Садека Хедаята — подробная программа по сбору этно- графических и фольклорных материалов, напечатанная в следующей книжке того же журнала «Сохан» (№ 4, месяц фарвардин 1324 г.), занимает десять страниц убори- стого текста. Являясь ценным пособием для местных иранских собирателей, эта программа не лишена интереса и для иранистов — этнографов, фольклористов и филологов, ибо в ней дается подробное перечисление терминов материальной куль- туры, разнообразных поверий и обычаев, связанных с социальной и духовной жизнью народа. Некоторые из этих терминов кратко разъясняются автором тут же; иногда приводятся поговорки, связанные с тем или другим явлением. Например, говоря о словесных табу, автор указывает, что среди народа вместо «тринадцать» принято говорить «больше». Перечисляя народные воспоминания о годах различных стихий- ных бедствий, автор приводит поговорку, сложившуюся в народе в связи с морозами и метелями, имевшими место в 1870 г.: «бе сале хафтād барфе беафтād, бе хаке ин пир, бе кади ин тир» («в семидесятом году выпал снег, ради этого святого (пира), высотой с этот шест»). Но все же большинство терминов, обрядов и поверий не имеют пояснений и остаются для читателя, незнакомого с иранским народным бытом, непонятными. Многие поверья и обряды, включенные автором в программу, были описаны им в свое время в книге «Нейрангистан», которую он, повидимому, и положил в основу своей программы³.

Расположение материала в программе не всегда последовательно. Самая схема ее несколько необычна, и подчас трудно оправдать помещение автором того или иного материала в тот или другой раздел; местами имеются повторения. Программа разделяется на три больших отдела: материальной, духовной и социальной жизни. Самым обширным является второй, наиболее кратким — третий. Первый отдел рас- падается на главы: «Экономические отношения», «Работа и средства к жизни», «Доходы и заработки». В главе об экономических отношениях запрашиваются све- дения об экономике района, об общественных сооружениях, пище и напитках, оде- же, жилище, утвари, средствах передвижения. Каждый из этих параграфов содержит весьма любопытные перечисления специфически иранских сооружений, блюд, пред- метов одежды, частей жилища и т. п. Так, упоминаются иранские культовые соору- жения, служащие местами поклонения, — емām заде, кадам гах, зиāрат гах, специ- альные постройки, в которых разыгрываются мистерии в память Хоссейна, а также помещения для борьбы — зур-хане. В параграфе об одежде перечислены принадле- жности иранского мужского и женского костюмов: лебаде — длинный халат, кабā — род длинного сюртука, шāl — пояс при них, абā — плащ без рукавов, который носят главным образом духовные лица, чадур — женское покрывало, гиве — вере- вочные туфли и пр. Далее названы части иранского жилища: хāбгāх — спальня, айвāн — балкон, далан — галлерея, зире-замин — помещение для отдыха в жаркое время года.

В главе «Работа и средства к жизни» перечисляются виды трудовой деятельно- сти в городе и в деревне, а также упоминаются общественные классы и прослойки. Здесь заслуживают внимания строки, посвященные деклассированным группам иран- ского города и в первую очередь бродягам — люти с их характерными аксессуа- рами: нездской цепью, керманской чашей, земджанским ножом и пр. В эту же главу почему-то включен параграф об увеселениях и забавах, где перечисляются игры иранцев, а также виды народных зрелищ.

Второй, весьма обширный отдел программы «Духовная жизнь» автор подразде- ляет на пять крупных глав: 1) Язык, наречие и диалекты, 2) Народные знания, 3) Народная мудрость, 4) Искусство и 5) Мистика. В первой главе рекомендуется изучение особенностей местных наречий и диалектов и запись на этих диалектах бытовой терминологии, а также поговорок, примет, заговоров, заклинаний и т. п.

² В 1944 г. Собхи опубликовал часть собранных им материалов в своей книге «Сборник персидских сказок». О нем см. рецензию А. З. Розенфельд в журн. «Сов. этнография», 1946, № 3.

³ Мною подготовлен к печати русский перевод «Нейрангистана».

Во второй главе упоминаются народные представления об устройстве неба и земли, о делении неба на семь сфер (иранская поговорка: «түе хафт асмāн ек сетаре на дāрад» — «в семи небесах он и одной звезды не имеет»), антропоморфные представления о солнце и луне, объяснения происхождения грома и молнии, радуги, дождя, затмений и других явлений природы. Здесь мы находим деление года на теплые и холодные сорокодневия — чиле и связь холодного периода со старой женщиной (сармо, пире зан). Далее следуют народные представления о происхождении человека, приметы и поверья, связанные с частями человеческого тела, значение родников, родимых пятен, икоты, чихания (чихнуть один раз — знак ожидания, два раза — знак поспешности). Приводятся народные представления о драгоценных камнях и минералах, их свойствах, а также о растениях и животных. Упоминается о весьма древнем и распространенном еще и поныне в Иране гадании по голосам животных. Во вторую главу включены, кроме того, сведения календарного порядка, предсказания погоды, приметы о плохих и хороших годах и днях, сельские праздники, а также местные исторические сведения в том виде, в каком они сохранились в памяти населения.

Глава программы, носящая название «Народная мудрость», включает представления о духе и душе, смерти и жизни в потустороннем мире, веру в душу умерших, которые бродят по земле, веру в судьбу, предопределение и конец мира. По распространенным поверьям, перед тем, как наступит конец света, мир станет ровным подобно ладони, так что если на одном конце света положить яйцо, оно будет видно на другом конце света; люди же станут крохотными. Весьма сильны у иранцев вера в сверхъестественные существа. Широко распространена вера в пери, которых иранец в силу словесного запрета называет описательно «аз мā бехтарун» — «лучшие, чем мы»; злыми персонажами являются бехтек — кошмар, который наваливается на человека ночью, девальпā — обычно сидящий при дороге, а затем вскакивающий прохожему на плечи, превращая его в своего осла, дьявол — даджаль и его чудовищный осел, волосы которого в день страшного суда будут звенеть, как колокольчики, заставляя людей следовать за дьяволом. К книжным поверьям, распространенным в народе, относятся представления о мистическом нарседе йоджуджей и маджуджей (гог и магог), мифических существах нас-нас, птице симург и др. В эту же главу включен материал об общественных нравах и морали. Отношение к различным чертам человеческого характера и моральным качествам людей проявляется в виде метких выражений и поговорок. Например, необходимость уважать родителей выражена народной мудростью в поговорке: «калиде бехишт зире пāи мādар аст» — «ключ от рая находится под ногами матери».

Четвертая глава отдела посвящена искусству. Перечисляются различные виды изобразительного и прикладного искусства — живопись, скульптура, работа по меди и серебру, изготовление ковров, вышивание, шитье золотом. Сюда же относятся музыка и танцы — одиночные и массовые (гупи), народный театр — пехлевāн качал, химе шаб бāзи, мистерии в память Хоссейна. Раздел о народной литературе включает пословицы и поговорки, загадки, сказки, двустигия — ду байти, произведения на диалектах — фахлавият, песни — таране, элегии — марсие, новогодние песни.

Пятая глава, носящая название «Мистика», посвящена суевериям, поверьям и культовым действиям и разделена на две большие части — колдовство (поиски могущества) и народная религия. В первой части мы имеем дело главным образом с магией, магическими поверьями и действиями, хотя здесь нет достаточной четкости и среди материала, посвященного магии, мы находим материалы по анимизму. Автор приводит весьма обширный материал о вере в колдунов, способах колдовства, употребляемых при этом средствах (прокалывание восковой фигуры, зажигание свечей на могиле, накаливание подковы в огне, употребление позвонков змеи и т. п.), о заговаривании животных и заклинании скорпионов и змей, амулетах и талисманах. Колдовской силой народное воображение наделяет дервишей, пастухов, повитух — мāmā, нищих. Излюбленными местами колдовства являются перекрестки — чех āр су, проходы — сар гузар. Встречаются колдуны-оборотни, превращающиеся в великанов — гулей, волков и других животных. Среди народа широко распространены гадания по снам, на бобах, по ладони руки, по расплавленному олову, на кофейной гуще, по звездам, на песке — рамль, а также вера в возможность предсказания по бульканью воды, по «плохим и хорошим шагам», по зевоте и чиханию. К магическим суевериям относится и вера в дурной глаз, счастливые и несчастные дни и вещи. Последствия сглаза лечат окуриванием дымом руты, сжиганием лоскутков одежды сглазившего, разбиванием яйца с написанными на скорлупе именами людей, подозреваемых в сглазе. Каждое вновь начинаемое дело или предприятие для своего успеха, по народному представлению, требует особого ритуала; исполнение ритуальных обрядов необходимо также для исцеления больных. Одним из наиболее широко практикуемых обрядов является устройство угощений в честь мифических предков или святых — суфрее фатима зугра, суфрее биби нур и т. п. Особо стоят культовые действия и обряды, исполняемые в дни народных праздников и торжеств. Новый год — новруз — предваряется и сопровождается целым циклом обрядов. В последнюю среду года зажигают огни и прыгают через них, гадают и бьют в ложки у ворот соседей; под новый год устраивают ритуальный стол, где должно быть семь предметов, названия которых начинаются с буквы эс — хафт-син, надевают новые одежды, зажигают огни; в тринадцатый день нового года устраи-

ваются массовые гулянья за городом. Особые обряды совершаются в связи с вредящими посевам проливными дождями или же в связи с засухой. В Хоросане, например, в целях вызывания дождя вырезают из дерева куклу, надевают на нее одежду и поют «Чули кызык — дай дождя, дай обильного дождя». В разделе той же главы, названном «Народная религия», сгруппированы представления о божестве, загробной жизни, рае и аде, душах умерших и их судьбе, святых и местах их захоронения (зиарат, емām-заде, кадам-гāх и пр.)

Третий отдел программы «Общественная жизнь» посвящен в основном вопросам семьи и брака. Беременность женщины и рождение ребенка сопровождаются большим количеством обрядов и ритуальных действий. Большинство из них направлено на то, чтобы уничтожить действие дурного глаза и злых духов (аль, альбасты). В программе подробно перечисляются все моменты жизни ребенка — укладывание его в колыбель, кормление и отлучение от груди, наречение имени, первые шаги и первые слова ребенка и сопровождающие их обряды. Весьма детально указываются все моменты, связанные со сватовством — хāстгари и свадьбой — аруси. Сватовство сопровождается обрядами: «ширини-хорāн» — угощение сладостями, «рунамā» — показ лица, «ангоштар» — надевание перстня. Весьма любопытно упоминание об обычае «намзад-бāзи» (тайные свидания жениха и невесты), столь широко распространенном у других иранских и тюркских народов. Автор отмечает также обычай обручения малолетних. Свадьба предваряется гаданием о счастливом дне и часе. Многочисленные церемонии совершаются при самом бракосочетании: перед невестой расстилается скатерть с зеркалом счастья — айнейе-бахт, жених и невеста осыпаются деньгами и сладостями — «шабаш». Иранцам известны две категории жен: постоянная жена — агди и временная — сиге. Известно также многоженство. Среди некоторых племен Ирана еще сохраняется высокое общественное положение женщины. Программа предусматривает подробную запись всех сведений о положении женщины, выполняемых ею работах, ее жизни в семье, в частности — об отношениях между мужем и женой, между свекровью и невесткой. Особым пунктом отмечается сатира — хаджу — на свекровь.

В отдел «Общественная жизнь» входят: приемы вежливости, манера здороваться, этикет, соблюдаемый при приеме гостей и угощении их, а также отношения к соседям, встречи с ними, помощь в несчастных случаях, участие в общих пиршествах и траурных собраниях. Сюда же включен материал о болезнях, уходе за больными, о смерти и похоронах и сопровождающем их ритуале.

Раздел рецензируемой работы, посвященный методике сбора материалов, не является оригинальным; здесь приводятся общие положения, которые можно найти в любом пособии по сбору этнографических и фольклорных материалов (необходимость осторожного подхода к осведомителям при записях и объективности собирающего, желательность знания ими местного языка, условий жизни населения и т. п.).

Рецензируемая программа появилась в печати в период наибольшего подъема демократического движения в Иране, следовавшего после падения диктатуры Реза шаха и предшествовавшего наступлению новой полосы реакции, связанной с усилением в Иране англо-американского влияния. Стремясь проводить в стране буржуазные реформы в западно-европейском духе, Реза шах, как известно, в своей борьбе со «старинной» уничтожал и подавлял все самобытное в народном творчестве, вел непримиримую борьбу с народными обычаями и представлениями. Правительство Реза шаха, увлеченное борьбой за проведение буржуазных реформ, стыдилось обнаружить перед иностранцами «иранскую отсталость», которую оно видело в любом проявлении народных обычаев, обрядов и поверий.

Продающие в настоящее время свою страну оптом и в розницу иностранному капиталу иранские реакционные круги мало заботятся о сборе и сохранении иранских народных обычаев, поверий, обрядов, образцов устного народного творчества и тому подобных вещей, в которых они справедливо усматривают проявление ненавистного им духа народного демократизма. Что же касается вкусов их хозяев, в первую очередь различных американских представителей в Иране, начиная от военных советников и кончая простым солдатом, то эти вкусы не идут дальше «экзотики» антикварной лавки, в которой можно купить «сувенир» раскопок древних памятников Ирана, часто представляющий собою грубую подделку.

На этом мрачном фоне жизни современного Ирана рецензируемая программа Садека Хедаята, равно как и другие примеры проявления любви и заботы к народному творчеству, как, например, собрание народных сказок Собхи, представляются весьма отрадными явлениями, свидетельствующими о живучести народных традиций, а также о демократических чаяниях лучшей, прогрессивной части иранской интеллигенции.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Новые работы по истории и культуре племен майя

Diego de Landa, *Relacion de las Cosas de Yucatan*. Transl. and notes by M. Tozzer. (Papers of the Peabody Museum of Amer. Archaeology and Ethnology, XVIII, Cambridge, 1941). XIII + 394 стр.

«Contributions to the American Anthropology and History», v. VII, NN 35—38; Carnegie Institution, Publication No. 528). Washington, 1942, 262 стр. 1) J. E. Thompson, *Late ceramic horizons at Benque Viejo, British Honduras*; 2) J. E. Thompson, *Iaya Arithmetic*; 3) G. Strömsvik, *Substela caches and stela foundations at Copan and Quirigua*; 4) J. S. Lincoln, *The Maya calendar of the Ixil of Guatemala*.

«Contributions to the American Anthropology and History», v. VIII, NN 40—43; Carnegie Institution, Publication No. 546). Washington, 1943, 260 стр., 127 табл. 1) E. Wyllys Andrews, *The Archaeology of Southwestern Campeche*; 2) A. L. Smith and A. V. Kidder, *Explorations at the Motagua Valley, Guatemala*; 3) M. W. Makemson, *The astronomical tables of the Maya*; 4) K. Ruppert, *The Mercado, Chichen Itza, Yucatan*.

R. R. Roys, *The Indian Background of Colonial Yucatan*. (Carnegie Institution, Publication No. 548). 1943, 244 стр.

G. Strömsvik, *Guide Book to the Ruins of Copan*. (Carnegie Institution of Washington Publication, No. 577). Washington, 1947, 76 стр., 3 карты.

M. W. Jakeman, *The Origin and History of the Mayas*. In three parts. Part I: Introductory Investigations. Los Angeles, 1945, XXV + 203 стр.

W. Jos. de Gruyter, *A new approach to Maya hieroglyphs*. Amsterdam, 1945, 71 стр., 1 табл.

S. G. Morley, *The Ancient Maya*. Palo Alto, Stanford University Press, 1946, XXXII + 520 стр., 95 табл., 57 рис.

За последние годы в Соединенных Штатах Америки заметно повысился интерес к изучению этнографии, истории и культуры племен Центральной Америки. Снаряжается целый ряд экспедиций для археологических раскопок, издаются и переиздаются средневековые испанские хроники о завоевании Мексики и Юкатана, археологические отчеты, научные и популярные работы. Этот повышенный интерес имеет, конечно, свои причины. Во-первых, целой группой американских ученых свойственно, в последнее время особенно, сознательно преувеличивать роль и значение древних культур, слагавшихся на Американском континенте, с целью доказать имеющееся якобы у них превосходство над культурами Древнего Востока и античного мира. Нетрудно видеть, интересам каких кругов современной Америки отвечают подобного рода «теории». Они представляют собой своеобразное отражение тех экспансионистских взглядов, которые так усиленно проводятся сейчас некоторыми американскими политическими деятелями. Во-вторых, часто эти этнографические и археологические разыскания являются только рекламой или маской, под которыми скрываются совершенно иные цели и намерения. Не довольствуясь той политической и экономической экспансией, которую США проводят в настоящее время в Центральной Америке, правящие круги желают распространить ее и на область исторических исследований. В этой связи небезынтересно, например, отметить, что раскопки поселения Сакулеу (Гватемала) финансируются всесильной в Центральной Америке «Объединенной фруктовой компанией»¹.

Просматривая новую литературу, посвященную изучению майя, можно легко заметить эти новые тенденции.

Первая из рецензируемых книг представляет собой английский перевод сочинения раннего испанского хрониста, епископа Юкатана, Диего де Ланды (1524—1579), написанного им около 1566 г. О значении этого сочинения много говорить не приходится; для каждого ученого, занимающегося историей или культурой майя, работа Ланды является книгой, из которой он черпает обильный и ценный материал. Достаточно указать, что со времени находки рукописи Ланды Брассером де Бурбур в 1864 г. в Мадриде она выдержала восемь изданий; рассматриваемое является девятым. Это издание, под редакцией и с комментариями проф. Гарвардского университета Альфреда М. Тоззера, по своему характеру заметно отличается от предшествующих. Издатель решил дать критическое издание текста со всеми разночтениями, с большим научным комментарием, содержащим параллельные места у других испанских хронистов, и, что, пожалуй, важнее всего, полную сводку этнографических и археологических данных по тому или иному вопросу, затронутому у Ланды. В основном поставленные задачи издатель выполнил. Обширный комментарий (занимающий более двух третей книги) написан удачно и дает много сведений по этнографии, лингвистике, истории и археологии майя; в нем же приводится исчерпывающий список научной литературы вплоть до 1941 г. Можно отметить, однако, и ряд существенных недостатков: материал в комментарии иногда распределен слишком неравномерно. Так, например, в то время как озеру в Ичен-Итца посвящено несколько страниц мелкого шрифта, ряд важней-

¹ «American Journal of Archaeology», т. 50, № 3, 1946, стр. 419.

ших вопросов по экономике и социальному строю майя, поднимаемых текстом Ланды, оставляется издателем совершенно без комментария; совершенно неудовлетворительны и замечания по поводу так называемого «алфавита Ланды». Можно видеть в этом не упущение а определенную цель, которую преследует комментатор.

Очень хорош язык перевода, который в основном принадлежит еще покойному Баудичу; в дальнейшей обработке текста принимали участие Э. Адамс, Р. Ройс и издатель. В конце книги дано несколько приложений: переводы отрывков из других испанских хронистов, касающиеся истории Юкатана: Эрреры («История» декада IV, кн. X), «Сообщения» Томаса Лопес Медель и Гаспара Антонио Чи и отрывок из «Хроники Новой Испании» (кн. II гл. 25—29) Сервантеса де Саласар. Затем следует огромный (на 94 стр.) систематический указатель, очень облегчающий использование сочинения Ланды как исторического источника. К книге приложены две средневековые испанские карты Юкатана, найденные вместе с рукописью Ланды. Несмотря на отмеченные недостатки, это новое издание Ланды, несомненно, стоит выше всех предшествующих и может быть с успехом использовано в работе как историками, так и этнографами.

В VII и VIII томах «Сообщений по американской антропологии и истории» института Карнеги помещен ряд небольших работ, касающихся истории и культуры майя. Так как издания вышли в небольшом количестве экземпляров, то представляется полезным сделать краткое изложение этих работ. В VII томе помещено их четыре. Первая, принадлежащая Дж. Э. Томпсону, является отчетом об археологических раскопках, производившихся в 1938 г. в селении Бенке-Вьехо (туземное название — Шупан-Тунич) в Британском Гондурасе. Развалины поселения расположены на холме у берега р. Мопан (приток р. Белиз) в полутора километрах от границы Британского Гондураса с Гватемалой. Задачей раскопок было выяснение последовательности различных видов керамики и в конечном счете определение хронологии развития Бенке-Вьехо, Сан-Хосе и других древних поселений в Британском Гондурасе. В течение многих лет изучению и классификации керамики в американистике уделялось большое внимание; данные керамики стали одним из основных источников по хронологии. Однако классификация керамики майя до сих пор еще не может считаться удовлетворительно разработанной; этому мешает огромное количество различных типов керамики. Полная периодизация, учитывающая соотношение всех местных видов керамики, является еще делом будущего; этому способствует, конечно, и то обстоятельство, что почти при каждом раскопке нового поселения прибавляется несколько новых керамических типов. Так, например, Бенке-Вьехо дал две группы керамики: «А» (ранняя, в этой статье не рассматривается) и «Б» (поздняя), представленная 42 типами. Томпсон делит эту группу на пять периодов развития. К работе даны два приложения: «Классификация росписной керамики» (написана А. Шепард) и интересная заметка автора об элементах иероглифического письма, встречающихся на керамике. Томпсон насчитывает пять способов применения иероглифики в росписях сосудов: 1) полный текст, например «Исходная серия», 2) короткий текст, сопровождающий основной рисунок, 3) группа знаков известного нам значения, выписанная с декоративной целью, 4) ряд повторяющихся знаков, выписанных в виде ленты по краям основного рисунка, и 5) знаки как основное декоративное украшение сосуда.

Вторая работа, также Дж. Э. Томпсона, посвящена арифметике майя. Из надписей и кодексов мы знаем, что при своих календарных и астрономических вычислениях майя оперировали очень большими числами (самое большое число записано на стеле 10 в Тикале — 1844 641 600 дней), но нам неизвестны ни их методы вычисления, ни пособия для этих вычислений. А между тем эти вычисления представляли собой серьезную задачу даже для современного исследователя, вооруженного целым рядом пособий и даже специальными соответствующими таблицами. Путем анализа нескольких мест из так называемого Дрезденского кодекса и ошибок в вычислениях, имеющих в надписях, Томпсон установил несколько интересных фактов: во-первых, можно предполагать, что майя при своих вычислениях не употребляли умножения или деления, а ограничивались лишь сложением и вычитанием; во-вторых, что основной единицей при календарных вычислениях у них был год в 364 дня и, наконец, в-третьих, что все эти вычисления производились при помощи простого счетного прибора, где счетными единицами были бобы, какао, камешки или др. В дальнейшем тексте автор дает несколько примеров вычислений при помощи этого прибора; к работе приложены четыре таблицы, наглядно изображающие схему счетных действий.

Следует упомянуть, что Томпсон, устанавливая существование этого прибора из сообщений Ланды и анализа вычислений, не обратил внимания на то, что в памятниках искусства майя имеются данные, подтверждающие его гипотезу. Так, на известном полихромном сосуде из Небаха (Гватемала) мы видим позади племенного вождя, принимающего дань, человека с таким счетным прибором в руках.

В работе Г. Стрёмсвика излагаются данные о приношениях, закапывавшихся под основаниями стелы при ее воздвижении. Такие приношения были постоянным явлением в эпоху «Древнего царства» и вызывались, очевидно, религиозными мотивами. Стрёмсвик в своей работе суммирует данные об этом обычая, извлекая материал из отчетов о прежних раскопках. Наиболее подробно автор останавливается на содержимом оснований стел Копана и Киритуа, так как в них мы встречаемся с наиболее богатыми жертвами. В Копане под стелами даже устраивались небольшие крестообразные по-

мещения, в которых размещались эти жертвоприношения; длина крыла такого помещения колеблется от 1 до 2,5 м, высота — обычно 0,5 м. Содержание приношений очень разнообразно: различные виды сосудов (многие с богатой росписью, наконецники копий из кремня, кремневые и обсидиановые ножи, амулеты из кварца, халцедона, нефрита и обсидиана, раковины и др.). Вторая часть работы посвящена выяснению вопроса, каким способом стелы доставлялись из каменоломен и воздвигались.

В статье недавно умершего этнографа Дж. С. Линкольна описывается современный календарь племени ишиль (лингвистическая группа майя) в Гватемале. Автор, живший значительное время среди этого племени, вел наблюдения над календарем с марта 1939 г. по март 1940 г. В результате их выяснилось, что календарь племени ишиль имеет много черт, присущих календарю древних майя: связь «владык года» с четырьмя странами света, несчастливый характер пяти заключительных дней года, деление года на винали (месяцы по 20 дней), тринадцатилетний период и др. Эти данные делают ишильский календарь ценным не только для этнографа, но и для историка, так как освещают ряд остававшихся доселе неясными вопросов в древнем календаре. В конце работы Линкольн подробно описывает функции лица, ведающего календарем среди племени.

VIII том «Сообщений» целиком посвящен вопросам истории майя. В первой статье Э. В. Эндрюс дает очерк археологических памятников юго-западного Кампече. Эта местность до самого последнего времени оставалась необследованной в археологическом отношении; только в 1939—1940 гг. Эндрюс предпринял такое обследование. Было обнаружено значительное число археологических поселений небольших размеров: Пустунич, Каррисаль, Эль-Льянго, Сильвитук, Кунче, Мораль, Сан-Эрик и др. Из памятников искусства интересны статуи из Пустунича и стела I из Моралья, датирующаяся девятилетним циклом по хронологии майя. Большинство поселений хронологически принадлежит к эпохе «Миштека-Пуэбла» (1200—1525) и показывает влияние стили Пуук в искусстве; один только Мораль показывает влияния с юго-востока. Интересны наблюдения автора о связи памятников Санта-Риты с искусством поздних миштеков на севере. Во второй части автор на основании нового материала дает ряд отдельных замечаний по различным темам: керамике, архитектуре и изобразительному искусству этой части Кампече. В заметке о датировке Эндрюс предлагает новое деление периода «Миштека — Пуэбла» в истории майя: 1) Толтекская Чичен-Итца и родственные по стилю поселения — 1200—1350 гг.; 2) Майяпан, Тулум и другие поселения на восточном побережье — 1350—1450 гг. и 3) Санта-Рита, Сильвитук, Лас-Руинас — 1450—1525 гг. Разрешение всего вопроса о хронологии в целом автор видит в увязке данных керамики майя с исторической хронологией Мексики.

Еще в 1935 г. было установлено, что среднее течение р. Мотагуа содержит археологические остатки культуры, до сих пор неизвестной в области майя. Статья А. Л. Смита и А. Киддера является отчетом об археологическом обследовании этой местности в 1940 г. Обследование выявило следы древней земледельческой культуры, оставившей большое число строительных памятников (найдено около 1600 зданий и огромное количество погребений), свидетельствующее о густом некогда населении этой местности. Поселения, обычно располагавшиеся на террасах над речной долиной, имеют от 100 зданий (как, например, Гвайтан) до 4—5. Постройки, обычно группировавшиеся вокруг маленькой площади или холма, распадаются на четыре типа: однокомнатные здания с тонкими стенами (крыши не сохранились), «здания для игры в мяч», многокомнатные здания и склепы со сводами. Из поселений детально было обследовано только одно, остатки которого находятся в пределах трех современных поселений: Гвайтан, Эль-Терон и Магдалена. Из 142 построек освидетельствовано 30, в том числе два «здания для игры в мяч», и 16 погребений. Скульптурных памятников не обнаружено. Керамика делится на 2 периода: более древний — «Лато» (начало 9-го цикла) и более поздний — «Магдалена» (конец 9-го и начало 10-го цикла). Вся культура датируется 427—987 гг. н. э. (по хронологии Томпсона). В конце работы дается подробное описание находок: керамики, изделий из камня (молоты, топоры, ножи, зернотерки, бусы, амулеты и др.), раковин и кости.

Одной из наиболее серьезных и важных проблем в истории майя является вопрос о соотношении их календаря с европейским. Если бы это соотношение было известно, то построение истории майя не представляло бы особых затруднений. К сожалению, этот вопрос нельзя считать окончательно решенным; существует много систем корреляций, очень отличающихся друг от друга, но ни одна из них не может в настоящее время считаться бесспорной. Даже наиболее принятая сейчас система Эрнандеса — Томпсона также не может объяснить целый ряд неясностей. Большинство систем построено на данных туземных хроник, где ряд событий, имевших место после конкисты, датируется еще по хронологии майя. Наряду с этим имеются и другие источники, позволяющие вывести корреляцию этих двух хронологических систем иным путем. Одним из таких источников являются страницы 51—58 Дрезденского кодекса майя, представляющие собой список 69 затмений, каких именно: лунных или солнечных, — менее ясно. Первая часть работы М. Мейкесон посвящена астрономическому анализу этого списка. Автор приходит к выводу, что он представляет собой серию возможных солнечных затмений и, если принять ее толкование рисунков кодекса, включает также и серию полных лунных затмений. Затем Мейкесон критикует существующие системы корреляций и указывает те моменты, которые надо будет учесть при со-

ставлении новой системы. В дальнейшем тексте автор разбирает астрономические тексты Дрезденской рукописи, относящиеся к планетам Венере и Марсу.

В статье К. Руперта дается обзор раскопок в 1932 г., реконструкции и детальное описание здания «Меркадо», находящегося в южной части «Площади тысячи колонн» в Чичен-Итца. «Меркадо» является наиболее грандиозной постройкой из шести зданий этого типа, находящихся в Чичен-Итца. Оно представляет вид галлерей, имеющей в длину 72,75 м, средний размер свода — 4,52 м. Платно, построенное сзади галлерей, имеет единственный вход в центре ее; площадь его равна приблизительно 31 м². Здание украшено рельефами, часть которых сохранилась, колонны окрашены в несколько цветов. О назначении здания судить трудно: оно могло быть как рынком, так и церемониальным центром. Постройка его датируется эпохой «Миштека-Пуэбла».

Книга Р. Ройса является популярным очерком культуры майя в эпоху так называемого «Нового царства» и пережитком ее в колониальную эпоху. Подробное изложение этой книги дано в рецензии М. О. Косвена в журнале «Советская этнография» № 2 за 1947 г.; поэтому останавливаться на ней более подробно нет издобрости.

Небольшая книга Г. Стрёмсвика является кратким путеводителем по развалинам древнего поселения Копана (территория современного Гондураса). Киригуа и Копан, являющиеся двумя крупнейшими центрами «Древнего Царства» и содержащие наиболее замечательные памятники искусства майя этого периода, уже много лет привлекают к себе значительное количество туристов. Это и вызвало появление в 1935 г. путеводителя по развалинам Киригуа, написанного С. Г. Морли; книжка Стрёмсвика призвана восполнить отсутствие такого же путеводителя по Копану. В начале его дается небольшой очерк археологического исследования Копана, далее предлагается определенный маршрут по развалинам и сообщаются краткие сведения о памятниках, встречающихся на пути. Маршрут выбран очень удачно и охватывает все наиболее значительные памятники. К числу достоинств путеводителя следует отнести и наличие среди иллюстраций ряда реконструкций копанских памятников. Книга Стрёмсвика, кроме того, что она является путеводителем, может также служить и вводным пособием при изучении археологии Копана.

Вопрос о характеристике иероглифов майя, не выясненный до сих пор, является одним из наиболее значительных в изучении культуры майя. По настоящее время существуют две точки зрения: одна, что иероглифы имеют идеографическое, другая — фонетическое значение. Дешифрованные в настоящее время иероглифы относятся к календарю, хронологии и астрономии. Знаки, которыми передавались имена и события, пока еще не изучены. Вопросы, каким путем вести это изучение, и посвящена книга Грейтера. Метод, предлагаемый им, не является в сущности новым. Он основывается на убеждении, что оставшиеся недешифрованными $\frac{2}{3}$ иероглифов имеют фонетическое значение. Эта точка зрения уже неоднократно высказывалась в научной литературе; менялись лишь способы подхода к дешифровке. Попытки Брассера, Росни, Томаса и в недавнее время (1933—1940) Б. Ворфа, основывавшиеся на «алфавите Ланды», не дали никаких положительных результатов. Несколько иную позицию занял В. Гейтс, являвшийся также сторонником «фонетического» взгляда. Он считал, что племена майя в эпоху создания письменности говорили на некоем прото-майянском языке, который мог быть сведен приблизительно к 400 основным корням. К приблизительно такому же числу, думает Гейтс, можно свести и основные иероглифические знаки письма майя. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы определить: какой иероглиф является носителем значения того или иного корня. Работа Грейтера и является попыткой осуществить дальнейшую разработку теории Гейтса. Автор считает, что отождествление корней и иероглифов станет возможным лишь после тщательной разработки сравнительной филологии языка майя, и пытается указать основные методы этой филологии. Однако предлагаемый Грейтером метод, во-первых, неосуществим практически, так как подавляющее число словарей и грамматик по языку майя, составленных в свое время испанскими монахами, до сих пор неопубликовано и ревниво держится под спудом в различных американских научных учреждениях, что лишает исследователя основного материала, а во-вторых, научно неверно, так как представление о едином прото-языке для целого ряда племен антиисторично.

Книга М. В. Джейкмана «Происхождение и история майя» должна состоять, по мысли автора, из трех томов. Пока вышел только первый: «Вводные исследования», но метод автора и его основной тезис вполне ясны уже из этого одного тома. Он делится на две неравные части: первая, большая, заключает обсуждение и оценку источников и данных по истории, во второй, очень небольшой по размеру (20 стр.), автор излагает основную мысль своего произведения. Уже с первых страниц работы «метод» Джейкмана становится ясным. Этот «метод» состоит в самом бесцеремонном компилировании мыслей из различных работ, причем автор мало смущается, соединяя воедино даже взаимноисключающие друг друга положения. Приведем только один пример: приняв периодизацию Бейера в стиле иероглифов и тем самым датируя постройки, подобные «Менха», концом периода «Миштека-Пуэбла», Джейкман через несколько страниц, следуя Дж. Э. Томпсону, относит эти постройки к концу «Древнего Царства» (разница около 460 лет). Такие противоречия встречаются в книге постоянно. В третьей главе автор дает краткий очерк иероглифического письма и вопроса о хронологии. При чтении ее возникает вопрос: для кого собственно она предназначена? Специалисту она может понадобиться лишь как работа с рекордным количеством ошибок, для на-

чинающего она слишком кратка и из-за ошибок просто вредна. Четвертая глава, содержащая переводы отрывков из источников, также не представляет собой ничего полезного, так как цитируются тексты, уже много раз переиздававшиеся. Следует, может быть, только отметить фантастический перевод одной страницы Мадридского кодекса, для которого автор почерпнул свои познания из работы Ворфа (1).

Шестая глава представляет собой длинное рассуждение о методе оценки исторических источников вообще и, в сущности, не имеет никакого отношения к теме книги. Отметим только как курьез предложение автора ввести десятибалльную оценку источников. Во второй половине книги Джейкман излагает свой основной тезис, согласно которому Итца Юкатана являются потомками правителей городов «Древнего Царства». Доказательства этому автор излагает в том же стиле, что и в первой половине книги, не останавливаясь иногда перед прямой фальсификацией источника. Так, например, он ссылается на свидетельство книги «Чилан-Балам де Чумайель» о том, что Итца были «строителями холмов» в продолжение 75 катунов (катун — 20-летний период). Но в этой книге строители названы просто «великими людьми», а об Итца в тексте нет никакого упоминания. Остальные доводы автора в том же роде. Книга Джейкмана подверглась суровой и справедливой критике со стороны Дж. Э. Томпсона, на которую Джейкман ответил мало удачной полемической статьей. «История майя» — бесполезная и даже вредная для начинающих из-за ошибок книга.

На последней книге недавно умершего С. Г. Морли «Древние майя» следует остановиться несколько подробнее, так как, во-первых, сама книга охватывает значительно больший круг вопросов, чем предыдущие, а во-вторых, интересен и сам автор. С. Г. Морли директор школы американской археологии в Санта-Фе, являлся в последнее время крупнейшим авторитетом в области культуры майя. Известны его работы как в области археологии (семнадцать лет раскопок и реставрации Чичен-Итца, открытие в 1916 г. Уашактуна), так и в области эпиграфики майя (многотомные публикации надписей Петена и Копана). Естественно, что его последняя работа, обобщающая труды более чем сорокалетних исследований, должна вызывать к себе большой интерес. В американской периодической печати появление книги Морли было встречено весьма сочувственно; за три месяца книга выдержала два издания. Постараемся выснить, что именно в этой книге привлекло внимание читателей и прессы. Автор определяет цель своей работы, как попытку дать популярный обзор истории и культуры майя и ее пережитков в настоящее время. Соответственно этому плану и построена книга. Она начинается с географического обзора местности, занимаемой племенами майя; далее дается описание лингвистических ветвей майя и их этнографическая характеристика (главы I—II). Общее количество населения, принадлежащего к племенам майя, по Морли, в настоящее время определяется в 1 957 260 чел. (табл. 1). Второй раздел книги посвящен истории. Автор делит историю майя на три больших периода: 1) формирования их культуры, так называемого «Пре-майя» (около 3000 г. до н. э. — 317 н. э.), 2) период «Древнего Царства» (317—987 гг. н. э.) и 3) «Новое Царство» (987—1697 гг.). Каждый из этих периодов в свою очередь Морли делит на 3 подпериода. В главах III—VII автор последовательно рассматривает эти периоды и эпоху испанского завоевания (1527—1697 гг.). Третий раздел книги посвящен характеристике социально-экономических условий общества майя и описанию их культуры. Рассматриваются земледелие, социальная организация, религия, иероглифическое письмо, арифметика, хронология, астрономия, обзор наиболее крупных поселений, архитектура, скульптура по камню и из шуга, керамика, ткани, живопись, мозаика, изделия из кремня, перьев, драгоценных металлов (главы VIII—XVI). В заключительной XVII главе автор рассматривает значение культуры майя. В конце книги даны два приложения: хронологическая таблица (по Томпсону) и заметка о личных именах майя.

Помимо обильного материала из новых раскопок и отрывков из неизданных текстов, в книге Морли имеется целый ряд интересных замечаний: критика трех сомнительно ранних памятников, приписываемых майя (стела «С» в Трес Сапотес, стела из Эль-Бауль и известная статуэтка из Тустлы), характеристика искусства майя, роль керамики как исторического источника и др. Наиболее интересна глава об иероглифическом письме, что является вполне понятным, так как Морли специализировался главным образом на эпиграфике майя. Автор характеризует письмо майя, как систему, в основном идеографическую, находившуюся на более ранней стадии развития, чем египетская и шумерская. Начальная стадия письма майя не сохранилась из-за того, что была записана на легко разрушавшемся материале (дерево, листья растений). Вероятное содержание еще не дешифрованных иероглифов: астрономическое (Венера в ее различных фазах) и ритуальное (обряды, приношения богам).

С последним утверждением Морли, однако, нельзя согласиться. Не отрицая возможности того, что ряд недешифрованных иероглифов может иметь указанные выше значения, следует отметить, что имеется ряд текстов, содержание которых не является только ритуальным или астрономическим. Достаточно указать на известную стелу 12 из Пьедрас Неграс с изображением победителя и группы связанных пленников перед ним или уже упомянутый выше сосуд из Небаха, на котором изображена сцена приношения дани племенному вождю. И на том и на другом памятнике около каждой фигуры помещена группа иероглифов, характеризующая, очевидно, данное лицо.

Ряд положений в книге Морли вызывает серьезные возражения. Так, например, деление каждого из трех периодов истории майя на три подразделения является искус-

ственным. Оно не вытекает из археологических данных, а навязывается извне, ради стройности задуманной схемы. Совершенно неприемлема идеалистическая концепция автора о происхождении календарной системы, которая оказывается «созданием, одного ума» (стр. 46—47), хотя Морли сам много раз подчеркивает тесную связь календаря с земледелением и практическую роль календаря в нем. Крайне неудовлетворительно построен раздел о социальной структуре общества майя. Правильно отмечив, что термин «Древнее и Новое царство» — названия, совершенно условные и не отражающие действительного положения вещей, автор далее оказывается совершенно беспомощным. Так, он говорит о том, что общество майя — это ряд самостоятельных «городов-государств», ближайшая аналогия которым — классическая Греция: Афины, Спарта, Коринф (стр. 50), и наряду с этим о феодальных отношениях в этом же обществе (стр. 162), причем аналогией являются уже города Италии XIII—XVI вв. Большой поток аналогий оканчивается приравнением племенных должностей у майя к должностям олддермена, полисмена и др. в современной Америке (стр. 169). О характере общины, собственности на землю, числе рабов и характере рабовладения в книге нет ни слова. Бегло упомянув о существовании рабов, автор переходит к пространному описанию судьбы переводчицы Кортеса Марины, которая вообще имеет весьма малое отношение к майя. Точно так же Морли поступает и с проблемой классовой дифференциации у майя. Упомянув о существовании четырех классов: «знати, жрецов (?), общинников и рабов», автор распространяется о трудолюбии и выносливости майя в тоне, явно отдающем колониальным душком. Установив в заключительной главе, что на «долгом пути от дикости к цивилизации имеется пять основных этапов: 1) освоение огня, 2) земледелие, 3) одомашнивание животных, 4) производство металлических орудий, 5) колесо и гончарный круг», автор указывает, что последних двух этапов майя не достигли. Однако здесь же он добавляет, что «ни один из неолитических народов Старого света не достиг таких высот культурного развития, как древние майя» (стр. 449). Таким образом, вместо детального подлинно исторического анализа, Морли преподносит читателю путаные и неверные рассуждения.

Другим большим недостатком книги является настойчивое стремление автора доказать, что культура майя не менее высока, чем культуры Древнего Востока и античности. И это не случайно. Выше уже указывались причины этого явления. Автор пытается сделать «паблисити» типично американскими средствами: путем бьющих на эффект заглавий, как, например: «Копан — Александрия майяского мира», «Чичен-Итца — Мекка Нового царства» или нумерацией глав и года издания цифрами майя. Он не скупится на рекомендации, смахивающие на рекламу: «лучшая скульптура в древней Америке», «наиболее тонкая резьба по нефриту» и т. д. Венцом этих рекомендаций является таблица XI, дающая список пятидесяти наиболее замечательных, по мнению автора, фактов из истории и искусства майя. Работа Морли — в значительной степени рекламная книга, ставящая своей целью доказать, пользуясь словами самого автора, что «майя были наиболее блестящим народом на этой планете» (стр. 455). Она наиболее ярко показывает те новые тенденции в изучении майя, о которых говорилось в начале этой рецензии.

Р. Кинжалов

56 Героический эпос карело-финского народа	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
И. И. Потехин. Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии	7
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
В. Я. Евсеев. Историческая дружба карел и русских в отражении поздних версий карело-финских рун	27
Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула	35
В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище	59
Ю. В. Киорозов. Мазар Шамун-наби	86
А. П. Окладников. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгыне и историческая действительность)	98
Из истории этнографии и антропологии	
Н. Ф. Такоева. Коста Хетагуров — народный поэт Осетии, этнограф-кавказец	119
В. И. Беззубов. М. Е. Евсеев — этнограф мордовского народа	134
Заметки. Сообщения. Рефераты	
А. К. Супинский. К истории земледелия на русском Севере	138
Д. В. Найдич. О некоторых археологических находках в Старой Ладогe	142
О. Н. Бадер. Новый тип неолитического поселения на Урале	144
Хроника	
К. Чистов. 100-летие полного издания карело-финского народного эпоса „Калевала“	151
Т. Жданко. Работа Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в 1948 году	153
М. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1948 году	156
Н. Кисляков. Музей антропологии и этнографии АН СССР в 1948 году	158
Р. Каплан-Ингель. Мемориальный музей М. В. Ломоносова при Институте этнографии Академии Наук СССР	159
М. Райт. Сессия Института этнографии, посвященная изучению современного положения народов колониальных и зависимых стран	165
О. Корбе, Г. Стратанович. Обсуждение доклада И. И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии»	170
В. С. Обсуждение книги «Узбекский народный героический эпос»	177
П. Галкина. Сессия Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы	179
Н. Соболевский. Всесоюзная выставка народных художественных ремесел и художественной промышленности	183
Г. Маслова. Выставка «Польское народное искусство и художественные ремесла»	185
Н. С. Розов. Антропологическая работа в Томске	187
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Д. В. Бубрих. О советском финноугроведении	189
Н. Н. Чебоксаров. Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов	197
Общая этнография и антропология	
В. Гинзбург. С. Н. Давиденков. Эволюционно-генетические проблемы неврпатологии	205
Народы СССР	
Р. Липец. В. Евсеев. Избранные руны Архипа Перттунена	209
В. Евсеев. <i>Vainõ Kaukopen. Kalevala ja todellisuus</i>	211
М. Дьяконов. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации	213
Б. Долгих. А. А. Попов. Нганасаны	219
В. Соколова. В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос	226
И. Гурвич. А. П. Окладников. Русские полярные мореходцы XVII в. у берегов Таймыра	229
Народы зарубежной Азии	
Н. Гусева. <i>Пальм Датт</i> . Индия сегодня	230
Н. Кисляков. <i>Садек Хедаят</i> . Фольклор или народные знания	230
Народы Америки	
Р. Кинжалов. Новые работы по истории и культуре племен майя	235